

ISSN: 2616-8162

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

4/2025

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета».

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.Г. Коваленко** (Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы), д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, проф. **Г.Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliushchenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.G. Kovalenko** (Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **G.G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), с 20.02.24 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, Тел: +7 (856) 302-92-33.

E-mail: vi.terkulov@mail.ru.

URL: <https://dongu-vestnik05.ru>.

Печатается по решению Учёного совета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий государственный университет». Протокол № 7 от 30.05.25 г.

© ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2025

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 4/2025

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Трофимова Н.А., Савенкова С.А.</i> Определение характера по рукописи: лингвистические и графологические маркеры в построении лингвопсихологического портрета личности	5
<i>Юсупов Х.А., Темирбулатова С.М.</i> Вопросы совершенствования даргинской орфографии	17
<i>Бармина Е.А., Скидан О.Г., Фортун А.И.</i> Янг-эдалт хоррор как проблема перевода	27
<i>Безус С.Н., Смирнова М.А.</i> Испанская латынь vs кастильский романсе: некоторые характеристики ранних образцов деловой письменности средневековой Испании	36
<i>Болнова Е.В.</i> Поэтический сборник В. Сосноры «Двери закрываются» в контексте позднего творчества автора	51
<i>Курмакаева Н.П.</i> К проблеме формирования терминосистемы лингворегионоведения: теоретико-методический аспект	68
<i>Максимчик О.А.</i> К вопросу о наименовании «трудноразличимых слов» (confusables) английского языка	81
<i>Трофимова Е.В., Лубинец К.Д.</i> Английские фразеологические единицы в идиостиле В. Набокова	98
<i>Арыджан Д.</i> Роль связочных глаголов в художественном тексте (на материале романа М. Шишкина «Письмовник»)	110
<i>Ганиев С.А.</i> Местоименное наречие <i>негде</i> в русских текстах XVII–XVIII вв.	127
<i>Канель И.В.</i> Рифма как дискурсивная стратегия в российских цифровых медиа: репрезентация концепта «деньги»	136
<i>Чжао Сюй.</i> Связь концептов «начало» и «конец» в русских пословицах	147

Слово молодому учёному

<i>Алтухова А.А.</i> Инициальные аббревиатуры как формально-ономасиологический класс: параметры выделения и существования	156
<i>Каменев Д.М.</i> Местоимение вы двойственного числа в Киевской летописи и ранневосточнославянской письменности киевского ареала – ошибка или закономерность?	166

Психология

<i>Бочанцева Л.И.</i> Субъективное состояние усталости у студентов в период сессии как показатель эмоционального неблагополучия	177
<i>Узянова Ю.С., Воронцова Т.А.</i> Потребность в контроле: связь с уровнем созависимости и выраженностью объективации партнера по близким межличностным отношениям	190
<i>Кравчук Н.Ю., Олейник Н.О.</i> Стандартизация опросника «Шкала родительских предписаний» П. Дрего	206
<i>Майстепанова Д.Р., Гордеева А.В.</i> Городская идентичность в контексте социального пространства	219
<i>Ярмыш И.А.</i> Буллинг как социально-психологический феномен	229
<i>Чуканов Е.В.</i> Психология неопределенности: истоки и современность	239
Правила для авторов	250

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 4/2025

CONTENTS

Philology

<i>Trofimova N.A., Savenkova S.A.</i> Personality by handwriting: linguistic and graphological markers in constructing personality's linguopsychological portrait	5
<i>Yusupov H.A., Temirbulatova S.M.</i> Issues of improving Darginian spelling	17
<i>Barmina E.A., Skidan O.G., Fortun A.I.</i> Young adult horror fiction as translation problem	27
<i>Bezus S.N., Smirnova M.A.</i> Spanish Latin vs. Castilian Romance: some characteristics of early examples of formal writing in medieval Spain	36
<i>Bolnova E.V.</i> Poetry collection "The doors are closing" by V. Sosnora as piece of author's late work	51
<i>Kurmakaeva N.P.</i> Forming terminology of linguo-regional studies: theoretical and methodological aspect	68
<i>Maksimchik O.A.</i> Nomination of English confusables	81
<i>Trofimova E.V., Lubinets K.D.</i> English phraseological units in V. Nabokov's individual style	98
<i>Arıcan D.</i> Role of linking verbs in literary text (on material of novel 'Pismovnik' by M. Shishkin)	110
<i>Ganiyev S.A.</i> Pronominal adverb <i>hezde</i> in Russian texts of the 17 th –18 th centuries	127
<i>Kanel I.V.</i> Rhyme as discourse strategy in Russian digital media in representing concept «MONEY»	136
<i>Zhao Xu.</i> Connection between concepts of "Beginning" and "End" in Russian proverbs	147

Commencing scholars, have your say!

<i>Altukhova A.A.</i> . Initial abbreviations as formal onomasiological class: parameters of distinction and existence	156
<i>Kamenev D.M.</i> . Dual number pronoun <i>ВЫ</i> in the Kievan Chronicle and early East Slavic writings of the Kyiv Region – mistake or regular phenomenon?	166

Psychology

<i>Bochantseva L.I.</i> . Subjective state of students' fatigue during the session as indicator of emotional distress	177
<i>Uzianova Y.S., Vorontsova T.A.</i> . Need for control: link with level of codependency and degree of objectification of relationship partner	190
<i>Kravchuk N.Yu., Oleynik N.O.</i> . Standardization of «The Drego Injunctions Scale»	206
<i>Maistepanova D.R., Gordeeva A.V.</i> . Urban identity in social space	219
<i>Yarmysh I.A.</i> . Bullying as socio-psychological phenomenon	229
<i>Chukanov E.V.</i> . Psychology of uncertainty: origin and modernity	239
 Guidelines for authors	 250

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 81.23

DOI: 10.5281/zenodo.15763459

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ХАРАКТЕРА ПО РУКОПИСИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ГРАФОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В ПОСТРОЕНИИ ЛИНГВОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ЛИЧНОСТИ

© 2025 Н.А. Трофимова¹, С.А. Савенкова²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

ORCID¹: 0000-0002-4088-0730

ORCID²: 0009-0003-4132-5303

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В данной работе анализируется лингвистическая экспертиза текста как метод исследования рукописей с целью составления лингвопсихологического портрета личности. Авторы предлагают комплексный подход, сочетающий графологические и лингвистические методы анализа, что позволяет получить более полную и объективную картину индивидуальных особенностей пишущего. Эмпирическую базу составили рукописи десяти респондентов, выполненные вручную на русском языке. Особое внимание уделяется выявлению когнитивных, эмоциональных и коммуникативных характеристик автора через анализ графических признаков почерка (нажим, наклон, форма, организация текста) и речевых маркеров (лексика, синтаксис, прагматика). Актуальность исследования обусловлена потребностью в интегративных методах анализа письменной речи в практике судебной лингвистики, психолингвистики и криминалистики, а также недостаточной разработанностью междисциплинарных моделей интерпретации рукописных текстов. Работа демонстрирует научную новизну за счёт сочетания почерковедческих и лингвистических данных при построении диагностически значимого портрета личности.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, лингвистическая экспертиза текста, психолингвистика, почерковедение, лингвопсихологический портрет личности.

Для цитирования: Трофимова Н.А. Определение характера по рукописи: лингвистические и графологические маркеры в построении лингвопсихологического портрета личности / Н.А. Трофимова, С.А. Савенкова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 5–16. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15763459>.

Введение. Современное развитие судебной лингвистики и криминалистической психологии свидетельствует о росте интереса к личности автора как к источнику важной информации, значимой в экспертной, правоприменительной и диагностической практике. В условиях увеличения числа анонимных письменных обращений, клеветнических высказываний, угроз и анализа писем подозреваемых возрастает необходимость не только установления авторства, но и выявления индивидуально-психологических характеристик коммуниканта [14; 16].

Одним из перспективных направлений в данной области становится построение лингвопсихологического портрета личности, основанного на интерпретации лингвистических и графологических маркеров, проявляющихся в рукописном тексте. Несмотря на интенсивное развитие лингвистической экспертизы и графологического анализа как самостоятельных дисциплин, их интеграция в рамках единой аналитической модели остаётся недостаточно разработанной и методически неструктурированной. Особенно это касается процедуры сопоставления речевых и почерковых признаков при интерпретации индивидуальных психологических черт личности. Необходимость разработки и апробации такого подхода, ориентированного на комплексную интерпретацию письменной продукции автора, обусловила цель настоящего исследования – выявить взаимосвязь между лингвистическими и графологическими признаками рукописного текста и построить на их основе обоснованный лингвопсихологический портрет личности.

Методология и материал исследования. Методологической основой исследования является мультидисциплинарный подход, объединяющий элементы лингвистического анализа, графологического описания и интерпретативной психологии. Такая теоретическая рамка позволила рассматривать письменную продукцию личности как многоуровневую структуру, содержащую как речевые, так и невербальные маркеры.

В рамках данного подхода были использованы различные методы: лексико-семантический, синтаксический и прагматический анализ текста позволили выявить речевые особенности, отражающие когнитивные, коммуникативные и эмоциональные установки авторов; графологическое описание почерка (в частности, динамических признаков письма, таких как нажим, наклон, форма, пространственная организация текста) обеспечило диагностику поведенческих и волевых характеристик; сравнительно-типологический метод и интерпретативный подход к построению лингвопсихологического портрета обеспечили возможность сопоставления данных и их психологической интерпретации; наконец, контент-анализ письменных речевых проявлений позволил зафиксировать количественно и качественно значимые маркеры, устойчиво воспроизводимые в тексте.

Эмпирическую базу исследования составили десять рукописных текстов объёмом не менее 100 слов каждый, написанных вручную на белом листе бумаги без разлиновки. Участники исследования различались по возрасту и профессиональной принадлежности. Все тексты были проанализированы как с лингвистической, так и с графологической точки зрения, при соблюдении условий анонимности и этической допустимости. Для настоящей статьи отобраны три кейса, наиболее ярко отражающие типологическое и диагностическое разнообразие авторов. Их выбор обусловлен задачей продемонстрировать возможности сопоставления лингвистических и графологических маркеров при построении лингвопсихологического портрета.

Теоретическую основу исследования составляют труды в области судебной лингвистики и автороведческой экспертизы (Н.Д. Голев, К.И. Бринев, Е.И. Галяшина, Л.О. Бутакова), психолингвистики (А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович, В.И. Белянин), криминалистической графологии (И.А. Стернин, М.В. Ефремова, Е.Л. Исаева, С.Н. Медведева, Ю.Г. Чернов), – а также типологических моделей личности (К.Г. Юнг, Дж. Шарп, Р. Конклин).

Результаты и обсуждение. В данном разделе представлены результаты лингвистической и почерковедческой экспертизы трех рукописных текстов, проведённой с целью выявления индивидуально-лингвопсихологических характеристик их авторов.

В качестве параметров дескриптивного анализа рассматривались наклон, размер и форма букв, нажим, направление строк, интервалы между буквами, словами и строчками, беглость письма, размер и заполненность полей, наклон строк и другие визуально значимые детали письма [15]. Затем анализировались лингвистические маркеры рукописей (лексика, синтаксис, прагматические характеристики, стиль текста, его эмоциональная окраска) [11]. Третьим этапом является сопоставление параметров и построение лингвопсихологических профилей по следующим вопросам, связывающим лингвистические и графологические маркеры воедино [12]:

- какие черты лингвистических и графологических маркеров согласуются?
- что графика и язык говорят о характере человека?
- можно ли составить портрет личности на основе лингвистических и графологических маркеров его рукописного текста?

Начнем изложение с результатов анализа имеющихся рукописных текстов по графическим маркерам. Все результаты анализов в работе представлены анонимно. Рукописи авторов представлены на рисунках 1–3.

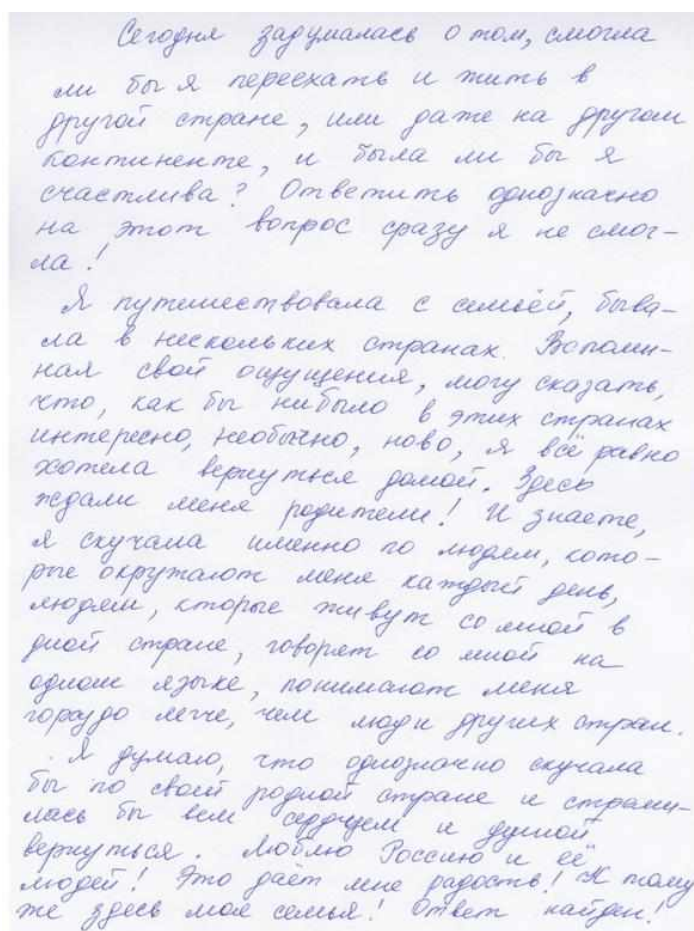

Рисунок 1. Рукопись автора №1 (Источник: личный архив)

Рукописный текст № 1. При анализе графологических маркеров рукописи были определены следующие характеристики:

- 1) наклон: значительный наклон вправо;
- 2) форма и размер букв: почерк крупный, буквы круглые, достаточно фигурные;
- 3) нажим: равномерно сильный, прозрачных участков нет;

- 4) интервалы между буквами, словами и строчками: буквы, как правило, соединены, расстояние между строками равномерное (от большого до среднего);
- 5) размер и заполненность полей: поля однообразны с левой стороны (небольшой отступ), справа строки неравномерны, обрывистые, не заполнены до конца;
- 6) наклон строк: строки написаны ровно, либо незначительно уходят вниз;
- 7) дополнительные графологические признаки: много переносов слов. Имеются пропуски букв в словах, что может свидетельствовать о дислексии и дисграфии [23]. Почерк понятный, легко читается.

Вывод из характеристик автора рукописного текста №1: автор энергичен и общителен, тепло относится к окружающим, легко ладит с людьми из любой компании. Умеет контролировать свои эмоции. Автор щедр, не любит экономить. Чувствителен к окружающим и к себе, может быть слишком эмоционален, взрываться от переизбытка эмоций. Вероятно, может быть амбивертом.

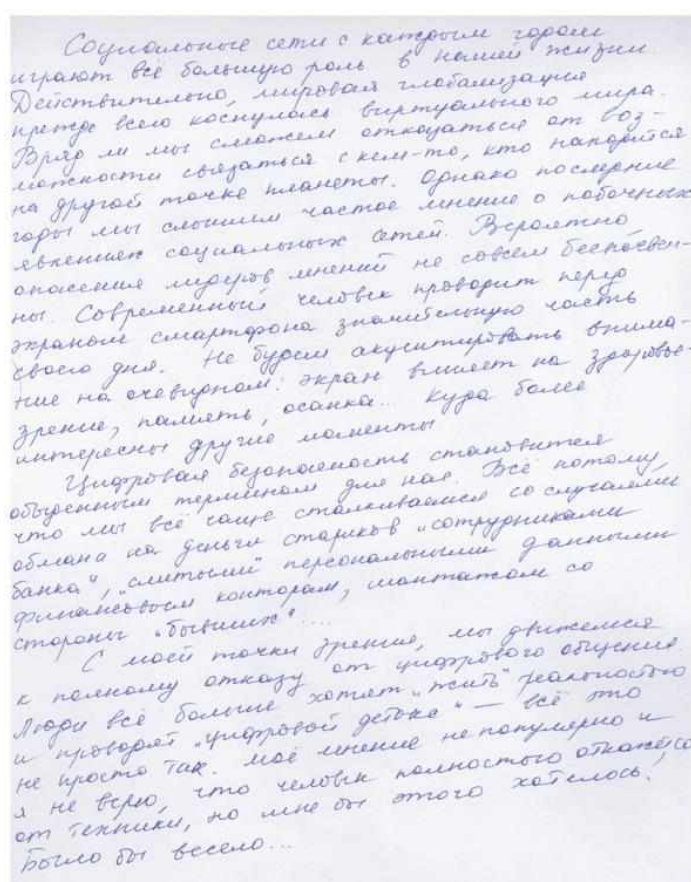

Рисунок 2. Рукопись автора №2 (Источник: личный архив)

Рукописный текст № 2. При анализе графологических маркеров рукописи были определены следующие характеристики:

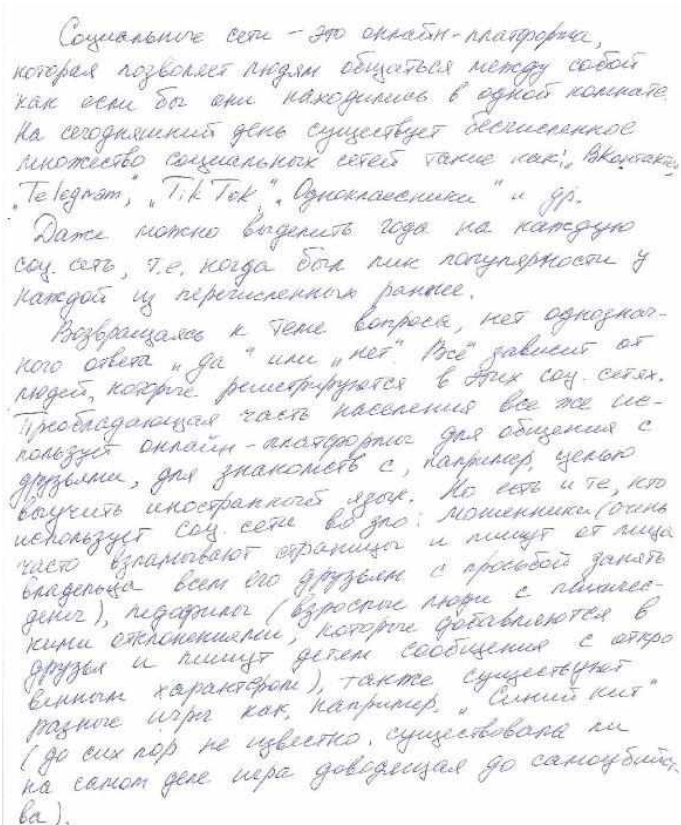
- 1) наклон: значительный наклон вправо;
- 2) форма и размер букв: размер средний, буквы острые, изящные;
- 3) нажим: стабильно сильный, отсутствуют прозрачные участки;
- 4) интервалы между буквами, словами и строчками: написание достаточно плотное, слова и строки находятся близко друг к другу, все буквы в слове соединены;

5) размер и заполненность полей: поля небольшие, слева текст максимально плотно прилегает к полям, справа поля достаточно заполнены, но есть обрывистые участки и переносы слов, при этом слова не скучены;

6) наклон строк: строки ровные, местами незначительно устремлены кверху;

7) дополнительные графологические признаки: почерк понятный, легко читаемый, академический, отсутствуют отличающиеся от стандартов написания букв.

Вывод из характеристик автора рукописного текста №2: автор энергичен и уверен в своих словах, имеет острый ум. Автор часто испытывает бурю эмоций, может быть резок, настроение очень быстро меняется. Автор ревнив, испытывает желание понравиться всем окружающим. Имеет необходимость высказаться по любому поводу, имеет на все личное мнение, но склонен выражать свои мысли кратко.

Социальные сети – это онлайн-платформы, которая позволяет людям общаться между собой как если бы они находились в одной комнате. На сегодняшний день существует бесчисленное множество социальных сетей такие как: "ВКонтакте", "Telegram", "Т.К.Тек", "Одноклассники" и др. Даже можно выделить года на каждую соц. сеть, т.е. когда был пик популярности у каждой из перечисленных ранее.

Подходящая к теме вопроса, не однозначного ответа "да" или "нет". Все зависит от людей, которые регистрируются в этих соц. сетях. Предоставляя часть населения все же все-таки онлайн-платформы для общения с друзьями, для знакомств с, например, целым войском иностранного войска. Но сеть и те, кто использует соц. сети во зло: мошенники (очень часто взламывают аккаунты и лишают от лица владельца всем его друзьям с переводом денег), пиджакеры (взрослые люди с лишними кими отклонениями, которые добиваются в друзья и лишают детей сообщения с очень близким характером), также существуют разные игры как, например, "Синий мит" (до сих пор не известно, существовала ли на самом деле игра доводящая до самоубийства).

Рисунок 3. Рукопись автора №3 (Источник: личный архив)

Рукописный текст № 3. При анализе графологических маркеров рукописи были определены следующие характеристики:

- 1) наклон: небольшой вправо;
- 2) форма и размер букв: округлые буквы, среднекрупный размер;
- 3) нажим: сильный или очень сильный;
- 4) интервалы между буквами, словами и строчками: стабильно средние;
- 5) размер и заполненность полей: слева маленькие, справа обрывистые;
- 6) наклон строк: незначительно устремлены вверх;
- 7) дополнительные графологические признаки: почерк очень понятный, академический.

Вывод из графологических характеристик автора рукописного текста №3: автор является дружелюбной натурой, которая хорошо контролирует свои эмоции, легко

находит контакт со всеми. Разносторонняя и очень позитивная личности. Нерасточителен, предпочитает тратить средства на действительно нужные вещи.

Перейдем ко второму этапу исследования – анализу по **лингвистическим** маркерам.

Текст № 1. Речевое поведение автора демонстрирует активную личностную позицию и ярко выраженную эмоциональную направленность. В лексике преобладают эмоционально окрашенные и оценочные единицы как *интересно, необычно, ново, однозначно, всем сердцем и душой, люблю Россию и её людей, это даёт мне радость*, что свидетельствует о позитивной эмоциональной установке и коммуникативной открытости. Частое использование личного местоимения *я* подчёркивает автороцентризм высказывания и ориентацию на выражение субъективного опыта.

Синтаксическая организация текста представлена преимущественно сложноподчинёнными конструкциями, что говорит о стремлении к связному и аргументированному изложению. В последнем абзаце наблюдаются элементы парцелляции, усиливающие экспрессивность текста: *«Люблю Россию и её людей! Это даёт мне радость! К тому же здесь моя семья! Ответ найден!»*

На прагматическом уровне выражена авторская установка через прямые самооценочные конструкции (*я думаю, могу сказать*), а также через использование интенсификаторов и модальных слов (*однозначно, гораздо легче, люблю*). Стилль текста – экспрессивный, с насыщенной эмоциональной лексикой, частым использованием восклицательных предложений и риторических вопросов (*...и была ли бы я счастлива?*), а также прямыми обращениями к читателю (*и, знаете, я скучала именно по людям...*).

В целом эмоциональная окраска текста положительна с преобладанием тем радости, принадлежности и признательности. Речевая направленность – личностно-ориентированная, с акцентом на внутренние переживания, воспоминания и ценностные установки автора (*я путешествовала, по своей родной стране, это даёт мне*).

Таким образом, автор текст №1 предстает как открытая, эмоционально включённая и доброжелательная личность, склонная к эмпатии и позитивной интерпретации окружающей действительности.

Текст № 2. Тематика текста – отношение автора к социальным сетям – задаёт аналитический и частично критический тон рассуждений. Лексика преимущественно нейтральная, но включает оценочные высказывания, отражающие личную позицию: *отрывают от реальности, засоряют мозг, увлекают*. Автор использует лексику рассудительного, иногда ироничного плана (*такие вот дела, а то и вовсе исчезнут, было бы весело*), что свидетельствует о сочетании рационального анализа с лёгким эмоциональным фоном.

Синтаксически текст построен в жанре развёрнутого размышления: преобладают сложные синтаксические конструкции с вложенными придаточными и пояснительными оборотами, что придаёт речи черты аргументированности и логической целенаправленности. Тем не менее, текст не излишне сухой – в нём встречаются **акценты**, усиливающие субъективную окраску (*честно сказать, на самом деле*), а ближе к концу появляются экспрессивные конструкции в форме гипотетических сценариев: *а если вдруг я исчезну..., пусть подумают, что случилось, может быть, даже кто-то всплакнёт*.

Прагматический уровень демонстрирует умеренно выраженную авторскую установку на самоиронию и дистанцированное наблюдение. Автор не столько указывает адресату, что делать, сколько моделирует возможные реакции окружающих на своё «отключение» от соцсетей. Это создаёт эффект парадоксальной игры с социальным вниманием: с одной стороны, подчёркивается критичность взгляда, с другой – скрытая

потребность в отклике, подтверждении значимости. Прямая авторская позиция выражена через конструкции *я считаю, по-моему, честно сказать, я бы не против* – они маркируют субъективность, но при этом не навязывают категоричных суждений.

По стилю текст приближен к публицистически-разговорному с включением разговорных элементов, риторических конструкций, гипотетических сценариев и эпизодов иронии. Эмоциональная окраска в целом сдержанно-ироничная, с преобладанием когнитивных стратегий, но допущением экспрессии в заключительной части.

Таким образом, автор демонстрирует интровертно-рефлексивный тип речевого поведения, сочетающий аналитическую установку с ироничной дистанцией и скрытым эмоциональным напряжением. Это позволяет предположить наличие внутренней амбивалентности: между желанием быть замеченным и стремлением к дистанции, между критическим наблюдением и потребностью в реакции извне.

Текст № 3. Лексическая структура текста не отличается ярко выраженной экспрессивностью: специфических индивидуальных маркеров лексики не выявляется. Автор использует преимущественно объективированную, нейтральную лексику, направленную на описание наблюдаемого явления – социальных сетей – без активной эмоциональной или оценочной окраски. При этом в тексте прослеживается интерес к теме и мягкий оттенок вовлечённости, что выражается через тематическую насыщенность и устойчивое внимание к деталям.

Синтаксис характеризуется использованием сложноподчинённых предложений с элементами перечислений и логического развертывания мысли, например: *Существует бесчисленное множество социальных сетей, такие как: ВКонтакте, Telegram, TikTok, Одноклассники и др.* Это свидетельствует о стремлении автора выстраивать информационно плотные высказывания, отражающие фактологическую ориентацию и попытку систематизации знаний.

Прагматически текст оформлен отстранённо, без выраженной авторской позиции. Автор не использует прагмемы самооценки или субъективного отношения, а наоборот, дистанцирует себя от происходящего, вводя конструкции вроде *Возвращаясь к теме вопроса...* Подобные фразы свидетельствуют о формальной установке на объективность и логическое построение повествования, а не на эмоциональное вовлечение или диалог с адресатом.

Стилистически текст приближен к разговорному стилю с элементами публицистичности. Встречаются речевые сокращения и нестрогие формулировки, например: *...т.е. когда был пик популярности у каждой из перечисленных ранее.*

Это может быть связано с попыткой облегчить восприятие текста и сделать его более приближённым к естественному устному высказыванию.

Эмоциональная окраска текста в целом нейтральная, с лёгкими признаками взволнованности или заинтересованности в рассматриваемой теме. Автор не демонстрирует острых оценок, не прибегает к эмоциональной лексике, но сохраняет тон исследовательского внимания.

Речевая направленность текста – объектная: автор сосредоточен на характеристике социальных сетей, их разновидностей и функций, избегая открытого выражения собственной позиции. Таким образом, позиция автора колеблется между нейтральным информированием и косвенным участием, без однозначной идентификации с какой-либо точкой зрения.

В целом, речевые характеристики указывают на личность, ориентированную на информационную объективность, не склонную к категоричным суждениям и конфликтным высказываниям. Автор демонстрирует дружелюбие и внутреннюю

согласованность, однако, вероятно, избегает прямой полемики, предпочитая наблюдательную, компромиссную позицию.

Проведённый сопоставительный анализ графологических и лингвистических характеристик авторов позволяет перейти от частных наблюдений к целостному описанию индивидуально-психологических особенностей каждого участника. Сочетание внешних, графически зафиксированных проявлений письма с речевыми маркерами, отражающими когнитивные, эмоциональные и коммуникативные стратегии, создаёт устойчивую основу для интерпретации личности в рамках лингвопсихологического подхода. На этом этапе становится возможным не только систематизировать выявленные признаки, но и выстроить интегральный портрет каждого автора – как субъекта письма, носителя определённого стиля мышления и эмоциональной организации.

Автор № 1. Автор демонстрирует устойчивую личностную структуру с выраженной экстравертной ориентацией, открытостью к коммуникации и позитивной эмоциональной установкой. На графологическом уровне это проявляется в правом наклоне букв, округлой форме и равномерном нажиме – признаках, традиционно ассоциируемых с доброжелательностью, жизнерадостностью и эмоциональной доступностью. Речь автора подтверждает эти особенности: преобладание местоимения «я», наличие оценочной и эмоциональной лексики, активное использование риторических приёмов и обращений к читателю указывают на личностно-центрированную, эмпатичную и выразительную речевую стратегию.

Автор не боится выражать чувства, стремится к взаимодействию с адресатом, проявляет живой интерес к окружающим людям и готовность к эмоциональному диалогу. Умеренная парцелляция и экспрессия в синтаксисе также свидетельствуют о высокой динамике внутренней жизни и коммуникативной активности. Таким образом, можно охарактеризовать автора как экстравертную, искреннюю и дружелюбную личность, способную к эмпатии и позитивному восприятию мира, с потребностью в социальном контакте и эмоциональном отклике.

Автор № 2. Автор предстает как личность интровертного склада, склонная к самоанализу, дистанции и двойственной эмоциональной позиции. Почерк с переменным нажимом, волнообразными линиями и скачущим ритмом письма указывает на внутреннюю лабильность, нерешительность и возможную скрытую тревожность. Вместе с тем рукопись в целом выстроена и уравновешена, что говорит о наличии компенсаторного контроля над эмоциональной экспрессией.

Лингвистический анализ дополняет эту картину: текст насыщен гипотетическими конструкциями, сдержан в прямом выражении эмоций, но при этом включает элементы иронии и латентного обращения к читателю. Моделирование возможных реакций других («может быть, кто-то всплакнёт») говорит о неявной потребности в признании и внимании при одновременной установке на дистанцию. Прагматически автор избегает жёсткой позиции, предпочитая говорить о себе через косвенные наблюдения и условные формулы.

В совокупности почерковые и речевые характеристики указывают на внутренне противоречивую личность, уравновешивающую потребность в принадлежности и значимости с желанием сохранить независимость и личное пространство. Автор склонен к рефлексии, самоиронии, наблюдательности и использует интеллектуализацию как способ эмоциональной защиты. Это говорит о сдержанном, наблюдающем, рефлексивном типе личности с мягкими чертами амбивалентности.

Автор № 3. Анализ графологических и речевых признаков автора текста №3 позволяет говорить о сбалансированной, когнитивно ориентированной личности,

стремящейся к объективности и внутренней согласованности. Почерк с прямым наклоном, умеренным нажимом, компактной формой букв и регулярными интервалами говорит о самообладании, структурированности и рациональности. В нём отсутствует явная экспрессия, что отражает сдержанность и предпочтение логического способа взаимодействия с миром.

На лингвистическом уровне это подтверждается выбором нейтральной лексики, склонностью к информационной плотности, сложным синтаксическим структурам с перечислениями, а также прагматической установкой на объективное изложение. Отсутствие ярких эмоциональных оценок, минимальное количество прагмем и ограниченное использование местоимений первого лица указывают на склонность автора не утверждать себя, а передавать обобщённую, неперсонализированную картину мира.

Вместе с тем эмоциональная окраска текста остаётся нейтральной, но не холодной – в ней ощущается умеренная заинтересованность и лёгкий эмоциональный подтекст. Автор избегает крайностей, стремится к балансу и не демонстрирует склонности к конфликтности. Такой профиль позволяет говорить о спокойной, уравновешенной, информационно ориентированной личности, проявляющей когнитивный интерес к предмету, готовой принимать разные точки зрения, но предпочитающей оставаться вне активной эмоциональной полемики.

Анализ трёх рукописных текстов показал, что интеграция графологических и лингвистических параметров позволяет получить целостное представление о речевом поведении и индивидуально-психологических особенностях автора. В каждом кейсе выявлена устойчивая конфигурация признаков, отражающая не только тип мышления и коммуникативную установку, но и глубинные эмоциональные паттерны.

Автор первого текста представлен как ярко выраженный экстраверт, открытый и эмоционально включённый в общение; второй – как интроверт с рефлексивной и амбивалентной позицией, склонный к дистанции и иронической самооценке; третий может быть охарактеризован как амбиверт с доминирующей когнитивной ориентацией и установкой на самоконтроль, избегающий прямой эмоциональной полемики. Таким образом, каждый портрет иллюстрирует разные модели речевого самовыражения и внутренней психологической организации, подтверждая диагностическую ценность комплексного подхода.

Заключение. Проведённое исследование подтвердило, что совмещение графологического и лингвистического анализа позволяет выстраивать обоснованные лингвопсихологические портреты личности на материале рукописного текста. Совокупное рассмотрение графических и речевых маркеров делает возможным выявление не только явных поведенческих черт, но и скрытых эмоциональных установок, особенностей восприятия, степени самоконтроля и коммуникативной направленности субъекта.

Предложенный подход продемонстрировал свою эффективность в условиях качественного анализа и может быть адаптирован для задач лингвистической и автороведческой экспертизы, психолингвистики и судебной психологии. Его научная значимость заключается в разработке и апробации междисциплинарной модели интерпретации письменного текста как сложного психолингвистического явления.

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать верификация диагностических признаков на более широкой выборке, а также уточнение специфики графо-лингвистического поведения личности в условиях стресса, анонимности или социальной нестабильности. Кроме того, целесообразно исследовать устойчивость речевых и почерковых паттернов в различных жанрах и коммуникативных ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе) / В.П. Белянин. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
2. Белянин В.П. Психолингвистика / В.П. Белянин. – М.: Флинта, 2009. – 420 с.
3. Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя / В.П. Белянин. – М.: Генезис, 2006. – 320 с.
4. Белянин В.П. Диалоги о человеке говорящем и пишущем / В.П. Белянин, И.П. Шкуратова. – СПб.: Речь, 2011. – 244 с.
5. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе / К.И. Бринев. – М.: Либроком, 2013. – 200 с.
6. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике / И.Н. Горелов. – М.: Лабиринт, 2003. – 229 с.
7. Горелов И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
8. Ефремова М.В. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям (информационное письмо) / М.Ф. Ефремова, В.Ф. Орлова, А.Д. Староскльская-Никитина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2006. – №1 (1). – С. 157–165
9. Исаева Е.Л. Практическая графология: как узнать характер по почерку / Е.Л. Исаева. – М.: Рипол-Классик, 2010. – 256 с.
10. Леонтьев Д.А. От слова к реальности: возможности языка и онтологический статус сообщения / Д.А. Леонтьев // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 4. – С. 47–53.
11. Леонтьев Д.А. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл / Д.А. Леонтьев, Г.В. Иванченко. – М.: Смысл, 2008. – 133 с.
12. Леонтьев Д.А. Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: сб. науч. работ к 70-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2008. – 391 с.
13. Медведева С.Н. К вопросу о взаимосвязи почерка и состояния исполнителя рукописи / С.Н. Медведева // Вестник КРУ МВД России. – 2021. – №4 (54). – С. 85–87.
14. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е.Р. Россинская, Е.Н. Дмитриев, И.Н. Подволоцкий. – М.: Проспект, 2022. – 544 с.
15. Соломевич В.И. Почерк и характер / В.И. Соломевич, В.И. Уласевич. – Минск: Харвест, 2009. – 640 с.
16. Стернин И.А. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы / И.А. Стернин, Л.Г. Антонова, Д.Л. Карпов, М.В. Шаманова. – Ярославль: Канцлер, 2013. – 80 с.
17. Терехова Н.В. К вопросу о лингвистико-графологических особенностях изучения характера человека в русском языке / Н.В. Терехова, О.В. Курбанова // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. – 2023. – №1. – С. 78–84.
18. Чернов Ю.Г. Психологический анализ почерка: системный подход и компьютерная реализация в психологии, криминологии и судебной экспертизе / Ю.Г. Чернов. – М.: Генезис, 2016. – 466 с.
19. Щеголев И.В. Графология XXI века / И.В. Щеголев, Ю.Г. Чернов. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 256 с.
20. Bix B.H.L.A. Hart and the "open texture" of language / B.H.L.A. Bix // Law and Philosophy. – 1991. – 10 (1). – P. 51–72.
21. Green J. Handwriting analysis. What your handwriting reveals about your Personality, Health and Emotions / J. Green, D. Lewis, // Treasure Press, 1990.
22. Miric F. Forensic expertise of signatures and handwriting-multidisciplinary approach / F. Miric, R. Dragana. – Facta Universitatis: Law and Politics. – 2020. – 18 (3). – P. 207–212.
23. Taylor M. Forensic Handwriting Examination and Human Factors: Improving the Practice Through a Systems Approach, NIST Interagency/Internal Report (NISTIR) / M. Taylor, C. Bird, B. Bishop, T. Burkes, M.P. Caligiuri, B. Found, E.J. Will. – National Institute of Standards and Technology, Gaithersburg, MD, 2020. – <https://doi.org/10.6028/NIST.IR.8282>.
24. Yalcin N. Graphology and Forensic Graphology / N. Yalcin, F. Gurbuz // Global Journal of Technology. – 2015. – 8. – P. 151–158.

REFERENCES

1. Belyanin V.P. (2000) Osnovy psikholingvisticheskoy diagnostiki. (Modeli mira v literature) [Fundamentals of psycholinguistic diagnostics. (Models of the world in literature. Moscow: Trivola. (In Russian).
2. Belyanin V.P. (2009) Psikholingvistika [Psycholinguistics]. Moscow: Flinta. (In Russian).

3. Belyanin V.P. (2006) Belyanin V.P. Psikhologicheskoye literaturovedeniye. Tekst kak otrazheniye vnutrennikh mirov avtora i chitatelya [Psychological literary studies. Text as a reflection of the inner worlds of the author and the reader]. Moscow: Genesis. (In Russian).
4. Belyanin V.P., Shkuratova I.P. (2011) Dialogi o cheloveke govoryashchem i pishushchem [Dialogues about a person speaking and writing]. St. Petersburg: Rech. (In Russian).
5. Brinev K.I. (2013) Spravochnik po sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize [Handbook book on forensic linguistic examination]. Moscow: Librokom. (In Russian).
6. Gorelov I.N. (2003) Izbrannyye trudy po psikholingvistike [Selected works on psycholinguistics]. Moscow: Labyrinth. (In Russian).
7. Gorelov I.N. & Sedov K.F. (2001) Osnovy psikholingvistiki [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow: Labyrinth. (In Russian).
8. Efremova M.V., Orlova V.F. & Staroselskaya-Nikitina A.D. (2006) Proizvodstvo sudebno-pocherkovedcheskoy ekspertizy po elektrofotograficheskim kopiym (informatsionnoye pis'mo) [Production of forensic handwriting examination on electrophotographic copies (informational letter)]. Theory and practice of forensic examination. 1 (1). 157-165. (In Russian).
9. Isaeva E.L. (2010) Prakticheskaya grafologiya: kak uznat' kharakter po pocherku [Practical graphology: how to know character by handwriting]. Moscow: Ripol-Classic. (In Russian).
10. Leontiev D.A. (2006) Ot slova k real'nosti: vozmozhnosti yazyka i ontologicheskiiy status soobshcheniya [From word to reality: the possibilities of language and the ontological status of the message] // Voprosy psycholingvistiki. 4. 47–53. (In Russian).
11. Leontiev D.A. & Ivanchenko G.V. (2008) Kompleksnaya gumanitarnaya ekspertiza: metodologiya i smysl [Comprehensive humanitarian examination: methodology and meaning]. Moscow: Smysl. (In Russian).
12. Leontiev D.A. (Ed.) (2008) Psikhologiya, lingvistika i mezhdistsiplinarnyye svyazi: sb. nauch. rabot k 70-letiyu so dnya rozhdeniya Alekseye Alekseyevicha Leont'yeva [Psychology, linguistics and interdisciplinary connections: collection of scientific works for the 70th anniversary of the birth of Alexey Alexeevich Leontiev]. Moscow: Smysl. (In Russian).
13. Medvedeva S.N. (2021) K voprosu o vzaimosvyazi pocherka i sostoyaniya ispolnitelya rukopisi [On the relationship between handwriting and the state of the author of the manuscript] // Bulletin of the CRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 4 (54). 85-87. (In Russian).
14. Rossinskaya E.R., Dmitriev E.N. & Podvolotsky I.N. (2022) Sudebnaya ekspertiza: tipichnyye oshibki [Forensic examination: typical mistakes]. Moscow: Prospect. (In Russian).
15. Solomevich V.I. & Ulasevich V.I. (2009) Pocherk i kharakter [Handwriting and character]. Minsk: Harvest. (In Russian).
16. Sternin I.A., Antonova L.G., Karpov D.L. & Shamanova M.V. (2013) Osnovnyye ponyatiya lingvokriminalisticheskoy ekspertizy [Basic concepts of forensic linguistic examination]. Yaroslavl: Kantsler. (In Russian).
17. Terekhova N.V. & Kurbanova, O.V. (2023) K voprosu o lingvistiko-grafologicheskikh osobennostyakh izucheniya kharaktera cheloveka v russkom yazyke [On the issue of linguistic and graphological features of the study of human character in the Russian language]. Izvestiya DSPU. Psychological and pedagogical sciences. 1. 78-84. (In Russian).
18. Chernov Y.G. (2016) Psikhologicheskiiy analiz pocherka: sistemnyy podkhod i komp'yuternaya realizatsiya v psikhologii, kriminologii i sudebnoy ekspertize [Psychological analysis of handwriting: a systematic approach and computer implementation in psychology, criminology and forensic examination]. Moscow: Genesis. (In Russian).
19. Shchegolev I.V. & Chernov Y.G. (2008) Grafologiya XXI veka [Graphology of the XXI century]. St. Petersburg: Piter. (In Russian).
20. Bix B.H.L.A. (1991) Hart and the "open texture" of language. Law and Philosophy. 10 (1). 51-72. (In English).
21. Green J. & Lewis D. (1990) Handwriting analysis. What your handwriting reveals about your Personality, Health and Emotions. Treasure Press. (In English).
22. Miric F. & Dragana R. (2020) Forensic expertise of signatures and handwriting-multidisciplinary approach. Facta Universitatis: Law and Politics. 18 (3). 207-212 (In English).
23. Taylor M., Bird C., Bishop B., Burkes T., Caligiuri M.P., Found B. & Will E. J. (2020) Forensic Handwriting Examination and Human Factors: Improving the Practice Through a Systems Approach, NIST Interagency/Internal Report (NISTIR), National Institute of Standards and Technology, Gaithersburg, MD. <https://doi.org/10.6028/NIST.IR.8282> (Accessed May 30, 2025) (In English).
24. Yalcin N. & Gurbuz F. (2015) Graphology and Forensic Graphology. Global Journal of Technology. 8. 151-158 (In English).

Поступило в редакцию: 21.05.2025 г.

**PERSONALITY BY HANDWRITING:
LINGUISTIC AND GRAPHOLOGICAL MARKERS IN CONSTRUCTING PERSONALITY'S
LINGUO-PSYCHOLOGICAL PORTRAIT**

N.A. Trofimova, S.A. Savenkova

This paper analyzes linguistic examination of text as a method of studying manuscripts in order to compile a linguo-psychological portrait of a person. The authors propose an integrated approach combining graphological and linguistic methods of analysis, which allows for a more complete and objective picture of the individual characteristics of the writer. The empirical base consisted of manuscripts of ten respondents, written by hand in Russian. A special attention is paid to identifying the cognitive, emotional, and communicative characteristics of the author through the analysis of graphic features of handwriting (pressure, tilt, form, text organization) and speech markers (vocabulary, syntax, pragmatics). The relevance of the study is due to the need for integrative methods of written speech analysis in the practice of forensic linguistics, psycholinguistics, and criminology, as well as the insufficient development of interdisciplinary models for interpreting handwritten texts. The work demonstrates scientific novelty due to the combination of handwriting and linguistic data in constructing a diagnostically significant portrait of a person.

Key words: applied linguistics, linguistic expertise of text, psycholinguistics, study of handwriting, linguo-psychological portrait of personality.

Трофимова Нэлла Аркадьевна

Доктор филологических наук, профессор.

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация.

Профессор кафедры английской филологии и
перевода.

ORCID: 0000-0002-4088-0730.

E-mail: nelart@mail.ru.

Савенкова Софья Алексеевна.

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация.

Студент.

ORCID: 0009-0003-4132-5303.

E-mail: sofia_savenkova@mail.ru.

Trofimova Nella Arkadyevna.

Doctor of Philology, Professor.

St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation.

Professor of Department of English Philology and
Translation.

ORCID: 0000-0002-4088-0730.

E-mail: nelart@mail.ru.

Savenkova Sofya Alekseevna.

St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation.

Student.

ORCID: 0009-0003-4132-5303.

E-mail: sofia_savenkova@mail.ru.

Научная статья
УДК 811.351.22
DOI: 10.5281/zenodo.15768106

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДАРГИНСКОЙ ОРФОГРАФИИ

© 2025 Х.А. Юсупов¹, С.М. Темирбулатова²

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН»

¹ORCID 0000-0003-3195-722X

²ORCID 0000-0001-7526-3831

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются вопросы совершенствования орфографии младописьменного даргинского литературного языка. В последний раз эти вопросы рассматривались в 1998 году, однако проект свода новых орфографических правил не был принят. Поэтому мы пользуемся правилами правописания, утвержденными в 1979 году. В настоящее время назрела необходимость рассмотрения всех предложений и новаций по совершенствованию даргинской орфографии. Подготовка нового проекта свода орфографических правил, его всенародное обсуждение и утверждение – это актуальная задача современного этапа развития даргинского литературного языка. Решение данной задачи может удовлетворить потребности школы и общества, и тем самым способствовать повышению грамотности носителей языка. Периодическое совершенствование орфографических сводов дагестанских языков, в т.ч. и даргинского языка, является социально-исторической необходимостью.

Ключевые слова: даргинский язык, орфография, совершенствование орфографических правил.

Для цитирования: Юсупов Х.А. Вопросы совершенствования даргинской орфографии / Х.А. Юсупов, С.М. Темирбулатова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 17–26. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15768106>.

Введение. Со времени появления даргинской орфографии прошло всего 87 лет. Первый «Свод орфографических правил даргинского языка» был составлен автором первой научной «Грамматики даргинского языка» (1926) Л.И. Жирковым и будущим автором «Грамматики даргинского языка» (1954) С.Н. Абдуллаевым в 1938 году. Уже через два года С.Н. Абдуллаев составил новый свод орфографических правил. Сам автор первых сводов так пишет об этом: «Даргинская орфография впервые основательно была разработана лишь в 1940 году. Орфографический свод правил, составленный 1938 году, страдал еще многими недостатками, в нем не нашел отражения ряд орфографических вопросов. Свод же, разработанный в 1940 году и переработанный в 1948-50-х годах, охватывает основные вопросы даргинской орфографии и до некоторой степени правильно разрешает их» [1, с. 23].

Свод орфографических правил, разработанный в 1938 году, подвергался переработке еще пять раз (1940, 1950, 1962, 1970, 1978). В последний раз (1978) свод был переработан З.Г. Абдуллаевым и обсужден на комиссии в составе 18 человек: З. Абдуллаев, А. Абдусаламов, А. Алиев, А. Алиханова, М. Исаев, А. Вагидов, М. Магомедов, М. Мусаев, С. Рабаданов, Р. Рашидов, Б. Сулейманов, С. Темирбулатова, М. Гамидов, С. Гасанова, И. Гасанов, И. Гусейнов, У. Шапиева, Г. Юсупов. Возглавлял орфографическую комиссию доктор филологических наук З.Г. Абдуллаев, который в

1989 году в журнале «Советский Дагестан» опубликовал большую концептуальную статью на актуальную тему «Орфографический застой и перестроечный бум в изучении дагестанских языков», надеясь, что власти обратят внимание на насущные вопросы графики и орфографии дагестанских языков. По словам автора: «Данная статья в своих основных положениях и проектах была написана ещё в 1979 году» [2, с. 26].

Всесторонне проанализировав состояние орфографии и графики дагестанских языков, автор статьи предлагал собственный вариант кассы транскрипционных знаков для усовершенствования письменности дагестанских языков, в котором одна фонологическая единица (фонема) соответствовала бы одному графическому знаку (букве), выражал справедливое негодование и озабоченность состоянием дагестанской письменности. З.Г. Абдуллаев писал: «Одним из существенных недостатков современной письменности дагестанских языков является отсутствие унификации в изображении идентичных звуковых единиц. Этот недостаток проявляется в различных формах. ... Наблюдаются случаи, когда одинаковые буквосочетания в разных дагестанских языках используются для обозначения разных звуков. Например, буквосочетание *къ* в даргинском языке используется для обозначения фарингального звонкого смычного, а в аварском языке – для обозначения фарингального абруптива. Буквосочетание *кь* в даргинском языке используется для обозначения фарингального абруптива, а в аварском языке – для обозначения латеральной аффрикаты» [2, с. 26]. Далее автор пишет: «...давно назрело время для серьёзного и основательного решения вопроса об алфавитах дагестанских языков, для их коренного преобразования и совершенствования» [2, с. 27].

К сожалению, инициатива учёного так и осталась не услышанной правительством Дагестана, хотя принятие этих предложений сулило немалые экономические выгоды Республике, которые подсчитал автор статьи, и это было социально-исторической необходимостью совершенствования письменности дагестанских языков.

Спустя 10 лет, отмечая важность усовершенствования орфографических правил даргинского языка, М.-С. М. Мусаев писал: «Поступательное развитие сравнительно молодого даргинского литературного языка, особенно его письменного варианта, бурный рост издательского дела на даргинском языке, обусловленный жизненными потребностями, требуют постоянного и систематического усовершенствования правил правописания, которые пока не имеют устоявшихся, проверенных временем исторических традиций» [3, с. 6].

Как известно, новые орфографические правила, «были разработаны Орфографической комиссией ИЯЛИ в 1992 году. В 1993 году вопросы орфографии и рекомендации Орфографической комиссии обсуждались на специальной конференции, посвященной проблемам нормализации письменных языков. В 1997 году в ИЯЛИ ДНЦ РАН для дагестанских языков были разработаны новые Сводные орфографических правил (проекты). Однако до сих пор данные своды не утверждены Правительством Республики Дагестан» [4, с. 119].

Таким образом, при рассмотрении вопросов, связанных с усовершенствованием даргинской орфографии, мы видим, что «даргинская орфография имеет самобытную историю становления и развития, а также достаточный опыт применения на практике. В становлении и развитии национальной орфографии принимали активное участие языковеды С.Н. Абдуллаев, З.А. Абдуллаев, М.-С.М. Мусаев, А.А. Абдусаламов и др.» [4, с. 120].

Материалы и методы исследования. Материалом для написания статьи послужили исследования, посвященные изучению сводов орфографических правил

даргинского и близкородственных дагестанских языков, а также сами своды правил и новые проекты сводов. Анализ материала проводился с применением описательного метода.

Основная часть. Вопросы орфографии касаются всего общества, орфографические нормы – это условие существования национального письма. «Современные орфографические правила представляют собой, вопреки представлениям наивных носителей языка, вовсе не хаотичный набор неизвестно на чем основанных рекомендаций, которые, в соответствии с популярным анекдотом, "невозможно понять, а можно только запомнить", а весьма логичную *систему* – логичную и последовательную именно потому, что она (система) и они (правила) основаны на незыблемых принципах орфографии» [5, с. 44].

Следует отметить, что в даргинском языке ведущим (главным) принципом орфографии является **фонетический принцип**. Основной признак фонетического принципа – это написание слов в максимальном соответствии с их произношением. При этом нормой произношения является не норма произношения акушинского диалекта, как отмечает М.-С. М. Мусаев [6, с. 27], а норма произношения даргинского литературного языка.

Кроме фонетического, в даргинском языке в той или иной мере используются еще четыре принципа орфографии:

– **морфологический принцип** требует одинаковое написание значимых частей слова (корней, приставок, суффиксов, окончаний), например: *хабар* ‘рассказ; новость’ – *хабалла* ‘рассказа; новости’ (пишется: *хабарла*) или *мар* ‘правда’ – *малла* ‘правды’ (пишется *марла*), *ваклиб+мад* ‘как только пришел’ (произносится: *ваклиммад*), *гъан+бикес* ‘вспомниться’ (произносится: *гъаммикес*), *азад+ти* ‘свободные’ (произносится: *азатти*) и т.д. По мнению М.А. Магомедова, «морфологический принцип заключается в том, что написание не соответствует произношению. Таких случаев в аварском языке в пределах одной словоформы мало. Можно говорить о том, что в формах *хъабчил* [хъапчил] (ср. *хъабарча* ‘тулуп’), *гъежда* [гъежцла] (ср. *гъеж* ‘рука’ (до кисти) и в некоторых других звонкие оглушаются перед глухими» [7, с. 89];

– **дифференцирующий принцип** используется для правописания одинаково произносимых, но имеющих разные значения слов, например: слово *мурад* пишется с маленькой буквы, когда он имеет значение ‘цель’ и с прописной буквы, когда *Мурад* является собственным именем. Можно привести еще такие примеры: *абази* ‘дядя’ – *Абази* (муж. имя), *виитIал* ‘младший’ – *ВиитIал* (муж. имя), *гIайса* ‘палка’ – *ГIайса* (муж. имя), *иман* ‘вера’ – *Иман* (муж. имя), *аба* ‘мать’ – *Аба* (жен. имя), *вава* ‘цветок’ – *Вава* (жен. имя), *жумягI* ‘пятница’, ‘неделя’ – *ЖумягI* (жен. имя), *нур* ‘луч’ – *Нур* (жен. имя), *тIавуз* ‘павлин’ – *ТIавуз* (жен. имя), *тIутIи* ‘виноград’ – *ТIутIи* (жен. имя), *цIибац* ‘новолуние’ – *ЦIибац* (жен. имя) и т.д.;

– **договорной принцип** используется для правописания всех заимствований из русского языка, т.е. русские слова в даргинском языке пишутся не как произносятся, а как пишутся в русском языке, например: *ушкxла* – пишем *школа*, *даскIа* – пишем *доска*, *титрат* – пишем *тетрадь* и т.д.;

– **традиционный принцип** в даргинской орфографии используется при правописании ряда ранних заимствований из русского языка: *минут* (вместо *минута*), *секунд* (вместо *секунда*), *кепек* (вместо *копейка*), *папрус* (вместо *папироса*), *набт* (вместо *нефть*), *бадира* (вместо *ведро*) и т.д.

Отмечая особенности орфографических принципов даргинского языка, М.М. Уружбекова пишет: «морфологический и фонетический принципы орфографии не противоречат один другому, а дополняют друг друга. Проверка (или правильное

написание) гласных и согласных в разных позициях – основа фонетического принципа; опора при письме на морфемный состав слова, на части речи и их формы – морфологического» [8, с. 377].

В настоящее время продолжается развитие даргинской орфографии. На наш взгляд, это связано не только с деятельностью средств массовой коммуникации (газеты, журналы и т.д.), но и с более глубоким исследованием лексического фонда даргинского языка, с изданием новых типов словарей. Например, в 2011 году вышел новый «Орфографический словарь даргинского языка», включающий более 76 тысяч слов и словоформ и содержащий проект нового Свода орфографических правил. Однако из-за того, что не происходит обновление орфографических правил, возникает путаница в правописании некоторых слов и терминов. Особенно наглядно это видно на примере правописания терминов родства и свойства в даргинском языке. По правилам орфографии некоторые составные термины пишутся отдельно, например: *хала неш* ‘бабушка’ (букв. ‘большая мать’), *хала дудеш* ‘дедушка’ (букв. ‘большой отец’), *хъубеш неш* ‘теща’, *хъубеш дудеш* ‘тесть’ и т.д. Однако в «Даргинско-русском словаре», изданном 2017 году, используется слитное написание.

Следует отметить и тот факт, что проблемы дагестанских языков, связанные с вопросами совершенствования орфографии, в основном совпадают, что и отмечают исследователи М.А. Магомедов и М.М. Магомедова [9], С.Б. Юзбекова [10], Ш.З. Дашдемиров [11], Х.А. Юсупов и Р.О. Муталов [12], Х.А. Юсупов [13] и др. Наконец-то правительство Республики Дагестан запланировало обновить правила орфографии языков народов Дагестана. Такое решение было принято на заседании Республиканской термино-орфографической комиссии по языкам народов Дагестана, состоявшейся в конце марта 2025 года. После проведения заседания были обновлены орфографические комиссии по девяти литературным языкам народов Дагестана (аварскому, даргинскому, кумыкскому, лакскому, лезгинскому, рутульскому, табасаранскому и цахурскому). В состав термино-орфографической комиссии по даргинскому языку вошли 15 человек: 1) доктора филологических наук: Р.О. Муталов, У.У. Гасанова, М.Р. Багомедов, С.М. Темирбулатова; 2) кандидаты филологических наук: Х.А. Юсупов, П.М. Габибуллаева; 3) писатели и поэты: Г.К. Курбанов, К.И. Миграбов, И.Б. Ибрагимов, Т.А. Саидов; 4) журналисты и редактора (руководители СМИ): С.Б. Алиева, Х.А. Шамилова, М.М. Хаттаева; 5) учителя: Г.И. Багомедов и К.М. Магаев. В составе комиссии и авторы данной статьи. Многие члены комиссии через свою деятельность и творчество уже внесли неоценимый вклад в развитие даргинского литературного языка, в т.ч. в совершенствование даргинской орфографии. Мы надеемся, что их участие в вновь созданной комиссии будет плодотворным и принесет максимальную пользу при разработке новых правил орфографии даргинского языка. Комиссия уже начала работу и предлагает доработать проекты сводов орфографических правил 1998 года и вынести на всенародное обсуждение.

Исходя из этого, мы считаем, что нельзя принять некоторые новации, предлагаемые в проекте свода орфографических правил даргинского языка 1998 года [3].

1) В разделе «Употребление Ъ и Ь» написано: Ъ употребляется для составления диграфов (удвоенных букв) *гъ, къ, хъ*, а буква Ь – для составления диграфов *гь, кь, хь* [3, с. 10–11]. Возникает резонный вопрос: если эти диграфы, составленные с помощью Ъ и Ь знаков, входят в состав утвержденного даргинского алфавита, то зачем прописывать это в орфографических правилах? На наш взгляд, это лишнее.

2) В разделе «Правописание падежных окончаний» написано: в эргативе пишется окончание **-ни**: в собственных и нарицательных именах, касающихся людей и

оканчивающихся на гласный и **-й**, а также в прилагательных, оканчивающихся на гласный: *узи* – *узини*, *унра* – *унрани*, *Хизри* – *Хизрини*, *Батирай* – *Батирайни*, *Баканай* – *Баканайни*, *цџуба* – *цџубани*, *вялхъя* – *вялхъяни* [3, с. 14]. На наш взгляд, невозможно согласиться с таким нововведением как включение в данное правило имен, оканчивающихся и **-й**. Дело в том, что 99 процентов даргинцев говорят *Батирай* – *Батирайли*, *Баканай* – *Баканайли*, *Ахъай* – *Ахъайли* и т.д. Поэтому эту часть правила надо перенести в пункт правописания окончания **-ли**.

3) В разделе «Слитное написание» два параграфа (§§62–63) регламентируют правописание собственных имен. Эти параграфы следует объединить и сократить примеры. На наш взгляд, следовало бы ограничиться таким правилом: все собственные имена в даргинском языке пишутся слитно. Нет никакой необходимости давать в правилах массу одинаковых по способу образования имен.

4) В раздел «Слитное написание» §62 надо перенести §83, который предлагает составные слова писать раздельно, если первая часть выступает определением для второй части: *хала неш* ('бабушка', букв. 'большая + мать'), *хала дудеш* ('дедушка', букв. 'большой отец'), *газа някъ* ('локоть' букв. 'мотыга рука'), *уиц къача* ('бычок', букв. 'бык теленок'), *дай дуги* ('полночь', букв. 'середина ночь'), *хъар ши* ('нижний квартал', букв. 'низ + село') и т.д. Это правило предлагаем дать в следующей редакции: составные слова, в которых первая часть является кратким прилагательным, выступающим определением для второй части, следует писать слитно: *халанеш* 'бабушка', *халадудеш* 'дедушка', *хъубешнеш* 'теща', *хъубешдудеш* 'тесть', *газанякъ* 'локоть', *бекИнякъ* 'кисть', *хъябнякъ* 'запястье', *дайдуги* 'полночь', *дайхІери* 'полдень', *дурашан* 'чужеселец', *хъарши* 'нижний квартал' и т.д.

5) В раздел «Слитное написание» надо перенести и §85, который регламентирует правописание составных числительных. На наш взгляд, составные числительные с **-ну** (пишется всегда с одним **н**) надо писать слитно. Это упростит правописание числительных, например: *вецІнуцара* 'одиннадцать', *вецІнукІира* 'двенадцать', *гъанухІябра* 'двадцать три', *хІябцІанушура* 'тридцать пять', *авцІануцара* 'сорок один', *урецІанукІира* 'шестьдесят два', *гехІцІанухІябра* 'восемьдесят три' и т.д.

6) В разделе «Слитное написание» §89 следует дополнить: составные глаголы с частицей **-ван** пишутся слитно: *тІашиизес* 'остановиться' – *тІашиванизес* 'приостановиться', *хІеризес* 'посмотреть, взглянуть' – *хІерванизес* 'приглядеться', *ахъбарес* 'поднять' – *ахъванбарес* 'приподнять', *гъайухъес* 'поговорить' – *гъайванухъес* 'переговорить' и т.д.

7) В разделе «Правописание слов, заимствованных из русского языка» (§94) устанавливается следующий порядок правописания слов с мягким знаком (**ь**) на конце: мягкий знак (**ь**), имеющийся в русском слове, сохраняется в том случае, если окончание, суффикс или частица даргинского языка начинается с согласного, например: *учитель* – *учительти*, *учительла*, *учительлис*, *учителькІун*, *учительгъуна* и др. Если же окончание, суффикс или частица начинается с гласного, то мягкий знак (**ь**) не пишется: *учитель* – *ит учителу?* *ит учителара?* *тетрадь* – *тетрадуни*, *ит тетраду?* Это правило нарушает нормы даргинского языка и вносит путаницу. На наш взгляд, мягкий знак в таких словах следует писать лишь в именительном падеже, а в остальных формах – без него. Исследователь аварского языка М.А. Магомедов по этому поводу отмечает, «знак **ь** в отличие от **ѣ** не может быть буквой. Он используется, во-первых, как составная часть диграфов (спирантов *гъ*, *хъ*, аффрикаты *къ*), во-вторых, употребляется для написания заимствований из русского языка (*шинель*, *пальто*, *тетрадь*), хотя в аварском языке нет фонологической оппозиции по твердости-мягкости. Существует правило,

предписывающее писать заимствования из русского языка и через русский язык с сохранением грамматического облика языка источника. Данное правило, на наш взгляд, должно быть отменено, как мешающее адаптированному написанию заимствований» [9, с. 88].

Фонологическая оппозиция по твердости-мягкости отсутствует и в даргинском языке, однако в проекте Свода орфографических правил 1997 года (§14) предлагается следующее правило: «Ь употребляется для обозначения мягкости предшествующего согласного в словах русского языка: *учитель*, *тетрадь*, *учительти* (мн. ч.) и т.д.» [3, с. 11].

Предлагаемые нами изменения в основном касаются правил правописания падежных окончаний (пункт 2), правописания составных слов (пункты 3–6), и правописания заимствований из русского языка (пункт 7). Если по вопросу правописания падежных окончаний мы категоричны, то по вопросам правописания составных слов (существительных и глаголов) мы готовы к компромиссу – обсуждению и принятию наиболее приемлемого решения. Между тем, для правильного решения данного вопроса помогает негласное правило, существующее в даргинском языке и регламентирующее правописание составных глаголов. Согласно этому правилу, все глаголы, составленные с помощью вспомогательного глагола *барес* ‘сделать, изготовить, построить, создать’, пишутся слитно, если то, что обозначено словом, нельзя изготовить: например, *барсбарес* ‘поменять’ (букв. ‘взамен + сделать’), *гьуцIбарес* ‘устремить’ (букв. ‘стремление + сделать’), *байбарес* ‘поцеловать’ (букв. ‘поцелуй + сделать’) и т.д. Если же что-то можно изготовить, то слово пишется раздельно, например: *ута барес* ‘изготовить табуретку’, *хъали барес* ‘построить дом’, *дабри дарес* ‘изготовить обувь’ и т.д. В даргинской орфографии данное правило не прописано, однако всем оно известно и всеми соблюдается. Видимо, хорошее правило должно работать именно так.

На наш взгляд, не все однозначно и с правописанием заимствований из русского языка. С одной стороны, неплохо, что русские заимствования в даргинском языке (да и в других дагестанских языках) пишутся как в русском языке. Это, естественно, помогает даргинским учащимся при изучении русского языка. Однако, с другой стороны, мягкий знак перед падежным окончанием нарушает нормы даргинского языка. Как уже отмечали, в даргинском языке мягкий знак (ь) не обозначает мягкость предшествующего согласного. Поэтому в формах слов *учительли* ‘учителем’, *учительлис* ‘учителю’, *учительличил* ‘с учителем’ или *печатьлис* ‘для печати’, *печатьличил* ‘с печатью’ и т.д. не следует писать мягкий знак.

В даргинском языке имеются составные слова, образованные из заимствованных слов и даргинского вспомогательного глагола *барес* ‘сделать, изготовить’. Однако орфографические правила даргинского языка не регламентируют правописание таких глаголов, например: *организоватьбарес* ‘организовать’ (букв. ‘организовать + сделать’), *отказбарес* ‘отказать’ (букв. ‘отказ + сделать’). В первом случае сохранение мягкого знака мы считаем неправильным. Очень важно внесение дополнений, указанных нами в пункте 6, касающиеся правописания составных глаголов с частицей **-ван**. Такие глаголы в основном имеют значение неполноты действия или относительности действия. Образуются такие формы от глаголов, обозначающих какое-либо действие: *тIяхIбухъес* ‘прыгнуть’ – *тIяхIванбухъес* ‘чуть-чуть прыгнуть’, *варсвахъес* ‘заартачиться’ – *варсванвахъес* ‘немного заартачиться’, *ахъбирес* ‘поднимать’ – *ахъванбирес* ‘чуть поднимать, приподнимать’ и т.д.

Совершенствование орфографии – это и совершенствование орфографического словаря. Следует подчеркнуть нормативную функцию такого словаря. Цель

нормативного словаря – дать норму употребления слова литературного языка. Иными словами, нормативные словари не только устанавливают стандарт употребления слова и тем самым задают литературную норму, но и являются эффективным инструментом языковой политики и языкового строительства.

Первый «Орфографический словарь даргинского языка с правилами орфографии» С.Н. Абдуллаева вышел в начале 1941 года. Работа над словарем должна была завершиться в 1937 году. Словарь должен был охватить 7 тысяч слов. Однако обстоятельства сложились так, что в орфографический словарь вошло лишь 2500 слов. Этот словарь был дополнен (содержал около 11700 слов) и с приложением свода орфографических правил был издан в 1941 году. Составителем словаря стал известный ученый-даргиновед С.Н. Абдуллаев. Однако следует сразу оговориться, что в Словарь было включено непомерно большое количество слов, заимствованных из русского языка (более 2500 слов). Большая часть русизмов, на наш взгляд, включена без необходимости, т.к. в даргинском языке имеются эквиваленты таких слов. Можно привести такие примеры, как *безбожник, внушение, доменная печь, дорожный мастер, завтрак, зажиточный, закуска, кисть, конюх, наглядный, направление, речь, табун, туалет* и многие другие. Возможно, это делалось намеренно, чтобы облегчить задачу изучения русского языка. Действительно, первые словари создавались нелегко. В них встречается немало ошибок не только в переводах, но и в правописании слов родного языка. Во-первых, в то время было мало подготовленных специалистов по национальным языкам, во-вторых, вообще не было работ по лексике, в-третьих, приходилось одновременно составлять и уточнять своды орфографических правил.

Тем не менее первый орфографический словарь даргинского языка сыграл большую роль в становлении и нормировании даргинского литературного языка. Особо следует подчеркнуть роль и значение свода орфографических правил, приложенного к словарю, вышедшему значительным по тем временам (да и по нынешним) тиражом – 5000 экземпляров. Как отмечает составитель словаря в предисловии, свод орфографических правил, включенный в данный словарь, является новым, т.е. переработанным и дополненным, по сравнению с первым сводом, вышедшим в 1938 году.

Орфографический словарь переиздавался не раз. Так, например, в издания 1970 и 1978 годов были включены новые, усовершенствованные своды орфографических правил, которые были приняты орфографической комиссией и утверждены Министерством просвещения ДАССР. В орфографическую комиссию 1970 года входили ученые-языковеды, писатели и поэты, журналисты и редактора газет и журналов.

В 2011 году был издан новый (экспериментальный) орфографический словарь даргинского языка. Этот словарь является наиболее полным – включает 76 тысяч слов и словоформ (словарь 1989 года включал лишь 12 тысяч лексем). Новый орфографический словарь, на наш взгляд, соответствует научному уровню своего времени, хотя определённые сомнения относительно оправданности включения тех или иных лексем в словник, как и относительно оформления словарных статей остаются. В этом словаре отдельными заглавными словами даны все словоформы, входящие в парадигму слова, даже классные, например: *батес* (ср. р.), *ватес* (м. р.), *ратес* (ж. р.), *датес* (мн. ч.) ‘оставить’. На наш взгляд, для этого нет достаточных оснований. При необходимости их можно дать в одной словарной статье, например: *батес* [*ватес* I, *ратес* II; *датес* III мн.].

После принятия нового Свода орфографических правил даргинского языка, естественно, следует приступить к составлению принципиально нового, отвечающего требованиям современности, орфографического словаря даргинского языка. Новый орфографический словарь должен стать основой для национально-русских и других словарей.

Заключение. Таким образом, в заключении можно сказать о том, что периодическое совершенствование письменности и орфографических сводов дагестанских языков является социально-исторической необходимостью.

Подводя некоторые итоги истории даргинской орфографии, можно отметить и тот факт, что общество отошло от той практики, когда орфографические правила обновлялись каждые десять лет. Проект 1993 года в марте был опубликован на страницах даргинской газеты «Замана» и широко обсужден. Были учтены все критические замечания и пожелания, поступившие от учителей школ, преподавателей педучилищ и вузов, работников печати и журналистов, писателей и поэтов, а также ученых-языковедов. Что помешало его принятию – непонятно.

Одним из существенных недостатков современной письменности дагестанских языков является отсутствие унификации в изображении идентичных звуковых единиц. Проблемы дагестанских языков, связанные с вопросами совершенствования орфографии, в основном совпадают.

Мы рассмотрели основные проблемы, связанные с обновлением нового проекта Свода орфографических правил даргинского языка, и предложили внести некоторые изменения. Естественно, при обсуждении проекта возникают и вопросы, и разногласия. Предложенные в статье изменения и новшества в орфографические правила даргинского литературного языка, на наш взгляд, будут позитивно приняты обществом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка: (Фонетика и морфология) / С.Н. Абдуллаев; Дагест. филиал Акад. наук СССР. Ин-т истории, языка и литературы. – Махачкала, 1954. – 216 с.
2. Абдуллаев З.Г. Орфографический застой и перестроечный бум в изучении дагестанских языков / З.Г. Абдуллаев // Советский Дагестан. – 1989. – № 5. – С. 24–33.
3. Дарган мезла лукнила кьайдурти = Свод орфографических правил даргинского языка. Проект / сост. М.-С.М. Мусаев. – Махачкала : ДНЦ РАН, 1998. – 32 с.
4. Юсупов Х.А. История и современное состояние орфографии даргинского языка / Х.А. Юсупов // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. – Т. 6, № 3(20). – С. 118–120.
5. Друговойко-Должанская С.В. О так называемых новых правилах орфографии / С.В. Друговойко-Должанская // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2022. – Т. 4, № 1. – С. 42–56.
6. Мусаев М.-С.М. Дарган мез = Даргинский язык. Пособие для вузов / М.-С.М. Мусаев. – Махачкала : Изд-во «Радуга», 2014. – 408 с.
7. Магомедов М.А. Проблемы графики и орфографии аварского языка / М.А. Магомедов // Государственный язык Российской Федерации и языки народов Дагестана: теория, практика, перспективы обучения: Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной Международному дню родного языка, Махачкала, 24 февраля 2021 года. – Махачкала : ИП Тагиев Р.Х., 2021. – С. 87–90.
8. Уружбекова М.М. Характеристика и принципы даргинской орфографии / М.М. Уружбекова // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 4 (77). – С. 376–379.
9. Магомедов М.А. Проблемы аварской письменности и пути их решения / М.А. Магомедов, М.М. Магомедова // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2021. – № 26. – С. 6–9.
10. Юзбекова С.Б. Орфографические словари и современные проблемы лезгинской орфографии / С.Б. Юзбекова // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2020. – № 77. – С. 75–80.

11. Дашдемиров Ш.З. Современные проблемы орфографии табасаранского языка / Ш.З. Дашдемиров // Вопросы современной дагестанской лексикологии и лексикографии: сборник статей. Выпуск I. – Махачкала : ИЯЛИ ДФИЦ РАН, Типография Алеф, 2021. – С. 69–80.
12. Юсупов Х.А. Даргинский литературный язык: орфографические нормы и лексикографическая практика / Х.А. Юсупов, Р.О. Муталов // Семантика языковых единиц разных уровней: Ежегодный сборник научных трудов. Том 15. – Махачкала : Дагестанский государственный университет, 2013. – С. 119–122.
13. Юсупов Х.А. Из истории становления даргинской орфографии / Х.А. Юсупов // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2015. – № 15. – С. 77–82.

REFERENCES

1. Abdullaev S.N. (1954) Grammatika darginskogo yazyka: (Fonetika i morfologiya) [Grammar of the Darginian language: (Phonetics and morphology)]. Makhachkala (In Russian).
2. Abdullaev Z.G. (1989) Orfograficheskii zastoi i perestroechnyi bum v izuchenii dagestanskikh yazykov [Spelling stagnation and the perestroika boom in the study of Dagestan languages]. Sovetskii Dagestan (pp. 24–33). (In Russian).
3. Dargan mezla luklnila k'yaidurtin (1998) = Svod orfograficheskikh pravil darginskogo yazyka. Proekt [A set of spelling rules of the Darginian language. Project]. Makhachkala (In Darginian).
4. Yusupov Kh.A. (1917) Istoriya i sovremennoe sostoyanie orfografii darginskogo yazyka [The history and current state of Darginian orthography]. Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal (pp. 118–120) (In Russian).
5. Drugoveiko-Dolzanskaya S.V. (2022) O tak nazyvaemykh novykh pravilakh orfografii [About the so-called new spelling rules]. Journal of Applied Linguistics and Lexicography (pp. 42–56) (In Russian).
6. Musaev M.-S.M. (2014) Dargan mez = Darginskii yazyk. Posobie dlya vuzov [The Darginian language. Handbook for universities]. Makhachkala (In Darginian).
7. Magomedov M.A. (2021) Problemy grafiki i orfografii avarskogo yazyka [Problems of graphics and spelling of the Avar language]. Gosudarstvennyi yazyk Rossiiskoi Federatsii i yazyki narodov Dagestana: teoriya, praktika, perspektivy obucheniya: Materialy Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi Mezhdunarodnomu dnyu rodnogo yazyka. Makhachkala (pp. 87–90) (In Russian).
8. Urzhbekova M.M. (2019) Kharakteristika i printsipy darginskoi orfografii [Characteristics and principles of Darginian spelling]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya (pp. 376–379) (In Russian).
9. Magomedov M.A., Magomedova M. M. (2021) Problemy avarskoi pis'mennosti i puti ikh resheniya [Problems of the Avar script and ways to solve them]. Vestnik Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy. (pp. 6–9) (In Russian).
10. Yuzbekova S.B. (2020) Orfograficheskie slovari i sovremennye problemy lezginskoi orfografii [Spelling dictionaries and modern problems of Lezgian spelling]. Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. (pp. 75–80) (In Russian).
11. Dashdemirov Sh.Z. (2021) Sovremennye problemy orfografii tabasaranskogo yazyka [Modern problems of spelling of the Tabasaran language]. Voprosy sovremennoi dagestanskoi leksikologii i leksikografii: sbornik statei. Vypusk I. Makhachkala. (pp. 69–80) (In Russian).
12. Yusupov Kh.A., Mutalov R.O. (2013) Darginskii literaturnyi yazyk: orfograficheskie normy i leksikograficheskaya praktika [Darginian literary language: spelling norms and lexicographic practice]. Semantika yazykovykh edinitz raznykh urovnei: Ezhegodnyi sbornik nauchnykh trudov. Tom 15. Makhachkala. (pp. 119–122) (In Russian).
13. Yusupov Kh.A. (2015) Iz istorii stanovleniya darginskoi orfografii [From the history of the formation of Darginian spelling]. Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike. (pp. 77–82) (In Russian).

Поступила в редакцию 27.05.2025 г.

ISSUES OF IMPROVING DARGINIAN SPELLING

K.A. Yusupov, S.M. Temirbulatova

The article deals with the issues of improving the spelling of the young-written Darginian literary language. These issues were considered last in 1998, but the draft set of new spelling rules was not adopted. Therefore, we use the spelling rules approved in 1979. Currently, there is a need to consider all proposals and innovations to improve Darginian spelling. The preparation of a new draft set of spelling rules, its national discussion and approval is an urgent task of the modern stage of the development of the Darginian literary language. This problem

solution can meet the needs of schools and society, and thus contribute to improving the native speakers' literacy. Periodic improvement of the spelling codes of Dagestan languages, including the Dargin language, is a socio-historical necessity.

Keywords: Darginian language, spelling, improvement of spelling rules

Юсупов Хизри Абдулмаджидович.

Кандидат филологических наук.

Институт языка, литературы и искусства им.
Г. Цадасы Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Российская
Федерация, г. Махачкала.

Заведующий отделом лексикологии и
лексикографии.

ORCID 0000-0003-3195-722X.

E-mail: h-yusupov@mail.ru.

Yusupov Khizri Abdulmajidovich.

Candidate of Philology.

G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
of the Dagestan Federal Research Center of the
Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian
Federation.

Head of Department of Lexicology and Lexicography.

ORCID 0000-0003-3195-722X.

E-mail: h-yusupov@mail.ru.

Темирбулатова Сапияханум Муртузалиевна

Доктор филологических наук.

Институт языка, литературы и искусства им.
Г. Цадасы Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН, Российская
Федерация, г. Махачкала.

Главный научный сотрудник.

ORCID 0000-0001-7526-3831.

E-mail: sapiiakhanum@mail.ru.

Temirbulatova Sapiyakhanum Murtuzalievna

Doctor of Philology.

G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
of the Dagestan Federal Research Center of the
Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian
Federation.

Chief Researcher.

ORCID 0000-0001-7526-3831

E-mail: sapiiakhanum@mail.ru.

Научная статья

УДК 81'255.2

DOI: 10.5281/zenodo.15768285

ЯНГ-ЭДАЛТ ХОРРОР КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

© 2025 Е.А. Бармина¹, О.Г. Скидан², А.И. Фортун³

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет»

ORCID¹: 0000-0002-8255-401X

ORCID²: 0000-0003-3231-1965

ORCID³: 0009-0002-6431-7763

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются особенности воплощения категории «ужасное» в современном тексте жанра янг-эдалт в контексте адекватной актуализации его прагматического потенциала в переводе. На материале серии книг «Tales of Terror» британского писателя Криса Пристли выделены функциональные доминанты текста данного жанра, требующие акцентуации на этапе его предпереводческого анализа с целью адекватного воссоздания в переводе. С художественной точки зрения литература янг-эдалт хоррор предполагает многоплановость сюжета, эмоциональную напряженность, которая чаще всего достигается с помощью элементов «страшного», динамики повествования. При этом язык повествования понятен и современен, что позволяет автору точно передать чувства и эмоции героев, а также создать текст, доступный для подростка. Сделаны выводы о том, что реализация дидактической и психологической функций литературы жанра янг-эдалт хоррор достигается благодаря синкретизму жанровых форм и конвергенции приемов художественной выразительности. Созданию атмосферы «ужасного» способствует высокая степень метафоричности, аллюзивности и символичности повествования. В переводе данные характеристики получают дополнительное выдвижение для экспликации семантики «ужасного», что приводит к повышению степени экспрессивности переводного текста.

Ключевые слова: категория «ужасное», янг-эдалт хоррор, перевод, аллюзивность, метафоричность, символичность, мотив смерти, Крис Пристли.

Для цитирования: Бармина Е.А. Янг-эдалт хоррор как проблема перевода / Е.А. Бармина, О.Г. Скидан, А.И. Фортун // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 27–35. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15768285>.

Введение. Эстетические идеи в истории художественного развития человечества часто становятся отдельными эстетическими категориями, отражающими самые разные изменения в восприятии и искусства, и философии, и человека в целом. Процесс осмысления эстетических категорий позволяет выявить, как именно искусство взаимодействует с обществом, какие ценности являются доминирующими в определенные исторические моменты. Историческое рассмотрение эстетической категории «ужасное» доказывает ее присутствие в литературе всех эпох. Ужас служит как средством развлечения, так и исследования человеческой природы и социальных реалий. Разнообразие подходов к пониманию данной категории в отечественной и зарубежной литературных традициях подчеркивает ее многогранность и важность в культурной истории человечества.

«Ужасное» в некоторой степени перекликается с категориями «страшное» и «трагическое», однако имеет иную природу. Страх обусловлен эмпирической опасностью, в то время как ужас связан с трансцендентным, с «тоской бытия и небытия» [2, с. 47]. «Трагическое», как правило, связано с надеждой на разрешение конфликтов и

возможностью положительных изменений в будущем. «Ужасное» же погружает в состояние безысходности и безнадежности. Если «трагическое» может вдохновлять и возвышать человека, подчеркивая его способность противостоять обстоятельствам и находить в себе силы и мужество для борьбы, то «ужасное» превращает человека в жертву обстоятельств. В этом контексте ужас становится не просто эмоциональным состоянием, а глубоким экзистенциальным кризисом, в котором теряется сам смысл борьбы.

Особую роль категория «ужасное» играет в истории развития детской литературы, так как элементы «ужасного» издавна использовались как инструменты для формирования моральных ценностей. Например, в сказках братьев Гримм страшные наказания для злодеев демонстрировали закон сказочной справедливости: зло всегда наказывалось, а добро вознаграждалось, даже если это проявлялось в гротескных или шокирующих формах. Элементы ужаса в детских сказках не только пугали, но и укрепляли идеи справедливости и морали. Начиная с XIX века «ужас» становится способом борьбы с подростковыми страхами и переживаниями, инструментом, формирующим морально-этические императивы.

В данной статье в центре внимания исследователей находятся особенности воплощения категории «ужасное» в современном литературном жанре – янг-эдалт. Направление современной массовой культуры янг-эдалт возникло в конце XX – начале XXI веков. В США литература янг-эдалт (young adult literature) предназначена для людей в возрасте от 12 до 18 лет. Существующий в России термин «книги для подростков» используется для маркировки литературы, предназначенной для детей среднего школьного возраста (от 11 до 13 лет). Термин «янг-эдалт», вошедший в отечественный литературный обиход относительно недавно, не только более точно обозначает целевую аудиторию, но и постепенно приобретает признаки самостоятельного жанра. Подтверждением служит популярная серия романов о Гарри Поттере Дж.К. Роулинг. Являясь представителями фэнтези литературы, романы совмещают в себе признаки других жанров, например, романа воспитания, детектива, а также представляют собой пример трансмедийного повествования [9]. Можно предположить, что с этой серии и начинается формирование литературы янг-эдалт как отдельного жанра, в котором тема смерти и страха становится одной из центральных.

Исследователи отмечают, что литература в жанре янг-эдалт отличается простотой и легкостью изложения, авторы часто опираются на известные литературные, фольклорные архетипы и мифы [3]. Тем не менее, поднимаемые в ней темы порой совсем не простые, например, тема взросления [8]. Особенность повествования заключается во «внутренней фокализации» [4, с. 205]: восприятие текста читателем осуществляется как бы совместно с главным героем, часто подростком, т.е. через призму человека, находящегося на пути самоидентификации. Причем потенциальная литературная ценность подобного повествования получается такой же, как и в случае «взрослых» рассказчиков.

Одним из наиболее активно развивающихся направлений литературы янг-эдалт является литература ужасов [10], все многообразие которой можно обозначить термином янг-эдалт хоррор. С художественной точки зрения литература янг-эдалт хоррор предполагает многоплановость сюжета, эмоциональную напряженность, которая чаще всего достигается с помощью элементов «страшного», динамики повествования. При этом язык повествования понятен и современен, что позволяет автору точно передать чувства и эмоции героев, а также создать текст, доступный для подростка. Сохранение этих особенностей составляет основу перевода произведений в жанре янг-эдалт хоррор, что ставит перед переводчиком важную задачу: добиться равенства реакции при сохранении символичности и метафоричности описания.

Целью данного исследования является выявление функциональных доминант текста жанра янг-эдалт хоррор на этапе его предпереводческого анализа с целью обеспечения адекватной актуализации его прагматического потенциала в переводе [1].

Материалы и методы исследования. В качестве материала исследования выбраны три книги из серии «Tales of Terror» британского писателя, номинанта премии Эдгара По, Криса Пристли, а также их переводы на русский язык, выполненные Дмитрием Карельским (2021 г.) и Натальей Александровой (2023 г.).

Каждая книга цикла представляет собой сборник историй, рассказываемых молодым, неопытным и невинным слушателям, а сам рассказчик представляется как тревожная и даже зловещая фигура (эксцентричный дядя, неизвестный ночной гость, странная Женщина в белом). Встреча юного слушателя и рассказчика происходит в типичной для готического произведения обстановке: старый дом в мрачном лесу, заброшенная гостиница у штормящего моря, поезд, внезапно останавливающийся перед темным туннелем посреди пустынного пейзажа. Каждая сказка заканчивается смертью одного или нескольких персонажей. Более того, смерть как бы становится доминирующим персонажем, возможно и самым рассказчиком. В «Страшных сказках дядюшки Монтегю» и «Страшных сказках с черного корабля» рассказчики – живые мертвецы, а в «Страшных сказках Женщины в белом» присутствует аллегорическая фигура смерти. Юные герои, попадающие в беду, часто страдают от чувства одиночества, отверженности, их не понимают, или они разлучены с родителями. Чувство страха усиливается, потому что эти переживания близки героям-слушателям. Пристли развивает заложенную Эдгаром По тему раздвоенного «я». С одной стороны, детская непосредственность и еще неполное понимание самого себя становятся причиной уязвимости и незащитности персонажей Пристли. С другой стороны, отсутствие самоопределения может обернуться разрушительной силой.

Исследуемая серия написана в русле готической традиции, возвышенность которой предполагает новое отношение к языку «ужаса». В контексте данной традиции рассказы Криса Пристли о смерти и сверхъестественном можно рассматривать как истории взросления. Они готовят героя к тому, чтобы он вошел в комнаты с привидениями, узнал истории о своей семье, понял больше о самом себе и о человеческой природе в целом. Несмотря на то, что в этих историях рассказывают о самых страшных вещах, например, о детях, отравленных безумным отцом, основной посыл – это надежда на то, что все можно преодолеть. Так, в «Страшных сказках с черного корабля» акцент делается на освобождении детей от демонического влияния преступления, а в «Страшных сказках Женщины в белом» – на восстановлении семейных уз. Красной линией проходит мысль о том, что злодеяния нельзя игнорировать или забывать, иначе они будут повторяться снова и снова.

Функциональная разноплановость анализируемого материала требует комплексной методики анализа. Для выявления функциональных доминант текста используются лингвостилистический, контекстуальный, интерпретативный анализ оригинала, а также элементы концептуального анализа. Для оценки адекватности переводческих решений, направленных на воспроизведение стилистики «ужасов» в переводе, используется сопоставительный переводческий анализ.

Основная часть. Парадоксальность популярности хоррора заключается в том, что внимание читателя привлекает то, что в обычной жизни вызывает страх или отвращение. Следовательно, чем подробнее прорисованы детали, способствующие созданию эффекта «страшного», тем больше читатель погружается в историю. В переводе текстов данного жанра с английского языка на русский эта особенность воплощается в повышении степени экспрессивности переводного текста за счет гиперболизации соответствующих данной эстетике чувств, эмоций, действий, предметов, сил и т.п.

«*The thing that Arthur had chased away had dissolved into the heat haze*» [16, с. 109] / «*Тварь, которую спугнул Артур, растворилась в дрожащем маре*» [11, с. 185]. «*But she could see now that it was no cat, but something else – something not at all right*» [16, с. 70] / «*Но тут она поняла, что это был вовсе не кот, а что-то другое – какое-то немыслимо уродливое существо*» [11, с. 118].

В данных примерах десемантизированное слово (*the thing*) и словосочетание с широким объемом значения (*something not at all right*) в переводе конкретизируются за счет использования коннотативно маркированных единиц, что способствует экспликации и, соответственно, усилению семантики ужасного.

«*Harriet peered at the figures. There was something disturbing about them*» [16, с. 67] / «*Харриет пристально рассмотрела фигурки. В них было что-то жутковатое*» [11, с. 62]. «*Full horror of the injuries was now all too apparent*» [16, с. 131] / «*Во всех ужасающих подробностях были видны его увечья*» [11, с. 224].

В приведенных примерах повешение степени экспрессивности переводного текста происходит в результате использования единиц с более ярко выраженной перцептивностью, что позволяет читателю точнее прочувствовать и «увидеть» описываемое в тексте.

Кроме того, в янг-эдалт хорроре очень часто к «страшному» и «жуткому» присоединяется эстетика «ужасного» и даже «безобразного». Исследователи объясняют эту особенность «некоторыми специфическими чертами молодежной культуры, активно использующей обращение к категории «омерзительного» и «скаталогического», в том числе, и для достижения комического эффекта» [5, с. 53].

«*Amid the disgusting, offal-like substance of the creature's body, he could clearly see concentric circles of sharp triangular teeth surrounding its mouth. George leaned forward for a closer look, when the teeth suddenly jerked into action, snapping together with horrible speed, as if it were some infernal machine*» [14, с. 68] / «*Вокруг ротового отверстия улитки в мерзкой, напоминающей требуху плоти явственно виднелись острые треугольные зубы, расположенные концентрическими кругами. Джордж наклонился, чтобы рассмотреть их получше, как вдруг зубы пришли в движение и ужасающе быстро защелкали, будто адский механизм*» [13, с. 122].

Эффект устрашения создается за счет сочетания разнородных характеристик при описании существа (*offal-like substance of the creature's body, some infernal machine*). Оно наделяется не только качествами, присущими животному. Акцентируется механический характер его действий (*teeth suddenly jerked into action, snapping together with horrible speed*), что усиливает ощущение неестественности происходящего. Метафорическое сравнение *offal-like substance* работает на усиление эффекта: существо не только пугает, оно вызывает отвращение. В переводе этот эффект реализуется еще более гиперболизировано благодаря конкретизации (*creature – улитка, body – плоть*). Выбор соответствия *механизм* для оригинального *machine* позволяет создать необходимый звуковой образ – металлическое лязганье зубов.

Большинство сюжетов произведений данного жанра связано с мотивом смерти. Страх смерти относится к природным страхам, основанным на инстинкте самосохранения, и является одним из ведущих страхов, возникающих у подростков. Психологи сходятся во мнении, что подобного рода страхи позитивны, поскольку удерживают ребенка от опасных и необдуманных поступков. В страхе есть сила: самосохранение, выживание, активизация жизненных сил, мобилизация, приобретение опыта.

Реализация данной особенности в текстах рассматриваемого нами жанра происходит как через прямые номинации, с помощью лексико-семантических вариантов слов, составляющих ядро данного семантического поля, так и через макабрические метафоры и сравнения, требующие особого внимания в переводе. Причем эксплицитное

воплощение в переводе получают и те составляющие концепта «смерть», которые не имеют прямой вербализации в оригинале. Например:

«*Above him the tree died away, ending in a jagged stump, as if it had once been even taller, and in this highest part of the tree, embedded in the bark, were dozens and dozens of small metal objects*» [16, с. 23] / «Над тем местом, где он сидел, ствол дерева высох и заканчивался зазубренным пнем – так, будто когда-то дерево было выше, но потом сломалось. Но самое интересное, что в **омертвелую** кору сухой верхушки было вделано множество небольших металлических предметов» [11, с. 36].

Метафорический многослойный образ дерева, который отражает темы памяти, мистической угрозы и неизбежности, адекватно передан в переводе в том числе за счет дополнительной вербализации.

«*Francis's body was lying on its back ..., one arm over his face as if to defend himself, a dark and cruel redness shimmering horribly at his throat*» [16, с. 109] / «...**мальчик был мертв** и лежал навзничь: одна рука на лице, как если бы он пытался защищаться, а на шее – кошмарный кровавый шрам» [11, с. 185].

Слово *body* нейтрально, в нем чувствуется намеренная «холодность», в то время как в переводе в слове *мальчик* уже появляется нотка сочувствия. Это уточнение не изменяет смысла, но усиливает эмоциональную нагрузку, подчеркивая, что трагедия произошла с ребенком. Добавление *мертв* в русском переводе усиливает ощущение беспомощности человека перед злым и таинственным духом.

К сожалению, экспрессивный потенциал макабрической метафоры *a dark and cruel redness shimmering horribly at his throat* не был реализован в полном объеме. Метафора была заменена на более привычное словосочетание *кошмарный кровавый шрам*, хотя и с некоторой компенсацией основной семантики «ужасного» за счет выбора соответствия *кошмарный*. В оригинале рана персонифицирована, она как будто «живая» – еще не запекшаяся кровь блестит при палящих солнечных лучах. В переводе фраза стала более конкретной и менее образной.

Неотъемлемой частью этого жанра являются метафоры, которые могут стать переводческой трудностью. Авторы произведений в жанре янг-эдалт часто используют не просто скрытое образное сравнение, а «буквализованную метафору», то есть метафорическое сравнение раскрывается и как элемент языковой игры, и как полноценный образ, и как особый сюжетный ход, создающий интригу произведения. Такая сложная метафора переходит из готической традиции, в которой элементы сверхъестественного (призраки, вампиры, монстры и другие паранормальные существа) часто служат метафорами для внутренних конфликтов и страхов. Поэтому переводчику нельзя опустить такую метафору или заменить кардинально иным художественным образом, поскольку тогда может нарушиться и авторский стиль, и авторская идея. Однако возможна адаптация, продиктованная различиями в строении языка. И такие изменения, хотя, безусловно, и влияют на восприятие произведения, но не нарушают авторского замысла.

Важной составляющей подросткового хоррора является описание звуковых ощущений описываемых действий. Благодаря ономотопее читатель рассматривает картину происходящего не как сторонний наблюдатель, а проживает события наравне с героями. Переводчик при выборе соответствий должен учитывать, что акустические характеристики аллитерируемого звука могут соответствовать в значительной мере лексическому значению слова и тем эмоциям, которые оно вызывает. В приведенном ниже фрагменте ономотопея создается с помощью слова *snip* (букв. – *надрез, ножницы*).

«...*she seemed oblivious to him as she squeezed the secateurs in her bony hands and cut through another twig. The blades flashed in the sunlight and slipped through the flesh of the wood with a loud SNIP and there was something hideous about the relish Old Mother Tallow*

seemed to take in this cutting» [16, с. 78] / «...ее внимание без остатка занимали садовые ножницы, которыми она с громким "вж-ж-жик" один за другим отсекала отростки древесной плоти. Было что-то отвратительное в том, с каким наслаждением старая мамаша Таллоу предавалась этому занятию» [11, с. 133].

В русском варианте капитализация звукоподражательного элемента компенсируется аллитерацией (ножницы – вжик). Звуковой эффект, безусловно, является важным элементом, поскольку позволяет усилить атмосферу тревоги по поводу неестественной увлеченности мамы Таллоу. Звук передает ощущение резкости и даже агрессии в ее движениях. Тревожный и зловещий характер происходящего усиливается метафоричностью описания. Автор делает акцент на органичности дерева, изображая его не просто как растение, а как нечто живое (*the flesh of the wood*). В переводе этот эффект воссоздается благодаря выбору адекватных метафоричных соответствий (*отростки древесной плоти*).

Характерной чертой янг-эдалт хоррора является присутствие в тексте описаний пейзажа, создающих тревожную атмосферу или необходимый эмоциональный фон. Среди средств воссоздания подобных описаний в переводе преобладают эмотивы и глаголы эмоциональной реакции, при этом степень экспрессивности текста перевода становится выше. Отчасти данное явление можно объяснить различием в строе языков. В отличие от «западных» языков русский язык уделяет эмоциям больше внимания и имеет более разнообразный спектр лексических средств для их описания.

*«The Atlantic Ocean was **wild** and flecked with white foam. **Brooding** clouds capped the far hills and a **fierce** wind whistled round the eaves of the house and bullied the few **twisted** trees that stood about it» [15, с. 81] / «Атлантический океан **ярился** и шел пятнами белой пены. На дальние холмы опустились **зловещие** облака, а **неустовый** ветер свистел под карнизом и издевался над немногими **согбенными** деревьями, росшими у дома» [12, с. 132].*

Примером удачной замены для воссоздания тревожной атмосферы оригинала является выбор глагола эмоциональной реакции «ярился» в качестве соответствия для прилагательного *wild*. В силу меньшей частотности его употребления в русском языке (по сравнению с более высокой частотностью прилагательного той же семантики) возрастает степень его экспрессивности. Закон экспрессивно-стилистического согласования также требует использования в ближайшем окружении дополнительных элементов, обладающих повышенной экспрессивностью, что объясняет выбор в переводе соответствий более высокого стиля, чем в оригинале (*brooding* – *зловещие*, *fierce* – *неустовый*, *twisted* – *согбенными*).

В литературе янг-эдалт часто встречаются отсылки к произведениям мировой культуры. Переводчику нужно решать, какие элементы оставить без изменений, а какие адаптировать для читателей другой культуры. Чаще всего, аллюзия, которая вызывает у англоязычного читателя необходимые автору эмоции, нуждается в дополнительном пояснении в переводческом примечании.

Крис Пристли часто ссылается на произведения именно готической и романтической литературы, что помогает установить параллели между его персонажами и известными литературными героями «страшных» произведений. Это может быть как прямая цитата, так и упоминание сюжетных линий или тем.

В исследуемой серии сказок звучат аллюзии на произведения готической и романтической литературы: «Сказание о старом мореходе» Сэмюэла Колриджа, «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима» Эдгара По, «Безжалостная красавица» Джона Китса и «Женщина в белом» Уилки Коллинза. Необъяснимая жестокость, на которую способны некоторые герои этих произведений, является неотъемлемой частью всех конфликтов. Их жестокость становится рефреном и напоминает о так называемом

готическом методе преувеличения, предполагающем использование готических мотивов, таких как «боль, болезнь и смерть», для создания «сильных эмоций ужаса» [7].

Сохранение прямых отсылок в переводе текстов данного жанра оправданно, несмотря на присутствие переводческого комментария. Отношение к подобным добавлениям в тексте неоднозначное, так как они увеличивают объем перевода и служат определенным отвлекающим моментом, что не всегда положительно сказывается на вовлеченности в повествование. Однако, целевая аудитория литературы янг-эдалт хоррор позволяет такое переводческое решение. Это способствует расширению литературного кругозора, возможно, даже стимулирует образовательный интерес.

«*She even gave a recital of John Keats "La Belle Dame Sans Merci" one evening after dinner. "O what can ail thee, knight at arms," she had intoned, dressed in a long white gown, "Alone and palely loitering? The sedge has withered from the lake, And no birds sing..."*» [15, с. 60] / «Однажды после ужина Лора даже прочла наизусть балладу *La Belle Dame sans Merci* [Безжалостная красавица] Джона Китса. – Зачем здесь, рыцарь, бродишь ты, – нараспев декламировала она, одетая в длинное белое платье, – один, угрюм и бледнолиц? Осока в озере мертва, не слышно птиц [пер. Л. Андрусона]» [12, с. 96].

К дифференцирующим признакам данного жанра можно отнести и особый интердискурс, формируемый с помощью синкретизма жанровых форм (т.е. присутствия элементов таких жанров, как сказка, фэнтези, триллер и других). Маркерами интердискурсивности выступают отсылки не к какому-либо конкретному произведению, а к целой типологической модели текстов [6, с. 109] (например, использование такого фольклорного сюжетно-композиционного приема, как ситуация «рассказывания»).

В текстах янг-эдалт хоррор присутствуют приемы, характерные для жанра триллера, например, синтаксические конструкции и детали, создающие и усиливающие напряжение, приемы создания неопределенности за счет тревожного ожидания угрозы, созданной антагонистом, и т.п. В переводе наблюдается повышение степени экспрессивности текста за счет выдвижения этих маркеров.

«*Whatever was making the noise was no longer at the foot of the tree, but had begun to climb it. He could hear the sound of something **thudding into the bark** and then **dragging itself up**, as if a soldier were scaling the tree using **grappling hooks**. He saw with mounting nervousness that the **branches below him were shaking as whatever it was approached***» [16, с. 24] / «**Существо, чей вой донесся до Джозефа, уже взбиралось на дерево. Джозеф слышал, как кто-то глухо ударяет по дереву, а потом рывком грузно подтягивается, словно наверх лезет солдат, цепляясь за ветки стальными крючьями. От того, как раскачивались ветви, по которым этот кто-то подбирался все ближе и ближе, Джозефу становилось не по себе**» [11, с. 39].

В приведенном фрагменте напряжение создается за счет десемантизированных слов *whatever* и *something*, создающих пугающее ощущение неизвестности. В переводе *существо* производит более ужасающий эффект на читателя за счет конкретизации издаваемого звука (*the noise* – *вой*); добавления наречия *грузно*, подчеркивающего большой размер существа; использования форм настоящего времени, что позволяет читателю ощутить себя участником описываемых событий; экспрессивной конкретизации глагола и лексического повтора (*whatever it was approached* – *кто-то подбирался все ближе и ближе*), усиливающих напряжение и ужас.

Заключение. Таким образом, реализация дидактической и психологической функций литературы жанра янг-эдалт хоррор достигается благодаря синкретизму жанровых форм и конвергенции различных стилистических приемов (например, прорисовка художественных деталей, воплощение мотива смерти, использование звукописи, отсылка к готической литературе и др.). Идея необходимости борьбы с внутренними конфликтами и страхами

находит текстовое воплощение в активном использовании средств разных уровней языка (фонетического, лексического, синтаксического). Аллюзивность, высокая метафоричность и символичность повествования также способствуют созданию атмосферы «ужасного». В переводе данные функциональные доминанты получают дополнительное выдвижение для экспликации семантики «ужасного», что приводит к повышению степени экспрессивности переводного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бармина Е.А. Адаптация текстов жанра young adult как средство актуализации их прагматического потенциала при переводе / Е.А. Бармина, Ю.А. Мороз, О.Г. Скидан // МНКО. – 2022. – №5 (96). – С. 306–309.
2. Бердяев Н.А. Самопознание / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2017. – 480 с.
3. Березина А.В. Литература young adult в кругу чтения старшеклассников: результаты теоретико-эмпирического исследования [Электронный ресурс] / А.В. Березина, А.В. Бочарова // Вестник ЧГАКИ. – 2023. – №1 (73). – С. 14–24.
4. Женетт Ж. Повествовательный дискурс / Ж. Женетт // Фигуры. – М.: Издательство им. Сабашниковых. – 1998. – Т. 2. – С. 60–281.
5. Сергиенко (Антипова) И.А. «Страшные» жанры современной детской литературы [Электронный ресурс] / И.А. Сергиенко (Антипова) // Детские чтения. – 2012. – №1 (1). С. 131–147.
6. Чернявская В.Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости [Электронный ресурс] / В.Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. С. 106–111.
7. Burke E.A. Philosophical Enquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and the Beautiful / E. Burke. – New York: Columbia University Press, 2014. – 192 p.
8. Lawton C.J. Fictional Escapism and Identity Formation: A Duoethnographic Exploration of Stories and Adolescent Development / C.J. Lawton, L.K. Cain // The Qualitative Report. – 2022. – Vol.27. – №12. – DOI: 10.46743/2160-3715/2022.5742.
9. Mygind S. Young Adult Literature: Transmedia Transformations / S. Mygind. – Cambridge: Cambridge University Press, 2023. – 114 p.
10. Peradze N. Conceptual metaphors in «The Dead of Winter» by Chris Priestley / N. Peradze // Online Journal of Humanities ETAGTSU. – 2024. – № 9. – 16 p. – DOI: 10.52340/PUTK.2024.2346-8149.09.08.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Пристли К. Страшные сказки дядюшки Монтегю: [для среднего и старшего школьного возраста] / К. Пристли; пер. с англ. Д. Карельского; ил. Д. Робертса. – М.: Самокат, 2022. – 272 с. : ил. – (Страшные сказки).
12. Пристли К. Страшные сказки Женщины в белом: [для среднего и старшего школьного возраста] / К. Пристли; пер. с англ. Н. Александровой; ил. Д. Робертса. – М.: Самокат, 2023. – 256 с. : ил. – (Страшные сказки).
13. Пристли К. Страшные сказки с Черного корабля: [для среднего и старшего школьного возраста] / К. Пристли; пер. с англ. Н. Александровой; ил. Д. Робертса. – М.: Самокат, 2023. – 264 с. : ил. – (Страшные сказки).
14. Priestley C. Tales of Terror from the Black Ship / C. Priestley; ill. D. Roberts. – 2010. – 256 p.
15. Priestley C. Tales of Terror from the Tunnel's Mouth / C. Priestley; ill. D. Roberts. – 2010. – 288 p.
16. Priestley C. Uncle Montague's Tales of Terror / C. Priestley; ill. D. Roberts. – 2009. – 256 p.

REFERENCES

1. Barmina E.A., Moroz Yu.A., & Skidan O.G. (2022). Adaptatsiya tekstov zhanra young adult kak sredstvo aktualizatsii ikh pragmaticheskogo potentsiala pri perevode [Adaptation of young adult texts as a means of actualizing their pragmatic potential in translation]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, (5(96)), 306-309. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-596-306-309> (In Russian).
2. Berdyayev N.A. (2017). *Samopoznanie* [Self-knowledge]. AST (In Russian).
3. Berezina A.V., & Bocharova A.V. (2023). *Literatura young adult v krugu chteniya starsheklassnikov: Rezultaty teoretiko-empiricheskogo issledovaniya* [Young adult literature in the reading circle of high school students: Results of a theoretical and empirical study]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*, (1(73)), 14–24 (In Russian).
4. Genette J. (1998). *Povestvovatel'nyy diskurs* [Narrative discourse]. In *Figury* [Figures] (Vol. 2, pp. 60–281). Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh (In Russian).

5. Sergienko (Antipova) I.A. (2012). "Strashnye" zhanry sovremennoy detskoj literatury ["Horror" genres of contemporary children's literature]. *Detskie chteniya*, (1(1)), 131–147 (In Russian)
6. Chernyavskaya V.E. (2004). Intertekst i interdiskurs kak realizatsiya tekstovoy otkrytosti [Intertext and interdiscourse as the realization of textual openness]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], (1), 106–111 (In Russian).
7. Burke E. (2014). A philosophical enquiry into the origin of our ideas of the sublime and the beautiful (192 p.). Columbia University Press (In English).
8. Lawton C.J., & Cain L.K. (2022). Fictional Escapism and Identity Formation: A Duoethnographic Exploration of Stories and Adolescent Development. *The Qualitative Report*, 27(12), 2938–2955. <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2022.5742> (In English).
9. Mygind S. (2023). Young adult literature: Transmedia transformations (114 p.). Cambridge University Press. (In English).
10. Peradze N. (2024). Conceptual metaphors in «The Dead of Winter» by Chris Priestley. *Online Journal of Humanities ETAGTSU*, 9, 16. <https://doi.org/10.52340/PUTK.2024.2346-8149.09.08> (In English).

Поступила в редакцию 25.05.2025 г.

YOUNG ADULT HORROR FICTION AS TRANSLATION PROBLEM

E.A. Barmina, O.G. Skidan, A.I. Fortun

The article explores linguistic representation of the ethics of horror in the young adult fiction. The case study of the "Tales of Terror" book series by British author Chris Priestley reveals dominant characteristics of the analyzed texts with the emphasis on their adequate rendering in Russian translation. Genre conventions of young adult horror fiction include a multi-layered plot and emotional tension. At the same time, the language is clear and modern, which allows the author to accurately convey the feelings and emotions of the characters, as well as create a text that is accessible to a teenager. Young adult horror fiction didactic and psychological functions are achieved through the interplay of genres and the convergence of artistic expression means. Richness of metaphor, allusion and symbolic narrative help elevate the scare factor. The additional foregrounding of these dominant characteristics in Russian translation is targeted at making their effect more explicit while enhancing the expressive quality of the translated text.

Keywords: ethics of horror, young adult horror fiction, translation, allusive narrative, metaphoric quality, symbolism, death motif, Chris Priestley.

Бармина Евгения Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация.
Доцент кафедры «Теория и практика перевода и
зарубежная филология» Института общественных
наук и международных отношений.
ORCID: 0000-0002-8255-401X.
E-mail: mar.indigo@mail.ru.

Скидан Ольга Геннадьевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация.
Доцент кафедры «Теория и практика перевода и
зарубежная филология» Института общественных
наук и международных отношений.
ORCID 0000-0003-3231-1965.
E-mail: skidan_ua@mail.ru

Фортуна Александра Игоревна.

Г. Севастополь, Российская Федерация.
Независимый исследователь.
ORCID 0009-0002-6431-7763.
E-mail: aleksa.fortun@gmail.com.

Barmina Evgeniia Alexandrovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Sevastopol State University, Sevastopol, Russian
Federation.
Associate Professor of Department of Theory and
Practice of Translation and Foreign Philology, Institute
of Social Sciences and International Relations.
ORCID : 0000-0002-8255-401X.
E-mail: mar.indigo@mail.ru.

Skidan Olga Gennadyevna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Sevastopol State University, Sevastopol, Russian
Federation.
Associate Professor of Department of Theory and
Practice of Translation and Foreign Philology, Institute
of Social Sciences and International Relations.
ORCID 0000-0003-3231-1965.
E-mail: skidan_ua@mail.ru.

Fortun Alexandra Igorevna.

Sevastopol, Russian Federation.
Independent researcher.
ORCID 0009-0002-6431-7763.
E-mail: aleksa.fortun@gmail.com.

Научная статья

УДК 811.134.2

DOI: 10.5281/zenodo.15780791

ИСПАНСКАЯ ЛАТЫНЬ VS КАСТИЛЬСКИЙ РОМАНСЕ: НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАННИХ ОБРАЗЦОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ

© 2025 С.Н. Безус¹, М.А. Смирнова²

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет»

²Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации

¹ORCID 0000-0001-7051-1533

²ORCID 0000-0002-5963-4249

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Исследование посвящено ранним образцам деловой письменности на испанской латыни и кастильском романсе (языке, вобравшем в себя два других главных романсе Пиренейского полуострова: леонский и наварро-арагонский). Цель работы – выявление основных характеристик испанской латыни (с VIII в.) и приходящего ей на смену романсе (испанского языка конца XI в. – сер. XIII в.), зафиксированного в текстах деловой письменности периода раннего Средневековья. Результаты: исследование корпуса документов CODEA позволило выявить временные рамки интенсивного использования латинского языка в деловой письменности и период отказа от него, а также начало внедрения в документооборот романсе и бурного его развития. Лингвистический анализ староиспанских текстов на латыни показал, что речь идет не о классическом ее варианте, а о пиренейской разновидности – испанской латыни (*el latín español* или *el latín hispánico*). В частности, в структуре местоименных посессивных и транзитивных конструкций проявляются как латинские, так и романские черты. Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы при изучении истории латинского и испанского языков.

Ключевые слова: латинский язык, испанская латынь, вульгарная латынь, романсе, испанский язык, средневековая Испания, деловая письменность.

Для цитирования: Безус С.Н. Испанская латынь vs кастильский романсе: некоторые характеристики ранних образцов деловой письменности средневековой Испании / С.Н. Безус, М.А. Смирнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 36–50. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15780791>.

*Обучите своих сыновей, по крайней мере, английскому и испанскому
– эти языки откроют им доступ к половине мира,
затем добавьте латынь – она откроет им доступ к знанию.*

А. Морюа

«Письма незнакомке» (О воспитании детей)

Введение. Общая теория систем гласит о том, что любая система развивается по так называемой **S-образной кривой**. Согласно этой концепции, каждая система «проживает» три этапа: период становления/зарождения; период расцвета/бурного развития; период угасания или «ухода со сцены». На последний период «жизни» одной

системы накладывается первый период зарождения уже новой системы, приходящей на смену уходящей и т.д. Далее цикл повторяется.

В начале своего зарождения система развивается медленно. На следующем этапе система начинает быстро развиваться, наступает ее повсеместное внедрение и массовое применение. Но с определенной точки скорость развития системы замедляется и наступает ее «старость». Сама система постепенно деградирует, «требуя» замены принципиально другой системой.

Язык, как система, не является исключением и в своем развитии проходит те же стадии, что и технические или социальные системы. Так, например, латинский язык, выйдя за пределы Апеннинского полуострова, достиг Пиренейского полуострова и «обосновался» там, сосуществуя некоторое время с местными языками, однако затем полностью их вытеснил, завершив, таким образом, процесс полной романизации (латинизации).

Однако на Пиренейском полуострове распространяется не классическая латынь, а латынь легионеров (не самых образованных представителей Рима), которая, трансформированная местным населением под нужды собственных реалий, превращается в так называемую **испанскую латынь**.

Как утверждает Маурильо Перес Гонсалес «no hay un único latín medieval, sino diversos latines medievales» ‘не существует единой средневековой латыни, но ее различные варианты’ [22, с. 49] (Здесь и далее перевод с испанского и латинского языков выполнен авторами настоящей статьи – С.Б. и М.С.). Латинский язык Пиренейского полуострова Хуан Антонио Айяла называет *el latín español* [10, с. 18]), Рафаэль Лапеса применяет термин *el latín hispánico* [17, с. 68].

Именно этот вариант латыни стал основой для возникновения нового языкового образования «**испанского романсе**», который объединяет исторические диалекты некоторых романских языков, например, «*romance castellano, romance leonés, romance ovetense*» [3, с. 37]. Испанские исследователи прибегают к термину **lengua española**, под которым понимается в широком смысле кастильский романсе как язык «*absorbido en sí otros dos romances principales hablados en la Península (el leonés y el navarro-aragonés)*» [19, с. 2].

В XIII веке скорость распространения латинского языка замедляется, и уже сама латынь (испанская) уступает место *el castellano*, который вытеснит ее даже из письменной сферы. Инес Фернандес-Ордоньес [15, с. 333] приводит следующее процентное соотношение документов на латыни и романсе в королевской канцелярии Кастилии и Леона (Таблица 1):

Таблица 1. Доля документов на латыни и романсе в королевской канцелярии Кастилии и Леона (XII–XIII вв.)

Короли	Латынь	Романсе
Кастилия		
Альфонс VIII (1158–1214)	99,3%	0,7%
Фернандо III (1217–1230)	91,6%	8,4%
Леон		
Альфонс VIII (1188–1230)	100%	-
Кастилия и Леон		
Фернандо III (1230–1252): 1231–1240	78,7%	21,2%
Фернандо III (1230–1252): 1241–1245	54,8%	45,1%
Фернандо III (1230–1252): 1246–1252	18,5%	81,4%
Альфонс X (1252–1284)	-	100%

Таким образом, «жизненный цикл» испанской латыни как языковой системы на Пиренейском полуострове завершается во второй половине XIII века. На смену ей приходит другая мощная сила – кастильский язык.

Несмотря на то, что «el castellano conquista, y, conquistando, se conquista a si mismo» [13, с. 23], испанская латынь является неотъемлемой частью исторического развития испанского языка. По словам М.А. Таривердиевой, знание истории языка есть важнейшее условие понимания его современного состояния, «владение этой информацией дает уверенность в адекватности общения на данном языке» [7, с. 152]. Поэтому сведения о «латинском периоде» развития испанского языка являются не менее ценными, чем в национальную эпоху.

Несмотря на многовековую традицию описания классической латыни, а также укоренившееся мнение о том, что «о ней уже все сказано», свежий взгляд на «полузабытое старое» сквозь призму современных лингвистических теорий поможет иначе интерпретировать ряд языковых явлений, что, несомненно, обогатит соответствующий раздел истории испанского языка новыми интересными данными. Кроме того, по словам Е.В. Желтовой, древний письменный текст необходимо расценивать не просто как источник информации, но и как послание некоему адресату, поэтому «трактовка многих спорных явлений с позиций современной лингвистики, а также обнаружение в хорошо известных элементах латинской грамматики скрытого пласта лингвистических категорий помогает обогатить наше представление о выразительных возможностях латинского языка и, в конечном счете, дает возможность адекватнее понять это "послание"» [4, с. 13].

Все вышесказанное и обуславливает **актуальность** настоящего исследования.

Введение в научный оборот текстов на латинском языке Пиренейского полуострова из цифрового архива CODEA (Corpus de Documentos Españoles Anteriores a 1700/1800/1900), т.е. Корпус испанских документов до 1900 года (далее – Корпус), обеспечивает **новизну** данной работы.

Теоретическая значимость состоит в расширении и углублении знаний об одной из разновидностей вульгарной латыни – испанской латыни и о раннем романсе, в установлении их основных характеристик, а также в выявлении моделей некоторых синтаксических конструкций.

Цель настоящей статьи заключается в установлении эволюционных тенденций в развитии латинского языка средневековой Испании (испанской латыни) и раннего романсе, а также в определении между ними некоторых сходств и различий на морфологическом и синтаксическом уровнях. **Предмет** исследования – морфологические черты и формальные структуры синтаксических конструкций.

Методы и материал исследования. Основными методами исследования являются: описательный (заключается в планомерной инвентаризации языковых единиц и объяснении их строения и функционирования); сравнительно-сопоставительный (при сравнении однотипного языкового материала в разных языках или в одном языке в разные временные периоды).

Материалом исследования послужили подлинные тексты деловой письменности на латинском языке Пиренейского полуострова и романсе, датированные концом VIII в. – 2-й половиной XIII в., относящиеся к различным регионам средневековой Испании. 72 документа взяты из архива CODEA+2015.

Исследовательские результаты и их интерпретация.

1. Появление латинского языка на Пиренейском полуострове. Древнее население (представители доиндоевропейских и индоевропейских племен) территорий

современной Испании в разное время оказывались то под властью финикийцев, то римлян, то германских племен, то арабов. Каждый раз коренное население вынуждено было адаптироваться к языку завоевателей. Определяющей языковое формирование Испании (*Hispania*) стала латынь легионеров, пришедших на Пиренейский полуостров в 218 г. до н.э. (начало 2-й пунической войны).

Носители латинского языка, римские войска, были посланы на территорию Испании для изгнания карфагенян/пунийцев (в частности армии Ганнибала). Окончательно под властью Рима Испания оказалась в 17/19 г. н.э. Около двух веков понадобилось Империи Вечного города, чтобы подчинить местное население: иберов, кельтиберов, кантабров, астуристов, басков и др.

Несмотря на то, что о насильственной романизации полуострова не может быть и речи, языки коренных автохтонов были забыты, уступив место латыни, которая «была слишком большой силой, обладала слишком большими ресурсами для того, чтобы местные языки могли удержаться» [8, с. 51].

Естественно, что на латинском языке были написаны найденные на территории Испании самые древние манускрипты, которые, однако, датируются не ранее VIII в. н.э. Так, например, Хесус Муньос и Риверо уверяет, что «... единственное, в чем нет никакого сомнения, – это в том, что ни в наших архивах, ни в наших библиотеках нет ни одного подлинного документа, написанного в Испании ранее VIII века» [20, с. 9].

К этому же времени, по словам Томаса Пуньяля Фернандеса, относятся и первые астурийские и астури-леонские королевские документы, датированные VIII–X вв., а также наваррские, каталонские и арагонские образцы деловой письменности. В большинстве своем это приказы, привилегии и письма-дарения [23, с. 153]. Исследователь делает одно важное замечание: все эти манускрипты написаны на латыни.

Первым официальным памятником на романсе в королевской канцелярии Кастилии П. Санчес-Прието Борха называет «Paces de Cabreros» (или «Tratado de Cabreros») 1206 г. Это сохранившееся в оригинале соглашение составлено королем Леона Альфонсом IX и королем Кастилии Альфонсом VIII. Документ представляет собой круговую привилегию (по форме печати), согласно которой признаются права наследования в Леоне за Фернандо (будущий Фернандо III) [24, с. 136].

И. Фернандес-Ордоньес относит первые памятники Кастилии и Наварры, написанные на местном языке, к концу XII в. При этом отмечается следующая особенность: предпочтение романсе отдается в тех случаях, когда тексты предназначены для устного зачитывания (юридические расследования, свидетельства, клятвы, проповеди, привилегии). Кроме того, романсе чаще встречается в коротких документах для внутреннего пользования (списки, расходы, доходы, долги и пр.) [15, с. 325, 329].

В королевской документации кастильский романсе встречается уже во время правления короля Кастилии Альфонса VIII. Однако только 7 документов, по словам Ордоньес, можно рассматривать как «scripta romance», что составляет лишь 0,7% от всего королевского документооборота в период 1158–1214 гг. Среди указанных документов самый ранний относится к 1194 г. (расследование короля Альфонса VIII по поводу границ территорий двух населенных пунктов Ледигос и Сальданья).

Указанное письмо, предназначенное для устного зачитывания, является единственным королевским документом на романсе, относящимся к XII в. (Остальные составлены уже в XIII в.: в 1210 г. и позднее). Однако этот памятник, по словам П. Остос Сальседо, принадлежит к числу трех документов Альфонса VIII, «que se conservan copiados» «которые сохранились в копиях» [21, с. 474]. А по справедливому утверждению Л.А. Становой «[д]остоверным и репрезентативным материалом лингвистических диахронических

исследований признаются только реально существующие и корректно локализованные во времени и пространстве тексты рукописей ..., а не гипотетические тексты произведений, восстановленные филологами XIX–XXI вв.» [6, с. 146].

В отечественной романистике, самым ранним памятником делового содержания на народном (кастильском) языке, найденном на Пиренейском полуострове, считается фуэрос (письма-привилегии) городов Авилеса и Овьедо [9, с. 5]. «Fuero de Avilés», подписанное королём Альфонсом VII, датируется 1155 г.

Первый документ на кастильском романсе, включенный в цифровой архив CODEA, составлен 30 августа 1162 г. (Рисунок 1), что гораздо раньше периода, указанного И. Фернандес-Ордоньес. Кроме того, представляется сомнительным, чтобы это письмо-дарение, в соответствии с которым графиня Уррака передает монастырю Каньяс принадлежащую ей недвижимость в Бальвертанес, было предназначено для устного зачитывания.

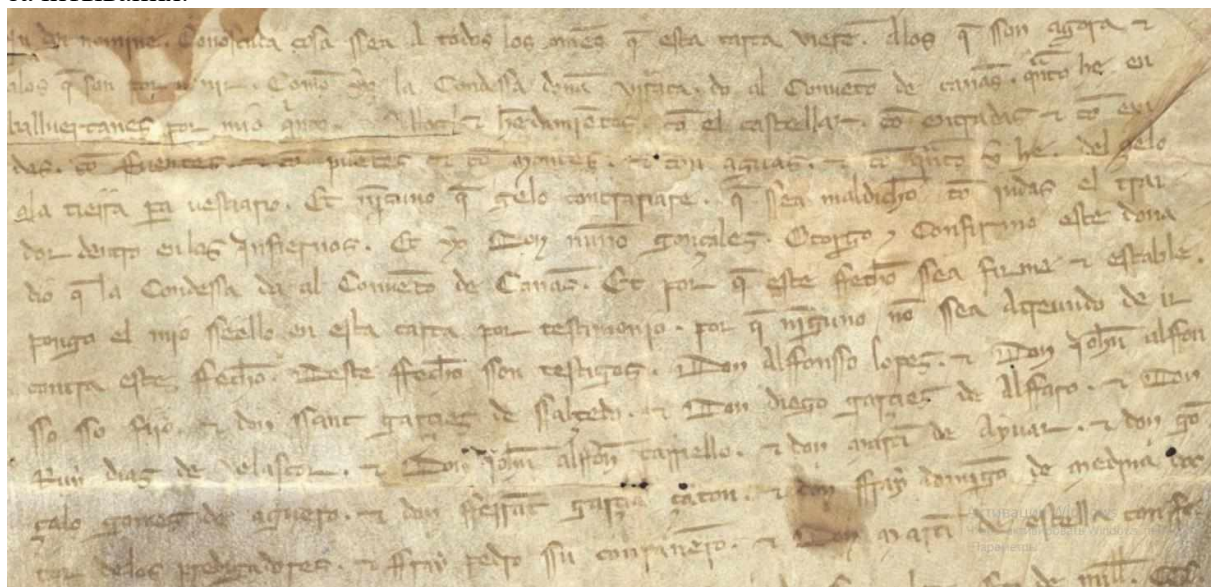

Рисунок 1. Фрагмент частного-делового письма-дарения от 30.08.1162 г. [25, 0405].

Палеографический текст документа: «Conoscuda cosa ssea a todos los omnes que esta carta vieren. alos que sson agora & alos que son por venjr. Como yo la Condessa donna vrraca. do al Conuiento de cannas. quanto he. en balluertanes por mio quanto **** & heredamientos. con el castellar. con entradas & con exidas. con ffuentes. & con puentes & con montes. & con aguas. & con quanto y he. del cielo ala tierra para uestiario. Et njnguno que gelo contrariare. que ssea maldicho. con judas el traidor dentro en los Infiernos. Et yo Don nunno gonçalez. Otorgo & Confirmo este donadio que la Condessa da al Conuiento de Cannas. Et por que este ffecho ssea firme & estable. pongo el mjo sseello en esta carta por testimonjo. por que njnguno non ssea atreuudo de ir contra este ffecho. Deste ffecho sson testigos. Don alffonso lopez. & Don Johan alffonso sso fijo. & don ssant garçiez de ssalçedo. & Don diego garçiez de alffaro. & Don Ruy diaz de velascor. & Don Johan alffon carriello. & don Martin de ayuar. & don gonçalo gomez de aguero. & don ferrant garçia çaton. & don ffray domingo de medina doctor de los predigadores. & ffray pedro ssu conpannero. & don martin de estella con conssejo de Cannas. ffecha la carta dos dias por andar de ssetienbre. Era de mill. CC. annos» [25, 0405].

Перевод: 'Да будет известно всем, кто это письмо увидит, ныне живущим и будущим, что я, графиня донья Уррака, дарую монастырю Каньяс все, что я имею в Бальвертанес, все <...> и наследство с замком, со входами и выходами, с источниками, и с мостами, и с горами, и с водами и со всем, что у меня есть от неба до земли; и чтобы никто этому не противоречил, иначе да будет он проклят вместе с Иудой-предателем в аду. И я, Дон Нуньо Гонсалес, вручаю и подтверждаю этот дар, который графиня преподносит монастырю Каньяс. И чтобы эта сделка была надежной и постоянной, я ставлю свою печать на это письмо как свидетельство, чтобы никто не осмелился пойти против этой сделки. Свидетелями этой сделки являются: Дон Альфонс Лопес и Дон Хуан Альфонсо, его сын; и дон Сан-Гарсиес де Сальседо, и дон Диего Гарсиес де Альфаро, и дон Руи Диас де Веласкор, и дон Хоан Альфон Карриельо, и дон Мартин

де Айвар, и дон Гонсало Гомес де Агуэро, и дон Феррант Гарсиа Сатон, и брат дон Доминго де Медина, доктор теологии (?); и брат Педро, его компаньон, и дон Мартин де Эстелья вместе с советом Каньяс. Письмо составлено 2 сентября 1200 г. эры'. (Чтобы соотнести датировку по системе '*era hispánica*', необходимо из указанной даты вычесть 38. См. подробнее [1, с. 163].)

Если не брать во внимание орфографический аспект данного документа, то здесь вполне налицо романские морфологические и синтаксические признаки (не переходные формы или латино-романские гибриды, а именно кастильские структуры):

- 1) наличие определенных артиклей (*los omnes, la Condessa*);
- 2) наличие кастильских указательных местоимений (*esta carta, este donadio*);
- 3) слияние предлогов *a* и *de* с артиклем мужского рода (*del cielo, al Conuento*);
- 4) употребление кастильского предлога *con*, а не латинского *cum*;
- 5) образование множественного числа при помощи окончания *-s*, а не особыми флексиями, как в латыни (*puentes, aguas*);
- 6) выражение падежных отношений (в частности дательного) при помощи предлогов (*a todos los omnes, al Conuiento*);
- 7) употребление кастильского личного местоимения 1 л. ед. числа (*yo*) вместо латинского *ego*;
- 8) употребление кастильских форм вспомогательного глагола *ser* (*son, sea*);
- 9) употребление «собственных» кастильских форм глаголов *иметь, ставить* в 1-м лице ед. ч. (*he, pongo*);
- 10) употребление притяжательных местоимений в препозиции к именному ядру (*el mjo sseello, sso fijo*);
- 11) структурирование клаузы по модели (S)VO (субъект – глагол – объект), а не по классической латинской SOV (*yo Don nunno gonçalez (S) Otorgo & Confirmo (V) este donadio (O), pongo (V) el mjo sseello (O)*).

Первый документ на латыни, представленный в цифровом архиве CODEA, датирован 1097 г., последний – 1276 г. Таким образом, испанская латынь и кастильский романс сосуществовали параллельно в письменной форме некоторый отрезок времени.

Всего в рамках интересующего нас периода (раннего и классического Средневековья до 1284 г.) в архиве насчитывается 69 документов, составленных на испанской латыни. С 1162 г. периодически попадают образцы на кастильском романсе: 1162 г., 1174 г., 1179 г., 1185 г., 1186 г., 1193 г., 1199 г., начиная с 1202 г. документы на романсе появляются регулярно, вытеснив в итоге манускрипты на латыни.

Три документа мы условно классифицировали как смешанное письмо. Именно смешанное, а не гибридное, поскольку в тексте четко разграничиваются примерно равные по объему «латинская область» и «романская область» (1193 г., 1225 г., 1230 г.). Например:

«*In dei nomine. Notum sit presentibus & futuris. quod Ego pedro ferrandez de uille diago uendo al abbad don migael de sancta maria de aguilar & a sos freres el medio solar cum la casa maior & cum el medio corral cum el era & cum el nozal & cum so exido por. xvij. moravedis & so pagado e precio & de robra. Facta carta. In era. m. cc. Lxij. Regnante rege don ferrando cum regina beatrice in castella & in toleto. Maior domus regis gonçaluo roiz. Alfieraz lop diaz. Merinus maior gonçaluo gonçalues. Testes frater gonçaluo del hospitan. Garci gonçalues de castro morca. Ferrand caualero el alcalde. Dominjco el alcalde. Roi martjnes el clerigo. Dominico el clerigo de sant manceles. Fiador de sanamiento roi Dominguez*» [25, 0240]. – Частно-деловое (церковное) письмо купли-продажи 1225 г.

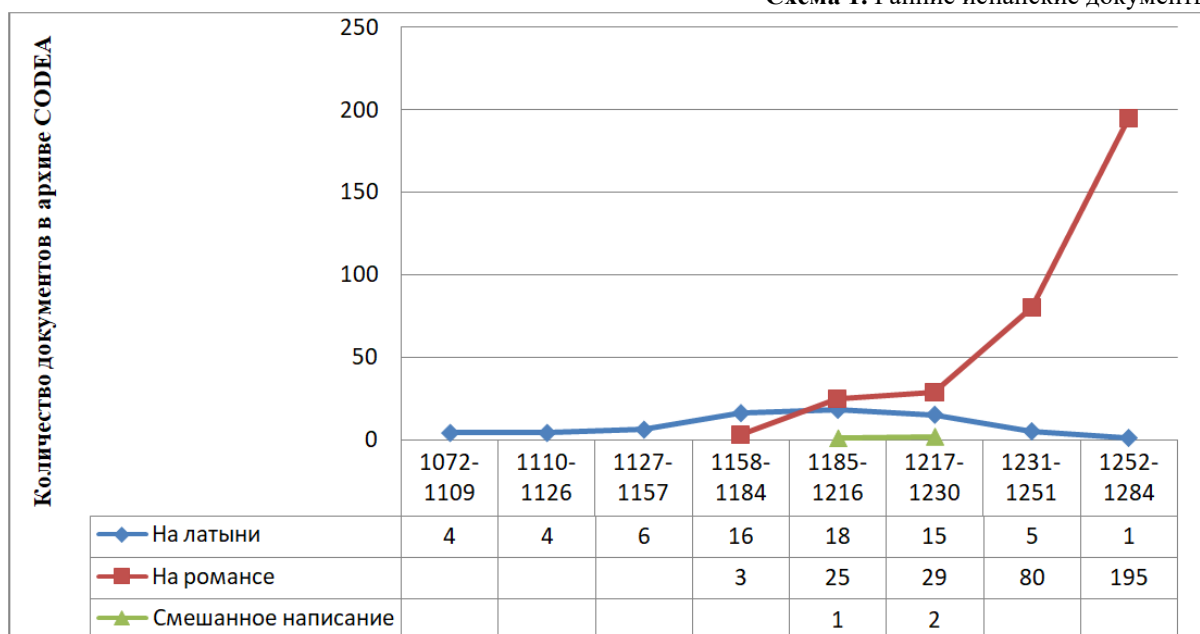
«Во имя Господа. Да будет известно всем ныне живущим и в будущем, что я, Педро Феррандес де Вилье Диаго, продаю аббату, дону Мигелю из [монастыря] Санта Мария де Агилар, и его братьям половину участка земли с главным домом и половиной хозяйственных построек, навесом (гумном ?) и ореховой рощей, и с пастбищем (полем ?) за 17 мараведи, и цена за это уплачена. Составлено письмо в год эры 1263 (– 38 = 1225 г.). Во время правления короля дона Фернандо с королевой Беатрис в Кастилии и

Толедо. Королевский мажордом Гонсалво Руис, знаменосец/офицер короля Лоп Диас, окружной судья Гонсалво Гонсалвес. [Другие] свидетели: (имена и должности)».

Латинские вкрапления сохраняются и после этого периода, однако объем «латинской области» в тексте документа в основном ограничивается протокольными фразами в начале и в конце: в начале – это обязательное восхваление Бога (*In Dei nomine*), в конце – датировка документа (*Facta carta, Annus incarnationis Domini*) и упоминание правления короля. Однако этому правилу могли не следовать и полностью оформлять документ на кастильском романсе.

Динамика изменения доли документов на латинском языке и романсе в корпусе CODEA представлена на графике (Схема 1).

Схема 1. Ранние испанские документы

Временные отрезки, отложенные на оси абсцисс, условно разбиты на периоды в 20-30 лет, примерно соответствующие правлению королей Кастилии и Кастилии и Леона:

- Альфонс VI – король Кастилии и Леона (1072–1109 гг.);
- Донья Уррака – королева Кастилии и Леона (1109–1126 гг.);
- Альфонс VII – король Кастилии и Леона (1126–1157 гг.);
- Санчо III – король Кастилии (1157–1158 гг.);
- Альфонс VIII – король Кастилии (1158–1214 гг.);
- Беренгела – королева Кастилии (1217 г.);
- Энрике I – король Кастилии (1214–1217 гг.);
- Фернандо III – король Кастилии (1217–1230 гг.);
- Фернандо III – король Кастилии и Леона (1230–1252 гг.);
- Альфонс X – король Кастилии и Леона (1252–1284 гг.).

Согласно данным графика (на одном отрезке три линии идут почти параллельно), конец XII – начало XIII века представляет собой период письменного двуязычия и переход от латыни к местному языку (кастильскому романсе).

В момент восхождения Фернандо III на престол Кастилии и Леона графики, показывающие количество документов на латыни и романсе, символично расходятся в противоположные стороны, демонстрируя новую языковую политику: отказ от

неродного для жителей данного региона языка (латыни) в пользу национального (романсе).

В 1252 г. на престол королевства Кастилии и Леона вступил Альфонс X, который продолжил политику интеграции и реконкисты, начатую его отцом, королем Фернандо III. В «языковой политике» Альфонса X Мудрого также наблюдается преемственность: происходит дальнейшая кастельянизация государства, объединенного короной Кастилии. Кастильский вариант романсе функционирует уже не только в королевской канцелярии, но и распространяется на другие сферы.

Традиционно с именем Альфонса X связывают понятия *norma alfonsí* – ‘альфонсийская норма’ и *castellano drecho* (с выпавшей буквой *e*) – ‘правильный кастильский’ (см. подробнее [2]).

Регламент работы королевской канцелярии, равно как и характеристики служащих, а также форма и содержание исходящих документов были детально прописаны в законодательных документах Альфонса X, а именно в «Las Siete Partidas» ‘Законе семи частей’, первом европейском своде правил, написанном не на латыни, а на национальном языке, который в самом тексте «Закона» (Часть 1, Глава 1, Закон 2) именуется просто романсе: «*Ius naturale en latin tanto quiere decir en romance como derecho natural que han en si los homes naturalmente, et aun las otras animalias que han sentidos*» [26, с. 12] – ‘*Ius naturale* на латыни, что на **романсе** значит ‘естественное право’, имеют в себе, естественно, все люди и даже некоторые животные, обладающие чувствами’.

Согласно «Закону», латинский язык не отменяется, однако ему оставлены две сферы функционирования: церковная (Часть 1, Глава XVI, Закон 2) и международная деятельность (Часть 3, Глава XVIII, Закон 25):

- «*Letrados et honestos et sabidores del uso de la eglesia deben ser los clérigos á quien dieren las dignidades, et los personajes et las eglesias parroquiales que han cura de almas: eso mismo deben haber en si aquellos á quien diesen los menores beneficios, asi como calongias et raciones, ó á lo menos que sean letrados que entiendan latin ...*» [26, с. 411]. – ‘Просвещенными и благопристойными людьми, обладающими большими знаниями в делах церкви, должны быть священнослужители, удостоенные высокого звания; другие церковноприходские лица, меньшего ранга, которые заботятся о душах, также должны быть образованными и понимать латынь...’.

- «*Mensageros del rey ó otros homes van algunas veces á otras partes fuera de sus regnos, et han meester cartas de como vayan guiados: et estas deben seer fechas en latin porque las entiendan los homes de las otras tierras*» [27, с. 560]. – ‘Посланники короля или другие мужи иногда отправляются в чужеземные страны за пределы своих королевств, и им необходимо иметь сопроводительные письма, которые должны быть составлены на латыни, чтобы их поняли жители других земель’.

2. Языковые характеристики испанской латыни. Из-за географической удаленности Испании (Hispania) от центра Римской Империи *испанская латынь* трансформировалась гораздо медленнее, чем в других романизированных регионах. Как утверждает Франсиско Маркос Марин, средневековые испанские тексты предлагают нам примеры, в которых совершенное владение классической латинской морфологией чередуется с весьма серьезным ее незнанием [18, с. 131]. Из этого можно сделать только один вывод: были люди, которые умели писать и знали латынь, в отличие от других, которые умели только писать. Поэтому дошедшие до нашего времени тексты деловой письменности на испанской латыни не всегда демонстрируют единообразие и соответствие классическому варианту латинского

языка. Писцы могли воспроизводить фонетическое звучание слова, игнорируя при этом латинские правила орфографии, неправильно употреблять падежные окончания или формы глагола, не соблюдать порядок слов и т.п. Так, например, в канцелярии короля Кастилии Альфонса VIII (1158–1214) имя самого короля имело несколько вариантов написания: *Aldefonssus*, *Aldefonsus*, *Aldephonsus*, *Alfonsus*, *Allefonsus*, *Allephonsus*, *Ildefonssus*, *Ildefonsus*, *Ildephonsus* и т.п. [22, с. 52]. Многое зависело от уровня профессионализма и личностных предпочтений «скриба (переписчика) как говорящего, пишущего и мыслящего субъекта, который, в зависимости от языковых, узуальных и нормативных особенностей скрипт, прагматических задач, профессиональных привычек и индивидуальных предпочтений, мог выступать как автор, соавтор, редактор, переписчик рукописного текста» [6, с. 162].

В этой связи можно предположить, что письменные документы, в некоторой степени передают особенности разговорной или вульгарной латыни, т.е. того языка, на котором говорили сами писцы в обычной жизни. Черты вульгарной латыни, отличной от классической, Х.А. Айяла сводит к следующим:

- а) потеря количества (долготы) гласных и изменение (в некоторых случаях) их тембра;
- б) появление полусогласных элементов, которые затем окажут мощное влияние на появление новых фонем и специфическую трансформацию старых;
- в) утрата аспирации начальной *h*, смешение смычного *b* и фрикативного *u* и, в целом, начало озвончения глухих согласных в интервокальной позиции;
- г) утрата окончаний шести классических падежей и сокращение их до винительного падежа;
- д) сокращение пяти склонений до трех и утрата среднего рода;
- е) преобразование указательного местоимения *ille* в определенный артикль [10, с. 19].

Что касается синтаксических изменений в испанской латыни по сравнению с классической, Х.А. Айяла характеризует их словами М. Алонсо (1962): «El orden románico de las palabras en la frase es más sencillo que el clásico» [10, с. 20], впрочем, не давая комментариев, что подразумевается под «более простым порядком слов в романской фразе».

Рафаэль Лапеса посвящает синтаксису испанской латыни два параграфа: «Порядок слов» (§ 16) и «Морфология и синтаксис» (§ 17). В порядке слов Лапеса видит два существенных отличия от классической латыни: 1) отсутствие гипербатона (в вульгарной латыни зависимые слова предпочитали ставить вместе); 2) прогрессивное (последовательное) развитие фразы (в отличие от витиеватого классического синтаксиса). Из 6-ти выделенных пунктов морфосинтаксических особенностей, только два в некоторой степени можно отнести к синтаксическим характеристикам: 1) в вульгарной латыни различные падежные отношения все чаще выражаются не только окончаниями, но и при помощи предлогов; 2) широко распространяются указательные местоимения *ille/ipse* и числительное *unus* в неопределенном значении (типа *alguno*, *cualquiera*, *cierto*), сопровождающие существительные [17, с. 70–75]. Более подробно описаны фонетические изменения вульгарной латыни и ее лексический состав.

Несмотря на ключевое слово *синтаксические* в названии фундаментального труда «Синтаксические особенности средневековой латыни (испанские картулярии VIII–XI вв.)» Х. Бастардаса Пареры, речь в нем все-таки идет больше о морфологических особенностях (согласовании, падежах, залоге, временах, наклонениях, перифразах, формах и т.п.). Тем не менее, данное исследование, проведенное в Барселонской филологической школе, имеет большое значение для

всех тех, кто интересуется развитием латинского языка в Средние века, как латинистов, так и романистов. Оно обращает на себя внимание еще и тем, что материалом для него послужили как раз не литературные произведения, а образцы средневековой деловой письменности. Проанализировав различные элементы языка хартий, дипломов, грамот и других документов, Х. Бастардас Парера смог дать представление о языке, на котором говорили на Пиренейском полуострове в вестготский период. Литературный характер дошедших до нас текстов того времени не позволяет увидеть полную картину языковой ситуации. В деловой же письменности, напротив, можно найти гораздо больше сведений о разговорном языке, чем в литературных текстах. Если писец (составитель документа), считает Даг Норберг (рецензент указанного труда), недостаточно образован, чтобы оперировать формулами письменного языка, он, с одной стороны, искажает их различными способами, но, с другой стороны, прибегает, сам того не осознавая, к словам и выражениям из своего привычного языка [11, с. V].

М. Перес Гонсалес также отделяет средневековую документную латынь (*latín medieval documental o diplomático*) от историографической, литературной, научной и религиозной. В своей работе исследователь показывает, что документы, написанные на документной / дипломатической средневековой латыни, являются свидетельством вульгарной/ христианской/ поздней латыни. О появлении в последние века существования Римской империи новой латинской формы – христианской латыни – также говорит Л.В. Разумова [5, с. 281].

3. Языковые характеристики первого письменного памятника Испании. Самый древний документ Королевства Астурии и самый древний из известных на территории Испании письменных памятников – это дарственное письмо короля Дона Сило, 6-ого короля Астурии (774–783/85 гг.). Оригинальный текст документа написан на латыни (см. полный текст: [28, с. 117–118.], перевод: [1, с. 251–252]). «Дарственная Сило» на землю для постройки монастыря между реками Эо и Мазма составлена по настоянию аббата Эсперанты и адресована нескольким монахам.

Дон Сило выступает в данном документе как частное титулованное лицо (слово *Rex* ‘король’ в латинском варианте письма ни разу не встречается), имеющее права на указанную землю (для него великое дело *facere donationem* ‘осуществить дарение’ одного из мест *in cellario nostro* ‘в нашем поместье’, которое он освобождает *de meo iure* ‘от моей юрисдикции/моих прав’). Заявленность адресанта в начале документа и в подписи в конце письма осуществляется при помощи простого упоминания имени без титула (*Silo; Silo anc escritura donacionis manu mea* ‘Сило, данное письмо-дарение собственноручно [заверяю]’). Кроме того, в дарителе выдает монарха фраза о том, что монахи, которым предназначена дарственная, *nobis pedes osculauerunt* (‘целовали нам ноги’, букв.: *нам ноги целовали*), чтобы Сило подарил им эту землю (как правило, этикетные клише типа *целовать ноги* употреблялись в письмах, адресованных королям; адресатам менее высокого ранга обычно *целовали руки*).

Письмо датировано 813 г. *era hispánica* (= 775 г. н.э.).

В этом документе обращает на себя внимание свободный порядок слов в посессивной конструкции – именном словосочетании, состоящем из ядра (существительного) и актуализатора (детерминатива, выраженного притяжательным местоимением). Ср. структуры посессивных конструкций:

• Актуализатор в постпозиции к ядру ($N - núcleo$) – $N + Act.$ (при переводе на русский язык падежные формы здесь не учитываются)

anime mee ‘моя душа’ (букв.: душа моя);
cellario nostro ‘наше поместье’;
exitu et regresu suo ‘его входы и выходы’;
prestacione suam ‘их сооружения’;
manu mea ‘моя рука’.

• Актуализатор в препозиции к ядру – $Act. + N$

noster mellarius ‘наш продавец меда’;
nostrum fidelem fratrem ‘наш верный брат’;
meo iure ‘мои права’;
uestro iure ‘ваши права’.

Первый порядок слов восходит к традициям классической латыни, второй – к романским языкам.

Позиция прямого объекта (**O**) относительно глагольного ядра (**V**) также подвижна: **OV / VO**. Ср.:

• Объект в препозиции – **OV** (признак классической латыни)

pedes osculauerunt ‘ноги целовали’;
omnia supra nominatum dono [uobis] ‘все вышеназванное [я] дарую [вам]’;
sinum feci ‘подпись [я] поставил’ (букв.: *сделал*).

• Объект в постпозиции – **VO** (признак романских языков)

facere donationem ‘осуществить дарение’;
darem locum orationis ‘предоставили место для молитв’.

Позиция неличной формы глагола – инфинитива (**Inf**) – относительно финитного глагола (**V**) в полипредикативном центре (двухкомпонентном предикате) – противоположна современной норме испанского языка, а именно **Inf+V**: *inquietare uoluerit* ‘захочет потревожить’ (букв.: потревожить захочет). То же в пассивной конструкции – **Participio+V_{aux}** (*verbo auxiliar*): *edificata fuerit* ‘будет воздвигнута’, *scritum est* ‘написано [есть]’. Ср. в современном испанском (**V_{aux}+Participio**): *será edificado, es escrito*.

Данный вопрос (позиция неличной формы глагола относительно финитной формы) напрямую связан с типологическим различием между языками **OV** и **VO**. Это различие относится не только к позиции объекта (выраженного именной синтагмой) по отношению к финитному глаголу, но также к положению инфинитива, причастия и герундия в глагольных конструкциях. На это впервые указывал ещё Дж. Гринберг: «В языках с базовым порядком **VSO** финитный глагол предшествует неличной форме. В языках с базовым порядком **SOV** финитный глагол всегда следует за неличной формой» [16, с. 11].

4. Ранние образцы романской письменности. До недавнего времени самым ранним из известных документов, уже имеющих отношение к кастильскому романсе, считалась рукопись из Леона «О расходе сыра в монастыре», получившая испанское название «*Nodicia de kesos*». Дата в «перечне сыров» не поставлена. Однако первый издатель рукописи Рамон Менендес Пидаль относит документ к 959 г., основываясь на дате на лицевой стороне. Другой испанский исследователь Фернандес Катон, ссылаясь на то, что в тексте упоминается визит короля в монастырь, предположил, что речь идет о визите короля Леона Рамиро III (966–982 гг.) и других представителей двора. Этот визит был действительно зафиксирован документально и относится к 974 г. [14, с. 61–68].

«Перечень сыров» вызывает сейчас много филологических дискуссий. Интерес к данному письменному памятнику исключительный потому, что он представляет собой первое свидетельство использования языка, отличного от латинского. По словам испанского историка, специалиста по Королевству Леон Рикардо Чао Прието, это некий «латино-романский» гибрид. Сам Чао Прието считает, что язык «Nodicia de kesos» является образцом ранней версии романского астура-леонского языка [12].

В последнее время появились сведения о так называемых «Картуларьос де Вальпуэста» («Los cartularios de Valpuesta») – серии документов XII века, которые в свою очередь, являются копиями других более ранних документов, самые древние из которых восходят к 804, 844, 864, 875 гг. Несмотря на то, что именно они в 2010 г. официально признаны Королевской Академией первыми письменными памятниками кастильского языка, тем не менее, единое мнение относительно даты появления этих памятников отсутствует.

В любом случае Кастилии на тот момент еще не существовало. В состав Астурии входили Галисия и область Сантандера. Последняя впоследствии станет основой для будущей Кастилии, которая в X в. была всего лишь графством в восточной зоне Астура-Леонского королевства, хотя и имеющим довольно большое стратегическое значение: на её территории были построены многочисленные замки и укрепления, откуда она и получила свое название.

Выводы. Первые сохранившиеся после падения Римской Империи испанские памятники деловой письменности датируются не ранее VIII в. Все они написаны на латыни, которая на протяжении четырех с половиной столетий была языком письменности в средневековой Испании. Появление во второй половине XII века текстов на кастильском романсе знаменует начало двуязычия в письменности, а конец XII – начало XIII века – переходный период от латыни к романсе. Массовое производство рукописей на национальном / кастильском романсе относится к периоду правления короля Кастилии и Леона Альфонса X Мудрого. Анализ документов на латыни демонстрирует определенное влияние местного языка на латинский язык: в частности, в некоторых синтаксических конструкциях (посессивных и транзитивных) обнаруживаются не только классические латинские модели (например, N+Act., OV), но и романские структуры (Act.+N, VO). Все это позволяет говорить о существовании так называемой испанской латыни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безус С.Н. Деловое письмо в средневековой Испании: историческая прагмалингвистика текста / С.Н. Безус. – М. : Аванглион-ПРИНТ, 2013. – 279 с.
2. Безус С.Н. От латыни к романсе: альфонсийская норма национального языка средневековой Испании / С.Н. Безус // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11–1 (65). – С. 81–87.
3. Григорьев В.П. История испанского языка / В.П. Григорьев. – М. : КомКнига, 2006. – 176 с.
4. Желтова Е.В. Латинский морфосинтаксис в типологической перспективе: взаимодействие языковых измерений и динамика поверхностных структур: Дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Желтова. – СПб., 2022. – 365 с.
5. Разумова Л.В. Функциональные особенности латинского языка в Западной Европе в IV–X вв. / Л.В. Разумова // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – № 5, Том 11. – С. 279–287.
6. Становая Л.А. Специфика изучения диасистемной вариативности языка в исторической ретроспективе (на материале старофранцузского языка) / Л.А. Становая // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2024. – № 10 (3). – С. 144–167. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-144>
7. Таривердиева М.А. Историческая роль латинского языка в формировании романских языков и культур / М.А. Таривердиева // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 16 (811). – С. 152–158.
8. Шишмарёв В. Очерки по истории языков Испании / В.Ф. Шишмарёв. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1941. – 338 с.

9. Шишмарёв В.Ф. Очерк истории итальянского языка: от истоков до XIX столетия / В.Ф. Шишмарёв. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 152 с.
10. Ayala J.A. Imagen de la lengua española. Introducción histórica / J.A. Ayala. – Monterrey: Universidad de Nuevo Leon, 1963. – 137 p.
11. Bastardas Parera J. Particularidades sintácticas del latín medieval (cartularios españoles de los siglos VIII al XI) / J. Bastardas Parera. – Barcelona: Escuela de Filología, 1953. – 200 p.
12. Chao Prieto R. Sobre la “Nodicia de Kesos” y “El camino de la lengua castellana” / R. Chao Prieto // El Cuaderno de Notas de Ricardo Chao, 2008.
13. Hilty G. El libro conplido en los iudizios de las estrellas / G. Hilty. – Madrid: Real Academia Española, 1954. – 334 p.
14. Fernández Catón J.M. La nodicia de kesos y los problemas de la documentación del siglo X // Orígenes de las lenguas romances en el Reino de León. Siglos IX al XII. Colección Fuentes y Estudios de Historia Leonesa. – León: Centro de Estudios e Investigación “San Isidoro”, 2004. – Pp. 61–68.
15. Fernández-Ordóñez I. La lengua de los documentos del rey del latín a las lenguas vernáculas en las cancillerías regias de la Península Ibérica / I. Fernández-Ordóñez // La construcción medieval de la memoria regia. – Valencia, 2011. – Pp. 323–362.
16. Greenberg J. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements / J. Greenberg // Universals of Language. – London: MIT Press, 1963. – Pp. 73–113 (1–42).
17. Lapesa R. Historia de la lengua española / R. Lapesa. – Madrid: ESCELICER, S.A., 1962. – 407 p.
18. Marcos Marín F. Latín tardío y romance temprano / F. Marcos Marín // Revista de la filología española, Tomo LXIV. – Madrid, 1984. – Pp. 129–145.
19. Menéndez Pidal R. Manual de gramática histórica española / R. Menéndez Pidal. – Madrid: Espasa-Calpe, 1962. – 367 p.
20. Muñoz y Rivero J. Manual de paleografía diplomática española de los siglos XII al XVII / J. Muñoz y Rivero. – Madrid: LIBRERIA DE LA SRA. VIUDA DE HERNANDO Y COMPAÑÍA, 1889. – 500 p.
21. Ostos Salcedo P. Cancillería castellana y lengua vernácula. Su proceso de consolidación / P. Ostos Salcedo // Espacio. Tiempo y Forma, Serie III. H.^a Medieval, t. 17, 2004. – Pp. 471–483. URL: <https://www.cervantesvirtual.com/obra/cancilleria-castellana-y-lengua-vernacula-su-proceso-de-consolidacion-1147723/> (дата обращения 21.04.2025).
22. Pérez González M. El latín medieval diplomático / M. Pérez González // Archivum Latinitatis Medii Aevi. – 2008. – № 66. – Pp. 47–101.
23. Puñal Fernández T. Tipología documental de la Edad Media / T. Puñal Fernández // Lecciones de Archivística General y Documentación del Patrimonio Histórico, Colección Manuales de Apoyo a la Docencia Universitaria, Universidad de Extremadura y Editorial @becedario, 2004. – Pp. 153–157.
24. Sánchez-Prieto Borja P. El romance en los documentos de la catedral de Toledo (1171–1252): la escritura / P. Sánchez-Prieto Borja // Revista de filología española (RFE). – 2007. – LXXXVII, 1.º. – Pp. 131–178.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

25. Corpus de documentos españoles anteriores a 1800 [CODEA+2015]. Режим доступа: <https://corpuscodea.es/corpus/corpus2015/consultas.php> (дата обращения: 21.04.2025).
26. Las Siete Partidas. Edición de 1807 de la Imprenta Real. Tomo I. Partida Primera. – Madrid, 2021. – 525 p.
27. Las Siete Partidas. Edición de 1807 de la Imprenta Real. Tomo II. Partida Segunda y Tercera. – Madrid, 2021. – 834 p.
28. Pérez González M. El diploma del rey Silo y sus romanismos / M. Pérez González // Cuadernos de Filología Clásica. Estudios latinos, nº 5. Editorial Complutense. – Madrid, 1993. – Pp. 117–118.

REFERENCES

1. Bezus S.N. (2013). Delovoe pis'mo v srednevekovoj Ispanii: istoricheskaja pragmalingvistika teksta [Formal Letter in Medieval Spain: Historical Pragmalinguistics of the Text]. Moscow: AVANGLION-PRINT (In Russian).
2. Bezus S.N. (2016). Ot latyni k romanse: al'fonsijskaya norma nacional'nogo yazyka srednevekovoj Ispanii [From Latin to Romance: The Alphonse Norm of the National Language of Medieval Spain]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 11–1 (65), 81–87 (In Russian).
3. Grigor'ev V.P. (2006). Istoriya ispanskogo yazyka [History of the Spanish Language]. Moscow: KomKniga (In Russian).
4. Zheltova E.V. (2022) Latinskij morfosintaksis v tipologicheskoy perspektive: vzaimodejstvie yazykovykh izmerenij i dinamika poverhnostnykh struktur [Latin Morphosyntax in Typological Perspective:

Interaction of Linguistic Dimensions and Dynamics of the Surface Structures]: Dis. ... d-ra filol. nauk [Thesis of the Doctor of Philological Science]. Saint Petersburg (In Russian).

5. Razumova L.V. (2019). Funkcional'nye osobennosti latinskogo yazyka v Zapadnoj Evrope v IV–X vv. [Functional features of the Latin language in Western Europe in the IVth–Xth centuries]. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, 5, T. 11, 279–287 (In Russian).

6. Stanovaya L.A. (2024). Specifika izucheniya diasistemnoj variativnosti yazyka v istoricheskoy restrospektive (na materiale starofrancuzskogo yazyka) [The specifics of studying diasystemic variability of a language in historical retrospect (by the example of the Old French language)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 10 (3), 144–167 (In Russian).

7. Tariverdieva M.A. (2018). Istoricheskaya rol' latinskogo yazyka v formirovanii romanskih yazykov i kul'tur [The Historical Role of Latin in the Formation of Romance Languages and Cultures]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 16 (811), 152–158 (In Russian).

8. Shishmaryov V. (1941). Ocherki po istorii yazykov Ispanii [Essays on the History of the Languages of Spain]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR (In Russian).

9. Shishmaryov V.F. (2011). Ocherk istorii ital'yanskogo yazyka: ot istokov do XIX stoletiya [Essay on the History of the Italian Language: from its Origins to the XIXth Century]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» (In Russian).

10. Ayala J.A. (1963). Imagen de la lengua española. Introducción histórica [Image of the Spanish language. Historical introduction]. Universidad de Nuevo Leon: Monterrey (In Spanish).

11. Bastardas Parera J. (1953). Particularidades sintácticas del latín medieval (cartularios españoles de los siglos VIII al XI) [Syntactical peculiarities of medieval Latin (Spanish cartularies from the VIIIth to the XIth centuries)]. Barcelona: Escuela de Filología (In Spanish).

12. Chao Prieto R. (2008). Sobre la “Nodicia de Kesos” y “El camino de la lengua castellana” [About the “List of cheeses” and “The Path of the Castilian Language”]. *El Cuaderno de Notas de Ricardo Chao* (In Spanish).

13. Hilty G. (1954). El libro conplido en los iudizios de las estrellas [The book completed in the judgments of the stars]. Madrid: Real Academia Española (In Spanish).

14. Fernández Catón J.M. (2004). La nodicia de kesos y los problemas de la documentación del siglo X [‘The list of cheeses’ and the problems of the Xth century documentation]. In: *Orígenes de las lenguas romances en el Reino de León. Siglos IX al XII. Colección Fuentes y Estudios de Historia Leonesa*. León: Centro de Estudios e Investigación “San Isidoro”, 61–68 (In Spanish).

15. Fernández-Ordóñez I. (2011). La lengua de los documentos del rey del latín a las lenguas vernáculos en las cancillerías regias de la Península Ibérica [The language of the king’s documents from Latin to the vernacular languages in the royal chancelleries of the Iberian Peninsula]. In: *La construcción medieval de la memoria regia*. Valencia, 323–362 (In Spanish).

16. Greenberg J. (1963). Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. In: Joseph H. Greenberg (ed.). *Universals of Language*. London: MIT Press, 73–113 (1–42) (In English).

17. Lapesa R. (1962). Historia de la lengua española [History of the Spanish Language]. Madrid: ESCELICER, S.A. (In Spanish).

18. Marcos Marín F. (1984). Latín tardío y romance temprano [Late Latin and Early Romance]. *Revista de la filología española*, Madrid, LXIV, 129–145.

19. Menéndez Pidal R. (1962). Manual de gramática histórica española [Manual of historical Spanish grammar]. Madrid: Espasa-Calpe (In Spanish).

20. Muñoz y Rivero J. (1889). Manual de paleografía diplomática española de los siglos XII al XVII [Manual of the Spanish diplomatic paleography from the XIIth to the XVIIth centuries]. Madrid: LIBRERÍA DE LA SRA. VIUDA DE HERNANDO Y COMPAÑÍA (In Spanish).

21. Ostos Salcedo P. (2004). Cancillería castellana y lengua vernácula. Su proceso de consolidación [Castilian Chancellery and the Vernacular Language: Its Process of Consolidation]. *Espacio. Tiempo y Forma, Serie III. H.a Medieval*, 17, 471–483 (In Spanish).

22. Pérez González M. (2008). El latín medieval diplomático [Diplomatic Medieval Latin]. *Archivum Latinitatis Medii Aevi*, 66, 47–101 (In Spanish).

23. Puñal Fernández T. (2004). Tipología documental de la Edad Media [Documentary typology of the Middle Ages]. *Lecciones de Archivística General y Documentación del Patrimonio Histórico, Colección Manuales de Apoyo a la Docencia Universitaria*, Universidad de Extremadura y Editorial @becedario, 153–157 (In Spanish).

24. Sánchez-Prieto Borja P. (2007). El romance en los documentos de la catedral de Toledo (1171–1252): la escritura [The romance in the documents of the Toledo Cathedral (1171–1252): the writing]. *Revista de filología española (RFE)*, LXXXVII, 1.º, 131–178 (In Spanish).

Поступила в редакцию 17.05.2025 г.

SPANISH LATIN VS. CASTILIAN ROMANCE: SOME CHARACTERISTICS OF
EARLY EXAMPLES OF FORMAL WRITING IN MEDIEVAL SPAIN

S.N. Bezus, M.A. Smirnova

The present study addresses the early examples of formal writing in Spanish Latin and Castilian Romance (a language that absorbed two other main Romance languages of the Iberian Peninsula: Leonese and Navarro-Aragonese). The research objective is to identify the main characteristics of Spanish Latin (since the VIIIth century) and its successor, Romance (the Spanish language at the end of the XIth century – in the middle of the XIIIth century), used in the texts of formal writing in the early Middle Ages. The study of the documents from the CODEA corpus allowed to identify the period of the intensive use of Latin in formal writing and the period of its rejection, as well as the beginning of the Romance using in documents and its rapid development. Linguistic analysis of the Old Spanish texts written in Latin showed that this is not its classical version, but a Iberian variety or Spanish Latin (*el latín español* or *el latín hispánico*). In particular, the structure of pronominal possessive and transitive constructions demonstrates both Latin and Romance features. The results of the study can be used in studying the history of Latin and the Spanish language.

Key words: Latin, Spanish Latin, Vulgar Latin, Romance, the Spanish language, medieval Spain, formal writing.

Безус Светлана Николаевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация.

Доцент кафедры иностранных языков и культуры (выпускающая кафедра).

ORCID 0000-0001-7051-1533.

E-mail: luzazul@list.ru.

Смирнова Мария Александровна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Заведующая кафедрой романских языков.

ORCID 0000-0002-5963-4249.

E-mail: ms@romancedpt.ru.

Bezus Svetlana Nickolaevna.

Candidate of Pedagogy, Associate Professor.

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation.

Associate Professor at Department of Foreign Languages and Culture.

ORCID 0000-0001-7051-1533.

E-mail: luzazul@list.ru.

Smirnova Maria Alexandrovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russian Federation.

Head of Romance Languages Department.

ORCID 0000-0002-5963-4249.

E-mail: ms@romancedpt.ru.

Научная статья
УДК 882+82-14
DOI: 10.5281/zenodo.15771223

ПОЭТИЧЕСКИЙ СБОРНИК В. СОСНОРЫ «ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ» В КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕГО ТВОРЧЕСТВА АВТОРА

© 2025 *Е.В. Болнова*

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

ORCID 0000-0003-4956-642X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается поэтический сборник В. Сосноры «Двери закрываются» как заключительная часть трехкнижия, написанного на рубеже XX–XXI вв. и включающего в себя сборники «Куда пошел? и где окно?» (1999 г.), «Флейта и прозаизмы» (2000 г.) и «Двери закрываются» (2001 г.). В качестве центральных выделяются два мотивно-образных комплекса. Во-первых, мотивы смерти, разрушения, самоубийства, Апокалипсиса. Во-вторых, мотив музыки, пения, искусства. Прослеживаются не только их присутствие в сборнике «Двери закрываются», но и связь с аналогичными или близкими мотивами в двух предшествующих сборниках. Уделяется внимание особенностям обращения автора к чужому слову, к автобиографическому мифу, к автоцитатам и автоаллюзиям. Делается вывод о тесноте идейных и семантических связей, возникающих между отдельными стихотворениями в составе циклов, на следующем уровне – между самими циклами, а также между тремя сборниками В. Сосноры, написанными на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: современная поэзия, В. Соснора, сборник «Двери закрываются», сборник «Флейта и прозаизмы», сборник «Куда пошел? и где окно?», мотив смерти, мотив музыки, позднее творчество В. Сосноры.

Для цитирования: Болнова Е.В. Поэтический сборник В. Сосноры «Двери закрываются» в контексте позднего творчества автора / Е.В. Болнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 51–67. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15771223>.

Введение. Сборник В. Сосноры «Двери закрываются», написанный в 2000–2001 гг. и опубликованный в 2001 г., является третьим сборником, вышедшим в издательстве Пушкинского фонда. История этих трех сборников примечательна. После «Мартовских ид», написанных в 1983 г., В. Соснора на протяжении 16 лет не публикует книги стихов. Молчание прерывается в 1999 г., когда выходит сборник «Куда пошел? и где окно?». В следующем, 2000 г., выходит сборник «Флейта и прозаизмы», а в 2001 г. – «Двери закрываются». После этого В. Соснора вновь замолкает на четыре года – до последнего сборника «Мотивы Феогида. Энеада», выпущенного в 2005 г. Таким образом, сборники «Куда пошел? и где окно?», «Флейта и прозаизмы» и «Двери закрываются» изданные друг за другом в одном издательстве, оформленные в единой стилистике, образуют некоторую смысловую трилогию. Можно предположить, что автор торопится опубликовать их как поэтическое завещание. Финальный в этой трилогии сборник – «Двери закрываются» – повторяет многие мотивы и образы первых двух сборников и подытоживает философские размышления о жизни и творчестве. На данный момент из четырех поздних сборников В. Сосноры объектом филологического исследования

выступали лишь «Флейта и прозаизмы» в статье Л. Зубовой [10] и «Мотивы Феогида. Энеада» в статье Е. Болновой [5].

Материалы и методы исследования. Проведенный анализ базируется в первую очередь на разновидностях описательного метода исследования: на структурно-описательном и описательно-функциональном методе. Также широко использован и сравнительно-сопоставительный метод. По мере необходимости привлекаются также психологический и биографический методы. Формальный и мифопоэтический методы используются в тех случаях, где обращение к ним позволяет расширить контекст восприятия стихотворений В. Сосноры, входящих в сборник «Двери закрываются». Данное исследование коррелирует с другими исследованиями поэтического наследия Сосноры, созданными как при его жизни [1; 2; 3; 7; 11; 12; 23], так и после смерти автора [4; 6; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22].

Основная часть. Архитектоника сборника «Двери закрываются» выглядит следующим образом: он состоит из трех циклов и одного финального стихотворения, озаглавленного «P. S.». Первый цикл «Не жди» состоит в свою очередь из 22 пронумерованных стихотворений. Следующий цикл «Золотой Нос» – из 13, третий – «999-666» – из 20, последний – «Эпилог» – включает в себя 15 стихотворных текстов. Каждое стихотворение, входящее в сборник, функционирует в рамках цикла, вступая в сложные диалогические отношения с другими текстами в рамках того же цикла, затем на следующем уровне организуются определенные смысловые отношения между циклами в рамках сборника, на этой же смысловой ступени находится отдельно стоящее финальное стихотворение «P. S.». На следующей ступени в диалогические отношения вступают сборники «Куда пошел? и где окно?», «Флейта и прозаизмы», «Двери закрываются», написанные практически без временных зазоров.

Обратимся к анализу обозначенных уровней, чтобы в финале исследования попробовать выйти на понимание общих структурных и смысловых особенностей поздних сборников В. Сосноры.

Первый цикл «Не жди», во-первых, уже в своем заглавии предполагает обращенность к определенному лицу, то есть уместно говорить о наличии адресата высказывания. Во-вторых, данное заглавие может быть рассмотрено как реминисценция из стихотворения К. Симонова «Жди меня», но антонимичная по значению. Заклинательную основу данного стихотворения отмечает И. Кукулин в статье «Легализованное заклинание в интерьере советского бидермайера: о возможных жанровых, стилистических и социокультурных истоках стихотворения К. Симонова "Жди меня"» [15]. Стихотворение К. Симонова выполняло в военные годы функцию заговора от смерти; многократно повторяемое бойцами и их родными, давало ощущение защищенности. Текст В. Сосноры начинается с полемического отказа от самой возможности подобной защищенности от смерти. Императив «не жди» усиливается за счет того, что дважды поставлен автором в сильную позицию: заглавие цикла и первое предложение в первом же входящем в него стихотворении.

Центральным мотивом цикла «Не жди» и всего сборника «Двери закрываются» является мотив смерти, реализованный в различных образах и через обращение к различным лексическим конструкциям. Во-первых, мотив смерти реализуется через образы военных, войны. Они пройдут и через другие циклы, входящие в сборник, но впервые появятся в шестом стихотворении цикла «Не жди»: «яблони вырваны из земли и говорят – бом-бом... / идут они с бритыми лбами...» [25, с. 856]. В восемнадцатом

стихотворении солдатам уподобляются ястребы: «Я ястребов глажу, – как рощу солдат / в штыках! Полегли» [25, с. 861].

Во-вторых, в целом ряде стихотворений описана смерть тех или иных существ. Так, в четвертом и пятом текстах тема смерти становится центральной:

4

Ну что ж. Я потерял в это лето и стражу – 10 сорок,
кто-то их отравил.
Это сказала мне африканская цапля из Кении, приземлясь,
а не сказала б, – при вскрытии желчь с мелкотолченым стеклом.
Я их собрал и лопатой похоронил.

5

Стой! Ты хоронишь и майских жуков. [25, с. 856]

В шестнадцатом стихотворении появляется образ распятой лягушки: «...каждая лягушка лежит распластанная на кресте...» [25, с. 860].

Убийство как фантазия лирического героя появляется в десятом стихотворении: «в жизни ж я застрелил не многих, да и тех от скук, / говорят, что сейчас 6000000000 граждан-стран, / вычеркиваем из пулемета нули и оставляю 6» [25, с. 857]. Тема убийства реализуется и в шестнадцатом стихотворении: «прицел у киллера – тоже крест... / Убей убийцу – и ты станешь таким...» [25, с. 860]; а также в финальном двадцать втором:

Видя мой абрис, и убегали,
и убивали, и убивали...
но ведь не знают между огнями,
пули мне братья и огибают. [25, с. 862]

В-третьих, смерть возникает в текстах как оппозиция жизни, причем в девятом стихотворении лексема *жив* используется в значении 'пока не мертв', то есть семантика смерти превалирует даже в тех случаях, когда автор использует слова с противоположным значением: «тебе лучше б взбеситься, и не жалеть телег, / чем виться вокруг, обнюхивая дым / и доносить народу – Он жив, жив, жив!» [25, с. 857].

В-четвертых, с реализацией мотива смерти связано и понимание символического значения заглавия сборника. Словосочетание *двери закрываются* повторяется в нескольких текстах. Впервые внутри сборника оно появляется в седьмом стихотворении цикла «Не жди»: «если откроешь дверь в доме и тут же в домах – / двери закрываются» [25, с. 856]. Далее, в цикле «Золотой Нос» в двенадцатом стихотворении, а также дважды в последнем цикле «Эпилог» (в пятом и одиннадцатом стихотворениях).

Семантика смерти реализована и через использование словосочетаний и понятий, относящихся к данному семантическому кругу. В частности, несколько раз в сборнике «Двери закрываются» используется словосочетание *Книга Конца*: «И от школы читаем по каплям одну и ту же – Книгу Конца» [25, с. 857]. Можно предположить, что Книга Конца в данном сборнике антонимична Книге Мира из предыдущего сборника «Флейта и прозаизмы»: «Божественность сосущих ос / и безнадежность Книги Мира / легко рифмуется как все / дурнослагаемое...» [25, с. 833]. В третьем цикле сборника «999-666» автор вновь обращается к данному образу: «Это третья сюита из Книги Конца, / формульный опыт рисунков исчезновений секунд – / наносить на них ноту со звоном и пускать по ветрам, / Океан возьмёт» [25, с. 870–871]. В шестнадцатом стихотворении цикла «Не жди» семантика неизбежной приближающейся смерти реализована через отсылку к поверью о том, что кукушка может предсказать количество лет, которые осталось прожить спрашивающему: «кукушка поет Число – не тебе...» [25, с. 860].

В. Сосноре в период написания текстов, входящих в сборники «Куда пошел? и где окно?», «Флейта и прозаизмы» и «Двери закрываются», важны и интересны теории символического значения чисел. Об этом, в частности, пишет К. Ичин в статье «Виктор Соснора о числах» [13]. Символика цифр присутствует во всех трех сборниках. В приведенной цитате повышенной семантической нагруженностью объясняется написание слова *Число* с заглавной буквы. Подобные авторские употребления прописных букв встречались в сборнике «Флейта и прозаизмы» при обращении к словам *Огонь, Звезда, Мир, Смерть, Небо, Шар* (в значении 'Земной шар'), *Страх, Трепет* и др. Таким образом, автор выделяет некоторые понятия или явления не как бытовые, а как бытийные, поскольку общая семантика всех трех сборников В. Сосноры конца XX – начала XXI вв. обусловлена предчувствием и художественным воплощением неминуемого конца света.

Анализ символического значения чисел организует семнадцатое стихотворение первого цикла сборника «Двери закрываются»:

Прежде резали фараонов (меня!), достигших 27,
ибо теряет 9-тка контакт между Луной, собой, и строителями
Пирамид
и каналов от Нила [25, с. 860].

В-шестых, мотив смерти реализуется и в обращении автора к темам смертельных болезней. Так, в девятом стихотворении автор упоминает бешенство («Если ж у волка слюни – это бешенство, хорошо, не убегай, / лучше поди на встречу и дай кусить, / тебе лучше б взбеситься, и не жалеть телег...» [25, с. 857]), а в шестнадцатом – чуму («Крыса, загнанная в угол, несет чуму...» [25, с. 859]).

Таким образом, в цикле «Не жди» мотив смерти является одним из центральных, реализуемых через сложно организованную систему образных и лексических переключек. Это связано с общим эсхатологическим звучанием всех поэтических сборников В. Сосноры, начиная со сборника «Куда пошел? и где окно?».

Удельный вес аллюзий и реминисценций в данном цикле значительно меньше по сравнению со сборником «Флейта и прозаизмы», о котором Л. Зубова сказала, что «это система отражений других текстов – Пушкина, Маяковского, Хлебникова, Цветаевой, Заболоцкого. Интертекстуальная насыщенность поэмы такова, что не голоса этих и других поэтов растворены в поэме Сосноры, а голос поэта Сосноры растворен в других голосах» [10, с. 489]. Несмотря на спорность данного утверждения, нельзя не согласиться с тем, что чужой текст широко представлен в сборнике «Флейта и прозаизмы». В следующем сборнике «Двери закрываются» аллюзии и реминисценции представлены не столь широко, однако тем важнее становится каждое обращение к чужому тексту. В восьмом стихотворении возникает образ Дон Кихота, героя романа Сервантеса:

Властители норм и мечтатели Мясopotамских Снов,
мне не уйти от войны с Веретеными Мельницами, приветствуя Рок,
Ангелы Ненависти (о побратимы!), их пероскоп из ножей!
а побеждают не факты, а фантазмы, и имени им – нет.
Мечтать – это, извиняйте, – Меч и Тать,
и ничего больше, и ничего больше, и ничего больше, и – Ничьего
[25, с. 856].

Примечательно, что последние две строки данного стихотворения были использованы автором при графическом оформлении первого издания сборника «Флейта и прозаизмы» [26] и не воспроизводились при последующих переизданиях как отдельной книгой, так и в составе сборника. Образ Дон Кихота в данном фрагменте очевидно

прочитывается шире, чем отсылка к конкретным произведениям испанского автора, он вбирает в себя и все основные трактовки данного образа. Речь и о бессмысленности траты сил, и о борьбе с несуществующим противником, но необходимо также учитывать и трактовку данного образа в русской культуре: прежде всего в известной статье И. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», построенной на противопоставлении данных образов по принципу альтруизма и эгоизма. Несомненно, лирический герой В. Сосноры альтруистичен, ему чужд эгоизм.

В пятнадцатом стихотворении цикла «Не жди» появляется аллюзия на пьесу М. Горького «На дне»:

Знаменит и волосом бел до плеч,
и безвестен, где сводится пафос к – «на дне»,
ничтожны и эта туннельная ночь,
и этот экранный день.
Облако рук с белым пером –
не действо... [25, с. 859]

В приведенном фрагменте речь идет скорее не о пафосе пьесы М. Горького, а о художественном методе и идейных воззрениях писателя. В предыдущем сборнике «Флейта и прозаизмы» В. Соснора полемичен при обращении к наследию М. Горького. В данном стихотворении обозначается метапозиция лирического героя через отталкивание от своего предполагаемого антипода: в творческом мире В. Сосноры таким антиподом становится М. Горький, как наиболее яркий и титулованный представитель соцреализма.

В заключительных стихотворениях цикла возникают отсылки к античной мифологии и к творчеству Э. Золя, но они носят сугубо иллюстративный характер, в частности, аллегоричен образ муз, упоминаемых в последней строке двадцать первого стихотворения. Роман Э. Золя «Чрево Парижа» возникает в контексте описания города, его характеристики: «Эти их слезки через пониже, / как моросили Чрево Парижа, / и обжигая камни на Сене, / то, что любил я больше, чем все» [25, с. 863].

В четырнадцатом стихотворении можно усмотреть не только отсылку к сказанию о граде Китеже, но и автоаллюзию на стихотворение, входящее в сборник «Всадники», «Сказание о граде Китеже». Это не единичный пример автоцитат в позднем творчестве В. Сосноры (эпиграфом к стихотворению «Як ти міг дочекатись, чи справдиться слово твоє» (орфография автора сохранена – Е.Б.) становятся строки из более раннего сборника «Всадники» – «Ты сказку, сказку про меня, / ты сказку сочини» [25, с. 675]). Первая строка данного стихотворения начинается с императива: «Не жди. Нет надежд ни на Китеж, ни на Небесный Ковш (черпак!), / ни на ремонт костей, их полировку, воскресших – нет, / это мы отдадим трубодуям и "лире" их...» [25, с. 858].

Обращение к собственным более ранним текстам соседствует в цикле «Не жди» с осмыслением В. Соснорой своей биографии. В двенадцатом стихотворении художественному переосмыслению подвергается неоднократно озвученная В. Соснорой версия о том, что его родители и дядя были цирковыми артистами:

сын птиц цирковых, летающих на трапециях под куполом и над,
плясунов на канатах, страховки – без,
бегунов, где финиша нет, а стартовый пистолет
затерян за ненужностью 40 млрд лет
тому. [25, с. 858]

Система образов цикла «Не жди» построена на взаимодействии лирического героя с миром животных и растений, обитающих в пространстве сада. У В. Сосноры был

небольшой садовый дом с участком, где он любил проводить время с весны по осень. Локальный мир пространства сада воспроизводится в данном цикле стихотворений.

Лирический герой не занимает позицию стороннего наблюдателя, он активно включен в жизнь обитателей локуса сада:

Я любил. Эту Луну, птицу Гунь и зверя Мышь,
я по ночам с ними был и патронами оберегал,
по совпаденью времени их и меня (23.00 – 01 ч.)
нож мой был быстр, если кто-то к ним крался – убить,
я и ежам выставлял в блюдах на крыльце молоко,
мелко рубил им мясо, и сад был полон ежей [25, с. 855].

Помимо ежей в цикле возникают образы ястребов и дроздов, сорок, майских жуков, щеглов, комара, муравьев, ящериц, кукушки, лягушек, бабочек, ос и т.д. Пришельцами иного мира, несущими дурные вести и представляющими опасность, являются волки, крысы, цапля из Кении. Локус конкретного сада обретает черты Эдема, миф о котором получает авторскую интерпретацию в восемнадцатом стихотворении цикла:

Я ящериц глажу, они на белых камнях
крыжовничьи. Спят – изумруд.
Я яблоко глажу, какое оно – как вино,
спит, как маятник.
Стоя.
Смыкаю щели. Моя голова не спит.
Как наковальня (ты читай, читай!).
Зубы сочатся.
Негодное племя меня родило.
Ну что ж, зоофил!..
Я ястребов глажу, – как рощу солдат
в штыках! Полегли. [25, с. 861]

Единственным деревом, растущем в пространстве сада, является яблоня, в первый раз упоминаемая в шестом, процитированном ранее, стихотворении. Несмотря на отсутствие в Библии прямой номинации плода, который вкусили Адам и Ева, в околоцерковном культурном поле укоренилось представление именно о яблоке. В восемнадцатом стихотворении цикла «Не жди» яблоня уже плодоносит и лирический герой «гладит» висящее на ветке яблоко. Змея-искусителя в саду нет (змеи живут в самом человеке: «Слушай же пульс яйца и свист кишок, / это змеи в тебе завелись в животе...» [25, с. 859]), его замещают змееподобные ящерицы, которых лирический герой гладит так же, как яблоко, так же как ястребов – солдат, чья крылатость и воинственность позволяет соотнести их с ветхозаветными ангелами. В данном локальном пространстве сада лирический герой выступает как демиург, бог, однако не бог карающий и всесильный, а сострадательный. При этом история Нового завета вводится в цикл полемически: в шестнадцатом стихотворении автор соотносит Страдальца (вероятно, данный образ следует трактовать как образ, отсылающий к распятому Иисусу Христу) с иными крестообразными образами:

счастливого пути, Страдалец, свети!
не соображая, что каждая лягушка лежит распластанная на кресте,
что все птицы, комары, бабочки, осы – летят крестом,
что скрещенье шпаг и любовников – одно и то ж,
что три скрещенных крокодила Египта и есть моголеновид Д.,
что прицел у киллера – тоже крест... [25, с. 860]

Таким образом, автор снижает высокую жертвенную направленность креста как символа страдания Иисуса Христа во искупление человеческих грехов.

Если в первом цикле «Не жди» одним из центральных является мотив смерти как таковой, то в следующем цикле он трансформируется в мотив самоубийства и саморазрушения:

Барбитурами сжигаются сны,
уши висят и шипят, у них гусиные шеи разлук... [25, с. 863]
Череп вскрываю, под крышкой извилины губ, –
магма! – и каменеет, защелкнул на крышке замок и смеюсь,
пробую на зуб циан, миндаль не горчит,
сойду со ступенек и жгу никотин.
Выйди! Возьми огнемёт и сожги
эти широты от юности, ты, краснокрыл! [25, с. 864]
Так закопай и себя. Я закопал –
шлем, символ Луны... [25, с. 864]

Однако саморазрушение оказывается несостоятельным: «Льётся меж пальцами алкоголь, да не пьётся...» [25, с. 863]; «Вышел. И кнопку нажал – нет огня...» [25, с. 864]; «Я выхожу на Луну, / не целясь, в руках гармонии нет» [25, с. 864]. Таким образом, каждое действие наталкивается на независящее от лирического героя противодействие или сопротивление самой материи.

Во втором цикле сборника «Двери закрываются» значительно активнее, чем в первом, автор использует чужое слово. При этом реализуется тот же постмодернистский принцип, что был найден в двух хронологически предшествующих сборниках («Куда пошел? и где окно?» и «Флейта и прозаизмы»). В. Соснора в качестве знаков использует имена собственные, которые в контексте стихотворения обозначают и самого человека со специфическими чертами характера и фактами биографии, и комплекс его идей, индивидуального творческого стиля, открытий, созданных произведений:

Он еще обнюхивал Данте в Равенне и кричал, что у него пахнет серой
из ушей. [25, с. 864]
Если, скажем, Дали рисует «текущие часы»,
о как умно! необыкновенно! но уж был текущий песок
у Вавилона в перевертышах-часах.
Если Лобачевский и Эйнштейн о несбыточных прямых,
а в точке пересечения – Взрыв Времян,
посмотри на досократиков (Гераклит, Парменид), –
то же и те же джентльмены удач.
Если атеизму стол есть стол,
то у Орфея пели древесина и камни – тоже ведь столы,
у Пифагора не золотое бедро [25, с. 865–866]
<...>
А святой из сиропных струй,
аленький цветочек, кормитель пичуг и львов,
Франциск Ассизский за какие кии был обожествлен,
он – первый из монахов взял патент на торговлю вином [25, с. 866]
«всё вода» (Фалес),
Но не «да» (Теэтет) [25, с. 866].

Важнейшим образом, вынесенным в заглавие цикла, является образ Золотого Носа. В качестве возможного прототипа данного образа укажем критика, искусствоведа

М.Н. Золотоносова, перу которого принадлежат книги и статьи, вызвавшие неоднозначную реакцию ученого сообщества. На официальном сайте В. Сосноры выложена единственная рецензия М.Н. Золотоносова на книгу «Дом дней»: «Вслед за кистью» (Соснора несмотря ни на что)» [9]. Рецензия в целом выдержана в благожелательных тонах.

Однако даже при наличии конкретного прототипа художественный образ несводим к нему, он обладает известной степенью обобщения, универсализации. Важнее поэтому представляется проанализировать именно тот образ, который создан в цикле В. Сосноры. Обратимся к характеристикам, данным в стихотворениях:

В юности бисер к чему? – если вокруг жемчуга,
это сейчас я мечу, и обнюхивают, и вот вам клинический
диагнóз:

критик по кличке Золотой Нос.

Он еще обнюхивал Данте в Равенне и кричал, что у него
пахнет серой

из ушей.

Уши вы уши, модели миражей! [25, с. 864]

Если атеизму стол есть стол,
то у Орфея пели древесина и камни – тоже ведь столы,
у Пифагора не золотое бедро, а Золотой Нос,
разве ж не он отшлифовывал оптику, чтоб жечь перс-флот,
делал бизнес и этот сидонец, новатор «пи»,
известное еще китайцам по «Шелковому пути».

<...>

Франциск Ассизский за какие кии был обожествлен,
он – первый из монахов взял патент на торговлю вином,
и всяк Наук работает на одну Войну,
и цель человекофилов – Золотой Нос.

(Смотри на свой –

уже золотится в неких предопределенных «веках») [25, с. 866]

Ты газель голубая как лёд
войди в ванну, возьми зеркало и карандаш
и пиши себя – на листке:

темя волосы лоб

брови веки ресницы глаза Золотой Нос

щеки скулы губы уши подбородок кадык

шею ключицы плечи локти пальцы до ногтей

и ногти ладони линии сгибы фаланг [25, с. 867–868]

Кто-то стучится в дверь – это кости стучат.

Выгляну в окно – всюду ходит Золотой Нос,

то он аист, то самка, то он туфли, то и Гоголь он,

то как откушенный член с алебардой у дверей.

Двери закрываются.

Он очень нежен, душист, умён, как венгерский стручок,

и надо же! – даже как дуэльный пистолет,

морален как шаги Командора и лукав как микроб.

То есть он вездесущ. Обонятелен. Куда б нырнуть

знает как щука. И как крысиный хвост [25, с. 869–870]

Приведенные характеристики рассредоточены по всему циклу, организуя при этом его структуру. Образ Золотого Носа близок образу критика из более раннего стихотворения В. Сосноры «Дразнилка критику» [25, с. 183–185] с той разницей, что в более позднем тексте автор отдельно отмечает делячество и лукавство критика нового времени. Если «Дразнилка критику» была адресована представителям 1960-х гг., легко разносившим неугодных авторов за любое отклонение от единой линии, то Золотой Нос – критик постсоветской эпохи 1990-х, «принюхивающийся» к авторам в поисках любых отклонений и сенсаций. За этим, однако, стоит то же желание сделать известным свое имя за счет чужого творчества, чужих добродетелей и пороков. Подобное отношение к художникам, в широком смысле этого слова, претило В. Сосноре, что следует в том числе и из его дневников.

В третьем цикле «999-666» подхватываются и развиваются мотивы и образы как первых двух циклов, так и предыдущих сборников. Так, продолжает развиваться тема войны, заявленная еще в первом цикле «Не жди». В третьем цикле она становится одной из ведущих, вокруг нее построен сюжет сразу двух стихотворений: четвертого и шестого. Война из абстрактной становится лично переживаемой автором, описанной от первого лица. При этом автор обращается к эксплуатации темы «война и дети», решая ее не в реалистическом ключе, отработанном военной прозой 1960–1980-х гг., а в гротескном варианте:

Я был сапожок, калигула, бешеный щенок,
танковые дивизии ЭСЭС шли и шли,
к бою готовятся дети-убийцы и дрессированные псы,
нам дают по бутылки горячей смеси а псам повязывают
восемь гранат,
а Армии Побед стоят и стоят.
И вот мы бежим под танки (дети и псы!),
угол стрельбы танковых пушек выше и нас не догнать
пальбой,
нас сотни и псы бросаются под гусеницы без ошибок, взрывы
там и сям,
а дети встают во весь рост и бросают в танки бутылку 1 л. –
пылают! и, ослепленные, месят юные тельца
(мне было 8–9, а вообще-то пяти-тринадцати лет) [25, с. 872].

Естественно, приведенный фрагмент стихотворения не опирается на исторические факты, на реальность, а является продолжением автобиографического мифа, создаваемого и транслируемого самим В. Соснорой. Некоторые подступы к вопросу научного изучения обозначены в статье Е.И. Зейферт «Автобиографический миф В. Сосноры: к постановке проблемы». Ученый обращается к прозаической книге «Дом дней», написанной в 1986 г. В дополнение к результатам исследования Е.И. Зейферт («Соснора создает автобиографический миф с комплексов элементов первичной художественной условности с целью творческой игры с читателем как одну из версий своей литературной личности. <...> Автобиографический миф Сосноры имеет как лирическую, так и эпическую, нарративную природу: лирика и нарратив здесь питают друг друга, насыщаясь мифом. Язык лирики необходим Сосноре для активизации мифа» [8, с. 128]) отметим, что автор биографии Л. Брик, В. Катанян, не только не принимает предложенную В. Соснорой в «Доме дней» игру с читателем, но воспринимает ее весьма резко: «Поэт Виктор Соснора, тот самый, которого очень любила ЛЮ и которому протезировала, в 1990 году опубликовал

роман «Дом дней», в котором с реально существовавшими людьми, даже не прикрытыми псевдонимами, расправился, как ему вздумалось, с легкостью мысли необыкновенной.

Среди персонажей романа присутствует и Лиля Юрьевна. Соснора часто бывал у ЛЮ, они переписывались. И он мог бы удержаться от небылиц по отношению к ней» [14, с. 252]. В приведенной цитате из книги В. Катаняна обращает на себя внимание реминисценция из пьесы Н. Гоголя «Ревизор»: в представлении автора искажения правды В. Соснорой сродни вранью Хлестакова. Можно предположить, что В. Катанян не принимает механизм мифотворчества, основанный на постмодернистской организации текста, характерный для прозы В. Сосноры данного периода и поэзии сборников, опубликованных на рубеже XX–XXI вв.

В шестом стихотворении цикла «999-666» вводится мотив сна, но не как объясняющий выдуманные военные истории, а как усложняющий общую структуру данных псевдовоспоминаний, усиленных и обостренных изменением сознания:

И вот мне снится и снится одно и то ж.
Как бегут по смерзшемуся глинозему эн-эн тысяч детей,
русскихпольскихеврейскихцыганскихвенгерских и пр.
«освобожденных от фашизма стран»,
в шинелях не по росту снятых с убитых в трофейных башмаках
гигантских, те вылетают с ног, и бегут босиком,
шинели слетают и бегут в одних трусах,
вьются снега, ливни стоят столбом,
бьют пулеметы и мины а мы бежим и бежим,
безоружные, а следом топочут герои Побед [25, с. 873].

В данном цикле заметно усиливаются апокалиптические мотивы, являющиеся одними из важнейших во всей поздней лирике В. Сосноры. Начиная с «Куда пошел? и где окно?», данные мотивы присутствуют во всех сборниках автора. Наиболее ярко они представлены во «Флейте и прозаизмах» и «Мотивах Феогида. Энеаде». В цикле «999-666» встречаются и отсылки к тексту Ветхого Завета («Но есть иная жизнь, где нет Начал, / союз луны и глаз и вёсла сада, / где страсть новорождённая как ночь, / и с сигаретой дочери Содомы» [25, с. 879]); а также к образному строю и языку Апокалипсиса («Никогда не говори: никогда, никогда, никогда. / Но всегда! Только третий петух запоёт, и встают / батальоны войны за алмазом алмаз / и идут как Духи по Шару, звеня головой, / и трубит Черный Зверь Гавриил, / полководец Трубы, / и число его звонко: 999, он – ЗВЕРЬ, / а число людомасс от Него: / 999 – полнота, / Зеркало. / Перевертыш: / 666. / Вот число людомасс: – 666; шестерня» [25, с. 877]); и упоминание вариантов конца света в результате ядерного взрыва («ищущий Ядерный Гриб, Надмирный Зонт, – вот и нашел сморчков – / ищущий боя гений, темя пробито, слёг...» [25, с. 874]).

В двенадцатом стихотворении цикла лирическим субъектом выступает ветхозаветный Бог-Отец, от первого лица ведется эпическое повествование о создании мира и людей, соотносимое по стилю и теме с Ветхим Заветом, рассказывающим о сотворении людей, об их пренебрежении заветами Бога и об их локальном истреблении. В стихотворении В. Сосноры библейский миф соотнесен с иными мифами о сотворении человека и с эволюционизмом:

Я славлю тавто, а логию – нет.
Я пел Тому на зад 300 млн лет.
Я видел как бились боги и титаны – болт о болт,
и у них был слабый волосяной покров, как у людей.

Я видел как люди мутировали в обезьян,
от атомных взрывов и с жалобами бежали ко мне,
я рассудил, что мясная пища
и жарил их на гвозде,
всё поколение обезьян-мутантов истребя.
Я сделал из грязи людей и опять вдохнул им в рот кислород:
прошло 10 млрд лет, и вот они опять мутируют в обезьян.
Смотрю на этот этап с любовью (себе на уме!),
идеализм конечно ж, но зато не конец, –
гвоздь мой цел в шкатулке а огня хоть отбавляй [25, с 875–876].

В данном стихотворении нашли отражение и восточные философско-религиозные воззрения, которые не были чужды В. Сосноре в конце 1990-х-начале 2000-х гг., что отмечает Л. Зубова, обращаясь к анализу сборника «Флейта и прозаизмы» [10, с. 487–503]. Анализируя финальное стихотворение в свете взаимодействия христианской эсхатологии, буддийской религии с авторским мировидением, Л. Зубова пишет: «Таким образом, книга Сосноры, в которой флейта предстает апокалиптической трубой, не оставляет надежды ни на реинкарнацию, ни на духовное спасение какой-либо религией или поэзией» [10, с. 502].

Более пристальное рассмотрение мотивов и образов, роднящих сборник «Двери закрываются» с предшествовавшим ему «Флейта и прозаизмы», позволяет отметить помимо эсхатологических, религиозно-философских переключек, мотив музыки и пения, как сближающий. Так, в сборнике «Флейта и прозаизмы» и само заглавие, и мотивно-образная система непосредственно связаны с музыкой, пением. Неслучайно в финальном стихотворении «В ту ночь соловей не будит меня...» возникает авторский образ «трубы Тишины», восходящий к апокалиптическим трубам в Откровении Иоанна Богослова.

Мотив пения или музыкального звучания проходит и через весь сборник «Двери закрываются». Слабо представленный в первом цикле «Не жди» (в двенадцатом стихотворении возникает образ «ненастоящей» записанной музыки: «...и пластинки с надписью / "Грамофон", / и это кажется, что жестокий романс ответ...» [25, с. 858] и в двадцатом стихотворении – мотив песни: «Ах, давно одинокие песни поют повара...» [25, с. 862]), данный мотив становится более частотным в цикле «Золотой Нос» и переходит в лейтмотив в «999-666».

Так, первое стихотворение цикла «Золотой Нос» открывается риторическим вопросом:

Может ли петь сковорода? – о да!
на огне она как «Весна Священная», Голос и Дух,
но сними с огня, и тоскует, выскобленная, на крюке,
повешенная в Сарагосе, где спит Збигнев Цибульский, пан.
И так мы дойдём, что сравним сикель из крана и Океан,
обсудим, как оба, и кран и Океан – поют... [25, с. 863]

Цикл «999-666» также открывается стихотворением, разрабатывающим мотив музыки:

Это третья сюита из Книги Конца,
формульный опыт рисунков исчезновений секунд –
наносить на них ноту со звоном и пускать по ветрам,
Океан возьмёт.
И опустит ко дну глубоко-глубоко

по пяти линейкам от всех возможных ушей –
готово всё.

Там и пюпитры, и оркестр, и дирижер,
есть струнные рыбы, тарелки, виолончель,
отзвук и позывные, может быть – Луне,
м. б. луне, а м. б. и мне, –
Пузыри Земли.

.....

Не уходи, подожди, пережди уход
первозвучных гамм [25, с. 870–871].

Тема музыкального звучания различных предметов выведена в девятом стихотворении цикла «Золотой Нос»: «а на кой?.. / А на той, /
..... / что голос тела имеет некий диапазон – / от фа-диез малой октавы до си-бемоль третьей, – / не у них, у книг...» [25, с. 868]. Во втором стихотворении цикла «999-666» важными становятся образы музыкальных инструментов («Отзвенели серебряных труб веера, / эти флейты закупоренные да диктофоны лжи, / что уж там тренькать, я вены испепелил...» [25, с. 871], в седьмом В. Соснора переделывает слова известной песни из романа Р. Стивенсона «Остров сокровищ»: «– Йо-хо-хо! – / и бутылка Рима!» [25, с. 874]. В одиннадцатом стихотворении обращает на себя внимание самоопределение лирического героя через песню:

Поющий о смерти – закликает жизнь,
ты еще пройдешь через сто сетей,
ты еще запоешь как буйвол недоенный, – о! да и пою
уж 50 – так,
уж 50 лет, уж скоро (е. б. ж.) – 65.
Эта песнь не о себе.
так поют камни, а птицы – не так,
раковины морей – так, а дельфины – не так,
Огненная Земля – не так, и Антарктида – так.
Суммируем: автор поёт как пообанный,
он – Антимир и мутак.
Не мозговито [25, с. 875].

Таким образом, мотив пения становится одним из центральных, через который автор осмысляет сущность творчества, специфику окружающих предметов, сами художественные произведения.

Завершается цикл «999-666» возвратом к важнейшему в предыдущем цикле мотиву самоубийства, воспроизводимому теперь через сравнение с летящим кинжалом:

О бедный бредный Мир из клаузул,
мне нужен чек на выходы с судьбою,
а я лечу как вынутый кинжал,
в давным-давно покончивший с собою [25, с. 880].

Последний цикл в сборнике «Двери закрываются» продолжает закликательные мотивы, выраженные с помощью «отрицательного императива»: через использование повелительной глагольной формы в сочетании с отрицанием. Последовательно выделяются следующие такие языковые конструкции, помещаемые автором в сильную позицию начала стихотворения: «Не жди» [25, с. 855], «Не тоскуй» [25, с. 856], «Не ищи» [25, с. 858], «Не жди» [25, с. 858], «Не верь» [25, с. 866], «Не называй» [25, с. 877] (единственный случай, когда данная конструкция стоит не в начале стихотворения, но

после отточий), «Не упускай» [25, с. 878], «Не называй» [25, с. 881]. Использование «отрицательных императивов» усиливает трагедийность и эсхатологическую направленность всего сборника «Двери закрываются». Дважды повторенные конструкции «Не жди» и «Не называй» обозначают отсутствие как таковое в художественном мире В. Сосноры данного периода категории надежды, в том числе связанной с силой искусства слова. В цикле «Эпилог» реализуется то, что можно обозначить, как «антизаклятие» или «заклятие молчанием»: «Сказанное громко отодвигает тебя в небытие» [25, с. 881], таким образом, проговоренное слово не только не сохраняет автора, но, напротив, приближает его к смерти.

Мотив смерти, как уже отмечалось, сквозной для большинства циклов, образующих сборник «Двери закрываются», в «Эпилоге» достигает кульминации:

обходя попеременно то жизнь, то смерть,
и в конце концов – конца нет.

В этой книге даже имен – ни одного,
даже тоски, столь излюбленный метод туманов – не черчу [25, с. 882].

Чашку беру за ручку и зачерпнул из пруда лягушачьей икры, –
мертвая! Цапле не будет урожая лягух [25, с. 883].

На пружинах перегибы,
открывается кровать,
спи, дитя мое, погибель,
метастазное тавро!

.....

Ах, лунный всадник за мной скакал! [25, с. 884]

В последнем отрывке образ лунного всадника напрямую восходит к образам белых лошадей в художественном мире В. Сосноры: в его поэзии выделяется два типа образов лошадей, связанных с символикой цвета: белые лошади, символизирующие смерть и общее разрушение мироздания (в Апокалипсисе Иоанна Богослова перечислены образы четырех коней: белый, рыжий, вороной и бледный – в русском переводе. Прямо последний конь Апокалипсиса называется в третьем стихотворении цикла «У озера у пруда» с жанровым подзаголовком «плач в пяти пейзажах»: «Морей касаясь колесом, Конь Блед мой, с гривой корабли!...» [25, с. 642]); и красные лошади, связанные с символикой жизни и любви.

Мотив смерти напрямую ассоциирован прошлым, старостью, усталостью от жизни, истощанностью эмоций, впечатлений, которые варьируются в целом ряде стихотворений, взаимно дополняя и усиливая друг друга:

О как ранят старые предметы,
керамические их монеты,
свечка Фарадея, клавишин,
поколенья клавиш из кости
слоновой... [25, с. 881].

О сколько лет прошло с тех зим
и съедено камней.

русалок бюст и женщин низ –
тела давно минувших дней...

Мне скучно, негус! [25, с. 881].

Ну налетай на телегу, я двух жен любил и убил (в стогу!)
и устал я, соломенный, в белых кудрях,
а для чего же пишет писец? –

у веских признаний аргументов – нет [25, с. 883].

В тринадцатом стихотворении цикла автор обращается к астрологическому образному и понятийному ряду, говоря о конце Эры Рыб. И хотя в астрологии смена эпох не соотнесена с эсхатологией напрямую, напротив, следующая Эпоха Водолея описывается как более благополучная, в поэтическом мире В. Сосноры данная смена эпох приобретает черты Апокалипсиса, поддерживаясь проанализированными ранее мотивами смерти, прошлого; образами, подчерпнутыми из библейской эсхатологии:

О спите усталые Силы,
я вам не подвластен,
и это я виноват за тучи чаек,
что били саблями Эру Рыб.
Рыбы уйдут в одиночку, в заплыв, как будто вдвоем уходят,
и мой боевой жест неоспорим,
я ничего, а диаспоры устали.
В теле гвоздей есть зазубрины. –
Мои заветы новым богам,
это и есть конец
белого безмолвия, тренинг смерти? –
как ноздри кабана со множеством колец! [25, с. 884]

Первая строка завершающего весь сборник стихотворения «Р. S.» повторяет первую строку в цикле «999-666»: «Это третья сюита из Книги конца» [25, с. 885] с единственной разницей в использовании заглавных букв (в первом варианте оба слова, образующие название книги, были написаны с использованием прописных букв: *Книги Конца*). В заключительном стихотворении автор отказывается от соотнесения своего творчества с искусством людей, очевидно смещая акцент в сторону природного мира: «пятнистый полоз, черный уж и бичевидная змея, / певчий ястреб живущий на юге Африки, и он поет так: / кэк-кэк-кэк или же кик-кик-кик, / довольно хорошая песенка – для заик...» [25, с. 885]. В данном фрагменте ощутимы отсылки к заклинательной поэзии футуристов, прежде всего, Хлебникова. Финальная строка закольцовывает композицию стихотворения, возвращая к первой: «четвертой не будет...» [25, с. 885], сигнализируя об исчерпанности не только поэтического пути самого автора (как мы знаем, в 2005 г. В. Соснора опубликовал сборник «Мотивы Феогида. Энеада»), но и об исчерпанности искусства, истории мира как таковой.

Заключение. Сборник «Двери закрываются» мыслится автором как финальный в триединстве сборников рубежа XX–XXI вв. Оставляя поэтическое завещание, В. Соснора соотносит завершение своего творческого пути с тектоническим сдвигом мироздания, в предощущении которого находился мир на пороге третьего тысячелетия.

Полное понимание отдельных стихотворений, входящих в сборники, возможно не только при соотнесении их с соседними текстами, что характерно для большей части творческого наследия В. Сосноры, но и при осмыслении их места в составе цикла, сборника, трехкнижия («Куда пошел? и где окно?», «Флейта и прозаизмы», «Двери закрываются»). Основой всех трех сборников становится мотив смерти, исчерпанности жизни, реализуемый на материале Библии, восточной философии, астрологии и нумерологии, а также широком культурном материале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арьев А.Ю. Арфография: О прозе Виктора Сосноры, опубликованной и неопубликованной / А.Ю. Арьев // Согласие. – 1993. – № 3. – С. 112–117.

2. Арьев А.Ю. Ничей современник: (Виктор Соснора: случай самовоскрешения) / А.Ю. Арьев // Вопросы литературы. – 2001. – Вып. 3. – С. 14–30.
3. Арьев А.Ю. Дон Соснора де Сааведра (Поэтический мир Виктора Сосноры) / А.Ю. Арьев // Петербургская поэзия в лицах: очерки. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – С. 96–113.
4. Балашов-Ескин К.М. Поэтический стиль В.А. Сосноры: художественно-речевая образность. [Текст]: дис. ... канд. фил. наук: 10.01.01: защищена 31.01.22 / К.М. Балашов-Ескин. – М., 2022. – 219 с.
5. Болнова Е.В. Рецепция античного наследия в сборнике В. Сосноры «Мотивы Феогида. Энеада» / Е.В. Болнова // Палимпсест. Литературоведческий журнал. – 2021. – №2 (10). – С. 37–53.
6. Болнова Е.В. Творческая история цикла «Уходят женщины» из сборника «Куда пошел? и где окно?» В.А. Сосноры / Е.В. Болнова // Вестник гуманитарного образования. – 2024. – № 3 (35). – С. 165–171.
7. Гордин Я.А. Литературные варианты исторических событий – что это такое? / Я.А. Гордин // Соснора В. Властители и судьбы: Литературные варианты исторических событий. – Л. : Советский писатель, 1986. – С. 3–7.
8. Зейферт Е.И. Автобиографический миф Виктора Сосноры: к постановке проблемы / Е.И. Зейферт // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023. – №13 (881). – С. 123–130.
9. Золотоносов М. «Вслед за кистью» (Соснора несмотря ни на что) [Электронный ресурс] / М. Золотоносов // Час пик. – 1990. – № 38. – 12 ноября. – Режим доступа: http://sosnora.ru/pressa/vsled_za_kistiю_zolotonosov_o_sosnore.jpg (дата обращения: 10.04.2025)
10. Зубова Л.В. Подобия в книге Виктора Сосноры «Флейта и прозаизмы» / Л.В. Зубова // Восемь великих. Российский государственный гуманитарный университет. – М. : РГГУ, 2022. – С. 487–502.
11. Зубова Л.В. Древнерусский язык в поэтическом отражении: Виктор Соснора / Л.В. Зубова // Теоретические проблемы языкознания. – СПб. : Изд-ва СПбГУ, 2004. – С. 596–606.
12. Зубова Л.В. Языки современной поэзии / Л.В. Зубова. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 384 с.
13. Ичин К. Виктор Соснора о числах / К. Ичин // Восемь великих. Российский государственный гуманитарный университет. – М. : РГГУ, 2022. – С. 503–511.
14. Катаян В.В. Лиля Брик. Жизнь / В.В. Катаян. – М. : Захаров, 2002. – 322 с.
15. Кукулин И. Легализованное заклинание в интерьере советского бидермайера: о возможных жанровых, стилистических и социокультурных истоках стихотворения К. Симонова «Жди меня» [Электронный ресурс] / И. Кукулин. – Режим доступа: <https://stg.urokiistorii.nppsatek.com/articles/i-kukulin-legalizovannoe-zaklinanie> (дата обращения: 10.04.2025)
16. Ковалева Т.И. Поднятый «бубен»: Древняя Русь и авангард в стихотворении В. Сосноры «Пир Владимира» (1959) / Т.И. Ковалева, И.Е. Лощилов // Герменевтика древнерусской литературы. – 2024. – № 23. – С. 613–632.
17. Ковалева Т.И. «Мстислава древний поединок...»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редеей» (1959) / Т.И. Ковалева, И.Е. Лощилов // Сибирский филологический журнал. – 2023. – № 2. – С. 166–179.
18. Лощилов И.Е. О стихотворении Виктора Сосноры «Трое»: Замечания к разбору / И.Е. Лощилов // Во власти культуры и текста: сборник научных трудов к юбилею доктора филологических наук, профессора Галины Петровны Козубовской. – Барнаул: АлтГПУ, 2021. – С. 378–388.
19. Лощилов И.Е. Поэзия и дидактика: о стихотворении Виктора Сосноры «Тоска по родине» / И.Е. Лощилов // Сибирский филологический журнал. – 2022. – № 1. – С. 101–112.
20. Лощилов И.Е. К разбору стихотворения Виктора Сосноры «Разлука звериного лая со страхом совиным...» (1966) / И.Е. Лощилов // Критика и семиотика. – 2022. – № 1. – С. 366–379.
21. Лощилов И.Е. Асеев о Сосноре – Соснора об Асееве: к эдиционной истории книги «Январский ливень: Стихи» (1962) / И.Е. Лощилов, Т.В. Соснора // Восемь великих. Российский государственный гуманитарный университет. – М. : РГГУ, 2022. – С. 551–560.
22. Лощилов И.Е. Сибирские поэтические турне Виктора Сосноры (1960-е гг.) / И.Е. Лощилов, Т.В. Соснора // Литературный факт. – 2022. – № 2 (24). – С. 104–131.
23. Новиков В.И. Против течения / В.И. Новиков // Литературное обозрение. – 1979. – № 1. – С. 41–44.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

24. Соснора В. Двери закрываются / В. Соснора. – СПб. : Пушкинский фонд, 2001. – 48 с.
25. Соснора В. Стихотворения / В. Соснора. – СПб. : Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: «Пальмира», 2018. – 910 с.
26. Соснора В.А. Флейта и прозаизмы / В. Соснора. – СПб. : Пушкинский фонд, 2000. – 56 с.

REFERENCES

1. Ar'ev A.Iu. (1993). Arfografiia: O proze Viktora Sosnory, opublikovannoi i neopublikovannoi [About Victor Sosnora's prose, published and unpublished]. Soglasie. Moscow, № 3, 112–117 (In Russian).
2. Ar'ev A.Iu. (2001). Nichei sovremennik: (Viktor Sosnora: sluchai samovoskresheniia) [Nobody's Contemporary: (Victor Sosnora: a case of self-resurrection)]. Voprosy literatury [Literature questions]. Moscow. Vol. 3, 14–30 (In Russian).
3. Ar'ev A.Iu. (2011). Don Sosnora de Saavedra (Poeticheskii mir Viktora Sosnory) [Don Sosnora de Saavedra (The Poetic World of Victor Sosnora)]. Peterburgskaia poeziia v litsakh: ocherki [Petersburg poetry in faces: essays]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. [New Literary Review], 96–113 (In Russian).
4. Balashov-Eskin K.M. (2022). Poeticheskii stil' V.A. Sosnory: khudozhestvenno-rechevaya obraznost' [The poetic style of V.A. Sosnora: artistic and speech imagery]. Moscow, 219 s. (In Russian).
5. Bolnova E.V. (2021). Recepciya antichnogo naslediya v sbornike V. Sosnory' «Motivy' Feognida. E'neada» [Reception of the ancient heritage in V. Sosnora's collection "The Motives of Theognides. The Aeneid"]. Palimpsest. Literaturovedcheskii zhurnal [Palimpsest. Literary magazine]. №2 (10), 37–53 (In Russian).
6. Bolnova E.V. (2024). Tvorcheskaya istoriya tsikla "Ukhodyat zhenshchiny" iz sbornika "Kuda poshel' i gde okno?" V.A. Sosnory [The creative history of the cycle "Women leave" from the collection "Where did you go? and where is the window?" by V.A. Sosnora]. Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya [Bulletin of Humanitarian Education]. № 3 (35). 165–171 (In Russian).
7. Gordin Ia. (1986). Literaturnye varianty istoricheskikh sobytii – chto eto takoe? [Literary versions of historical events – what is it]. Sosnora V.A. Vlastiteli i sud'by [Lords and Destinies]. Leningrad: Sovetskii pisatel'. 3–7 (In Russian).
8. Zejfert E.I. (2023). Avtobiograficheskij mif Viktora Sosnory': k postanovke problemy' [Victor Sosnora's Autobiographical Myth: towards a Problem Statement]. Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarny'e nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. №13 (881). 123–130 (In Russian).
9. Zolotonosov M. (1990). «Vsled za kist'yu» (Sosnora nesmotrya ni na chto) [Following the brush (Sosnora no matter what)]. Chas pik [Rush hour]. №38. 12 november. Retrieved from: http://sosnora.ru/pressa/vsled_za_kisti_u_zolotonosov_o_sosnore.jpg (In Russian).
10. Zubova L.V. (2022). Podobiya v knige Viktora Sosnory' «Flejta i prozaizmy» [Similarities in Victor Sosnora's book "Flute and Prose"]. Vosem' velikikh [The Eight Great Ones]. Moscow, RGGU Publ. 487–502 (In Russian).
11. Zubova L.V. (2004). Drevnerusskii iazyk v poeticheskom otrazhenii: Viktor Sosnora [The Old Russian language in poetic reflection: Victor Sosnora]. Teoreticheskie problemy iazykoznanii [Theoretical problems of linguistics]. Saint Petersburg: SPbGU Publ. 596–606 (In Russian).
12. Zubova L.V. (2010). Iazyki sovremennoi poezii [Languages of modern poetry]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).
13. Ichin K. (2022). Viktor Sosnora o chislax [Victor Sosnora on numbers]. Vosem' velikikh [The Eight Great Ones]. Moscow, RGGU Publ. 503–511 (In Russian).
14. Katanyan V.V. (2002). Lilya Brik. Zhizn' [Lilya Brik. Life]. Moscow, Zaxarov (In Russian).
15. Kukulin I. (2014). Legalizovannoe zaklinanie v inter'ere sovetskogo bidermajera: o vozmozhnyx zhanrov'x, stilisticheskix i sociokul'turny'x istokax stixotvoreniya K. Simonova «Zhdi menya» [A Legalized spell in the interior of the Soviet Biedermeier: on the possible genre, stylistic and socio-cultural origins of K. Simonov's poem "Wait for Me"] Retrieved from: <https://stg.urokiistorii.nppsatek.com/articles/i-kukulin-legalizovannoe-zaklinanie> (In Russian).
16. Kovaleva T.I., Loshchilov I.E. (2024). Podnyati "buben": Drevnyaya Rus' i avangard v stikhotvorenii V. Sosnory "Pir Vladimira" (1959) [Raised Tambourine: Ancient Russia and the Avant-garde in V. Sosnora's poem "Vladimir's Feast" (1959)]. Germenevtika drevnerusskoi literatury [Hermeneutics of Ancient Russian literature]. № 23. 613–632 (In Russian).
17. Kovaleva T.I., Loshchilov I.E. (2023). "Mstislava drevnii poedinok...": rasskaz "Povesti vremennykh let" v stikhotvorenii V. Sosnory "Boi Mstislava s Rededei" (1959) ["Mstislav's ancient duel...": the story "Tales of Bygone Years" in V. Sosnora's poem "Mstislav's Battle with Rededei" (1959)]. Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Philological Journal]. № 2. 166–179 (In Russian).
18. Loshchilov I.E. (2021). O stikhotvorenii Viktora Sosnory «Troie»: Zamechaniia k razboru [About Victor Sosnora's poem "Three": Notes for analysis]. Vo vlasti kul'tury i teksta [At the mercy of culture and text]. Barnaul, AltGPU Publ. 378–388 (In Russian).
19. Loshchilov I.E. (2022). Poeziia i didaktika: o stikhotvorenii Viktora Sosnory «Toska po rodine» [Poetry and didactics: about Victor Sosnora's poem "Homesickness"]. Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Philological Journal]. № 1. 101–112 (In Russian).

20. Loshchilov I.E. (2022). K razboru stikhotvoreniia Viktora Sosnory «Razluka zverinogo laia so strakhom sovinym...» (1966) [To the analysis of Victor Sosnora's poem "The separation of animal barking with the fear of an owl ..." (1966)] *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. № 1. 366–379 (In Russian).

21. Loshchilov I.E., Sosnora T.V. (2022). Aseev o Sosnora – Sosnora ob Aseeve: k editsionnoi istorii knigi «Janvarskii liven': Stikhi» (1962) [Aseev about Sosnora – Sosnora about Aseev: to the traditional history of the book "January Downpour: Poems" (1962)]. *Vosem' velikikh* [The Eight Great Ones]. Moscow, RGGU Publ. 551–560 (In Russian).

22. Loshchilov I.E., Sosnora T.V. (2022). Sibirskie poeticheskie turne Viktora Sosnory (1960-e gg.) [Victor Sosnora's Siberian Poetry Tours (1960s)]. *Literaturnyi fakt* [A literary fact]. № 2 (24). 104–131 (In Russian).

23. Novikov V.I. (1979). *Protiv techeniia* [Against the current]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary review]. Moscow. № 1. 41–44 (In Russian).

Поступила в редакцию 13.05.2025 г.

POETRY COLLECTION "THE DOORS ARE CLOSING" BY V. SOSNORA AS PIECE OF AUTHOR'S LATE WORK

E.V. Bolnova

The article examines poetry collection "The Doors are closing" by V. Sosnora's as the final part of the three books, written at the turn of the XX–XXI centuries and including the collections "Where did you go? And where is the Window?" (1999), "Flute and Prose" (2000) and "The Doors are closing" (2001). Two motif-shaped complexes stand out as the central ones? Among them are the motives of death, destruction, suicide, and the Apocalyps and the motive of music, singing, and art. They can be traced in the collection "The doors are closing". Their connection with the similar motifs in the two previous collections can be observed, too. The attention is paid to the peculiarities of the author's appeal to someone else's word, to an autobiographical myth, to auto-citations and auto-allusions. The conclusion is drawn about close ideological and semantic connections between the individual poems within the cycles, between the cycles themselves, and between the three collections by V. Sosnora, written at the turn of the XX–XXI centuries.

Key words: modern poetry, V. Sosnora, collection "The doors are closing", collection "Flute and prose", collection "Where did you go? And where is the window?", motif of death, motif of music, later work of V. Sosnora

Болнова Екатерина Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация.

Доцент кафедры русской литературы Института филологии и журналистики.

ORCID: 0000-0003-4956-642X.

E-mail: eka332@yandex.ru.

Bolnova Ekaterina Vladimirovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,

Russian Federation, Nizhnij Novgorod.

Associate Professor at Department of Russian literature.

ORCID: 0000-0003-4956-642X.

E-mail: eka332@yandex.ru.

Научная статья

УДК 81'282

DOI: 10.5281/zenodo.15788165

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ЛИНГВОРЕГИОНОВЕДЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

© 2025 Н.П. Курмакаева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID: 0009-0005- 3472- 0203

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Настоящая публикация является продолжением исследования автора в сфере формирования, систематизации и упорядочения складывающегося в регионалистике собственного понятийного аппарата. В статье осуществляется теоретическое осмысление и описание ряда базовых, узкоспециальных и междисциплинарных терминов и понятий лингворегиеоноведения. Рассматриваются явления терминографической полиномии как методической проблемы дисциплины «Введение в лингворегиеоноведение», предлагаются способы ее решения, в частности – создание учебного словаря лингворегиеоноведческих терминов и понятий объяснительного типа. Предлагаются приемы расширенной цитатной трактовки неоднозначно понимаемого термина и семантизации новых понятий с опорой на производящие из смежных наук с уточняющим региональным компонентом. Базовой категорией молодой науки видится региональная языковая личность как носитель, хранитель и продуцент региональной языковой картины мира и региональной лингвокультуры. В связи с этим особенности языка региона рассматриваются в аспекте лингвокультурологического подхода и терминологических заимствований.

Ключевые слова: лингворегиеоноведение, словарь лингворегиеоноведческих терминов и понятий, региональная языковая картина мира, язык региона.

Для цитирования: Курмакаева Н.П. К проблеме формирования терминосистемы лингворегиеоноведения: теоретико-методический аспект // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 68–80. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15788165>.

Введение. Когда в 2009 году Т.Ф. Новикова сказала: «Назрела необходимость создания упорядоченной научной системы, раскрывающей феномен региональных особенностей родного языка, отражающей отечественную культуру в её ярком национальном и территориальном многообразии» [17, с. 109], во многих российских вузах уже активно занимались изучением региональных особенностей языка, издавали словари провинциализмов, локализмов, регионализмов. Создавались школы, обозначались направления исследования, решались вопросы терминологии и в целом складывался понятийный аппарат нового направления научных изысканий интегративного плана.

Сегодня по результатам многочисленных конференций и научных семинаров, по огромному количеству тематических публикаций уже с уверенностью можно говорить

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

не только о появлении, но и бурном развитии относительно молодого направления российской филологии «как самостоятельной области гуманитарного знания и актуального для нынешней социокультурной ситуации объекта методического осмысления» [25, с. 8], называющегося пока по-разному: регионалистика, регионоведение, регионимика, региолектология, лингворегионология, лингворегионоведение (последняя номинация, предложенная и обоснованная Т.Ф. Новиковой, становится всё более предпочтительной). Оно призвано способствовать развитию интереса к региональному языковому пространству с особенностями его фонетической, грамматической, лексической, фразеологической, онимной и др. сфер. Актуальность, теоретическая и практическая значимость изучения и описания языка территории, на которой жили предки и функционирует современная региональная языковая личность, неоспоримы, хотя, по признанию белгородских ученых, «лингворегионоведение в настоящее время переживает этап "первоначального накопления капитала"» [25, с. 9] и эти формы языка «всё еще остаются на периферии лингвистических исследований» [18, с. 35].

Включение донецких исследователей в сферу изучения донецкой региональной речи приходится на 2017 год, т.е. мы 8 лет находимся в активной разработке этой проблемы. Сделано немало. Так, проф. Т.В. Жеребило, подробно анализируя в 2021 г. состояние дел с понятийно-категориальным аппаратом в лингворегионоведении, отмечает, что исследования донецкого региолекта базируются на предложенных В.И. Теркуловым дефинициях таких базовых понятий, как «регионально маркированные языковые явления, региональный язык, региональный идиом, региональный говор, региолект» [7, с. 10]. Далее она отмечает, что «автор [В.И. Теркулов] неоднократно возвращается к проблемам понятийно-терминологического аппарата. Он пишет о соотношении понятий региолект и диалект» [там же] и дает ссылку на работу [22]. По сути, ученым сообществом признано, что сформировано терминологическое ядро научного осмысления и описания донецкого диффузного региолекта (об этом писали В.И. Супрун, Т.Ф. Новикова). Однако всё расширяющиеся горизонты научного поиска втягивают в сферу интересов междисциплинарного направления *лингворегионоведение* не только определенные (нередко спорные) языковые пласты, например «советизмы» (В.А. Маслова), «онимная (проприальная) культура», «онимосфера Донбасса», «региональный ономастикон» (В.И. Мозговой), региональные урбанонимы и эргонимы (К.В. Першина), но и категории лингвокультурологии и психолингвокультурологии.

Благодаря включенности исследования донецкого диффузного региолекта в систему российских региолектных разысканий и выходу в свет коллективной монографии «Донецкий региолект» (2018) впервые было объективировано представление о донецкой речи как о важной и неотъемлемой части единого национального русскоязычного пространства. А в учебных планах магистратуры Донецкого государственного университета закрепились дисциплина «Введение в лингворегионоведение», включенная в базовую (обязательную) часть магистерской программы первого года обучения по направлению «Русский язык: теоретические и практические аспекты». Она предполагает большую и кропотливую лингворегионоведческую работу, которая имеет важное научное и прикладное значение.

Российские ученые и методисты уже доказали, что реальным результатом работы в ракурсе лингворегионоведения могут стать:

– словари города, поселка, отдельной языковой личности;

– идиолекты и «языковые портреты» представителей социальных и возрастных групп; язык местных писателей, поэтов, ученых;

– учебные пособия по лингворегионоведению и лингвокраеведению;

– методические рекомендации для учителей школ и работников сферы СМИ по культуре речи для прогнозирования, недопущения и устранения возможных отступлений от речевой нормы (речевых ошибок и недочетов) в связи со спецификой сложившегося регионального речевого пространства. К этому следует добавить необходимость создания учебного словаря лингворегионоведческих терминов и понятий. Именно содержательная сторона этого словаря – предмет нашего размышления.

Основная часть. Как еще достаточно новая наука, лингворегионоведение переживает период становления понятийно-терминологического аппарата. Это выражается не только в поисках соответствующих строгих и непротиворечивых терминологических номинаций предметам, объектам, единицам, категориям, но и в уточнении имеющихся дефиниций, дабы избежать, с одной стороны, нежелательных ассоциаций с нетерминологической лексикой, а с другой – дифференцировать новое значение термина с известным уже в другой области знания, о чем свидетельствует большое количество публикаций последних 30-40 лет (см. работы М.А. Бородиной, А.С. Герда, Т.А. Голиковой, Л.А. Грузберг, Т.И. Ерофеевой, Е.В. Ерофеевой, Т.В. Жеребило, И.С. Зварыкиной, С.А. Кошарной, И.В. Ливинской, В.А. Масловой, Т.Ф. Новиковой, Е.А. Оглезневой, Ю.А. Резвухиной, Н.Н. Соколянковой, В.И. Теркулова, Е.А. Тороховой, В.И. Трубинского, Н.В. Хорошевой, Е.В. Черемисиной и мн. др.).

Преподавателю, читающему данный курс в вузе, приходится нелегко в методическом отношении: современная отечественная лингворегионоведческая терминология изобилует такими фактами, как *разноименства* и *многоименства* (Ю.С. Сорокин), *полиномия*, или *вариативность терминов* [19, с. 76 и след.], что вполне оправданно в период становления новой науки и, как убедительно доказано А.Е. Симоненко, имеет давнюю традицию в терминографии – словарном описании научных терминов [19, с. 76–93]. Примеры напрашиваются сами:

- *лингворегионоведение* – *лингвокраеведение* – *лингворегионалистика* – *лингворегионология*;
- *регионализмы* – *региолектизмы* – *регионимы* – *локализмы* – *провинциализмы*;
- *региональный язык* – *региональный вариант национального языка* – *региональный говор* – *территориальное койне* – *региолект*;
- *социолект* – *жаргон* – *сленг*;
- *язык города* – *городское просторечие* – *провинциальная речь* и др.

Большинство принятых в данном научном междисциплинарном направлении терминов представляет собой модификации первичных наименований как лексико-семантические и лексико-словообразовательные варианты с предметно- или локально-обусловленной уточняющей семантикой. Сравним, например: *регионалистика* (первоначально термин экономической географии) как наука об экономико-географическом положении региона и эколого-экономическом исследовании в региональном ракурсе (основатель – американский экономист и географ Уолтер Айзард) [1] и *регионалистика* (заимствованный лингвистикой и культурологией термин) как наука о культурно-языковой специфике региона. Далее *регионалистика* → *лингворегионалистика* (термин, утверждающийся в лингвокультурологии и лингворегионоведении) – наука, изучающая язык региона, оязыковленную культуру

региона. Параллельно используется изначально обобщающий термин *регионоведение* как наука о специфике развития целостных регионов в различных аспектах – от природных до этноконфессиональных, т.е. изучение районов во всех измерениях и аспектах, один из аспектов – лингвокультурологический. Отсюда следует естественная трансформация в сторону сужения и уточнения термина: *регионоведение* → *лингворегоноведение* и появление синонимической пары с термином *лингворегионалистика*.

По тому же принципу получили развитие такие ряды и пары с гиперонимическими отношениями:

- *краеведение* (совокупность знаний о родном крае) → *лингвистическое краеведение* (*лингвокраеведение*) – наука о языковых особенностях родного края, изучающая язык «малой» родины;
- *оним* (имя вообще) → *регионим* (регионально значимое имя);
- *лексема* (лексическая единица вообще) → *региолексема* (лексема с регионально обусловленной спецификой).

С методической точки зрения это вполне оправданный прием адаптации имеющихся терминов к потребностям молодой науки. Снабженные соответствующими дефинициями, они должны быть включены в словарь лингворегиеведческой терминологии и войти в научный обиход. Важно, чтобы дефиниции были не размытыми, а предельно четкими, наиболее адекватно отражающими суть и специфику понятия. Так, о дифференциальных признаках вариантов наименований дисциплины достаточно точно выразилась Л.А. Климкова: «...*лингвокраеведение* является традиционным термином и в то же время он более связан с изучением **отдельных микросистем** (поэтому и считается более характерным для школы), термин же *лингворегиеведение* – с изучением **совокупности микросистем** [выделено нами. – Н.К.] в пределах региона большего или меньшего масштаба» [9, с. 94].

Для удобства использования в лингворегиеведении других известных общелингвистических терминов к ним добавляется определение «региолектный» или «региональный». Например, В.И. Теркулов пишет: «Базовой единицей региолектной стратификации является **региолектный говор** [выделено автором. – Н.К.], представляющий собой объединение **региолектных идиомов** [выделено нами. – Н.К.], функционирующих в пределах одного населенного пункта» [4, с. 19]. Чтобы студент полноценно и адекватно воспринял и усвоил эти определения относительно соответствующего общепринятого термина, он должен с достаточной четкостью вычленив из системы понятий о языке понятие *региолект*, которое в настоящее время принято считать центральным в лингворегиеведении. Однако при знакомстве с данным явлением в предлагаемой ему литературе студент сталкивается с целым рядом иных терминов: *региональный язык*, *язык региона*, *региональный вариант национального языка*, *региональный говор*, *территориальное койне*.

Как показывают научные источники, чаще всего данные термины не дифференцируют, используют как полные или идеографические синонимы [5; 16; 20 и др.]. Предложение М.А. Бородиной признать за *региональным языком* статуса обобщающего понятия по отношению ко всем *региональным говорам* в [2] пока не находит большого числа сторонников. Судя по авторитетным публикациям, наиболее употребительны по отношению к речевому пространству регионов термины *региональный язык* или *язык региона*, которые не все ученые готовы приравнять к понятию *региолект* (ведь изначально *региолект* трактовался как «наддиалектное образование», поскольку принималась концепция А.С. Герда о трансформации

диалектов в региолекты, а диалект признавался субстратом региональной речи [2, с. 36]). Например, Т.Ф. Новикова говорит о выборе «терминосочетания "язык региона", исходя из убеждения, что язык региона – понятие внутренне неоднородное и достаточно трудно поддающееся дефиниции и систематизации» [18, с. 40], однако которое ранее она дефинировала как сложное, внутренне неоднородное явление, включающее «литературный язык, говоры и диалекты, распространенные на данной территории, жаргоны и социолекты, городское и сельское просторечие, явления смешения и контаминации родственных или контактирующих языков и др.» [17, с. 110]. Расширение понятия обнаруживаем в трактовке В.А. Масловой: «язык региона – это не только местные диалекты», но и «неологизмы советского периода (советизмы)... и начала XXI века, региональные названия учреждений, организаций, названия жителей региона, имена великих людей [региона]...» [16, с. 25]. Предельно лаконичное определение регионального языка дает Т.А. Голикова: «это система всех языковых механизмов, обеспечивающих порождение и понимание речи в данном регионе» [3, с. 80]. При этом В.А. Маслова приравнивает понятие *язык региона* к понятию *региональный вариант национального языка* [16, с. 26].

Разработка теории донецкого диффузного региолекта, в основе которого нет диалектного субстрата, дала основания В.И. Теркулову утверждать: «...региолект – это не какая-то разновидность речи, не какой-то отдельный идиом, имеющий своих носителей, а **определенная регионально маркированная организация всего языкового пространства региона**» (выделено автором. – Н.К.) [4, с. 17]. Понятие *региолект* предложено распространить на городскую речь регионов, приравнять к региональной речи, языку региона. Постепенно оно становится ключевым и преобладающим в лингвистической регионалистике, однако объем и границы самого явления остаются зыбкими и продолжают обсуждаться и уточняться [4; 5; 10; 16; 18; 22; 24 и др.].

В процессе работы над учебным пособием [15] и словарем терминов к нему нам приходилось в методических целях реализовывать, как минимум, два приема трактовки базовых понятий дисциплины. Первый прием сводится к систематизации ряда ключевых дефиниций термина, сформулированных разными учеными в разное время, от наиболее ранних и предельно обобщенных трактовок к более уточненным, развернутым, максимально охватывающим явление в современном понимании. Приведем пример расширенной, цитатной трактовки ключевого термина лингворегионоведения.

Региолект – 1) особая форма устной речи, с одной стороны, не достигшая ещё статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием (А.С. Герд); 2) речь, которую ее носители осознают и принимают как норму в узусе того региона, где региолект функционирует (И.Ж. Степанова); 3) новая единица территориального членения языка, объединяющая идиомы расположенных рядом и административно связанных населённых пунктов, характеризующихся общими регионально маркированными языковыми чертами; совокупность взаимосвязанных городских говоров-койне; определенная регионально маркированная организация всего языкового пространства региона (В.И. Теркулов); 4) особая устно-разговорная форма национального языка, присущая определенному территориально-административному образованию, характеризующаяся лексическими, фонетическими (реже морфологическими и синтаксическими) особенностями, обусловленными совокупностью (взаимодействием) диалектов (территориальных, социальных, профессиональных) и разговорной речи, объединенными внутривидовым языковым единством (И.А. Кудрейко).

Кроме того, нужно учитывать, что междисциплинарный характер лингворегионоведческого сегмента языкознания детерминирует развитие и функционирование в нем терминологии двух типов – общенаучной и узкоспециальной. С помощью общенаучного понятийного аппарата, в частности, обосновывается методико-методологическая база дисциплины. К числу важнейших универсальных понятий лингворегионоведения следует отнести *язык, культура, языковая личность, картина мира (мировидение), социализация, инкультурация* и ряд др. (мы их обсуждали в предыдущей статье [13]). Многие из этих терминов до сих пор не имеют единой дефиниции, что свидетельствует не только о сложности и неоднозначности самого явления, но и «разности» видения его учеными. Например, словарная статья понятия-метафоры *картина мира (мировидение)* может состоять из множества авторских определений, чаще всего представленных тоже метафорически: «целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны» (Р.А. Будагов); «субъективный образ объективной реальности» (Б.А. Серебренников); «мир, понятый как картина» (М. Хайдеггер); «отражение окружающего мира в голове человека» (В.В. Красных); «сумма ментальных значений, наиболее общих представлений о мире» (Т.Г. Утробина) и др. Считаем предпочтительным такое цитатное оформление словарной статьи в учебном словаре, поскольку это расширяет научную картину мира учащегося и студента, заставляет не зазубривать единственную дефиницию, а выбирать, анализировать и пробовать формулировать свою.

Общенаучная терминология (например, *картина мира*) обуславливает появление и развитие частных (*языковая картина мира*) и узкоспециальных внутридисциплинарных понятий (*региональная языковая картина мира*), что предполагает как их взаимообусловленность, так и дифференциацию. Считаем совершенно необходимым реализацию второго приема трактовки базовых понятий дисциплины с опорой на исходные общенаучные, общелингвистические, а также смежные, культурологические, психолингвокультурологические наработки. Так *языковая картина мира* трактуется лингвистами как «вторичный, идеальный мир "в языковой плоти"» (В.Г. Колшанский); «мир в зеркале языка» (А.А. Леонтьев, В.В. Красных), «совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике» (В.А. Маслова), «неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации» (В.Н. Телия) и др.

Разработку понятия *региональная языковая картина мира*, которое является составной частью понятия *национальная языковая картина мира*, целесообразно проводить в полном соответствии с пониманием общего термина и видением различий в толковании тех или иных событий в региональном преломлении. Ярким подтверждением могут служить сложившиеся в донецком речевом пространстве устойчивые выражения типа: *В Донбасс со своим углем; Что молчишь, будто угля наелся? Заёлзанный, как шахтер/проходчик; Ты что, с террикона свалился? Что за копёр на голове накрутила?* – вместо известных общенациональных их аналогов: *В Тулу со своим самоваром; Что молчишь, будто язык проглотил? Грязный, как свинья; Ты что, с луны упал / с дуба рухнул? Что за гулю на голове накрутила?* Отсюда дефиницию термина можно сформулировать так.

Региональная языковая картина мира – 1) результат характерного для языка данного региона (региолекта) свойства вербализовать мысли и представления продуцента – представителя субэтнуса об окружающем мире через определенную

регионально маркированную организацию всего языкового пространства региона; 2) продукт сознания субэтнического сообщества, возникающий в результате взаимодействия регионального мышления, окружающей продуцента действительности и данного в его владение региолекта как средства региональной коммуникации.

Метафорически трактовку термина можно сформулировать, взяв за основу определение ЯКМ А.А. Леонтьева и В.В. Красных «мир в зеркале языка» [10, с. 18]: тот же мир, отраженный в зеркале регионального языка.

Собственно лингворегионоведческие термины создаются по известным в смежных и родственных дисциплинах словообразовательным моделям: *диалект* – *региолект*; *диалектизм* – *региолектизм*, чем прозрачно подтверждается их прямая связь с этими научными направлениями и подчеркивается уникальность их семантического наполнения. Мы предложили центральный массив минимальных единиц региолектного членения, включающий региолексемы периферийных стратов национального языка: разговорно-просторечные, жаргонно-сленговые слова и выражения (в донецком региолекте это в том числе шахтерские профессионализмы), диалектные и устаревшие лексемы, а также примыкающий к ним пласт украинизмов, которые в русском литературном языке обычно воспринимаются как просторечия, – объединить термином **региолектизмы** по аналогии с *диалектизмами* (подробнее в нашей работе [14, с. 41]), учитывая их общую стилистическую сниженность. Соответственно, информативно более емкий термин *регионализм* нуждается в уточнении, поскольку он должен включать, наряду с региолектизмами, и единицы других языковых слоев, представляющие «часть региональной культуры» (И.С. Зварыкина [8]). В донецкой речи, например, активными являются местные слова, которые не имеют ограничительной пометы в словарях, т.е. считаются общеупотребительными, однако в других регионах не распространены, а часто и неизвестны вовсе: *копёр* ('сооружение над шахтой с подъёмником клетки'); *терриконт* ('конусообразный отвал пустой породы на поверхности земли при шахте'); *штыб* ('мелкий уголь'), а также общеупотребительные слова, ситуативно переосмысленные: *прилёты* (о снарядах); *плюсовать* / *минусовать* ('принимать / отправлять снаряды'), либо имеющие исторически обусловленное значение: *Первая линия* (ныне улица Артема; линиями в старой Юзовке назывались улицы; их было 19); *юзовщина* ('состояние убогой старины') и др. В разряде регионализмов должны рассматриваться местные имена и наименования из разных сфер: персонимы, топонимы, гидронимы, урбанонимы, хоронимы, ойконимы, эргонимы.

Донецкий диффузный региолект имеет специфическое происхождение, заметно отличающееся от диалектных региолектов Центральной России, в связи с чем многие дефиниции терминов, сформулированные учеными РФ для нужд того или иного региона или в целом для диалектного региолекта, оказываются недостаточными, требующими уточнения по параметру охвата описываемого явления и другим характеристикам, например, *регионализм* в трактовке Т.В. Жеребило: 1) «местное слово или выражение, бытующее на определённой территории, употребляемое носителями региолекта; 2) лексическая единица, заимствованная из другого языка, но используемая только на определенной территории – в региолектах, бытующих в зоне контактирования языков» [6, с. 299]. Обе трактовки представляются спорными.

Отмеченная выше множественность номинаций одних и тех же понятий, безусловно, затрудняет восприятие студентами материала, иногда ведет к путанице, нелогичности изложения. В учебных целях считаем целесообразным свести терминологическую вариативность к минимуму, частично за счет 1) обоснованного формирования синонимических рядов из разноименных родственных терминов с

выделением при необходимости доминанты синонимического ряда. (*социолект* – *общий жаргон* – *шахтерские профессионализмы* – *молодежный сленг*), нам представляется уместным сюда же включить пласт языка войны в Донбассе, а именно: *милитарный* и *околомилитарный сленг*; 2) разведения пересекающихся терминов по соответствующим нишам путем уточнения их дефиниций для нужд и удобств пользования внутри данной дисциплины (*регионализм* – *региолектизм* – *регионим*), сформулировав каждому из них собственную дефиницию с качественной иллюстрацией.

Признанные в лингворегионоведении антропоцентрическая концепция изучения языка региона и культурологический подход как методологическая основа дисциплины обуславливают включение в понятийный аппарат категорий лингвокультурологии и психолингвокультурологии. Так, базовой категорией культуры признан человек «во всей совокупности своих проявлений, человек-личность» (В.Н. Телия). «Базовой оппозицией культуры является достойно / недостойно» [12, с. 15], т.е. то, что показывает человек в своем поведении в широком смысле.

На наш взгляд, человек говорящий должен быть признан базовой категорией и лингворегионоведения, т.к. без его реальной речевой деятельности не было бы приставки-аббрекконструкта *лингво-* к общему термину *регионоведение* как науки, изучающей особенности географии, истории, экономики, хозяйственной деятельности определенного региона страны или мира. Человек говорящий в лингворегионоведении – это *региональная языковая личность (РЯЛ)*. Причем нужно уточнить, что РЯЛ – это не просто местный житель (абориген), знающий, понимающий, владеющий некоторым количеством местных слов, оборотов речи и устойчивых выражений, принятых в данном регионе, но и выступающий как равный с другими член субэтнического сообщества, знаток окружающей действительности и участник или свидетель региональных событий, которые в его дискурсивном пространстве опосредуются особыми языковыми значениями, специфическим образом осмысливаются и коннотируются. Так, в Донецке мало кого удивит выражениями: *Ему пора на Караванную* (на этой улице издавна находится психдиспансер); *Дальше Щегловки не отнесут* (Щегловское кладбище – одно из отдаленных в Донецке); *Ты что, с террикона рухнул?* (выражение, которое истинный донбассовец предпочтет общеизвестным *Ты что, с дуба / с луны упал?*); *Повторили бы воду лучше* (новое донецкое выражение в связи с нехваткой воды в городе); *«Страна, куда не ходят поезда»* (поэт и священник Дм. Трибушный о ДНР).

Чтобы называться *региональной языковой личностью*, человек как индивид проходит две стадии – социализацию (процесс вхождения в цивилизацию, в терминологии А.Н. Леонтьева) и инкультурацию (процесс вхождения в культуру, в данном случае – в том числе в культуру региона проживания). Их результатом является так называемая «межпоколенная трансляция культуры (её ценностей, оценок, установок, традиций, предпочтений, запретов и под.)» [12, с. 20]. Наглядный пример – множество поговорок, пословиц, крылатых выражений, отражающих ценностные ориентиры донбассовцев: *Донбасс порожняк не гонит; Донбасс никто не ставил на колени, и никому поставить не дано; При длительном нажиме на Донбасс хрупкий уголь превращается в алмаз; На Донбасс со своим углём; Счастье не за горами, оно за терриконами; Дома плохо, а не дома еще хуже.*

При этом возникает необходимость использования обобщающего термина из социолингвистики для сообщества РЯЛ, проживающего на территории региона – *субэтнос* (лат. *Sub* ‘под’ + этнос), который мы понимаем как часть этнической общности, отличающаяся от доминирующего большинства этноса элементами культурно-языкового порядка, возникшими в результате особых условий жизни, повлиявших на

нормы речевого поведения, на объем и качество культурной информации в семантике языкового знака.

Как видим, в характеристике субэтнуса присутствует понятие **регионально отмеченная культурная информация**, т.е. речь должна идти о специфических «формах осознания мира», действительности, поскольку человек, владеющий такой информацией, владеет ценностным кодом, ориентирующим его в региональном дискурсе и духовной сфере субэтнуса (*Святой Варварой живы мы, / Покуда есть о ком молиться. / И Шубин нам сплет из тьмы, / И флягу даст воды напиться*. И. Лысый).

Разработка проблемы РЯЛ как части субэтнуса предопределяет тесную увязку понятийного аппарата лингвокультурологии с соответствующим сегментом пока недостаточно разработанной терминосистемы лингворегиеоноведения. Есть необходимость во введении в научный оборот дисциплины некоторого количества терминов из словаря лингвокультурологии с корректировкой на специфику лингворегиеоноведческой направленности.

Так, РЯЛ, будучи представителем субэтнуса, овладевает регионально отмеченными **культурными смыслами** как результатами взаимодействия языка и культуры региона, а значит, региональными **культурными концептами** – носителями ценностной культурной информации регионального уровня через специфическое осмысление мира (*Слово в качестве «породы» на-гора гнать нельзя, только «антрацит»*. В. Скобцов). Новые культурные смыслы возникают в связи со специфической ассоциативной интерпретацией языкового знака с регионально значимыми эталонами, стереотипами и прочими прототипами языковой культуры, наработанными на субэтническом пространстве национального языка. Это происходит благодаря регионально отмеченным **культурным коннотациям**, наслаивающимся на знак и выступающим как одна из форм воплощения региональной или регионально осмысливаемой культуры в языковом знаке. Например, фраза *Ну ты и Стаханов!* может означать в разных контекстах противоположные смыслы в полном соответствии с терминами базовых оппозиций культуры *достойно / недостойно*: 1) восхищение скоростью и результатами труда кого-либо; 2) осмеяние, насмешку в связи с низкой работоспособностью и малой производительностью.

Региональную культурную коннотацию можно дефинировать следующим образом: 1) форма воплощения регионального компонента культуры в языковом знаке; 2) эмотивная окрашенность содержания знака, связанная с прагматикой региональной речи. *У Марии дрожат колени, / над Марией молчит луна / коногонкою в небе буром – немигающий глаз отца* (А. Ревякина)

В результате мы получаем на фоне культурно-национальной специфики русского языка **регионально-культурное своеобразие региональной речи**. Его можно характеризовать как региональное видение субэтносом предметов и явлений окружающего мира через систему регионально окрашенных значений, например: *У тебя не сердце, а кусок угля* (В. Гроссман); *устал как шахтёр; грязный как проходчик; ты что, с террикона свалился?* Такая специфичность объясняется условиями жизни в Донбассе, обычаями и традициями края как сложившимися нормами поведения, мышления, деятельности, проявлениями субэтнического самосознания и самоидентификации, «народного духа», по А.А. Потебне. Такого рода примеры показывают «узаконивание» некоторого «реестра эталонов», по версии В.В. Красных, как базовых ценностей культуры региона, причем не только положительных, но и отрицательных, как, например, оппозиция *дончане – донецкие* до недавнего времени воспринималась как семантические антонимы на условной шкале «свой – чужой».

Подобные примеры, которых довольно много в донецкой речи, подчеркивают *регионально-культурную самоидентификацию* говорящего, которую следует понимать как экспликацию региональной личностью своей принадлежности к определенному субэтносу, его расположение на шкале «свой – чужой».

Заключение. Данная статья является продолжением исследования автора в сфере формирования, систематизации, уточнения и упорядочения складывающегося в лингворегионоведении как относительно новой науке собственного понятийно-терминологического аппарата. Здесь мы попробовали взглянуть на проблему не только с позиций теории регионалистики, но с методической точки зрения.

Теоретическое осмысление и описание как спорных, неоднозначно трактуемых базовых терминов и понятий, так и вводимых новых понятийных категорий сопровождается методическими предложениями по устранению или упорядочению, например, явлений полиномии в терминопотреблении, по созданию учебного словаря лингворегионоведческих терминов и понятий объяснительного типа; доказательствами предпочтительности цитатного оформления словарных статей некоторых ключевых терминов в этом словаре.

Рассмотрена лишь небольшая часть из новых единиц терминосистемы лингворегионоведения, пришедших из смежных наук, которые могут быть успешно введены в научный оборот, если сохранить в их трактовке опору на производящие, добавив уточняющий региональный компонент. Они будут крайне важны при углубленной разработке как феномена РЯЛ, так и собственно региолекта – центрального объекта лингвистической регионалистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзард У. Методы регионального анализа / У. Айзард – М. : Прогресс, 1966. – 660 с.
2. Бородина М.А. Диалекты или региональные языки? / М.А. Бородина // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 29–38.
3. Голикова Т.А. К вопросу о сущности регионального языка / Т.А. Голикова // Актуальные проблемы филологии. – Барнаул, 1998. – С. 77–81.
4. Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой и др.; под ред. В.И. Теркулова; ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»; Фонд «Русский мир». – Донецк : ООО «НПП Фолиант», 2018. – 264 с.
5. Ерофеева Е.В. Региолект как континуум / Е.В. Ерофеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2020. – № 17 (4). – С. 596–614
6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т.В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
7. Жеребило Т.В. Региональный вариант русского литературного языка: понятийно-категориальный аппарат / Т.В. Жеребило // Материалы Национальной научной онлайн-конференции с международным участием «Региональный вариант русского языка в условиях билингвизма», г. Грозный, 15-17 апреля 2021 года. – Грозный : Изд-во ЧГПУ, 2021. – С. 5–17.
8. Зварыкина И.С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) / И.С. Зварыкина // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2 (46). – С. 30–36.
9. Климкова Л.А. Лингвокраеведение в отечественном научном и образовательном пространстве / Л.А. Климкова // Вестник Костромского ун-та. Языкознание и литературоведение. – 2017. – Спец. выпуск. – С. 92–96.
10. Кошарная С.А. К вопросу о феномене «язык региона»: язык, речь, региолект / С.А. Кошарная // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сб. статей по итогам III Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2020. – С. 32–36.
11. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
12. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии /

В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2016. – 496 с.

13. Курмакаева Н.П. О формировании системы базовых понятий лингворегионоведения / Н.П. Курмакаева // Новые горизонты русистики. Вып. 11. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2020. – С. 7–90.

14. Курмакаева Н.П. К вопросу об объеме и уровне стратификации регионализмов // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства : сборник статей по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2020. – С. 39–43.

15. Курмакаева Н.П. Введение в лингворегионоведение: Теоретический курс: Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. / Н.П. Курмакаева. – Донецк: ГОУ ВПО «ДОННУ», 2021. – 205 с.

16. Маслова В.А. Соотношение литературного языка, региолекта и диалекта: взаимосвязь и дифференцирование / В.А. Маслова // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сб. докладов участников Международного научного форума (г. Новозыбков, Брянская обл., 23–26 октября 2019 г.) / под ред. С.Н. Стародубец и др. – Брянск: ООО «АБЕРС», 2019. – С. 24–28.

17. Новикова Т.Ф. К проблеме изучения языка региона / Т.Ф. Новикова // Русская филология. – Харьков : изд. ХНУ им. Г.С. Сковороды. – 2009. – №4 (41) – С. 107–113.

18. Новикова Т.Ф. Койне – полудиалект – региолект: к проблеме формирования понятийного аппарата регионалистики / Т.Ф. Новикова // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье / под ред. С.Н. Стародубец и др. – Брянск: ООО «АБЕРС», 2019. – С. 35–41.

19. Симоненко А.Е. Очерки по истории и теории русской терминологии XVIII – 1-ой пол. XX вв. / А.Е. Симоненко. – Донецк : Юго-Восток, 2009. – 580 с.

20. Степанов Е.Н. Национальные варианты русского языка или русские территориальные койне? / Е.Н. Степанов // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – 2011. – № 16. – С. 9–15.

21. Теркулов В.И. О понятии «региолект» / В.И. Теркулов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д : Филология и психология. – Донецк, 2018. – № 3–4. – С. 5–16.

22. Теркулов В.И. Региолект и диалект: о соотношении понятий / В.И. Теркулов // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Белгород, 14–15 мая 2020 года. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. – С. 59–62.

23. Теркулов В.И. Базовые понятия Донецкой школы лингворегионалистики / В.И. Теркулов // Материалы Национальной научной онлайн-конференции с международным участием «Региональный вариант русского языка в условиях билингвизма», г. Грозный, 15–17 апреля 2021 года. – Грозный : Изд-во ЧГПУ, 2021. – С. 18–28.

24. Черемисина Е.В. О региолекте в современном языкознании / Е.В. Черемисина // Перспективы развития современных гуманитарных наук. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2015. – С. 45–49.

25. Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 18–20 мая 2017 г.) / отв. ред. Т.Ф. Новикова. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2017. – 328 с.

REFERENCES

1. Ajzard U. (1966). Metody regional'nogo analiza [Methods of regional analysis]. Moscow: Progress. (In Russian).
2. Borodina M.A. (1982). Dialekty ili regional'nye jazyki? [Dialects or regional languages?]. Voprosy jazykoznanija, 5, 29–38 (In Russian).
3. Golikova T.A. (1998). K voprosu o sushhnosti regional'nogo jazyka [To the question of the essence of the regional language]. Aktual'nye problemy filologii, 77–81 (In Russian).
4. Terkulov V.I. (ed.) (2018) Doneckij regiolekt: monografija [Donetsk regiolect: a monograph]. Donetsk: Foliant, 264 pp. (In Russian).
5. Erofeeva E.V. (2020). Regiolekt kak kontinuum [Regiolect as a continuum]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura, 17 (4), 596–614 (In Russian).
6. Zhrebilo T.V. (2010). Slovar' lingvisticheskikh terminov i ponjatij [Dictionary of linguistic terms and concepts]. Nazran': Pilgrim, 486 pp. (In Russian).
7. Zhrebilo T.V. (2021). Regional'nyj variant russkogo literaturnogo jazyka: ponjatijno-kategorial'nyj apparat [Regional variant of the Russian literary language: conceptual and categorical apparatus]. Materialy Nacional'noj nauchnoj onlajn-konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Regional'nyj variant russkogo jazyka v uslovijah bilingvizma», g. Groznyj, 15–17 aprelja 2021 goda. Grozny, 5–17 (In Russian).

8. Zvarykina I.S. (2013). K voprosu o sootnoshenii dialekt'nogo i regional'nogo v russkom jazyke (na primere leksiki Astrahanskogo kraja) [To the question of the correlation between dialectal and regional in the Russian language (on the example of the lexicon of the Astrakhan region)]. *Gumanitarnye issledovaniya*, 2 (46), 30–36 (In Russian).
9. Klimkova L.A. (2017). *Lingvokraevedenie v otechestvennom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve* [Linguo-territorial studies in the national scientific and educational space]. *Vestnik Kostromskogo un-ta. Jazykoznanie i literaturovedenie, Special issue*, 92–96 (In Russian).
10. Kosharnaja S.A. (2020). K voprosu o fenomene «jazyk regiona»: jazyk, rech', regiolekt [To the question of the phenomenon 'language of the region': language, speech, regiolect]. *Jazyk i kul'tura regiona kak sostavljajushhie obrazovatel'nogo prostranstva: sb. statej po itogam III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Belgorod, Jepicentr, 32–36 (In Russian).
11. Krasnyh V.V. (2003). «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? ['One's own' among 'strangers': myth or reality?]. Moscow: Gnozis, 375 pp. (In Russian).
12. Krasnyh V.V. (2016). *Slovar' i grammatika lingvokul'tury; Osnovy psiholingvokul'turologii* [Vocabulary and grammar of linguoculture; Basics of psycholinguoculturology]. Moscow: Gnozis, 496 pp. (In Russian).
13. Kurmakaeva N.P. (2020). O formirovanii sistemy bazovyh ponjatij lingvoregionovedenija [On the formation of the system of basic concepts of linguoregionology]. *Novye gorizonty rusistiki*, 11, 77–90 (In Russian).
14. Kurmakaeva N.P. (2020). K voprosu ob obeme i urovnevoj stratifikacii regionalizmov [To the question about the volume and level stratification of regionalisms]. *Jazyk i kul'tura regiona kak sostavljajushhie obrazovatel'nogo prostranstva : sbornik statej po itogam III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Belgorod: Jepicentr, 39–43 (In Russian).
15. Kurmakaeva N.P. (2021). *Vvedenie v lingvoregionovedenie: Teoreticheskij kurs: Uchebnoe posobie. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Introduction to linguoregionology: Theoretical course: Textbook. Ed. 2nd, revised and supplement]. Donetsk, 205 pp. (In Russian).
16. Maslova V.A. (2019). Sootnoshenie literaturnogo jazyka, regiolekt i dialekt: vzaimosvjaz' i differencirovanie [Correlation of the literary language, regiolect and dialect: interrelation and differentiation]. *Idiolekt russkoj jazykovoj lichnosti kak otrazhenie lingvokul'turnoj situacii v slavjanskom pogranich'e: sb. dokladov uchastnikov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma (g. Novozybkov, Brjanskaja obl., 23-26 oktjabrja 2019 g.)*. Bryansk: «AVERS», 24–28 (In Russian).
17. Novikova T.F. (2009). K probleme izuchenija jazyka regiona [Towards the problem of studying the language of the region]. *Russkaja filologija, Kharkiv*, 4 (41), 107–113 (In Russian).
18. Novikova T.F. (2019). Koine – poludialekt – regiolekt: k probleme formirovanija ponjatiynogo apparata regionalistiki [Koine – semidialect – regiolect: to the problem of forming the conceptual apparatus of regionalistics]. *Idiolekt russkoj jazykovoj lichnosti kak otrazhenie lingvokul'turnoj situacii v slavjanskom pogranich'e*. Bryansk: «AVERS», 35–41 (In Russian).
19. Simonenko A.E. (2009). *Očerki po istorii i teorii russkoj terminografii XVIII –1-oi pol. XX vv.* /A.E. Simonenko [Essays on the history and theory of Russian terminography XVIII-1-th half. XX century]. – Donetsk: Jugo-Vostok, 580 pp. (In Russian).
20. Stepanov E.N. (2011). Nacional'nye varianty russkogo jazyka ili russkie territorial'nye kojne? [National variants of the Russian language or Russian territorial koinets?]. *Mova: Naukovo-teoretichnij chasopis z movoznavstva*, 16, 9 (In Russian).
21. Terkulov V.I. (2018). O ponjatii «regiolekt» [About the concept of 'regiolect']. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. SerijaD : Filologija i psihologija*. Donetsk, 3–4, p. 5–16. (In Russian).
22. Terkulov V. I. (2020). Regiolekt i dialekt: o sootnoshenii ponjatij [Regiolect and dialect: on the correlation of concepts]. *Jazyk i kul'tura regiona kak sostavljajushhie obrazovatel'nogo prostranstva: Sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Belgorod, 14–15 maja 2020 goda. Belgorod: Jepicentr, 59–62 (In Russian).
23. Terkulov V.I. (2021). Bazovye ponjatija Doneckoj shkoly lingvoregionalistiki [Basic concepts of Donetsk school of linguoregionalistics]. *Materialy Nacional'noj nauchnoj onlajn-konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Regional'nyj variant russkogo jazyka v uslovijah bilingvizma», g. Groznyj, 15-17 aprilja 2021 goda*. Groznyj, 18–28 (In Russian).
24. Cheremisina E.V. (2015). O regiolekte v sovremennom jazykoznanii [About regiolect in modern linguistics]. *Perspektivy razvitija sovremennyh humanitarnyh nauk. Sbornik nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Voronezh, 45–49 (In Russian).
25. Novikova T.F. (ed.) (2017). *Jazyk i kul'tura regiona kak sostavljajushhie obrazovatel'nogo prostranstva: Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Belgorod, 18–20 maja 2017 g.)* [Language

and culture of the region as components of the educational space: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference (Belgorod, 18-20 May 2017)]. Belgorod: Jepicentr, 2017, 328 pp. (In Russian).

Поступила в редакцию 17.05.2025 г.

**FORMING TERMINOLOGY OF LINGUO-REGIONAL STUDIES:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT**

N.P. Kurmakayeva

This publication is a continuation of the author's research in the field of formation, systematization, and ordering the conceptual apparatus of regional studies. The article provides a theoretical reflection and description of a number of basic, highly specialised and interdisciplinary terms and concepts of linguo-regional studies. The author considers the phenomenon of terminographic polynomiality as a methodological problem of the discipline 'Introduction to Linguo-regional Studies'. The ways of its solution are suggested, in particular, the creation of a learner's explanatory dictionary of terms and concepts of linguo-regional studies. The methods of extended citation interpretation of an ambiguously understood term and semantisation of new concepts with reliance on derivative units from related sciences with a clarifying regional component are proposed. The basic category of the science in the making is the regional linguistic personality as a carrier, keeper and producer of the regional linguistic worldview and regional linguistic culture. In this regard, the peculiarities of the language of the region are considered in the aspect of a linguistic and cultural approach and terminological borrowings.

Keywords: linguo-regional studies, dictionary of linguo-regional terms and concepts, regional linguo-culture, regional linguistic worldview, language of region.

Курмакаева Нина Петровна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Доцент кафедры русского языка.

ORCID: 0009-0005-3472-0203.

E-mail: kurmakayeva@mail.ru.

Kurmakayeva Nina Petrovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Associate Professor of Russian Language Department.

ORCID: 0009-0005-3472-0203.

E-mail: kurmakayeva@mail.ru

Научная статья

УДК 811.111+81'33+81'37

DOI: 10.5281/zenodo.15788395

К ВОПРОСУ О НАИМЕНОВАНИИ «ТРУДНОРАЗЛИЧИМЫХ СЛОВ» (CONFUSABLES) АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

© 2025 О.А. Максимчик

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет»

ORCID 0009-0002-7412-0032

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье на материале английского языка рассмотрена обширная группа устойчиво смешиваемых слов, близких по написанию, произношению или значению, под общим условным названием «трудноразличимые слова» (confusables). Они приводят к ошибкам, вызванным подменой верного слова схожим по форме или содержанию. При наличии терминов для отдельных единиц в рамках данной неоднородной в лингвистическом отношении группы (*homophones, paronyms, etc.*) и большого количества англоязычных наименований (*confusable words, confusing words, confused words, misused words, confusables*), отсутствует общепринятый лингвистический термин для ее обозначения. Цель статьи состоит в попытке дать теоретическое обоснование наиболее подходящего наименования устойчиво смешиваемых вследствие формальной или семантической схожести единиц английского языка. Материалом послужили наименования из научных статей по проблематике исследования, 80 словарей и пособий, а также словарные определения ключевых лексем. Основной метод теоретического анализа подкреплен методами сплошной выборки, лексикографического описания и сравнительного анализа. В результате предложен рабочий термин и дано его определение. Также намечены некоторые дальнейшие пути решения проблем изучения «трудноразличимых слов» английского языка.

Ключевые слова: иностранный язык, английский язык, лексика, паронимы, омонимы, омофоны, омографы, синонимы, «ложные друзья переводчика», «трудноразличимые слова».

Для цитирования: Максимчик О.А. К вопросу о наименовании «трудноразличимых слов» (confusables) английского языка / О.А. Максимчик // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 81–97. – [https://doi.org/ 10.5281/zenodo.15788395](https://doi.org/10.5281/zenodo.15788395).

Введение. Изучение английского языка сопряжено с некоторыми сложностями, о чем свидетельствуют многочисленные исследования в этой области [24; 21 и др.], а также словари и практические пособия, составленные с целью их преодоления [38; 49; 4 и др.]. Не обходится без объективных трудностей и процесс освоения обширного пласта иноязычной лексики, более того, именно освоение и дальнейшее использование лексических единиц часто сопровождается многочисленными ошибками. В этой связи представляется исключительно важным обращение исследователей к разнообразным особенностям иноязычной лексики в лингвистическом или лингводидактическом аспектах проблемы. Актуальными для настоящего исследования становятся изыскания, посвященные явлениям полисемии, омонимии, синонимии и паронимии в современном английском языке [15; 33; 8; 1] или в сопоставлении с русским языком [2; 6; 7 и др.]. В сопоставительном аспекте исследуется явление межъязыковой омонимии и так называемые ложные друзья переводчика [17; 10]; рассматриваются проблемы перевода в паре «английский – русский» или наоборот [23; 31]. В лингводидактическом аспекте

проблемы освещаются трудности использования иноязычной лексики [11] и формирования лексических навыков [22] в процессе обучения иностранному языку.

Нам представляется, что особую сложность вызывает использование слов, близких по форме или содержанию, которые устойчиво смешиваются. Причинами смешения могут быть внешние признаки (например, случаи омофонов и омографов, паронимов), семантическая общность (синонимы), отождествление слова в родном и изучаемом языке («ложные друзья переводчика»). Слова, схожие по форме или близкие по значению, достаточно неоднородны по своей лингвистической природе и представлены единицами, некоторые из которых выходят за рамки вышеперечисленных групп. В английском языке смешиваемые вследствие формальной или семантической схожести слова иногда объединяют в обширную группу, для обозначения которой используются такие наименования, как *confusable words*, *confusing words*, *confused words*, *misused words*, *confusables*. При этом, в отличие от большого числа опубликованных словарей и пособий [58; 60; 47; 48; 43; 36; 37; 40; 41 и др.], количество научных статей, посвященных так называемым *confusables* в английском языке, представляется недостаточным. Так, поисковые запросы по интересующей нас теме в научной электронной библиотеке *elibrary.ru* оказались не вполне удовлетворительными: по запросу *confusable words* в подборке были представлены прежде всего статьи на материале китайского языка; по запросу *confused words* – 2 подходящие по теме статьи на английском языке; по запросу *confusing words* – 1 статья по интересующей нас теме на материале английского языка; по запросу *misused words* – 1 подходящая статья на английском языке. Кроме того, подборки по вышеприведенным словосочетаниям содержали некоторые статьи, посвященные паронимам, омонимам, «ложным друзьям переводчика» и не упоминавшимся нами ранее таронимам [12]. Еще больше вопросов вызвало наличие в названиях научных статей в подборках таких наименований, как «путаницы в английском языке» [19], «английские слова со схожим написанием и разным значением» [9], «непонятные слова» [18], «слова-ловушки» [16], «коварные слова» [20]. Приходится констатировать, что обращение к устойчиво смешиваемым единицам английского языка затруднено неопределенностью терминологии и наличием смежных единиц, значительным количеством наименований в английском языке и проблемами их перевода на русский язык, что приводит к попыткам (иногда не вполне удачным) предложить свой вариант наименования.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что продолжается неослабевающий интерес к отдельным аспектам английской лексики в лингвистическом аспекте проблемы, и к обусловленным ее особенностями лексическим ошибкам и способам их преодоления – в лингводидактическом. По нашему мнению, важное место должны занять исследования слов, смешиваемых из-за сходства формы или содержания, однако их описание прежде всего требует разрешения терминологических проблем. Нам неизвестны изыскания, предлагающие подробное теоретическое обоснование применяемых наименований. В этом отношении исследование, которое ставит своей целью разрешить некоторые терминологические вопросы, представляется актуальным.

Цель настоящей статьи состоит в попытке дать теоретическое обоснование наиболее подходящего наименования устойчиво смешиваемых вследствие формальной или семантической схожести единиц английского языка; и предполагает анализ наименований, используемых в проведенных ранее исследованиях, опубликованных словарях и учебных пособиях, а также лексикографическое описание ключевых лексем. Для достижения цели необходимо выполнить ряд задач: систематизировать имеющиеся в научной литературе сведения о смешиваемых словах; сделать подборку посвященных им англоязычных словарей и учебных пособий; проанализировать используемые наименования; попытаться

решить основной терминологический вопрос относительно наиболее подходящего наименования с привлечением лексикографических источников; дать рабочее определение термину; описать попутно возникающие проблемы и наметить возможные пути их решения.

Материалы и методы исследования. Объектом настоящего исследования стали устойчиво смешиваемые слова английского языка, близкие по написанию, произношению и / или значению, которые можно объединить под условным названием «трудноразличимые слова» (*confusables*). Материалом послужили тексты научных статей по проблематике исследования, 80 словарей и пособий, посвященных различным лексическим проблемам английского языка, а также словарные определения ключевых лексем из ряда онлайн-словарей. Методология исследования обусловлена поставленной целью и сочетает как общенаучные, так и специальные методы. Помимо теоретического анализа научной литературы по проблемам английской лексикологии, вопросам полисемии, омонимии, паронимии и синонимии, особое внимание было уделено справочной и учебной литературе (словарям, пособиям, общей выборкой 80 источников), посвященной «трудноразличимым словам» и типичным ошибкам. Методы сплошной выборки и лексикографического описания, а также сравнительный анализ были использованы для интерпретации словарных определений ключевых лексем.

Основная часть. Гипотеза исследования состояла в следующем: в английском языке существует обширная группа, в которую условно объединены единицы, представленные парами (рядами) слов, которые устойчиво смешиваются вследствие формальной или семантической схожести. Отсутствие общепринятого термина для их наименования в английском и русском языках осложняет их изучение. Обращение к используемым наименованиям в уже проведенных исследованиях, а также в справочной и учебной литературе представляется адекватным способом уточнения терминологии. Для проверки гипотезы необходимо сделать подборку статей, а также словарей и пособий, посвященных смешиваемым словам, и проанализировать используемые в них наименования; на основе проведенного анализа и лексикографического описания ключевых лексем обосновать наиболее подходящий вариант наименования устойчиво смешиваемых слов английского языка и предложить его рабочее определение.

Несмотря на то, что интерес к многочисленным единицам английского языка, которые путают между собой, имеет давнюю историю (так, один из словарей в нашей подборке, *Room's Dictionary of Confusibles*, 1979 г. издания [58]), исследователи продолжают сталкиваться с рядом трудностей при их изучении. Первая проблема, которая требует решения, – это неопределенность терминологии. Выбор наиболее подходящего наименования на английском языке, обозначающего искомые единицы, затруднен, с одной стороны, наличием целого ряда параллельно используемых наименований (*confusable words*, *confusing words*, (*easily / commonly / frequently*) *confused words*, *misused words*, *confusables*), с другой стороны, – тем, что ни одно из них не закреплено в словарях в качестве общепринятого лингвистического термина. В русском языке поиск адекватного наименования еще более сложен, так как нет закрепленных вариантов перевода ключевых лексем, наиболее часто используемых в английском языке (*confusables*, *confusable / confusing / confused / misused words*). В результате теоретические проблемы описания смешиваемых единиц на материале английского языка так и не нашли своего окончательного решения, как и не было предложено определение, которое бы охватывало все особенности разноплановых языковых единиц под одним общим названием.

Нерешенным остается вопрос обоснования объединения единиц, обладающих явным или мнимым сходством, в пределах одной лексической категории, в то время как

конституенты могут иметь свои устойчивые наименования. Так, примерами слов, схожих по формальным признакам, являются омонимы (homonyms) с такими подвидами, как омофоны (homophones) и омографы (homographs): *air* и *heir*; *desert* n. и *desert* v.; а также понимаемые нами максимально широко паронимы (paronyms): *adapt* и *adopt*; *human* и *humane*; *later* и *latter*. Все вышеперечисленные подгруппы приводят к многочисленным ошибкам. Примером слов, схожих по смыслу, являются синонимы (synonyms), которые также часто подменяются неверным вариантом: *opportunity* вместо *possibility*; *travel* вместо *trip* или *journey*; *accuse* вместо *blame* или *charge*. Мнимая схожесть слов в паре «английский – русский» или наоборот «русский – английский» относится к проблеме «ложных друзей переводчика» (false friends): *biscuit* vs. *бисквит*; *penetition* vs. *repetition*, которая хорошо известна не только изучающим английский язык, но и иногда профессиональным переводчикам. Тем не менее, эти разнородные единицы по какой-то причине рассматриваются совместно в словарях и справочниках, посвященных *confusable words* (и неважно, какое именно наименование использует автор в названии), при этом подробное теоретическое обоснование их объединения в одну категорию чаще всего отсутствует. Между тем смешиваемые по причине внешнего сходства или близкого значения слова не могут быть сведены только к вышеуказанным разновидностям, а также представлены разноплановыми в лингвистическом отношении единицами (словами, словосочетаниями, аббревиатурами), что расширяет поле исследования.

Важный вопрос, который требует уточнения, касается учета родного языка при отборе рассматриваемых языковых единиц. Проблема неверного использования слов, подмены одного другим из-за их явного или мнимого сходства характерна не только для изучающих иностранный язык, но и для носителей языка. Естественно, что по объективным причинам последние избавлены от трудностей, вызванных «ложными друзьями переводчика», однако ошибки, связанные с подменой паронимов, им хорошо известны (ср. русск. *адресат* и *адресант*; *одеть* и *надеть*). Причины смешения слов, вероятно, будут отличаться у изучающих язык и его носителей, а значит различны и основания включения или не включения отдельных единиц в круг исследуемых. По всей видимости, проблемы с омофонами и омографами актуальны для тех и других, как и проблемы с однокоренными паронимами. С другой стороны, русскоязычные студенты, изучающие английский язык, могут рассматривать в качестве схожих по звучанию более обширный круг единиц, по причине различий в артикуляционной базе: широко известны фонологические ошибки в результате подмены *leave* на *live* из-за отсутствия в русском языке оппозиции по долготе – краткости; *bad* на *bed* за счет неразличения широкого /æ/ и более узкого /e/; *bad* на *bat* за счет оглушения согласных на конце. С учетом вышесказанного логично предположить, что и инвентарь исследуемых единиц с позиции изучающих английский язык будет более представительным.

Чтобы определить, какие именно единицы попадают в сферу интереса исследователей, мы провели анализ научных статей, посвященных «трудноразличимым словам» английского языка. Приходится констатировать, что в большинстве из них уделяется недостаточно внимания выделению объекта исследования, обоснованию применяемой терминологии либо полностью отсутствует определение того, какие языковые единицы рассматриваются. Herron, анализируя 5 неверно используемых слов в медицинских текстах [26] («5 words that are most commonly misused in medical writing: *utilize*, *increase*, *level*, *while*, and *comprise*»), не предлагает определения *commonly misused words*, а лишь отмечает, что иногда авторы используют слова, которые двусмысленны или неточны («words that are ambiguous, inaccurate, or imprecise») [26, с. 44]. Huang & Powers в исследовании об автоматическом исправлении ошибок в правописании или

грамматике [28], состоящих в подмене слов другими словарными словами, в качестве источника ошибок выделяют близкое расположение клавиш («keyboard proximity (typos)»), схожесть в произношении («phonological similarity (phonos)») и грамматическую «путаницу» («grammatical confusion (grammos)») [28, с. 77], однако определение *confused words* в статье отсутствует. Автоматическому извлечению *frequently confused words* посвящает свое изыскание Kang [29], в котором отмечает, что значительную часть из них представляют синонимы, а также слова со схожим написанием («words with similar spellings»); несмотря на большое количество приведенных примеров определение *frequently confused words* отсутствует. Huang et al. в статье, раскрывающей особенности обучения *confusing words* через автоматическое извлечение примеров [27], имеют в виду под ними прежде всего слова-синонимы («near-synonyms»). Tanaka & Seals рассматривают *confused and misused terms and phrases* (также *confusing and misleading terms and phrases*) в научных текстах по физиологии [34] и предлагают полезные списки таких слов и фраз, однако определение того, что авторы относят к исследуемым единицам отсутствует. Rezai & Ezatabadipour описывают корпусный подход к преподаванию иранским студентам *confusable words* [32], под которыми понимают смешиваемые слова, которые схожи в звучании или написании («words in English that sound or look alike which frequently cause confusion»; «their pronunciation and spelling seem similar») [32, с. 12]. Croitoru использует наименование *confusables* (также *troublesome words*), отмечая, что они служат источником семантической двусмысленности и переводческих «ловушек» («*confusables, as sources of semantic ambiguity and as translation traps*») [25, с. 35], однако не поясняет, что понимает под *confusables*. Статья Khobragade [30] посвящена парам *confused and misused words*, которые путают по причине внешнего сходства, но которые имеют разное значение («*they look like somewhat alike although their meanings are different*») [30, p. 8].

С другой стороны, как мы уже отмечали ранее, существует достаточное количество научных работ, посвященных отдельным лексическим категориям и языковым единицам, которые могут рассматриваться в качестве «трудноразличимых слов»: так, попытку разграничить полисемию и омонимию предпринимает З.Ш. Никатуева [15]; проблемы синонимии в английском языке освещены в [8]; Simon посвящает свое исследование проблемам с выделением английских омофонов и омографов [33]; К.А. Айсултанова и Г.С. Шарипова исследуют феномен паронимии в английском языке [1]; а А.Р. Каменев – в английском и русском языках, а также рассматривает смежные явления [6; 7]; Н.З. Киселева посвящает свое исследование «ложным друзьям переводчика» [10]; Ю.В. Суслова, описывая «коварные слова» (англ. *confusing words*) в авиационном английском языке, говорит о паронимах, омонимах и многозначных словах [20].

Также некоторые работы посвящены рассмотрению отдельных устойчиво смешиваемых слов: О.П. Мотина анализирует паронимическую пару *continuous / continual* [14]; Ю.О. Меньшикова рассматривает несколько пар разнокоренных паронимов: *access – excess, allude – elude, tenuous – tentative*, etc. [13]; О.А. Карпович описывает 8 пар слов со схожим написанием (и произношением), но разным значением *allusion – illusion, explicit – implicit, historic – historical, stationary – stationery*, etc. [9]; М.С. Собиржонова и Г.А.К. Эшкуватова, среди «непонятных слов» английского языка (англ. *confusing words*) называют *compliment / complement, break / recess / interval / intermission / interlude / pause*, etc. [18]; М.С. Сторожева описывает такие «путаницы» в английском языке, как *less / fewer, some / any, then / than, lose / loose, amount / number, lend / borrow*, etc. [19].

Таким образом, обращение к научным публикациям подтверждает интерес исследователей к проблеме смешиваемых слов, но также свидетельствует о неопределенности терминологии и большой вариативности используемых наименований. В дальнейшем потребуется более детальное рассмотрение смежных категорий, что с одной стороны, позволит лучше понять само исследуемое лингвистическое явление, с другой стороны, – значительно увеличивает объем подлежащего осмыслению теоретического материала.

Далее в соответствии с задачами исследования, мы провели анализ наименований, используемых в опубликованных источниках. Для этого мы сделали подборку из 80 словарей и учебных пособий, как российских, так и зарубежных авторов, посвященных трудноразличимым словам и другим лексическим проблемам английского языка (из-за ограничения объема в списке литературы приведены лишь некоторые из них [58; 60; 47; 48; 38; 43; 36; 37; 40; 41; 57; 49]). Из них было выделено 50 источников, в названии которых содержатся слова *confusables*, *confusable words*, *confusing words*, *confused words*, *misused words*. В 13 из них (26%) используется наименование *confusing words*, в 10 (20%) – *confusable words (phrases)*, в 8 (16%) – *confused words*, в 8 (16%) – *confused and misused words*, в 5 (10%) – *misused words*, в 4 (8%) – *confusables (confusibles)*; кроме того, в 1 источнике обнаружено такое наименование, как *words almost everyone confuses and misuses*; а в названиях на русском языке – *трудноразличаемые / трудноразличимые слова* (см. Рис. 1). Считаем, что хотя полученные количественные данные представляются любопытными, на их основе нельзя делать вывод, что более «популярный» вариант *confusing words* является лучшим наименованием для исследуемых единиц, а менее «популярный» *confusables* должен быть оставлен за рамками рассмотрения в качестве термина. Кроме того, в нашей выборке есть еще 30 источников, посвященных трудноразличимым словам и другим лексическим (или даже грамматическим) проблемам английского языка, а также объяснению типичных ошибок, в которых используются другие наименования: *common errors / mistakes*, *difficult words*, *troublesome words*, *homophones and homographs*, etc. Источники с названиями вроде *English Usage* по большей части также посвящены именно разграничению неверно используемых близких по значению или форме слов. Отсюда возникает терминологическая путаница, свидетельствующая об отсутствии общепринятого термина, охватывающего устойчиво смешиваемые слова английского языка, с одной стороны, и о трудностях, с которыми сталкиваются авторы словарей и пособий при выборе варианта для названия своих трудов, с другой. Примером могут служить названия, в которых используются совместно два, по сути, синонимичных наименования «трудноразличимых слов» (*confused and misused words*). Таким образом, проведенный анализ словарей и пособий подтвердил, что в наименовании смешиваемых единиц нет единообразия, а значит в дальнейшем потребуется более детальное рассмотрение источников из нашей выборки.

Рисунок 1. Наименования, используемые в названиях 50 словарей и учебных пособий.

Для уточнения терминологии и поиска наиболее подходящего наименования исследуемых единиц логичным, на первый взгляд, выглядит обращение к специализированным (терминологическим) лингвистическим словарям, однако предпринятая нами попытка не была успешной. В рассмотренных словарях лингвистических терминов зарубежных и российских авторов [45; 50; 39; 35 и др.] нет соответствующих наименований. В пособиях по английской лексикологии [3; 5 и др.] также отсутствуют термины, обозначающие общую категорию слов, смешиваемых из-за схожести в написании, произношении или значении.

Из-за отсутствия термина в лингвистических словарях приходится обращаться к общеязыковым словарям. В английском языке для обозначения «трудноразличимых слов» используются такие словосочетания, как *confusable (confusable) words*, *confusing words*, *(easily / commonly / frequently) confused words*, *(commonly / most) misused words*, *(commonly) confused and misused words*. Так как сами словосочетания в онлайн-словарях из нашей выборки [42; 44; 46; 49; 51; 54; 55; 56] не представлены, было проведено лексикографическое описание ключевых лексем. Для русскоязычных толкований использовались переводы ключевых лексем из двуязычного словаря Мультигран [52].

Под прилагательным *confusable (confusable)* понимают «способный вызвать смешение, ведущий к путанице, с трудом различимый»: *confusable* adj. *easily confused* [46]; *capable of being, or liable to be, confused* [56]; *if two things are confusable, it is easy to confuse them. 'Historic' and 'historical' are easily confusable* [55]. В [44] *confusable* определяется через словосочетание *confusable words*: «*confusable words are easily confused because they are very similar*» [44]. Форма прилагательного *confusable* отмечена как устаревшая: «*confusable*, adj. involving confusion, discomfiture, or perdition. *Obsolete*» [56]; также есть помета в [44], что *confusable* используется для британского варианта английского языка: *confusable in British English* adj. a variant spelling of *confusable* [44].

Так как прилагательное *confusable* производно от глагола *confuse* и определяется через него, обратимся к его толкованиям: *confuse* означает «приводить в замешательство, сбивать с толку, создавать путаницу, спутывать, запутывать, приводить в беспорядок, усложнять», а также «ошибочно соотносить с чем-либо, смешивать, путать, перепутать»: *confuse* v. – *to think wrongly that somebody / something is somebody / something else; Syn. mix up* [55]; *to fail to differentiate from an often similar or related other: «confuse money with comfort; Do not confuse the words «flaunt» and «flout»»* [51]; *to mix up two separate things or people in your mind, imagining that they are one* [42]; *if you confuse two things, you get them mixed up, so that you think one of them is the other one* [44]; *to fail to distinguish between; associate by mistake; confound* [46]; *to mix up or mingle so that it becomes impossible or difficult to distinguish the elements; to mix up in the mind, to fail to distinguish, erroneously regard as identical, mistake one for another* [56].

Далее рассмотрим значения прилагательных *confusing*, *confused* и *misused*. *Confusing* подразумевает «путаный, запутанный, обманчивый, неясный, вводящий в заблуждение, сбивающий с толку»: *confusing* adj. – *unclear and difficult to understand* [49]; *difficult to understand; not clear* [55]; *something that is confusing makes you feel confused because it is difficult to understand* [42]; *causing bewilderment; difficult to follow; puzzling* [44]; *that confuses, perplexes* [56]; *causing or tending to cause confusion* [46].

Confused означает «путаный, перепутанный, смешиваемый, неясный»: *confused* adj. – *not clear or not easy to understand: a lot of confused ideas* [49]; *not clear and therefore difficult to understand* [42]; *something that is confused does not have any order or pattern and is difficult to understand* [44]; *being disordered or mixed up* [51]; *made up of several ingredients mingled*

together; blended, mixed; said of perceptions or notions in which the elements or parts are mixed up and not clearly distinguished; also of utterance, language, etc. [56].

В отличие от *confused* лексема *misused* описана только в одном словаре из нашей выборки в качестве прилагательного со значением «неправильно употребленный»: *misused* adj. – improperly used; ill-treated, abused [56], поэтому рассмотрим словарные толкования глагола *misuse*, который означает «неправильно употреблять или применять, неправильно использовать, использовать не по назначению»: *misuse* verb – (formal) to use something in the wrong way or for the wrong purpose: *The apostrophe is often misused, even by native English speakers* [55]; to use something in an unsuitable way or in a way that was not intended [42]; to use wrongly or improperly [46]; if someone *misuses* something, they use it incorrectly, carelessly, or dishonestly [44]; to use something for the wrong purpose, or in the wrong way, often with harmful results. Syn. *abuse* [49]; to use incorrectly: *misapply* [51].

Единственное существительное, которое используется в английском языке для обозначения «трудноразличимых слов», это *confusables* (с вариантом написания *confusibles*). Как правило, под *confusables* понимают два или более слова, которые можно спутать: *confusable* n. – two or more words or ideas that can easily be confused. *Confusables* such as 'principle' and 'principal' [55]; a word or phrase that is likely to be confused with another, as *immanent*, whose meaning is often confused with *imminent* [46]; *plural* (and with spelling *-ible*), things, esp. words, that may be confused [56].

В результате проведенного лексикографического анализа ключевых лексем, используемых для наименования «трудноразличимых слов», приходится констатировать, что общезыковые словари не вполне раскрывают лингвистическую суть исследуемого феномена. Так, более подробное определение *confusables* находим на цифровом справочном образовательном ресурсе ThoughtCo: *confusables* is an informal term for two or more words that are easily confused with one another because of similarities in spelling (such as *desert* and *dessert* or *personal* and *personnel*), pronunciation (*allusion* and *illusion*, *accidental* and *incidental*, *perspective* and *prospective*), and / or meaning (*imply* and *infer*). Some are *homonyms* (spelled the same, but with different meanings) or *homophones* (*fair* and *fare*). Also spelled *confusibles*. Also called *confusable words* and *confusing words* [53]. Таким образом в определении указаны возможные причины смешения слов (схожее написание, произношение и / или значение); кроме того, отмечено несколько вариантов наименования (*confusables*, *confusable words*, *confusing words*), а также написания (*confusibles*, *confusables*), указано, что таких слов может быть больше двух и подчеркивается, что наименование не является лингвистическим термином. Схожее определение находим в Concise Oxford Companion to the English Language: *confusable*, also *confusable*. A semi-technical term for one of two or more words that are commonly or easily confused with one another: *luxuriant* with *luxurious*; *they're* with *there* and *their*... [54, с. 162]. В словарной статье далее указываются факторы, приводящие к путанице («confusion»): омофония (*homophony*), омография (*homography*), общие элементы (*shared elements*, *exchangeable elements*), семантическая близость (*semantic proximity*) и т.п. Приведенные определения подчеркивают, что по сути в языке уже есть лексические разряды и соответствующие наименования для их обозначения, которые объединяют слова, смешиваемые по причине схожего написания и / или произношения (паронимы, например *incredible* и *incredulous*; омофоны, например *way* и *weigh*; омографы, например *close* v. и *close* adj.); или близкого значения (синонимы, например *memorise*, *remember*, *remind*, *recall*, *recollect*). Возможно, лингвистам объединение английских омонимов, паронимов и синонимов в более крупный раздел представляется избыточным, тогда становится понятным, почему в вышеуказанных источниках содержится указание на

«неформальный» (informal term) [53] или «полутехнический» (semi-technical term) [54, с. 162] характер термина. С другой стороны, это не отменяет устойчивого желания авторов словарей и пособий рассматривать эти единицы совместно, а значит существуют и основания для их объединения.

Поиск подходящего наименования для смешиваемых вследствие формальной или семантической схожести единиц на русском языке оказывается не менее затруднительным, о чем свидетельствует анализ пособий русскоязычных авторов из нашей подборки. С.Н. Шидловская и Н.И. Шидловский используют наименование *трудноразличимые слова*, под которыми понимают «слова, которые часто путают из-за схожести переводов» [41, с. 7], речь в пособии идет о смысловых нюансах английских синонимов (представлено 116 групп). Г.И. Ахрименя и др. используют наименование *трудноразличаемые слова*, под которыми понимают слова, близкие по значению или звучанию [36]. При более детальном рассмотрении подходы авторов обоих изданий не покрывают всех слов, входящих в искомую общую группу, а также не указывают на смешение слов. О.В. Хорунжий наряду с английским *frequently confused words* использует *проблемные слова* [40] и цель своего пособия видит в помощи с правильным выбором слов в спорных и проблемных ситуациях, однако само наименование представляется неудачным по причине ненаучности. З.З. Верховская помимо *easily confused words* использует очень широкое наименование *слова, которые вызывают трудности*, под которыми понимает одинаковые по написанию или звучанию слова, а также слова со схожим переводом [37, с. 3], однако и в этом случае наименование нельзя признать удачным. Таким образом, становится понятным, что представление авторов о категории «трудноразличимых слов» в английском языке и ее возможных конститuentах весьма отличается. Косвенно подтверждает сложности с наименованием искомой разнородной группы смешиваемых слов и описанием ее состава тот факт, что ни один из вышеперечисленных авторов не посчитал необходимым подробно разъяснить, каким именно единицам посвящены пособия, и не обосновал используемое название. Мы также вынуждены признать несостоятельными в качестве терминов «полукальки» от английских наименований *confusable words*, *confusing words*, *easily / commonly / frequently confused words* и *misused words* в виде *путающие / запутывающие / смущающие слова; слова, вызывающие путаницу; слова, которые легко спутать / часто путают; или неверно используемые слова* по причине неформальности или громоздкости.

Таким образом, наше исследование подтвердило нерешенность терминологических вопросов в уже проведенных изысканиях, а также отсутствие лингвистического термина как такового и многообразие используемых наименований, иногда без достаточного обоснования. В результате нам пришлось обратиться к толкованию ключевых лексем, используемых в названиях словарей и пособий, посвященных языковым единицам искомой семантики, в общезыковых, а не терминологических, словарях, а также неспециальном переводном словаре. В попытке разрешить проблему наименования устойчиво смешиваемых вследствие формальной или семантической схожести единиц английского языка, предложим свой термин и дадим его рабочее определение.

Признавая необходимость подбора более подходящего термина на русском языке, на данном этапе исследования мы, исходя из того, что именно для *confusables* было найдено наиболее полное определение, а также учитывая перевод *confusable* на русский, как «с трудом различимый, очень похожий, ведущий к путанице, способный вызвать смешение», примем в качестве рабочего термина вариант использования русскоязычного

наименования совместно с англоязычным в скобках: *трудноразличимые слова* (confusables). Мы были вынуждены отказаться от первоначального варианта раздельного написания *трудно различимые слова* (по аналогии с английскими *easily / commonly / frequently confused*, представленными сочетаниями наречий с прилагательным), так как уточнили, что по правилам русского языка сложные имена прилагательные, которые являются научными терминами, пишутся слитно. Также, осознавая, что объединение английского и русского наименования может выглядеть спорным, поясним, что по причине того, что прилагательное *трудноразличимый* в русском языке имеет значение «трудноотличимый, неприметный, неясный», его самостоятельное использование не передает полностью семантику, заложенную в образованных от глагола *confuse* английских прилагательных *confusable*, *confusing*, *confused* («способный вызвать смешение, смешиваемый, сбивающий с толку, вводящий в заблуждение, ведущий к путанице, спутанный, перепутанный» и т.п.) или тем более *misused* («неправильно употребленный»). Кроме того, так как использование в качестве термина *слова* может представляться спорным по причине того, что некоторые из единиц являются не словами, а словосочетаниями, возможным вариантом термина может стать *трудноразличимые слова и словосочетания* (confusable words and phrases). Наконец, в качестве терминологической единицы можно попробовать подобрать наименование, которое бы сохраняло связь с английским эквивалентом *confusables* (по аналогии с такими англицизмами, кальками с английского, как *поссесивы* от *possessives*, *коннекторы* от *connectors*, *модификаторы* от *modifiers*, *аппроксиматоры* от *approximators* и т.п.), например, *конфузеры* или *конфьюзеры* (англ. *confusers*), однако такой вариант наименования представляется дискуссионным.

Подводя предварительный итог, приходится констатировать, что несмотря на то, что мы проанализировали уже используемые наименования исследуемых единиц в научных статьях, словарях и учебных пособиях, дали лексикографическое описание ключевых лексем и предложили свой вариант в качестве возможного термина, постаравшись обосновать наш выбор, проблема наименования смешиваемых вследствие формальной или семантической схожести единиц английского языка далека от своего окончательного решения. При отсутствии общепринятого термина затруднена и формулировка определения, а значит для установления семантического объема общей группы трудноразличимых слов (confusables) будет необходимо в дальнейшем изучить разъяснения авторов (если таковые имеются) о причинах включения тех или иных слов в словари и справочники и проанализировать представленные в них единицы, а также обратиться к описаниям упомянутых выше смежных терминов, вызывающих определенные лексические затруднения (синонимов, паронимов, омофонов и т.п.), которые лишь частично отражают искомую семантику и включаются в общую группу наряду с другими единицами. Полагаем, что такой подробный сопоставительный анализ позволит ответить на другие важные вопросы относительно трудноразличимых слов в английском языке: являются ли они «словами» или все же «словами и словосочетаниями» (e.g. *everyday* и *every day*; *on time* и *in time*); ограничено ли количество элементов в ряду трудноразличимых слов (e.g. *ability*, *capability*, *possibility*, *opportunity*, etc.); допустимо ли рассмотрение грамматики наряду с лексикой (e.g. *can / may*, *many / much*, *during / while*, *its / it's*, etc.); насколько учет родного языка и культурных особенностей влияет на инвентарь исследуемых единиц (примерами могут быть различия в артикуляционной базе, «ложные друзья переводчика», смешиваемые реалии) и т.д. Вышеперечисленное свидетельствует о нерешенности теоретических проблем на

данном этапе исследования и подтверждает, что категория «трудно различимых слов» в английском языке является неоднородной и требует более пристального изучения.

Учитывая, что подробное рассмотрение смежных языковых категорий и инвентаря искомых единиц не входит в задачи настоящей статьи и возможно осуществить только в рамках отдельного изыскания (или даже ряда изысканий), все же осмелимся предложить определение трудноразличимых слов, которое мы сформулировали на данном этапе работы. В качестве рабочего примем следующее определение: под трудноразличимыми словами (*confusables*) мы понимаем пару (или группу) слов (словосочетаний), устойчиво смешиваемых изучающими английский язык (реже носителями языка) из-за схожего (в некоторых случаях одинакового) написания и / или произношения, или семантического содержания, но имеющих разное (в некоторых случаях близкое, но не идентичное) значение. Возможно также введение аббревиатуры ТРС.

Таким образом, полученные результаты подтвердили гипотезу исследования о наличии в английском языке смешиваемых вследствие формальной или семантической схожести слов, которые могут быть условно объединены в одну обширную группу под разными наименованиями. В результате теоретического обзора уже проведенных исследований и анализа названий предварительно отобранных словарей и пособий мы смогли уточнить применяемую авторами терминологию, но были вынуждены констатировать разнообразие используемых наименований, иногда без должного обоснования. Далее, на основе предпринятого нами лексикографического описания ключевых лексем мы смогли предложить свой вариант наименования искомой группы слов и дать ей рабочее определение.

Заключение. Итак, цель настоящей статьи состояла в попытке дать теоретическое обоснование наиболее подходящего наименования устойчиво смешиваемых вследствие формальной или семантической схожести единиц английского языка (на русском и английском языках).

Результаты исследования свидетельствуют, с одной стороны, об актуальности изучения группы трудноразличимых слов английского языка в лингвистическом аспекте проблемы, с другой, о нерешенности ряда теоретических вопросов, связанных с ее описанием. Отсутствие в научной литературе общепринятого англоязычного или русскоязычного лингвистического термина и его определения осложняет установление семантического объема этой разнородной группы и значительно затрудняет описание соответствующих языковых единиц английского языка. В результате анализа ряда проведенных ранее исследований мы смогли подтвердить интерес лингвистов к изучению искомых языковых единиц, с одной стороны, с другой, – обнаружили множество несистемно используемых наименований без должного теоретического обоснования. Предпринятый нами анализ наименований на английском и русском языках, используемых в статьях, названиях словарей и пособий из нашей выборки, а также лексикографическое описание ключевых лексем на основе ряда англоязычных словарей позволили нам предложить рабочий термин для наименования трудноразличимых слов английского языка и сформулировать его определение. Попутно мы указали на ряд проблем, которые требуют уточнения, и наметили некоторые возможные пути решения.

Используемые методы исследования представляются релевантными, отобранный материал вполне репрезентативным, а полученные результаты подтверждающими выполнение поставленных задач и достижение цели исследования. Однако, несмотря на то что проведенное исследование может представлять определенный интерес для последующих изысканий, в дальнейшем для установления семантического объема

категории «трудноразличимых слов» и инвентаря языковых единиц потребуются подробный анализ уже выделенных в словарях и пособиях подгрупп более обширной общей группы, разграничение смежных терминов на основе их собственных дефиниций и примеров, что скорее всего повлечет уточнение предложенного термина и сформулированного в статье определения.

Попробуем наметить некоторые перспективы исследования. По причине включения в одну общую категорию достаточно разноплановых в лингвистическом отношении единиц, возникает проблема их упорядочения. Более подробное рассмотрение причин, приводящих к смешению слов, которые могут быть общими для ряда единиц, позволит уточнить основания для группировки разнородных единиц в составе одной общей группы. Попытку классификации трудноразличимых слов также считаем перспективным направлением для последующих изысканий. С целью систематизации необходимо будет осуществить их отбор из лексикографических источников, учебных материалов, и, возможно, онлайн-ресурсов. Кроме того, отметим важность обращения к «трудноразличимым словам» в лингводидактическом аспекте проблемы. Понимание причин смешения слов, которые являются источниками лексических трудностей и связанных с ними ошибок критично для их предупреждения. Между тем, поиск наиболее эффективных подходов к овладению «трудноразличимыми словами» еще не окончен. Анализ существующих учебных и справочных материалов по тематике исследования свидетельствует об отсутствии специального словаря «трудноразличимых слов», предназначенного для школьников, что также представляется перспективным в плане дальнейших изысканий и разработок в этой области. Мы надеемся внести свой вклад в изучение этой интересной в лингвистическом отношении лексической категории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айсултанова К.А. Основные аспекты исследования явления паронимии в современном английском языке / К.А. Айсултанова, Г.С. Шарипова // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – №3 (149). – 2014. – С. 149–154.
2. Антипина О.П. Сопоставительный анализ паронимов русского и английского языков: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / О.П. Антипина. – Уфа, 2012. – 22 с.
3. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. – Москва: Флинта, 2012. – 376 с.
4. Бондарева Н.А. Лексические трудности английского языка / Н.А. Бондарева, Е.Е. Петрова, С.В. Агеев. – Москва: Изд. дом «Инфра-М», 2015. – 99 с.
5. Буйнова О.Ю. English Language Lexicology: учеб. пособие / О.Ю. Буйнова. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 2023 – 398 с.
6. Каменев А.Р. Паронимия и её функционирование в русском и английском языках / А. Р. Каменев // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный ун-т». – 2019. – Т. 2, № 11. – С. 121–126.
7. Каменев А.Р. Паронимия, смежные явления в языке и мотивационные связи паронимов (на материале русского и английского языков) / А.Р. Каменев // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий нац-й ун-т». – 2018. – Т. 2, № 10. – С. 115–119.
8. Капура Н.В. К проблеме взаимозаменяемости синонимов / Н.В. Капура, Т.В. Дроздова, Е.М. Ремешева // Наука, образование, общество. – 2015. – № 2(4). – С. 125–133. – DOI 10.17117/no.2015.02.125.
9. Карпович О.А. Трудности перевода английских слов со схожим написанием и разным значением / О.А. Карпович // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: Мат-лы XVII Междунар. науч. конфер., посвящ. 102-й годовщине образования Белорусс. гос. ун-та, Минск, 26 октября 2023 года. – Минск: Белорусс. гос.ун-т, 2023. – С. 123–127.
10. Киселева Н.З. Ложные друзья переводчика и как научить студентов не попасть к ним в ловушку / Н.З. Киселева // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной

коммуникации: сб. мат-лов II Всеросс. научно-практ. онлайн-конфер., Орел, 31 марта 2022 года. – Орел: Орловский гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2022. – С. 1306–1315.

11. Комарова Е.В. Трудности употребления иноязычной лексики в процессе обучения иностранному языку / Е.В. Комарова // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 2-4(46). – С. 73–76.

12. Мандрикова Г.М. Таронимия: понятие и типологическое разнообразие / Г.М. Мандрикова, В.В. Морковкин // Русский язык за рубежом. – 2010. – № 5(222). – С. 42–48.

13. Меньшикова Ю.О. Разнокоренные паронимы как часть лексической системы английского языка / Ю.О. Меньшикова // Человек и язык: Мат-лы междунар. научно-практ. конфер. «Человек и язык», посвящ. памяти проф. М.Я. Блоха, Москва, 23–24 ноября 2023 года. – Москва: МПГУ, 2024. – С. 257–262.

14. Мотина О.П. Разграничение паронимичных лексем как действие когнитивного механизма профилирования (на примере паронимов *continual* // *continuous*) / О.П. Мотина // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: Мат-лы X Междунар. научно-практ. конфер., Уфа, 02–03 декабря 2021 года / Отв. редактор Н.П. Пешкова. – Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2021. – С. 165–170. – DOI 10.33184/miktipoir-2021-12-02.28.

15. Никатуева З.Ш. К вопросу о явлении многозначности в английском языке / З.Ш. Никатуева // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 2(99). – С. 539–541. – DOI 10.24412/1991-5497-2023-299-539-541.

16. Путилина Е.А. Слова – «ловушки» в профессиональном английском языке / Е.А. Путилина // *Lingua Academica*: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: мат-лы Всеросс. научно-практ. конфер., Ульяновск, 08–14 февраля 2016 года. – Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2016. – С. 130–136.

17. Слуцкая А.С. Межязыковые омонимы в английском и русском языках / А.С. Слуцкая, Е.М. Злоцкая // Языковые и культурные реалии современного мира: Сб. мат-лов VII Всеросс. научно-практ. конфер. студентов, аспирантов и молодых ученых, Пенза, 25 апреля 2022 года. – Пенза: Пензенский гос. технол. ун-т, 2022. – С. 210–215.

18. Собирижнова М.С. Проблемы обучения непонятным словам в английских классах / М.С. Собирижнова, Г.А.К. Эшкувватова // Наука среди нас. – 2018. – № 6(10). – С. 244–249.

19. Сторожева М.С. Путаницы в английском языке / М.С. Сторожева // Студент: наука, профессия, жизнь: Мат-лы XI всеросс. студ. науч. конфер. с междунар. участием. В 5-ти частях, Омск, 22–26 апреля 2024 года. – Омск: Омский гос. ун-т путей сообщения, 2024. – С. 233–237.

20. Суслова Ю.В. Формирование навыков аудирования «коварных слов» авиационного английского языка / Ю.В. Суслова // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и межкультурной коммуникации: язык, культура, образование и экономика: мат-лы Второй междунар. научно-практ. конфер., Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т гражданской авиации, 2021. – С. 50–53.

21. Фирсова А.В. Проблемы в изучении английского языка и способы их решения / А.В. Фирсова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 1-3(64). – С. 25–28. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-1-3-25-28.

22. Хамдамова С.О. Трудности в формировании лексических навыков на уроках иностранного языка / С.О. Хамдамова // Достижения науки и образования. – 2018. – Т. 1, № 8(30). – С. 57–59.

23. Херина А.А. Лексические проблемы перевода с русского на английский / А.А. Херина // Проблемы современной науки и образования. – 2015. – № 12(42). – С. 156–157.

24. Чалова О.Н. Основные трудности при изучении английского языка / О.Н. Чалова // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка: Сб. науч. ст. – Том Выпуск 10. – Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Франциска Скорины, 2021. – С. 48–52.

25. Croitoru E. Negotiating Meaning in Grammatical Constructions with Some English Confusables / E. Croitoru // *Journal of Language and Linguistic Studies*. – Vol.3, No.1, 2007. – P. 32–45.

26. Herron C. The 5 Most Commonly Misused Words in Medical Writing (According to an Editor) / C. Herron // *AMWA Journal*. – 2022. – Vol. 37, No. 4. – DOI 10.55752/amwa.2022.194.

27. Huang Ch.-Y. From Receptive to Productive: Learning to Use Confusing Words through Automatically Selected Example Sentences / Ch.-Y. Huang, Yi-T. Huang, M. Chen, and L.-W. Ku // *Proceedings of the Fourteenth Workshop on Innovative Use of NLP for Building Educational Applications*, 2019. – P. 461–471. – Florence, Italy. Association for Computational Linguistics. – DOI:10.18653/v1/W19-4447.

28. Huang J.H. Large Scale Experiments on Correction of Confused Words / J.H. Huang, D. Powers // *Proceedings 24th Australian Computer Science Conference*. – ACSC 2001, Gold Coast, QLD, Australia, 2001. – P. 77–82. – doi: 10.1109/ACSC.2001.906626.

29. Kang W. Automatic Extraction of Frequently Confused Words in English Based on String Similarity Algorithm / W. Kang // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2020. – Vol. 750, No. 1. – P. 012113. – DOI 10.1088/1757-899x/750/1/012113.
30. Khobragade A.N. Pair of Words Confused & Misused / A.N. Khobragade // International Journal of English Language, Literature and Translation Studies (IJELR). – Vol. 5. Issue.3. – 2018. – P. 8–12.
31. Marazhapova Zh. Linguistic and Social-Cultural Aspects of Rendering “False Friends of Translator” from English into Russian / Zh. Marazhapova // Студенческий. – 2023. – No. 37–5(249). – P. 8–10.
32. Rezaei M.J. Teaching Confusable Words to Iranian EFL Learners: A Corpus Based Approach / M.J. Rezaei, E. Ezatabadipour // 3rd International Conference on Language, Innovation, Culture and Education (ICLICE) 20th & 21st FEBRUARY, 2016. – P. 12–20.
33. Simon Ch. A Critique on English Homophones and Homographs / Ch. Simon // African Journal of Social Issues. – 2024. – Vol. 6, No. 1. – P. 106–113. – DOI 10.4314/ajosi.v6i1.7.
34. Tanaka H. Scientific Writing in Physiology: Confused / Misused Terms and Phrases / H. Tanaka, D. R. Seals // Journal of Applied Physiology. – 2024. – Vol. 136, No. 2. – P. 401–407. – DOI 10.1152/jappphysiol.00868.2023.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

35. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.Н. Михайлов [и др.]. – Том 2. – Москва: Изд-во УРСС, 2002. – 288 с.
36. Ахрименя Г.И. Confusing Words. Трудно различаемые слова: учеб. мат-лы / Г.И. Ахрименя, Н.И. Василевич, А.С. Тамарина. – Минск: БГУ, 2015. – 62 с.
37. Верховская З.З. Easily confused words. Практич. пособие / З.З. Верховская. – СПб: Изд. дом «Знание», 2023. – 96 с.
38. Выборнов А.В. Словарь типичных ошибок английского языка / А.В. Выборнов. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 240 с.
39. Хворостин Д.В. Англо-русский словарь лингвистических терминов / Д.В. Хворостин. – Челябинск, 2007. – 114 с.
40. Хорунжий О.В. 100 Frequently Confused English Words. Проблемные слова в английском языке / О.В. Хорунжий. – Москва, МЦНМО, 2022. – 180 с.
41. Шидловская С.Н. Трудно различимые английские слова. Пособие для подготовки к тестированию и экзамену / С.Н. Шидловская, Н.И. Шидловский. – Минск: Тетралит, 2021. – 328 с.
42. Cambridge English Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 07.03.2025).
43. Carpenter E. Collins Cobuild English Guides 4. Confusable Words / E. Carpenter. – Harper Collins Publishers, 1993. – 250 p.
44. Collins English Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 07.03.2025).
45. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics / D. Crystal. – 6th Edition. – Blackwell Publishing, 2008. – 530 p.
46. Dictionary.com [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения: 07.03.2025).
47. Dolgoplov Y.A. Dictionary of Confusable Phrases: More Than 10,000 Idioms and Collocations / Y.A. Dolgoplov. – McFarland & Company, Inc., Publishers, Jefferson, North Carolina, and London, 2010. – 397 p.
48. Embree M. Abused, Confused, and Misused Words: A Writer's Guide to Usage, Spelling, Grammar, and Sentence Structure / M. Embree. – Skyhorse Publishing Inc., 2013. – 232 p.
49. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 07.03.2025).
50. Matthews P.H. The Concise Oxford Dictionary of Linguistics (3 ed.) / P.H. Matthews. – Oxford University Press, 2014. – 444 p.
51. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 07.03.2025).
52. Multitran Dictionary (English – Russian) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.multitran.com/ru/dictionary/english-russian/English> (дата обращения: 07.03.2025).
53. Nordquist R. Confusables (words) / Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms. ThoughtCo, Sep. 9, 2021 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.thoughtco.com/what-is-confusables-words-1689908> (дата обращения: 07.03.2025).

54. Oxford Companion to the English Language (Oxford Quick Reference). – 2nd Edition. – Oxford University Press, 2018. – 736 p.
55. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 07.03.2025).
56. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.oed.com/?tl=true> (дата обращения: 07.03.2025).
57. Peters P. The Cambridge Guide to English Usage / P. Peters; Pam Peters. – Cambridge [etc.]: Cambridge University Press, 2004. – 608 p.
58. Room A. Room's Dictionary of Confusibles / A. Room. – Routledge Kegan & Paul, 1979. – 160 p.
59. Turton N.D. Longman Dictionary of Common Errors / N.D. Turton, J.B. Heaton. – Pearson Education Limited, 2002. – 375 p.
60. Williams D.K. NTC's Dictionary of Easily Confused Words / D.K. Williams. – National Textbook Company, a division of NTC Publishing Group. Lincolnwood, Illinois USA, 1995. – 194 p.

REFERENCES

1. Aysultanova K.A. & Sharipova G.S. (2014). Osnovnye aspekty issledovaniya yavleniya paronimii v sovremennom angliyskom yazyke [The Main Aspects of Paronymy Research in English Language]. Vestnik KazNU. Filology series, (3), 149–154 (In Russian).
2. Antipina O.P. (2012). Sopostavitel'nyy analiz paronimov russkogo i angliyskogo yazykov: spetsial'nost' 10.02.19 «Teoriya yazyka»: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Comparative Analysis of Paronyms in Russian and English]: specialty 10.02.19 «Theory of language»: author's abstract of the dissertation ... candidate of philological sciences. Ufa (In Russian).
3. Arnold I.V. (2012). Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka [Lexicology of Modern English]. Moscow: Flinta (In English).
4. Bondareva N.A., Petrova E.E., & Ageev S.V. (2015). Leksicheskie trudnosti angliyskogo yazyka [Lexical Difficulties of the English Language]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Infra-M» (In Russian).
5. Buynova O.Yu. (2023). English Language Lexicology: ucheb. posobie [English Language Lexicology: textbook]. Izhevsk: Udmurt State University (In English).
6. Kamenev A.R. (2019). Paronimiya i yeyo funktsionirovanie v russkom i angliyskom yazykakh [Paronymy and its Functioning in Russian and English]. Students' Scientific Society of Donetsk National University, 2(11), 121–126 (In Russian).
7. Kamenev A.R. (2018). Paronimiya, smezhnye yavleniya v yazyke i motivatsionnye svyazi paronimov (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Paronymy, Related Phenomena in Language, and Motivational Connections of Paronyms (Based on Russian and English)]. Students' Scientific Society of Donetsk National University, 2(10), 115–119 (In Russian).
8. Kapura N.V., Drozdova T.V., & Remesheva E.M. (2015). K problemy vzaimozamenyaemosti sinonimov [To the Problem of the Interchangeability of Synonyms]. Science, Education, Society, (2), 125–133. <https://doi.org/10.17117/no.2015.02.125> (In Russian)
9. Karpovich O.A. (2023). Trudnosti perevoda angliyskikh slov so skhozhim napisaniem i raznym znacheniem [The Difficulty of Translating English Words with Similar Spelling and Different Meanings]. In Mezhdunar. nauch. konferentsii, posvyashchennoy 102-y godovshchine obrazovaniya Beloruss. gos. un-ta (pp. 123–127). Minsk: Belarus State University (In Russian).
10. Kiseleva N.Z. (2022). Lozhnye druz'ya perevodchika i kak nauchit' studentov ne popast' k nim v lovushku [False Friends of the Translator and How to Teach Students Not to Fall into Their Trap]. In Aktual'nye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii: sb. mat-ov II Vseross. nauchno-prakt. onlayn-konferentsii (pp. 1306–1315). Orel: Orlov State University I.S. Turgeneva (In Russian).
11. Komarova E.V. (2015). Trudnosti upotrebleniya inoyazichnoy leksiki v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku [Difficulties in the Use of Foreign Vocabulary in the Process of Learning a Foreign Language]. Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii, (2–4), 73–76 (In Russian).
12. Mandrikova G.M., & Morkovkin V.V. (2010). Taronimiya: ponyatie i tipologicheskoe raznoobrazie [Taronymy: Notion and Typological Diversity]. Russian Language Abroad, (5), 42–48 (In Russian).
13. Menshikova Y.O. (2024). Raznokorennnye paronimy kak chast' leksicheskoy sistemy angliyskogo yazyka [«Confusables» of Different Roots as Part of English Lexical System]. In Chelovek i yazyk: Mat-ly mezhdunar. nauchno-prakt. konferentsii «Chelovek i yazyk», posvyashchennoy pamyati prof. M.Ya. Blokh (pp. 257–262). Moscow: MPGU. (In Russian).
14. Motina O.P. (2021). Razgranicheniye paronimichnykh leksikem kak deystviye kognitivnogo mekhanizma profilirivaniya (na primere paronimov continual // continuous) [The Differentiation of Paronymic

Lexemes as an Action of The Cognitive Mechanism of Profiling (Illustrated by the Paronyms Continual // Continuous)). In *Mezhkul'turnaya ↔ intrakul'turnaya kommunikatsiya: teoriya i praktika obucheniya i perevoda: Mat-ly X Mezhdunar. nauchno-prakt. konferentsii* (pp. 165–170). Ufa: Bashkir State University. <https://doi.org/10.33184/miktipoip-2021-12-02.28> (In Russian).

15. Nikatueva Z.Sh. (2023). K voprosu o yavlenii mnogoznachnosti v angliyskom yazyke [On the Question of the Phenomenon of Ambiguity in the English Language]. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, (2), 539–541. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-299-539-541> (In Russian).

16. Putilina E.A. (2016). Slova – «lovushki» v professional'nom angliyskom yazyke [Words as «Traps» in Professional English]. In *Lingua Academica: Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki: mat-ly Vseross. nauchno-prakt. konferentsii* (pp. 130–136). Ulyanovsk: Ulyanovsk State University (In Russian).

17. Slutskaya A.S., & Zlotskaya E.M. (2022). Mezhyazykovye omonimy v angliyskom i russkom yazykakh [Interlingual Homonyms in English and Russian]. In *Yazykovye i kul'turnye realii sovremennogo mira: Sb. mat-ov VII Vseross. nauchno-prakt. konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* (pp. 210–215). Penza: Penza State Technological University (In Russian).

18. Sobirjonova M.S., & Eshkuvatova G.A.K. (2018). Problemy obucheniya neponyatnym slovam v angliyskikh klassakh [Problems of Teaching Confusing Words in English Classes]. *Nauka sredi nas*, (6), 244–249 (In Russian).

19. Storozheva M.S. (2024). Putanitsy v angliyskom yazyke [Confusions in the English language]. In *Student: nauka, professiya, zhizn': Mat-ly XI vsross. stud. nauch. konferentsii s mezhdunar. uchastiyem* (pp. 233–237). Omsk: Omsk State Transport University (In Russian).

20. Suslova Y.V. (2021). Formirovaniye navykov audirovaniya «kovarnykh slov» aviatsionnogo angliyskogo yazyka [Formation of Listening Skills for «Tricky Words» in Aviation English]. In *Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk i mezhkul'turnoy kommunikatsii: yazyk, kul'tura, obrazovanie i ekonomika: mat-ly Vtoroy mezhdunar. nauchno-prakt. konferentsii* (pp. 50–53). St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Civil Aviation (In Russian).

21. Firsova A.V. (2022). Problemy v izuchenii angliyskogo yazyka i sposoby ikh resheniya [Use of Various Internet Sources and Resources in Teaching English]. *Mezhdunarodnyy zhurnal humanitarnykh i yestestvennykh nauk*, (1-3), 25–28. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-1-3-25-28> (In Russian).

22. Khamdamova S.O. (2018). Trudnosti v formirovanii leksicheskikh navykov na urokakh inostrannogo yazyka [Difficulties in Forming Lexical Skills in Foreign Language Lessons]. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya*, (1), 57–59 (In Russian).

23. Kherina A.A. (2015). Leksicheskie problemy perevoda s russkogo na angliyskiy [Lexical Problems of Translation from Russian to English]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*, (12), 156–157 (In Russian).

24. Chalova O.N. (2021). Osnovnye trudnosti pri izuchenii angliyskogo yazyka [Main Difficulties in Learning English]. In *Voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannogo yazyka: Sb. nauch. st. (Vol. 10, pp. 48–52)*. Gomel: Gomel State University Frantsiska Skoriny (In Russian).

25. Croitoru E. (2007). Negotiating Meaning in Grammatical Constructions with Some English Confusables. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 3(1), 32–45 (In English).

26. Herron C. (2022). The 5 Most Commonly Misused Words in Medical Writing (According to an Editor). *AMWA Journal*, 37(4). <https://doi.org/10.55752/amwa.2022.194> (In English).

27. Huang Ch.-Y., Huang Y.-T., Chen M., & Ku L.-W. (2019). From Receptive to Productive: Learning to Use Confusing Words through Automatically Selected Example Sentences. In *Proceedings of the Fourteenth Workshop on Innovative Use of NLP for Building Educational Applications* (pp. 461–471). Florence, Italy: Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/W19-4447> (In English).

28. Huang J.H., & Powers D. (2001). Large Scale Experiments on Correction of Confused Words. In *Proceedings 24th Australian Computer Science Conference (ACSC 2001, pp. 77–82)*. Gold Coast, QLD, Australia. <https://doi.org/10.1109/ACSC.2001.906626> (In English).

29. Kang W. (2020). Automatic Extraction of Frequently Confused Words in English Based on String Similarity Algorithm. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 750(1), 012113. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/750/1/012113> (In English).

30. Khobragade A.N. (2018). Pair of Words Confused & Misused. *International Journal of English Language, Literature and Translation Studies (IJELR)*, 5(3), 8–12 (In English).

31. Marazhapova Zh. (2023). Linguistic and Social-Cultural Aspects of Rendering «False Friends of Translator» from English into Russian. *Studencheskiy*, 37-5(249), 8–10 (In English).

32. Rezai M.J., & Ezatabadipour E. (2016). Teaching Confusable Words to Iranian EFL learners: A Corpus Based Approach. In *3rd International Conference on Language, Innovation, Culture and Education (ICLICE)* (pp. 12–20) (In English).

33. Simon Ch. (2024). A Critique on English Homophones and Homographs. African Journal of Social Issues, 6(1), 106–113. <https://doi.org/10.4314/ajosi.v6i1.7> (In English).

34. Tanaka H., & Seals D.R. (2024). Scientific Writing in Physiology: Confused / Misused Terms and Phrases. Journal of Applied Physiology, 136(2), 401–407. <https://doi.org/10.1152/jappphysiol.00868.2023> (In English).

Поступила в редакцию 15.05.2025 г.

ON THE ISSUE OF NOMINATION OF ENGLISH CONFUSABLES

O.A. Maksimchik

The article examines a broad group of consistently confused English words that are similar in spelling, pronunciation, or meaning under the general term «confusables». They are characterized by frequent errors, caused by substituting the correct word with one that is similar in form or content. They may be referred to as *confusable words*, *confusing words*, *confused words*, *misused words*, etc. While there are terms for specific units within this heterogeneous linguistic group (*homophones*, *paronyms*, etc.), there is no widely accepted linguistic term for the designation of the entire category. The aim of this article is to provide a theoretical justification for the most suitable nomination of English words that are consistently confused due to formal or semantic similarities. The research material included previous studies, as well as 80 dictionaries and practical guides, and dictionary definitions of key lexemes. The primary method of theoretical analysis was supported by methods of random sampling, lexicographic description, and comparative analysis. As a result, a working term was proposed and defined; some future directions for addressing the study of confusables in the English language were outlined.

Key words: foreign language, English language, vocabulary, paronyms, homonyms, homophones, homographs, synonyms, «false friends», confusables, confusable words, misused words.

Максимчик Оксана Александровна.

Кандидат филологических наук.

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация.

Доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.

ORCID 0009-0002-7412-0032.

E-mail: maxana75@mail.ru.

Maksimchik Oksana Aleksandrovna.

Candidate of Philology.

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation.

Associate Professor at Department of English Philology and Cross-cultural Communication.

ORCID 0009-0002-7412-0032.

E-mail: maxana75@mail.ru.

Научная статья
УДК 811.111'373.7
DOI: 10.5281/zenodo.15803657

АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ИДИОСТИЛЕ В. НАБОКОВА²

© 2025 Е.В. Трофимова¹, К.Д. Лубинец²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID¹ 0009-0007-8845-1162

ORCID² 0009-0008-8569-3534

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматриваются английские фразеологизмы и их роль в репрезентации эмоций в идиостиле В.В. Набокова. Исследование фразеологической вербализации эмоций в художественных текстах Набокова представляется актуальным, поскольку обращение к эмотивной фразеологии является характерной чертой идиостилевой специфики его прозы. Материалом исследования послужили англоязычные варианты следующих произведений писателя: «Лолита» (1955), «Истинная жизнь Себастьяна Найта» (1941), «Пнин» (1957). Применение методов фразеологического, компонентного, стилистического и лингвокультурологического анализа позволило установить и описать фразеологические средства выражения эмоций в исследуемых текстах, проследить своеобразие индивидуально-авторской картины мира. Сделан вывод о широком спектре эмоций, актуализируемых фразеологическими средствами. Зафиксировано преобладание фразеологизмов, обозначающих эмоции радости, гнева, горя. Наименее частотны фразеологические единицы, обозначающие эмоции страха и удивления. В. Набоков активно использует художественный потенциал эмотивных фразеологизмов для передачи эмоционального состояния героев, уникальной атмосферы, при этом особой экспрессией обладают окказиональные авторские фразеологические единицы, которые создают уникальный авторский стиль писателя.

Ключевые слова: фразеологическая единица, эмоция, эмотивность, эмотивный фразеологизм, художественный текст, языковая картина мира, индивидуально-авторская картина мира, семантика.

Для цитирования: Трофимова Е.В. Английские фразеологические единицы в идиостиле В. Набокова / Е.В. Трофимова, К.Д. Лубинец // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 98–109. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15803657>.

Введение. Одним из приоритетных направлений исследования проблемы соотношения языка и эмоций является изучение эмоциогенного потенциала разноуровневых языковых единиц в текстах разной стилистической отнесенности. По утверждению В.И. Шаховского, «в то время как эмоциональный фактор является ядром человеческого сознания, мышления, речепроизводства и всей его креативной деятельности, эмоции служат мотивационной основой сознания и, согласно данным психолингвистов, любая мысль зарождается в человеческом сознании первоначально в виде эмоционального образа» [23, с. 36]. Особая роль фразеологических единиц (ФЕ) в вербализации эмоций, по мнению Н.П. Силинской, заключается в том, что специфика ФЕ позволяет гораздо полнее выразить субъективность и эмоциональность, которые, как

² Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (№ госрегистрации НИОКТР 124012400351-9).

правило, с большим трудом поддаются вербализации [17, с. 90]. Эмотивность в семантической структуре ФЕ способствует вербализации эмоциональных концептов, обозначению психических переживаний человека. Н.А. Красавский объясняет продуктивность использования фразеологических эмотивов их высоким экспрессивным потенциалом: фразеологизмы хранят богатый опыт эмотивного кодирования и декодирования человеком окружающей его действительности [13].

Говоря о пространстве эмотивных смыслов в художественном тексте, следует подчеркнуть роль фразеологических единиц как одного из значимых средств репрезентации категории эмотивности в тексте, позволяющего выразить своеобразие мировидения автора – создателя текста, специфику авторской картины мира. По мнению М.В. Пименовой, индивидуально-авторская картина мира – это, то «каким видится мир носителю языка – творцу текстов; это арсенал тех языковых средств, которыми автор пользуется для описания мира» [9, с. 52]. Авторское индивидуальное мировидение отображает «ценностные установки писателя, его ориентацию на определенные стороны внешних и внутренних качеств человека» [9, с. 52]. С этой точки зрения внутренний мир человека – особая область, позволяющая взглянуть на автора художественного произведения «под таким углом зрения, который раскрывает его в аспекте личных переживаний, чувств и эмоций, его сакрального центра личности – сердца и того, что связывает его с Богом – душой. У каждого автора свой взгляд на внутренний мир» [9, с. 202].

В настоящее время интерес к исследованию эмоционально-чувственной сферы человека неуклонно растет. Эмоциональная картина мира представляет собой отраженный в языке способ восприятия и обработки информации, связанной с эмоциями, в связи с чем интерес представляют работы лингвистов, посвященные изучению языковой картины мира и эмоциональной картины мира (О.А. Корнилов [12], М.В. Пименова, В.А. Маслова [9], Е.Ю. Белозёрова [2], В.В. Подгорная [15] и др.). Важные вопросы изучения фразеологических единиц, обозначающих эмоции, находят своё отражение в работах многих ученых: Н.П. Силинской [17], А.В. Кунина [14], Н.М. Шанского [21], М.В. Гукасовой [7], Л.Г. Бабенко [1], В.И. Шаховского [22; 23], О.Л. Бессоновой [3] и др.

Вместе с тем представляется актуальным обратить внимание на роль фразеологизмов с эмотивной семантикой в художественном дискурсе. В этой связи творчество В.В. Набокова вызывает большой интерес, в том числе в немалой степени и благодаря уникальному авторскому подходу к использованию такого языкового средства, как фразеологические единицы. Владимир Набоков (1899–1977) – уникальный феномен в мировой литературе, чей идиостиль характеризуется билингвальной креативностью, металингвистической игрой и когнитивной образностью. Его переход с русского на английский язык (с конца 1930-х) не только расширил аудиторию, но и трансформировал поэтику: Набоков конструировал тексты как многослойные семиотические системы, где особую роль играют фразеологизмы, которые часто становятся образной основой для создания метафор и служат инструментами воссоздания ярких художественных образов [5]. В аспекте языковых особенностей произведения В.В. Набокова рассматривают А.А. Бугаева [4; 5], Т.А. Голикова [6], А.А. Савченко [16], Е.С. Смахтин [18], Е.С. Хованская [20], С. Carter [24]. В поле нашего зрения – эмотивная фразеология В. Набокова.

Фразеология обладает динамическим характером, проявляющимся в её способности к структурно-семантическим трансформациям, которые в художественном тексте становятся маркером авторского идиостиля. Набоков активно использует

оказиональные преобразования ФЕ, усиливая их экспрессивность и образность. Среди ключевых приёмов писателя:

- 1) оживление буквального значения (каламбурное обыгрывание, как в выражении *как с гуся вода*, где актуализируется прямое значение слов);
- 2) контекстуальная модификация (включение фразеологизма в нехарактерную ситуацию, например, *душа ушла в пятки, а пятки в землю вросли*);
- 3) деформация синтагматики (добавление актантов, как в примере *сердце забило барабанным боем*, усиливающее эмоциональный эффект);
- 4) буквализация (переосмысление ФЕ через прямое значение, например, *свернуться в бараний рог* как визуальный образ, а не символ подчинения);
- 5) изменение дистрибуции (например, ФЕ *машина сошла с ума*) [5, с. 106].

Таким образом, **актуальность** изучения фразеологической репрезентации эмоций в произведениях одного из знаковых писателей первой половины XX века Владимира Набокова остается неоспоримой в контексте современных литературных и лингвистических исследований. В современном мире, насыщенном информацией и культурными взаимодействиями, понимание тонких нюансов выражения эмоций в литературе становится ключевым элементом анализа и интерпретации текстов.

Объектом исследования являются эмотивные фразеологизмы в англоязычных вариантах произведений Набокова «Лолита», «Истинная жизнь Себастьяна Найта» и «Пнин», выражающие эмоции или эмоциональное отношение к событиям, фактам, героям, в которых, несомненно, проявляется яркая языковая личность автора, формирующая его самобытный идиостиль.

Целью работы является исследование эмотивной фразеологии в художественных произведениях В. Набокова, которая убедительно показывает креативный потенциал автора и позволяет проследить особенности языкового выражения эмоций в идиостиле писателя.

Материалом исследования послужили 450 фразеологизмов в указанных выше прозаических произведениях В.В. Набокова. Примерами материала исследования могут послужить следующие единицы: *a blue sea-wave swelled under my heart* ‘голубая морская волна вздулась у меня под сердцем’; *to blush a bright pink* ‘заливаться краской’; *to tread on very thin ice* ‘вступать на тонкий лед’ (в значении ‘рискованное, опасное действие или занятие’).

В художественной литературе эмоции играют ключевую роль в формировании образов, создании атмосферы и передаче авторской концепции. Одним из наиболее эффективных способов выразить их является использование фразеологизмов – устойчивых выражений, обладающих глубоким смыслом и эмоциональной насыщенностью. Очевидно, что инвентарь фразеологических средств репрезентации эмоций является важным средством передачи эмоциональной картины мира. Анализ семантики представленных в тексте эмотивных фразеологизмов нацелен на исследование эмоциогенного потенциала художественного текста, что позволяет раскрыть сущность эмотивного плана текста и охарактеризовать внутренние переживания героев, особенности их эмоциональной жизни. Исследование эмотивной фразеологии, представленной в произведениях В. Набокова, демонстрирует уникальность его писательского дарования, позволяя проследить отражение специфики идиостиля писателя в семантическом пространстве текста.

Для произведений В.В. Набокова характерно индивидуально авторское использование ФЕ, которое подчеркивает яркое своеобразие стиля писателя и проявляется в использовании оборотов, у которых форма, употребленная автором, так

или иначе отличается от их формы, зафиксированной в словарях [20, с. 13]. Анализ трансформированных автором фразеологизмов демонстрирует еще одну тенденцию: писателями, как правило, применяется не один прием преобразования фразеологизмов, а несколько модификаций, позволяя авторам трансформировать ФЕ в соответствии с контекстом и стилистическими задачами [19, с. 191]. Таким образом, фразеологизмы в авторском употреблении выступают как многомерные единицы, объединяющие языковую устойчивость с индивидуально-творческой интерпретацией, что делает их мощным инструментом художественной выразительности [11].

Эмоции в современной лингвистике трактуются как значимый компонент языковой картины мира, вербализация эмоций посредством фразеологизмов и метафор раскрывает культурно-обусловленные когнитивные механизмы.

Эмоции представляют собой сложный психолингвистический феномен, выполняющий когнитивную, оценочную и мотивационную функции в структуре человеческой психики. Несмотря на междисциплинарный консенсус относительно их значимости как формы отражения действительности, единая теория эмоций остаётся неразработанной из-за их многокомпонентной природы (физиологической, когнитивной, поведенческой) и субъективности вербализации [1]. Проблемы классификации, номинации и нейрофизиологического субстрата эмоций осложняют их изучение, однако именно лингвистический анализ языковых репрезентаций (особенно ФЕ и метафор) позволяет выявить культурно-обусловленные модели категоризации эмоционального опыта.

Учитывая трудности в области психологической теории эмоций, лингвистам важно провести анализ языковых механизмов, отражающих эмоции человека. Такой лингвистический анализ становится необходимым, поскольку «чувства приобретают значение для лингвиста, когда они выражены языковыми средствами» [1, с. 7].

Основная часть. Анализ семантики ФЕ в прозаических произведениях В.В. Набокова «Лолита», «Истинная жизнь Себастьяна Найта» и «Пнин» позволяет утверждать, что ФЕ выражают разнообразные эмоции. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1. Количественная характеристика фразеологической вербализации эмоций в произведениях В. Набокова

№ п/п	Название эмоции	Кол-во ФЕ, ед.	Кол-во ФЕ, %	Примеры
1	Радость, счастье	97	21,5	<i>the infusion of joy</i> ‘настой счастья’ <i>with great gusto</i> ‘с большим смаком’
2	Гнев, злость	75	16,7	<i>to feel a Dostoevskian grin</i> ‘букв. почувствовать усмешку, как у Достоевского; перевод В. Набокова – усмешечка из Достоевского’ <i>to be blindly enraged</i> ‘быть ослепленным гневом’
3	Горе, шок, печаль	72	16	<i>My heart was a hysterical unreliable organ</i> ‘Мое сердце было истерическим, ненадежным органом’ <i>to drive smb insane</i> ‘сводить с ума’ <i>the vacuum of my soul</i> ‘пустота в моей душе’
4	Волнение, тревога	63	14	<i>in a dying state</i> ‘замирая от волнения’ <i>My nerves were on edge</i> ‘Нервы у меня были на пределе’
5	Любовь, страсть	57	12,8	<i>conflagration that had been raging all night in my veins</i> ‘пожар, пылавший у меня всю ночь в жилах’ <i>be sick with longing</i> ‘мутить от вожделения’
6	Страх, паника	44	9,7	<i>I shook in my shoes</i> ‘у меня дрожали поджилки’

				<i>Cold spiders of panic crawled down my back</i> 'Холодные пауки ползали у меня по спине' <i>a gasp of panic</i> 'паническое содрогание'
7	Удивление, изумление	42	9,3	<i>shocking surprise</i> 'букв. шокирующее удивление; перевод В. Набокова потрясать и изумлять'
Всего		450	100	

В ходе анализа выяснилось, что наиболее многочисленной группой являются ФЕ, выражающие эмоцию радости. Поскольку эмоции, как правило, имеют комплексную природу и разную степень проявления, эмоция радости охватывает широкий спектр состояний (восхищение, восторг, счастье, удовольствие и проч.). Этот психологический феномен эмоций находит отражение в обозначающих эмоции фразеологизмах. Во фразеологизмах, выражающих радость в произведениях Набокова, встречаются лексемы, обозначающие разные аспекты переживания радости: *joy*, *delight*, *relief*, например, *to heave a sigh of delicious relief* 'со вздохом сладкого облегчения', *the spine-thrill of delight* 'щекотка восторга', *false rudiments of joy* 'ложные зачатки радости'. Набоков метафорически связывает эмоцию радости со светом, теплом: *a pocket of warmth in the darkest past* 'теплый тупик в темнейшем прошлом', *light of smb life* 'свет чьей-л. жизни'.

К этой группе единиц также следует отнести устойчивые выражения, обозначающие удовлетворение как «чувство удовольствия, возникающее, когда потребности и желания удовлетворены» и удовольствие как «чувство радости и удовлетворения от приятных впечатлений», например, *One drop of rare honey, however, that Thursday did hold in its acorn cup* 'Одну каплю редкостного меда этот четверг все-таки хранил для меня в своей желудевой чашке'. Гумберт Гумберт в этом эпизоде удовлетворен, потому что произошёл краткий, но для него крайне значимый контакт с Лолитой – тот самый «мед» четверга, который он ждал. Несмотря на то, что она уже почти уехала в лагерь, Лолита внезапно возвращается в дом, бежит к нему, и происходит мгновение физической близости – объятия. Радость выражается через улыбку и смех, которые являются физиологическими показателями этой эмоции: *a possessive smile* 'хозяйская улыбка', *a soft chuckle* 'с легкой усмешкой'.

Проведенный количественный анализ показывает существенную динамику в использовании эмотивных фразеологизмов на протяжении романа «Лолита». Если в первой части произведения ФЕ, репрезентирующие эмоцию радости, встречаются с заметной частотностью, то, начиная со второй его части, наблюдается значительное сокращение их употребления. Так, в начале произведения можно насчитать 24 ФЕ, характеризующих радость, тогда как во второй части их всего 10.

В основном Гумберт Гумберт использует ФЕ, выражающие радость, по отношению к Лолите. Однако, это можно заметить также, когда он рассказывает о своём детстве, отзываясь о нём исключительно радостно: *the sun of my infancy had set* 'солнце моего младенчества село', *I am just winking happy thoughts into a little tiddle cup* 'Я пускаю выщелком разноцветные блошки счастливых мыслей в соответствующую чашечку'.

Говоря об «Истинной истории Себастьяна Найта», можно обнаружить практически идентичное количество ФЕ, как и в «Лолите» – 33 единицы. Здесь В. Набоков использует яркие и экспрессивные образы, чтобы передать природу смеха как физиологического проявления состояния радости и счастья. Например, *to shake with laughter* 'трястись от смеха' вызывает ассоциации с непреодолимым, заразительным весельем, охватывающим человека, тогда как использование глагола *to bubble* 'булькать' подчеркивает легкость и игривость момента, сравнивая смех с пузырьками. Образ *to roar with laughter* 'кататься со смеху' добавляет интенсивности и динамики, создавая картину неконтролируемого,

громкого веселья. Эти ФЕ демонстрируют, как Набоков мастерски передает тонкие оттенки эмоций через точные и художественно выразительные описания.

В произведении «Пнин», самом «смешном» произведении Набокова, можно увидеть такие ФЕ, описывающие радость самого Виктора Пнина, как: *an incomplete but formidable set of tawny teeth in an uncontrollable smile* ‘в неудержимой улыбке неполный, но внушительный ряд желтых зубов’, *pear-shaped tears would trickle down his tanned cheeks* ‘по его загорелым щекам стекали грушевидные слезы’, *with abrupt barks of clockwork hilarity* ‘хохоча, отрывисто лаял, как заводной’. Эти образы не только подчеркивают внешнюю комичность персонажа, но и раскрывают его трогательную человечность: улыбка Пнина, будучи «неполной», все же внушает симпатию своей искренностью. Грушевидные слезы и заводной хохот добавляют гротеск, но при этом сохраняют теплый оттенок, создавая портрет человека, радость которого кажется одновременно нелепой и глубоко искренней.

Набоков мастерски балансирует между смешным и трагическим: радость Пнина описывается ярко и гротескно, но при этом отдает оттенком одиночества и уязвимости. Заводной хохот Пнина, смешной и нелепый, можно воспринимать как попытку скрыть внутреннее напряжение или безысходность. Таким образом, радость Пнина становится многослойным образом, где за фасадом комизма скрывается глубоко трагический оттенок, свойственный многим героям Набокова.

Эмоцию гнева можно описать как сильное чувство раздражения, негодования или ярости, которое возникает в ответ на какое-либо неприятное или негативное событие, действие или обстоятельство. Гнев может быть вызван различными факторами, включая ощущение обиды, несправедливости, потерю контроля, разочарование или ощущение угрозы.

Именно в «Истинной жизни...» присутствует наибольшее количество ФЕ, описывающих гнев (46 единиц). Например, ФЕ, связанные со словом *bitter*: *ideas of vengeance to have long lost their bitter lust* ‘мыслям о мщении следовало давным-давно утратить злую их неотвязность’, *a vaguely bitter feeling* ‘смутно горькое чувство’. Использование прилагательного *bitter* (горький, злой) подчеркивает внутреннюю раздвоенность эмоций героев. Горечь здесь – это не только злость, но и проявление неотпускающей боли, накопленного разочарования или утраты.

В одноимённом романе ФЕ, описывающие гнев, в основном передают эмоции Лолиты, которая закатывает глаза, пожимает плечами и раздувает ноздри: *eyes rolled up in a routine blend of comic disgust, resignation and tolerance for young frailty* ‘закаченные глаза, выражающие шаблонную смесь комического отвращения, покорности и терпимого отношения к заблуждениям молодости’, *my little mistress shrugged her shoulders and distended her nostrils* ‘моя маленькая любовница пожимала плечиками и раздувала ноздри’. Также, Гумберт Гумберт описывает гримасу отвращения Лолиты и упоминает её довольно часто: *with an energy of disgust that distorted her mouth and fattened her half-revealed tongue* ‘отвращение свое она выражала особой гримасой ..., при которой растягивается рот и утолщается полувысунутый язык’, *...and dreamily brimmed with a diabolical glow* ‘вся насыщенная чем-то ярким и дьявольским’. В вышеперечисленных ФЕ также наблюдается использование лексемы *disgust* ‘отвращение’, данная эмоция часто сопровождает переживание гнева или ярости.

В зависимости от произведения, Набоков использует гнев и горечь как инструменты для разных целей. В некоторых случаях они подчеркивают абсурдность человеческих переживаний (как в «Пнине»), в других – служат метафорой глубокой

внутренней борьбы, отражающей неразрешимость жизненных конфликтов (как в «Истинной жизни...»). В «Лолите» же горечь становится катализатором трагедии.

В. Набоков в произведениях использует слово *gusto*, которое в «Лолите» обозначает «смак», то есть выражает эмоцию радости, тогда как в «Истинной жизни...» это слово выражает гнев: *with great gusto* ‘с большим смаком’, *with much gusto* ‘с немалым пылом’.

Следующая группа эмоций включает в себя горе, шок, печаль. Это глубокие эмоциональные состояния, связанные с состоянием сильного волнения, расстройства, шока, вызванного неожиданным или тревожным событием. Эти чувства могут возникать при встрече с опасностью, травматическими ситуациями, потерей близкого человека или при получении сильного эмоционального удара: *the picture of misery and pain* ‘олицетворение горя и муки’, *to burst with grief* ‘разрываться от горя’.

Когда человек испытывает сильное горе или тревогу, такое переживание сравнивается с состоянием безумия: *a forerunner of insanity* ‘предзнаменование умопомешательства’, *to drive smb insane* ‘сводить с ума’.

Эмоция тоски или печали – это состояние души, характеризующееся глубоким чувством грусти, утраты или неудовлетворенности. Эта эмоция может проявляться в разной степени интенсивности и может иметь различные причины, включая потерю близкого человека, неудачи, разочарования в себе или других, одиночество или недовольство собственной жизнью. Тоска и печаль часто сопровождаются физиологическими проявлениями, такими как слезы, чувство тяжести в груди или общее ощущение уныния: *to shed torrents of tears* ‘проливать потоки слез’, *a dull pain* ‘тупая боль’. В целом, как отмечает Л.А. Киселева, «многие эмотивные фразеологизмы имеют самостоятельную познавательную ценность», так как они дескриптивным путем передают разнообразные внешние признаки эмоций [10, с. 148].

ФЕ, выражающие эмоцию волнения в произведениях «Лолита», «Истинная жизнь Себастьяна Найта» и «Пнин», описывают состояние, направленное на глубокое переживание, поиски ответов на волнующие героев вопросы, решение внутренних конфликтов: *gropings and blunders* ‘слепые искания и заблуждения’, *I wandered through various public rooms, glory below, gloom above* ‘Я бродил по различным залам, озаренный снутри, сумрачный снаружи’. Автор использует олицетворение, описывая растения, а именно мимозу, которая наделяется чертами человека и в авторском исполнении становится способной к переживанию эмоций: *a nervous and slender-leaved mimosa* ‘нервная, тонколистая мимоза’. С помощью этого стилистического приёма Набоков передает текущее состояние Гумберта Гумберта, не описывая его прямо, однако, задерживая внимание на цветке, мы наблюдаем, как главный герой погружается в собственные мысли и смотрит на мимозу как на одушевленное существо.

Выражение *a morbid pleasure* ‘болезненное наслаждение’ представляет собой оксюморон – стилистическую фигуру, основанную на соединении логически или контекстуально несовместимых понятий. В данной ФЕ отражается амбивалентность эмоционального переживания, характерная для ряда сложных аффективных состояний, включая привязанность, влечение, окрашенное тревогой или чувством вины, или переживание утраты.

В примере *impassioned confession* ‘страстная исповедь’ используется стилистический прием аллитерации – повторение звука [ʃ] подчеркивает ритм ФЕ, создает эффект благозвучия и выделяет ФЕ в тексте.

Эмоция любви – это состояние, которое связано с глубоким чувством привязанности, приверженности и заботы к другому человеку или объекту. Она может

проявляться в различных формах, включая нежность, преданность, сострадание, уважение и желание укреплять связь с объектом любви.

В материале исследования обнаружены 57 ФЕ (12,8% от общего количества ФЕ), обозначающих эмоцию любви или страсти. Среди трёх произведений наибольшее количество ФЕ (46 единиц) было выявлено именно в «Лолите», что свидетельствует о центральной роли этой тематики в развитии сюжета. Некоторые ФЕ содержат лексему *heart* (9 ФЕ), отражая представления человека о сердце как средоточии душевных переживаний личности: *a blue sea-wave swelled under my heart* 'голубая морская волна вздулась у меня под сердцем', *My heart beat like a drum* 'Сердце у меня забилося барабанным боем', *to throw open poor bruised heart* 'широко раскрывать несчастное раненое сердце'. Кроме того, состояния героев романов, связанные с переживанием эмоции любви сопровождаются разными физиологическими проявлениями и передаются с помощью ФЕ, содержащих целый ряд соматических компонентов (*soul, blood, veins, breastbone, nerve*): *I felt the blood rush to my head* 'я почувствовал прилив крови к голове', *conflagration that had been raging all night in my veins* 'пожар, пылавший у меня всю ночь в жилах', *the vacuum of my soul* 'пустота в моей душе'.

Страх представляет собой эмоциональное состояние, связанное с защитной биологической реакцией организма на реальную или предполагаемую угрозу здоровью и благополучию. С точки зрения биологии, страх выполняет адаптивную функцию и является необходимым для выживания. Однако в контексте социальной жизни страх нередко превращается в фактор, мешающий человеку реализовывать свои намерения и достигать целей.

Одной из характерных черт идиостиля В. Набокова является метафорически насыщенная образность, в которой эмоциональные состояния получают телесно-конкретную, визуально-звуковую и даже зооморфную реализацию, например, *I was afraid horribly, squeamishly, to the point of nausea* 'я ужасно, до омерзения, почти до тошноты испугался'.

В описании страха и паники писатель прибегает к фразеологизированным и индивидуально-авторским метафорам, а также к ироническому преувеличению, демонстрируя сложную эмоциональность персонажа.

Выражение *The poor guy looked like his own ghost* 'на бедняге просто лица не было' показывает, как страх может быть представлен через редуцированную идентичность. Персонаж становится «собственным призраком», что подчеркивает состояние предельного потрясения, внутренней утраты.

Фразеологизмы *a gasp of panic* 'паническое содрогание' и *I felt something gurgling desperately in the pit of my stomach* 'я чувствовал, как что-то отчаянно екает у меня под ложечкой' представляют собой характерные для Набокова телесные метафоры, передающие внутреннее состояние тревоги через физиологические ощущения. В первом случае краткое дыхательное движение становится маркером внезапного ужаса, во втором – паника приобретает образ «екающего» импульса в области солнечного сплетения, что создаёт эффект выразительности. Эти выражения демонстрируют свойственную идиостилю Набокова тесную связь между психическим и соматическим, где эмоции не описываются абстрактно, а воплощаются в телесных, динамичных образах, насыщенных звучанием, ритмом и внутренним движением.

Немногочисленными являются ФЕ, выражающие эмоцию удивления, изумления. В следующем примере эмоция изумления передаётся с помощью такого стилистического приёма как аллитерация: *with wails of wonder* 'подвывая от недоумения', где

фонетический эффект усиления эмоционального эффекта достигается путем повторения звука [w].

Заключение. Творчество В.В. Набокова характеризуется уникальным авторским стилем. Особый интерес представляет фразеология писателя – мастерски используемая автором в его творческих устремлениях, она является одним из ведущих эмоционально-экспрессивных средств воздействия на читателя.

В произведениях В. Набокова широко представлены разнообразные эмоции как позитивного, так и отрицательного спектра (радость, счастье, гнев, злость, горе, шок, печаль, волнение, тревога, любовь, страсть, страх, паника, удивление, изумление и др.), что позволяет сделать вывод о высокой номинативной плотности эмоций в структуре идиостиля писателя. Каждая эмоция, будь то радость в гротескных описаниях Пнина, горечь и гнев в «Истинной жизни Себастьяна Найта» или страсть в «Лолите», обладает своей уникальной текстовой динамикой. Набоков не только изображает эмоции, но и исследует их внутреннюю природу, связывая чувства героев с окружающим миром, их внутренними конфликтами и биографией. Эмоции выступают не просто элементами повествования, а ключевыми инструментами создания эмоциональной глубины произведения и характеристики образов персонажей.

Эмотивные фразеологизмы представляют значительную группу языковых средств выражения эмоций в произведениях Набокова – они способны образно и экспрессивно охарактеризовать эмоциональное состояние героя. Более того, для творчества писателя характерно активное использование трансформаций ФЕ, что составляет яркую черту его идиостиля. Авторские ФЕ Набокова заслуживают пристального внимания, являясь одним из значимых эмоционально-экспрессивных средств воздействия на читателя. Кроме того, Набоков часто применяет стилистические приемы, которые передают эмоциональное состояние персонажа или выражают его эмоциональное отношение к предмету речи, выступая важным средством создания художественной выразительности в прозе писателя и создавая неповторимое своеобразие его идиостиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск : Издательство Уральского университета, 1989. – 184 с.
2. Белозерова Е.Ю. Фразеологическая картина мира в современной подростковой британской художественной литературе: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 Германские языки / Белозерова Екатерина Юрьевна. – М., 2019. – 187 с.
3. Бессонова О.Л. Концептуализация, лексикализация и фразеологизация эмоций в англоязычной картине мира / О.Л. Бессонова, Е.В. Трофимова // Языковые и культурные сообщества в синхронии и диахронии : коллективная монография / Авторы-составители Н.А. Ганина, Л.Н. Ягупова. – М. : Издательство Московского университета, 2024. – С. 267–282.
4. Бугаева А.А. Идиостилевые особенности фразеосемантического поля эмотивности в прозе В. В. Набокова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 Русский язык / А.А. Бугаева. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2009. – 23 с.
5. Бугаева А.А. Индивидуально-авторские преобразования эмотивных фразеологических единиц как черта идиостиля В. Набокова / А.А. Бугаева // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 1(30). – С. 106–107.
6. Голикова Т.А. Динамика эмоций счастья и несчастья в творчестве В. В. Набокова / Т.А. Голикова // Культура и текст. – 1999. – № 5. – С. 308–312.
7. Гукасова М.В. Оценочная модальность английских фразеологических единиц и способы ее реализации в контексте эмоционально-предметной направленности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 Германские языки / М.В. Гукасова. – Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2016. – 22 с.

8. Гукасова М.В. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц и их влияние на модальность текста / М.В. Гукасова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 7(389). – С. 38–46.
9. Индивидуально-авторская картина мира: концептуальный подход: учебное пособие / В.А. Маслова, М.В. Пименова. – СПбГЭУ : Изд-во СПбГЭУ. – Серия «Концептуальные исследования». – Вып. 26. – 2023. – 255 с.
10. Киселева Л.А. Образ homo sentiens в языковой картине мира: направления лингвистического моделирования / Л.А. Киселева // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Труды и материалы Международной конференции. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. – Том 1. – С. 147–150.
11. Ковалева Н.А. Авторское фразообразование и коммуникативная стратегия текста в письмах А.П. Чехова / Н.А. Ковалева. – Астрахань : Изд-во Астраханского государственного педагогического университета, 2000. – 247 с.
12. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 349 с.
13. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. – М. : Гнозис. – 2008. – 374 с.
14. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка : Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М. : Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
15. Подгорная В.В. «Наивная анатомия» в английской языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 Германские языки / Подгорная Валерия Владимировна. – СПб : Санкт-петербургский государственный университет, 2016. – 228 с.
16. Савченко А.А. Идиостилевая специфика фразеосемантического поля «Радость» в прозе В. В. Набокова / А.А. Савченко // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2014. – №7 (336). – Вып. 89. – С. 68–72.
17. Силюнская Н.П. Концепты отрицательных эмоций в английской фразеологической картине мира: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 Германские языки / Силюнская Наталия Павловна. – СПб. : Санкт-петербургский государственный университет, 2008. – 214 с.
18. Смахтин Е.С. Эмоции и чувства в романе В. Набокова «Лолита» / Е.С. Смахтин // Молодой ученый. – 2011. – № 7-1. – С. 169–172.
19. Филиппова Е.П. К вопросу о комбинациях авторских приемов преобразования фразеологизмов / Е.П. Филиппова, О.С. Шемонаева // Казанская наука. – 2023. – № 10. – С. 191–193.
20. Хованская Е.С. Фразеологические единицы в произведениях В. В. Набокова и способы их передачи на другой язык / Е.С. Хованская. – Казань : Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина, 2005. – 22 с.
21. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература» / Н.М. Шанский. – 4-е, изд., испр. и доп. – СПб. : Специальная Литература, 1996. – 192 с.
22. Шаховский В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В.И. Шаховский. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2016. – 128 с.
23. Шаховский В.И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации / В.И. Шаховский // Мир русского слова. – 2019. – № 1. – С. 35–43.
24. Carter C. Photographic Memory in Vladimir Nabokov's *Lolita* / C. Carter. – Haverford College. Department of English, 2017. – 39 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

25. Набоков В.В. Истинная жизнь Себастьяна Найта / В.В. Набоков. – М. : Corpus, 2023. – 320 с.
26. Набоков В.В. Лолита / В.В. Набоков. – М. : Азбука, 2020. – 448 с.
27. Набоков В.В. Пнин / В.В. Набоков. – М. : Издательство Ardis, 1983. – 186 с.
28. Nabokov V.V. *Lolita* / V.V. Nabokov. – Everyman Library, 1992. – 368 p.
29. Nabokov V.V. *Pnin* / V.V. Nabokov. – Heinemann, 1957. – 281 p.
30. Nabokov V.V. *The Real Life of Sebastian Knight* / V.V. Nabokov. – Vintage, 1992. – 203 p.

REFERENCES

1. Babenko L.G. (1989). *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsij v russkom yazyke* [Lexical means of indicating emotions in the Russian language]. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo universiteta (In Russian).

2. Belozeroва E.Yu. (2019). Frazеologicheskaya kartina mira v sovremennoj podrostkovoj britanskoj khudozhestvennoj literature [The phraseological picture of the world in modern teenage British fiction] (Dissertation). Moscow. (In Russian).
3. Bessonova O.L., Trofimova E.V. (2024). Kontseptualizatsiya, leksikalizatsiya i frazeologizatsiya emotsii v angloyazychnoi kartine mira [Conceptualization, lexicalization and phraseologization of emotions in the English worldview]. In N. A. Ganina, L. N. Yagupova (ed.). Yazykovye i kul'turnye soobshchestva v sinkhronii i diakhronii : kollektivnaya monografiya. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
4. Bugaeva A.A. (2009). Idiostilevye osobennosti frazeosemanticheskogo polya emotivnosti v proze V.V. Nabokova [Idiostyle features of phrase-semantic field of emotiveness in Nabokov's prose]. (Avtoref. dissertation). Krasnodar. (In Russian).
5. Bugaeva A.A. (2009). Individual'no-avtorskie preobrazovaniya emotivnykh frazeologicheskikh edinit kak cherta idiostilya V. Nabokova [Individual-author transformations of emotive phraseological units as a feature of V. Nabokov's idiosyncrasy]. Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii, vol. 1(30), pp. 106–107. (In Russian).
6. Golikova T.A. (1999). Dinamika emotsij schast'ya i neschast'ya v tvorchestve V. V. Nabokova [Dynamics of emotions of happiness and unhappiness in the works of V.V. Nabokov]. Kul'tura i tekst, vol. 5, 308–312. (In Russian).
7. Gukasova M.V. (2016). Ocenochnaya modal'nost' anglijskikh frazeologicheskikh edinit i sposoby ee realizatsii v kontekste emotsional'no-predmetnoj napravlenosti [Evaluative modality of English phraseological units and its implementation ways in the emotional and subject orientation context]. (Avtoref. dissertation). Pyatigorsk. (In Russian).
8. Gukasova M.V. (2016). Strukturno-semanticheskie preobrazovaniya frazeologicheskikh edinit i ikh vliyanie na modal'nost' teksta [Structural and semantic transformations of phraseological units and their influence on the modality of the text]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, vol. 7(389), 38–46. (In Russian).
9. Maslova V.A., Pimenova M.V. (ed) (2023). Individual'no-avtorskaya kartina mira: kontseptual'nyj podkhod: uchebnoe posobie. [The individual author's worldview: a conceptual approach: textbook]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGEU. (In Russian).
10. Kiseleva L.A. (2017). Obraz homo sentiens v yazykovoj kartine mira: napravleniya lingvisticheskogo modelirovaniya [The homo sentiens image in the linguistic worldview: directions of linguistic modeling]. I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika: trudy i materialy mezhdunarodnoj konferentsii, vol. 1, 147–150. (In Russian).
11. Kovaleva N.A. (2000). Avtorskoe frazeologicheskoe i kommunikativnaya strategiya teksta v pis'makh A.P. Chekhova. [The author's idiom formation and the communicative strategy of text in A.P. Chekhov's letters]. Astrakhan': Izdatelstvo Astrakhanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. (In Russian).
12. Kornilov O.A. (1999). Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov [Linguistic worldviews as derivatives of national mentalities]. Moscow: Izd-vo MGU. (In Russian).
13. Krasavskij N.A. (2008). Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh [Emotional concepts in German and Russian linguocultures]. Moscow: Gnozis. (In Russian).
14. Kunin A.V. (1996). Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka: Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. [A course in phraseology of modern English]. Moscow. (In Russian).
15. Podgornaya V.V. (2016). «Naivnaya Anatomiya» v anglijskoj yazykovoj kartine mira [‘Naive Anatomy’ in the English language picture of the world]. (Dissertation). Saint Petersburg. (In Russian).
16. Savchenko A.A. (2014). Idiostilevaya spetsifika frazeosemanticheskogo polya «Radost'» v proze V. V. Nabokova [Idiosyncratic specificity of the phraseosemantic field "Joy" in V. V. Nabokov's prose]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie, vol. 7(336) (89), 68–72. (In Russian).
17. Silinskaya N.P. (2008). Kontsepty otritsatel'nykh emotsij v anglijskoj frazeologicheskoy kartine mira [Concepts of negative emotions in the English phraseological picture of the world]. (Dissertation). Saint Petersburg. (In Russian).
18. Smakhtin E.S. (2011). Emotsii i chuvstva v romane V. Nabokova «Lolita» [Emotions and feelings in V. Nabokov's novel Lolita]. Molodoj uchenyj, vol. 7-1, 169–172. (In Russian).
19. Filippova E.P., Shemonaeva O.S. (2023). K voprosu o kombinatsiyah avtorskikh priemov preobrazovaniya frazeologizmov [On the question of combinations of author's techniques for converting phraseological units]. Kazanskaya nauka, vol. 10, 191–193. (In Russian).
20. Hovanskaya E.S. (2005). Frazеologicheskije edinitisy v proizvedeniyakh V. V. Nabokova i sposoby ikh peredachi na drugoj yazyk [Phraseological units in the works of V. V. Nabokov and ways of their transfer to another language]. (Avtoref. dissertation). Kazan. (In Russian).

21. Shanskij N.M. (1996). Frazеologiya sovremennogo russkogo yazyka: Ucheb. posobie dlya vuzov po spets. «Russkij yazyk i literatura» (4th ed.) [Phraseology of the modern Russian language: A textbook for universities on speciality. 'Russian language and literature']. Saint Petersburg. (In Russian).

22. Shakhovskij V.I. (2016). Emotsii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya [Emotions: pre-linguistics, linguistics, linguoculturology]. Moscow: Knizhnyj dom LIBROKOM, 64–69. (In Russian).

23. Shakhovskij V.I. (2019). Emotsional'naya kartina mira v verbal'noj prezentatsii [Emotional worldview in a verbal presentation]. Mir russkogo slova, vol. 1, 35–43.

Поступила в редакцию 23.05.2025 г.

ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS IN V. NABOKOV'S INDIVIDUAL STYLE

E.V. Trofimova, K.D. Lubinets

The article deals with English phraseological units in V.V. Nabokov's works. The focus is made on the role of phraseological units in representing emotions. The study of the phraseological representation of emotions in literary texts by Nabokov seems relevant due to the specific idiostyle of the writer's prose. The article addresses emotive phraseology as a linguistic and artistic peculiarity of the writer. The sources of the empirical material are such literary works by Nabokov as "Lolita" (1955), "The Real Life of Sebastian Knight" (1941), and "Pnin" (1957). The application of phraseological, componential, stylistic, and linguocultural analysis enabled to identify and describe phraseological means of emotions' representation in the texts under study, as well as to consider the peculiarities of the individual author's worldview. The conclusion is made about a wide range of emotions. In the material collected, the idioms expressing joy, anger and sadness prevail, while the idioms expressing fear and surprise are least frequent. It should be pointed out that emotive idioms are extensively used by Nabokov to express a variety of emotions. Moreover, occasional idioms, rendering the writer's unique artistic style are based on the author's transference and are characterized by a particular expressivity.

Key words: phraseological unit, emotion, emotivity, emotive idiom, belles-lettres text, linguistic worldview, individual author's worldview, semantics.

Трофимова Елена Владимировна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Доцент кафедры английской филологии.

ORCID 0009-0007-8845-1162.

E-mail: e.trofimova2023@mail.ru.

Лубинец Ксения Дмитриевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Студентка факультета иностранных языков.

ORCID 0009-0008-8569-3534.

E-mail: x.lubinets@gmail.com.

Trofimova Elena Vladimirovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Associate Professor of English Philology Department.

ORCID 0009-0007-8845-1162.

E-mail: e.trofimova2023@mail.ru.

Lubinets Ksenia Dmitrievna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Student of Faculty of Foreign Languages.

ORCID 0009-0008-8569-3534.

E-mail: x.lubinets@gmail.com.

Научная статья
УДК 811.161.1+81`36
DOI: 10.5281/zenodo.15803881

РОЛЬ СВЯЗОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК»)

© 2025 *Дерья Арыджан*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID 0009-0008-5093-9330

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена исследованию роли связочных глаголов в художественном тексте на материале романа М. Шишкина «Письмовник». Рассматривается, как связочные глаголы не только выполняют синтаксическую функцию, но и становятся важным инструментом для передачи авторского видения, выражения эмоционального состояния и восприятия мира персонажей. Особое внимание уделяется коммуникативному аспекту использования связочных глаголов, поскольку они помогают устанавливать логические и семантические связи между компонентами высказывания, раскрывают внутренний мир героев и создают многослойную модальную структуру текста. В эпистолярном романе, где прямое взаимодействие между персонажами невозможно, именно язык письма и выбор глаголов-связок становятся ключевыми элементами для формирования временных и смысловых отношений. Связочные глаголы помогают формировать комплексную рему – ядро высказывания, которое уточняет состояние субъекта и его отношение к характеристикам или событиям. Исследование этих языковых средств раскрывает, как через их использование автор создаёт особую художественную реальность, передавая как статичные характеристики героев, так и динамику их изменений, что раскрывает индивидуальное восприятие действительности персонажей.

Ключевые слова: связочные глаголы, копула, виды связок, именное сказуемое, структура, семантика, художественный текст, М. Шишкин.

Для цитирования: Арыджан Д. Роли связочных глаголов в художественном тексте (на материале романа М. Шишкина «Письмовник») / Д. Арыджан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 110–126. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15803881>.

Введение. В каждом художественном произведении раскрывается уникальный мир, где слова нужны для моделирования художественной реальности, а также воссоздания атмосферы, эмоций и мыслей автора.

Реализация концепции автора в художественном произведении в значительной степени определяется выбором языковых средств. Как отмечал В.В. Виноградов: «Язык художественного произведения, являясь средством передачи содержания, не только соотнесён, но и связан с содержанием; состав языковых средств зависит от содержания и от характера отношения к нему со стороны автора» [5, с. 14]. А.В. Канафьева подчёркивает, что «каждый текст обусловлен своим автором – языковой личностью, которая из обширного набора языковых средств выбирает те, что наиболее эффективно помогают воплотить идеи и художественный замысел» [10, с. 217]. При передаче смысла высказывания особую важность имеет сказуемое, которое выражает предикативный

аспект подлежащего в двусоставном предложении. Эта идея получает подтверждение в работах современных лингвистов. Н.А. Герасименко считает, что «семантическим центром высказывания является предикат, который обычно несёт в себе сущность, основное значение и смысл коммуникации. Поэтому исследование способов представления предиката в художественном тексте представляется особенно интересным и значимым» [9, с. 251]. В художественном тексте языковые средства подчинены замыслу автора. С помощью предиката писатель даёт характеристику героев, оценивает их и действия, происходящие в произведении. Предикат – это логическое сказуемое, которое указывает на свойства, состояние субъекта или его отношение к другим предметам, что способствует формированию смысловой структуры текста.

Целью исследования является выявление роли связочных глаголов в художественной структуре романа М. Шишкина «Письмовник», а также определение их функций в передаче авторского замысла, выражении эмоционального состояния и восприятия мира персонажей. В рамках поставленной цели анализируются синтаксические, семантические и коммуникативные особенности глаголов-связок, прослеживается их участие в организации логических и смысловых связей высказывания, формировании рематической структуры и модальной окраски текста.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования является текст романа М. Шишкина «Письмовник» (2010). Повествование в романе имеет сложную структуру уже на уровне построения сюжета, поскольку представлено в форме переписки героев – Владимира и Александры. При этом их письма не образуют диалога в традиционном смысле. Они существуют автономно, поскольку персонажи принадлежат к разным историческим эпохам: Владимир – участник войны в Китае конца XIX века, а Александра – представительница советского периода. Особенность романа «Письмовник» как постмодернистского текста заключается в полисубъектной полимодальной структуре повествования. Методом исследования является комплексный анализ художественного текста, осуществляемый в русле актуальной коммуникативной парадигмы. Особую значимость в данном подходе приобретает коммуникативный аспект, поскольку повествование выстраивается не только посредством сюжетных событий, но и через сам язык письма, выполняющий ключевую функцию в передаче субъективного опыта и эмоционального состояния персонажей.

Основная часть. Связка в предложении выполняет конструирующую функцию, участвуя как в грамматической, так и в семантической организации высказывания. «В грамматической системе русского языка связка занимает важное место. Она является одним из основных средств организации грамматической формы простого предложения» [13, с. 268]. В лингвистической литературе используются термины *связка*, *связочный глагол*, *глагол-связка*, *копула* или *копулятивный глагол* для обозначения связочных глагольных элементов в именных конструкциях. Эти термины впервые появились в логико-грамматических концепциях древнегреческих мыслителей. Например, в логической структуре предложения-суждения, представленной формулой *S est P.*, связка *est* является постоянным компонентом и выражает отношение между субъектом и предикатом [2, с. 453]. Вначале связке присваивалось значение бытия, выраженное глаголом существования *быть*, поскольку истинность суждения зависела от соотношения с действительностью. Однако позднее Аристотель отмечал, что связка утратила «вещественное» значение и служит скорее для обозначения связи, нежели выражения конкретного смысла [там же с. 454].

«Впервые термин "связка" получил определение в "Практической русской грамматике" Н.И. Греча. Связка определялась им как "слово, коим выражается связь

между подлежащим и сказуемым, то есть коим обозначается бытие или отсутствие сего сказуемого в сем предложении". Н.И. Греч отводил связке значительную роль и высказывал мнение о том, что предложения без связки считаются "неполными"» [4, с. 16].

Связка выполняет двойную функцию: выражает синтаксическую связь между субъектом и предикатом, а также подтверждает истинность суждения [1, с. 7]. Со временем понимание связки изменилось, и она продолжает изучаться в контексте предикативного отношения и структуры, и значения именного сказуемого.

По мнению Т.П. Ломтева, форма слова, выполняющая функцию связки, служит для обозначения того, что именной компонент в предложении выступает в роли сказуемого [14, с. 111]. Для выполнения этой функции связка, во-первых, способствует формальному выражению предикативных категорий, а во-вторых, переносит семантический центр предикативного признака на именную часть [19, с. 532]. Этот процесс сопровождается грамматикализацией связки и ослаблением её собственного лексического значения. В современной лингвистике признаётся, что связка выполняет не только формальную, но и семантическую функцию, квалифицируя характер отношений между предметом и его предикативным признаком. Связка также отражает способы осмысления этих отношений говорящим, выявляя его восприятие действительности и особенности мыслительной деятельности при установлении связи между предметом и его характеристикой.

А.М. Пешковский предложил классификацию связочных глаголов на основе их семантических особенностей, выделив три группы: первая группа – отвлечённая связка, представленная глаголом *быть* в различных формах времени и наклонения, обладает исключительно грамматическим значением и не несёт вещественного содержания, что и обуславливает её название. Центральным элементом связочной системы русского языка является *быть* – так называемая идеальная связка, которая отличается практически неограниченными сочетательными возможностями и наиболее абстрактным значением среди всех глаголов-связок [18, с. 110]. Примеры: *бабушка была в молодости очень красивая, ходила с длинной толстой косой, в руку толщиной* (с. 155); *у меня будет когда-нибудь ребёнок, обязательно будет, и вот буду ему так мыть волосы – до скрипа* (с. 100). Это признание связки *быть* в качестве особого «эталона» позволяет определить общее связочное значение, так как значение связки *быть* присутствует в значении всех связочных глаголов: «...Полузнаменательный глагол полностью включает значение глагола *быть*, как бы инкорпорирует это значение» [Там же]. «Нормальной для всех стилей русского языка является нулевая форма настоящего времени связки *быть*, которая не имеет ограничений в употреблении» [7, с. 55]. Например: *как в сказках: одна плохая, другая хорошая. Я – послушная, она – оторва* (с. 27). Вторая группа – полувещественные (или полузнаменательные) связки, представляют собой глаголы с ослабленным лексическим значением. Они не только выполняют грамматическую функцию, выражают предикативные категории (время, наклонение, модальность) и связывают подлежащее со сказуемым, но и вносят частичное лексическое значение. Такие глаголы часто обозначают процесс изменения состояния, его сохранения или субъективную характеристику субъекта (казаться, оказываться, оставаться, считаться, делаться, становиться, стать и др.). Например: *Предметы появлялись и исчезали, одно превращалось в другое. Пиковый туз становился чертовой дамой* (с. 153).

В отличие от знаменательных глаголов, полузнаменательные не являются полностью референтными и не выполняют самостоятельную информативную функцию. Их роль заключается в выражении предикативных отношений, но при этом они могут

нести определённую лексическую окраску – эмоциональную, временную или субъективную конкретизацию предиката. Третья группа – вещественные связи (или знаменательные), представляют собой глаголы, которые сохраняют своё лексическое значение и обозначают состояние, движение или другие характеристики субъекта. Такие глаголы включаются в состав сказуемого вместе с именными формами, однако не теряют своей самостоятельности и не подвергаются грамматикализации, в отличие от полужнаменательных связок. Именно поэтому их условно относят к связкам.

Знаменательные связи выражают самостоятельный признак субъекта, сохраняя при этом свою однозначность. Например: *Дни юркие, разбегаются ящерками, захочешь ухватить – в руке лишь хвост* (с. 174).

Вопрос о статусе знаменательных (вещественных) связок остаётся дискуссионным. П.А. Лекант ставит под вопрос их отнесение к связкам, отмечая, что основным критерием разграничения связок и однозначных глаголов является семантический признак. В его концепции система связок представлена в виде поля, в центре которого находится глагол *быть* как нейтральная связка, а остальные группируются в зависимости от выражения ими одного из трёх грамматикализованных значений: фазисного, модального или логического [12, с. 91]. Схожую позицию занимает Т.Н. Голицына (1983), отмечая, что к связочным глаголам следует относить лишь те, которые настолько ослабили своё лексическое значение, что утратили способность выражать конкретное содержание признака и сохранили лишь функцию обозначения бытия. С.А. Васильева, анализируя теорию П.А. Леканта, отмечает, что исследователь определяет связку как вспомогательный компонент составного именного сказуемого, который выражает исключительно грамматическое значение. По его мнению, связочный компонент может быть представлен только неоднозначным глаголом, поскольку такой глагол в этой функции теряет своё лексическое значение и не выражает категориального значения действия. В связи с этим П.А. Лекант не признаёт за однозначными глаголами связочной функции, хотя допускает их употребление в так называемом «вещественном» сказуемом. С.А. Васильева приводит следующий пример, иллюстрируя позицию исследователя: «Ксения пришла задумчивая и тоскующая. В таком сказуемом, по мнению учёного, выражаются два признака: активный (действие) и пассивный (качество, состояние). Однако из вышесказанного следует: отсутствие категориального значения действия не подразумевает присутствие активного признака, обозначающего действие, что вызывает вполне оправданные сомнения либо в одном, либо в другом положении теории П.А. Леканта» [4, с. 22]. В.С. Юрченко, исходя из того, что однозначные глаголы являются основой языка, выдвигает предположение о развитии отвлечённых, полужнаменательных и знаменательных глаголов в функцию служебных слов. Он считает, что все связочные глаголы представляют собой синтаксические омонимы однозначных глаголов. Также утверждает, что изменения в связочных глаголах невозможно рассматривать вне контекста структуры простого предложения, и называет лексико-семантическую редукцию грамматического предиката причиной перехода знаменательных глаголов в связочные [22, с. 150]. Иной подход к вопросу предложил И.И. Мещанинов, который рассматривал связи с функционально-семантической точки зрения. Исследователь отмечал, что в роли связок могут выступать и однозначные слова, если в данном синтаксическом построении они частично утрачивают своё лексическое содержание. Такие элементы он называл «синтаксемами», подчёркивая их промежуточный статус между грамматическими и лексическими единицами. По его мнению, синтаксемы многочисленны, продуктивны и обладают свойством полуграмматичности-полулексичности [15, с. 312]. Сходную точку зрения развивает

Л.Д. Чеснокова (1973), однако с акцентом на процесс грамматикализации. Исследователь подчёркивает, что полнозначное слово, приобретая связочную функцию, утрачивает часть своего лексического значения, тем самым обслуживая семантику присвязочного компонента. В её трактовке знаменательные связки отличаются от традиционных тем, что, несмотря на доминирующее связочное значение, они сохраняют частичную отсылку к своей исходной лексической семантике, хотя это значение воспринимается уже как дополнительное. Кроме того, Чеснокова отмечает обязательную сочетаемость таких связок с творительным предикативным (или его эквивалентами), что является их структурной особенностью [20, с. 156]. Таким образом, в ряде исследований признаётся возможность выполнения полнозначными глаголами связочной функции, при этом подчёркивается их частичная грамматикализация и сохранение остаточного лексического значения. Расширение состава связочных глаголов в современном русском языке указывает на усиление элементов аналитизма: основная семантическая нагрузка смещается на именной компонент, тогда как глагольный выражает преимущественно грамматические значения. В этом контексте важным представляется положение о том, что между глагольным и именным компонентами существует особый вид связи – тяготение, которое возникает только на уровне предложения, а не на уровне словосочетания [4, с. 47]. Это подтверждает, что функционирование знаменательных связок определяется не только их лексико-грамматическими характеристиками, но и синтаксической структурой предложения в целом.

Коммуникативное задание в предложении с глаголом-связкой представляет собой целенаправленное высказывание, которое ставит перед собой конкретную цель и осуществляет коммуникацию между говорящим и слушающим. В таких высказываниях важную роль играет не только синтаксическая связь между компонентами, но и семантическая составляющая, которая определяет, как эти компоненты взаимно обуславливают друг друга. Глагол-связка в данном контексте помогает уточнить состояние субъекта, будь то эмоциональное, психическое или физическое состояние, и таким образом способствует формированию комплексной ремы – ядра предложения. Это ядро характеризует состояние субъекта и уточняет взаимоотношения между субъектом и его признаком. Тема высказывания, как правило, обозначает лицо или предмет, на котором сосредоточено внимание говорящего, в то время как рема раскрывает характеристику состояния субъекта. В предложениях с глаголом-связкой глагольный и именной компоненты сказуемого образуют семантическую связь, в которой они взаимно обуславливают друг друга и обладают низкой степенью индивидуализированности, что способствует созданию комплексной ремы.

Однако функция связки в именном предложении выходит за рамки простого обозначения предикативных категорий. Связка также выполняет оценочную функцию, позволяя говорящему устанавливать логические отношения между предметом и его признаком. Эти отношения могут отражать мыслительные процессы говорящего, который, используя связку, формирует логические утверждения о характеристиках, свойствах и взаимосвязях. Н.А. Герасименко пишет: «Связка представляет собой важнейший компонент предложения, который соотносит предложение с объективной действительностью, устанавливает отношение между миром внеязыковым и миром концептов, человеческих понятий» [7, с. 42]. Именные конструкции с использованием связки часто функционируют как способ изложения логических пропозиций. В таких высказываниях связка помогает выразить анкетные, таксономические, качественные или релятивные характеристики, а также определяет модальность высказывания, направляя внимание на субъект логической операции [21, с. 21]. Включение связки в состав

высказывания помогает уточнить, как именно говорящий воспринимает соотношение между предметом и его характеристиками, а также какие именно отношения между предметами устанавливаются [16, с. 258].

Задача связки заключается в том, чтобы конкретизировать и уточнить предикативный признак, а также установить характер этих отношений. Это особенно важно в предложениях, где глагол-связка формирует более сложную структуру с именным компонентом, как в случае с комплексной ремой – ядром высказывания, которое раскрывает состояние субъекта и его характеристику.

Рассмотрение связочных глаголов в романе «Письмовник» позволяет выявить их роль в организации предикативных структур и коммуникативной структуры текста. Важно понять, каким образом связка способствует передаче смысловых, временных и оценочных отношений в письмах героев. Обратимся к анализу полузнаменательных и знаменательных глаголов в функции связки в тексте романа. Отдельное внимание при анализе уделяется коммуникативному аспекту.

Полузнаменательные глаголы в функции связки.

Полузнаменательные глаголы в функции связки, обозначающие временное пребывание в состоянии или переход из одного состояния в другое, обычно употребляются с предикативным творительным падежом. Это явление отмечалось ещё в трудах А.М. Пешковского (1956), который подчёркивал, что творительный падеж является продуктивным и устойчивым при таких глаголах, как *бываться, казаться, сделаться, стать, становиться, остаться, приходиться, считаться*. Однако именительный предикативный сохраняется в ряде конструкций, особенно когда акцент делается не столько на процессе перехода, сколько на его результате [17, с. 196].

1. *Отец оживился, стал рассказывать, как увидел меня в первый раз. Сказал, что сразу после рождения у меня личико было как египетский барельеф, а на другой день все проступило нос **стал выпуклым**, глаза углубились, губы **стали губами** (с. 250).*

Глаголы *стал* и *стали* в данном фрагменте выполняют роль эксплицитного выражения трансформации. Они не просто обозначают состояние, а именно акцентируют сам процесс изменения. Это подчёркивает динамику восприятия, также прослеживается функция вовлечения читателя: отец обращает внимание на детали, как бы приглашая взглянуть на процесс изменений его глазами. Темой выступает описание внешности ребёнка, особенно с точки зрения отца, а ремой – конкретные изменения во внешности, которые становятся значимыми в контексте семейной истории. Глаголы играют связующую роль, соединяя статичность описания (каким был ребёнок) с динамикой процесса (как он изменился). Глагол *стал* маркирует фазисное значение, поскольку указывает на начало нового состояния (нос стал выпуклым – переход от одной формы к другой). Прошедшее время фиксирует изменения как завершённые события, но при этом сохраняется ощущение постепенного преобразования. Отец оценивает изменения в облике новорождённого как значимые, уделяет внимание деталям. Его восприятие представлено как нечто важное, зафиксированное в памяти, что делает модальность эмоционально-фиксационной.

2. *А вот дальше произошло удивительное! Смотри, ведь получалось, что это таинство **становилось доступным** каждому, взглянувшему на картинку. Собака была собакой, рыба – рыбой, лошадь – лошастью, человек – человеком (с. 149).*

Глагол *становилось* здесь выполняет роль в обозначении переходного состояния, когда нечто сложное и непостижимое становится доступным и понятным для каждого. Речь идёт о постепенном открытии некой истины, и *становилось* усиливает восприятие этого момента как важного и значимого для героев. Рассмотрение каждой отдельной

сущности (собака, рыба, лошадь, человек) после *становится* усиливает идею о том, как трансформация упрощает понимание и воспринимается как открытие. Субъективная модальность здесь выражена через восклицание *удивительное!* что указывает на личную оценку говорящего. Событие воспринимается как нечто необычное и потрясающее, выделяясь среди прочих событий.

3. *И вот очередь доходит до меня, а врачом почему-то оказывается Виктор Сергеевич, мой учитель, который умер на уроке* (с. 188).

В данном фрагменте *оказывается* выполняет функцию неожиданного раскрытия информации. И функционирует как фазисное значение, маркируя смену когнитивного состояния героя и фиксируя момент осознания нового факта. Глагол подчёркивает момент осознания – герой внезапно сталкивается с новой реальностью, которая вступает в противоречие с его знаниями. Это порождает эффект временного сдвига: логическая последовательность нарушается, ведь человек, которого герой воспринимал как умершего, вдруг присутствует в настоящем времени. Этот приём усиливает ощущение разрыва между прошлым и настоящим. Глагол-связка тут выражает не только факт, но и реакцию персонажа. Он демонстрирует восприятие ситуации глазами героя, его внутренний шок. Этот приём помогает читателю прочувствовать личное удивление персонажа.

4. *Скоро солнце **сделается** золотым, потом белым. Дымка над полями испарится, утренний ветерок стихнет, и начнётся опять ад* (с. 162).

В этом контексте глагол *сделается* выполняет функцию выражения переходного изменения, акцентируя внимание на преобразовании состояния объекта (солнца). Это изменение фиксируется как процесс, а не моментальный переход, что указывает на фазовый характер действия. Глагол представляет собой акт завершения изменения, в отличие от других глаголов, которые обозначают процесс в его длительности. Он подчёркивает конечную цель преобразования – *солнце станет золотым, потом белым*, что связано с завершением изменения в будущем. Восприятие изменений солнца и природы важно для персонажа. Он оценивает это изменение как нечто значительное, что является важной частью описания.

5. *А с другой стороны, вот он написал: ни один человек не счастлив, пока он не **считает себя счастливым**. Вот это нас, наверно, с ним и объединяет два счастливых человека. И какая разница, что он когда-то умер, а я ещё здесь. По сравнению с нашим счастьем смерть **кажется пустяком*** (с. 21).

Глагол *считает* выражает субъективное восприятие счастья, подчёркивая его зависимость от внутреннего состояния и убеждений человека. В данном контексте он передаёт модальное значение мнимости: счастье не является объективной реальностью, а существует лишь в сознании субъекта. Глагол также указывает на процесс осознания, показывая, что человек ощущает себя счастливым только тогда, когда сам в это верит. Настоящее время подчёркивает динамичный характер этого восприятия, которое может изменяться. Так, *считает* и ещё формирует картину субъективной реальности, где счастье – это нечто кажущееся, зависящее от индивидуального восприятия.

Глагол *кажется* передаёт субъективную оценку, показывая, что восприятие смерти зависит от внутреннего состояния героя. Здесь выражается модальное значение мнимости: смерть не воспринимается как объективно незначительное явление, но в контексте счастья она теряет свою весомость. Этот глагол формирует относительность восприятия – смерть лишь кажется пустяком, но это ощущение обусловлено эмоциональным состоянием героя. Временной аспект глагола, в настоящем времени подчёркивает восприятие текущего момента, где счастье затмевает всё остальное.

Внутренний мир героя становится определяющим, и события приобретают значение не сами по себе, а через призму его чувств. Субъективная модальность этого глагола делает восприятие смерти изменчивым, зависящим от душевного состояния говорящего.

Именительный и творительный падежи существительных выполняют роль универсальных форм в именной части сказуемого, служат показателями синтаксической функции соответствующих категорий и являются основой для выражения обобщённых значений. Эти падежи передают особые грамматические отношения, которые невозможно выразить другими сочетаниями слов, за исключением конструкций составного именного сказуемого. Каждая использованная связка не только вносит своё значение в высказывание, но и изменяет форму предиката, наделяя его определённым признаком. При этом определённые связки требуют от предиката использования конкретного падежа [7, с. 44].

6. *Смотрела, как она рисует карандашом, и обратила внимание на то, что, если рисунок **показался** ей **неправильным**, он для неё просто перестаёт существовать, она его больше не видит, рисует на том же листе другой – не замечает старых линий, видит только новые* (с. 182).

В данном фрагменте глагол *показался* передаёт субъективное восприятие рисунка героиней, создавая эффект мнимости: ошибка не объективна, а существует только в её восприятии. Этот глагол не просто обозначает появление впечатления, но и влияет на дальнейшие действия – если рисунок кажется ей неправильным, он словно перестаёт существовать. Прошедшее время подчёркивает, что оценка уже произошла и оказалась решающей. Полузнаменательная роль глагола проявляется в сочетании значения восприятия и оценки, что меняет отношение героини к рисунку и направляет её последующие действия.

7. *Однажды она зашла ко мне поздно вечером, наверно, хотела поговорить о чём-то важном. Я лежал на диване и **притворился спящим**. Она только прикрыла меня одеялом, постояла немного и ушла* (с. 226).

В данном высказывании глагол *притворился* выполняет функцию полузнаменательного глагола, так как он, указывая на состояние субъекта, обозначает процесс намеренного создания иллюзии этого состояния. Он сохраняет часть своего лексического значения, связанного с притворством, однако требует обязательного предикативного дополнения, без которого высказывание остаётся неполным. В этом контексте он выражает фазовое значение, поскольку указывает на переход субъекта в определённое состояние, а также модальное значение, так как действие совершается осознанно и целенаправленно. Прилагательное *спящим* в данном случае играет предикативную роль, описывая предполагаемое, но не реальное состояние субъекта. Именно благодаря глаголу оно приобретает дополнительный оттенок искусственности, подчёркивая, что герой на самом деле не спал, а лишь создавал видимость этого. Данная конструкция выполняет несколько важных функций. Во-первых, она передаёт субъективное намерение героя и его стратегию поведения: он сознательно избегает разговора, скрывая своё бодрствование. Во-вторых, выражает оценочность, добавляя в высказывание оттенок неискренности и показывая, что персонаж осознанно строит свою линию поведения. В-третьих, конструкция служит для раскрытия внутреннего состояния героя: его нежелание вступать в диалог выражается не словами, а действием, что делает сцену более выразительной.

8. *И самое главное – то, что я теперь знаю: и у Христа, и у Сиддхартхи из рода Гаутамы был открыт рот – как у всех мертвецов. Очень хорошо теперь **представляю** их **мёртвыми**. Запросто. И мух очень хорошо представляю себе гудящих во рту. Вот*

эти мудрецы всю жизнь учили о том, что смерти нет, о воскрешении, о реинкарнации, а им – хлоп по ушам! (с. 279).

В данном контексте полузнаменательный глагол *представляю* обозначает акт воображения, также осознание определённого состояния: герой говорит, что он теперь ясно осознаёт и видит в своём сознании образ смерти Христа и Сиддхартхи. Это делает его употребление близким к конструкциям с глаголами восприятия («вижу их мёртвыми», «ощущаю их мертвыми»). Он не является чистой связкой (как в конструкциях типа «Он был мёртв»), но и не полностью знаменательный, так как без предикативного дополнения «мёртвыми» смысл высказывания был бы неполным или изменился бы. Глагол указывает на модальную окраску, т.е. на субъективную картину мира говорящего, выражая его восприятие или воображение.

9. *После родов вся квартира опять превратилась в детскую фабрику, везде всё набросано, на письменном столе детские весы, всюду стопки чистых пелёнок, от которых разит лавандой, горы распашонок, на кухне от пара душно, как в бане, – кастрюле кипятятся соски (с. 271).*

В данном примере глагол *превратилась* выполняет функцию полузнаменательного глагола, который обозначает фазовый процесс, то есть переход объекта из одного состояния в другое. Этот процесс превращения выражает изменение состояния квартиры, которое ссылается на новую роль – превращение из обычного жилого пространства в *детскую фабрику*. В этом контексте квартира перестаёт быть просто местом для проживания и становится пространством, ориентированным на уход за ребёнком, наполненным детскими вещами и атрибутами. Именной компонент *детскую фабрику*, который указывает на новую функцию квартиры. В сочетании с глаголом подчёркиваются процессы, через которые жильё адаптируется под новую роль, что соответствует идее превращения и изменения сущности. Использование именного компонента *детскую фабрику* добавляет оттенок восприятия нового состояния квартиры как чем-то, возможно, непривычного или некомфортного, но при этом обязательного, что выражает роль матери в переходе этого пространства в новое состояние.

Далее обратимся к знаменательным глаголам, выполняющим связочную функцию, и проанализируем.

Знаменательные глаголы в функции связки.

Знаменательные связки представляют собой особый разряд глаголов, происходящих из основного словарного фонда. В функции связки такие глаголы приобретают формальные признаки неполнозначных слов, что связано с изменением их функционального признака. Их основная роль – выражение предикативности и оформление связи между предметом и предикативным признаком [4, с. 15]. При анализе знаменательного глагола в функции связки основным диагностическим признаком является форма творительного падежа, в то время как формы других предикативных падежей рассматриваются как вторичные.

10. *Я не был собой. Слова приходили, и я чувствовал себя сильным, но я не мог им сказать приходите! И они оставляли меня пустым, никчёмным, использованным, выбрасывали на помойку (с. 201).*

В конструкции знаменательный глагол *чувствовал* с именной частью *себя сильным* выступает в функции связки, соединяя субъекта *я* с предикативным определением *сильным*. Здесь содержится элемент внутреннего восприятия, что делает связь между подлежащим и сказуемым субъективной, зависящей от переживаний героя. Использование творительного падежа в именной части подчёркивает изменимость состояния и его временной характер. Коммуникативная функция этой конструкции

заключается в выражении личностного самоощущения и эмоционального состояния персонажа. Она передаёт его внутреннюю динамику: слова, приходя к нему, дают ему ощущение силы, но он не контролирует этот процесс. Это подчёркивает неустойчивость его состояния, его зависимость от внешних обстоятельств.

Глагол *оставляли* также приобретает функцию связки, устанавливая связь между субъектом и его качественными характеристиками. Однако в отличие от предыдущего примера, где изменение состояния было обусловлено внутренним переживанием, здесь оно навязано извне: слова, покидая героя, превращают его в *пустого* и *никчёмного*. Такая структура подчёркивает пассивную позицию героя в этом процессе, его неспособность сопротивляться изменениям, которые с ним происходят.

11. *И маму, и меня он называл одинаково – зайками. Наверно, ему приятно было крикнуть: – Зайка! – и обе откликались, одна из кухни, другая из детской* (с. 28).

Глагол *называл* выражает акт наименования, что отличает его от обычной связки. Он не просто связывает подлежащее с его характеристикой, а придаёт предложению динамичность и субъективность, подчёркивая процесс присваивания признака. Творительный падеж в именной части *зайками* обозначает условность данного наименования, указывая на её символический характер. Это свойственно конструкциям, где глаголы наименования обозначают не постоянные признаки, а роли, приписываемые объектам. Глагол также передаёт оттенок эмоциональной привязанности, создавая ощущение близости между персонажами. Он сообщает о теплоте отношений, подчёркивая одинаковость обращения ко всем членам семьи. В предложении *наверно, ему приятно было крикнуть* выражается субъективное восприятие говорящего, который предполагает, что процесс наименования вызывает у отца положительные эмоции.

12. *Планы наступления без конца меняются. Сейчас первыми идут японцы, за ними мы, за нами американцы* (с. 342).

Глагол *идут* в фрагменте выражает процесс движения, действия, которое происходит в настоящем времени. Это действие подразумевает и физическое перемещение, и направление, последовательность. В сочетании с прилагательным в именной части *первыми*, глагол акцентирует внимание на том, что субъект начинает движение в первую очередь, ведёт за собой остальных. Это действие выражает порядок, указывая, что субъект (японцы) начинает движение на первом месте, перед всеми другими. Оно усиливает значение глагола *идут*, уточняя, что речь идёт о первенстве в движении, что имеет особое значение в контексте событий (например, в военных планах). Это прилагательное подчёркивает важность момента начала действий, в данном случае первенства, и выделяет этих людей как тех, кто начинает наступление.

13. *Приехал туда поздно и возвращался последним, за мной ворота закрыли. Шёл вдоль ограды и смотрю – какие-то старики и старухи перелезают через забор* (с. 360).

Глагол *возвращался* указывает на движение в обратном направлении, на процесс перемещения субъекта от одного места к другому. Однако, в сочетании в именной части с прилагательным *последним*, этот глагол уточняет, что субъект завершал свой путь после других, то есть его возвращение происходило в самой последней позиции среди всех участников процесса. Прилагательное уточняет место субъекта в этой последовательности действий, подчёркивая его завершенность в конце всего процесса. Это слово не просто описывает характеристику, а даёт временное и пространственное положение в отношении других участников: субъект оказался в финальной точке перемещения. В данном случае это сочетание лежит в рамках регулярных и высокочастотных конструкций, где прилагательные *первый* или *последний* вполне

естественно сочетаются с глаголами движения, подчёркивая определённое положение в ходе действия.

14. *Мир – это огромное живое существо, а мы живём в его чреве, подобно червям, живущим в нашем чреве. Но только счастлив ли червь – неизвестно, а человек рождается, живёт и умирает счастливым, только всё время забывает об этом* (с. 71).

Глагол *рождается* обозначает начало существования человека и его вступление в определённое состояние, которое в именной части характеризуется прилагательным *счастливым*. Переходность здесь выражается через изменение онтологического статуса субъекта: человек переходит из состояния небытия в состояние бытия, при этом сразу соотносится с качеством, представленным прилагательным творительного падежа. Глагол *живёт* выражает пребывание в определённом состоянии во времени. Он обозначает длительное существование человека в состоянии счастья, не указывая на момент начала или завершения этого состояния. Связка сочетается с прилагательным в творительном падеже, что подчёркивает, счастье является характеристикой состояния субъекта на протяжении всей его жизни. Глагол *умирает* снова выражает переход из одного состояния в другое, так как обозначает переход субъекта из состояния жизни в состояние небытия. Однако сохраняя связочную функцию, фиксирует характеристику субъекта (его счастье) даже в момент смерти. В данном высказывании представлены два типа глаголов знаменательной связки: Глагол *живёт* выражает длительное состояние, в котором сохраняется признак субъекта. Глаголы *родиться* и *умереть* выражают переход из одного состояния в другое, фиксируя качество субъекта в момент этого перехода. Высказывание отражает философскую точку зрения: утверждается, что счастье онтологически присуще человеку, но он забывает об этом.

Важно отметить, что именно в этой группе глаголов наиболее ярко проявляется тенденция общего связочного значения на фоне конкретного вещественного значения. Это объясняется тем, что такие глаголы, как *рождаться, жить, умереть*, сохраняя своё исходное лексическое значение (обозначение процессов и состояний), одновременно выполняют функцию связки, связывая подлежащее с его характеристикой. Они не утрачивают полностью своё вещественное значение, но начинают играть важную грамматическую роль, выражая состояние или его изменение во времени. Это делает их особенно значимыми для передачи предикативных признаков, усиливая семантическую глубину высказывания.

15. *Я перевела ее к себе в больницу. Чего мне стоило добиться, чтобы ей оставили отдельную палату! Лежит высохшая, кожа да кости. Руки и ноги в синюшных отёках от инъекций* (с. 236).

Глагол *лежит* в функции связки создаёт основу для передачи сложной эмоциональной и физической картины состояния персонажа. Именная часть усиливает смысл глагола и придаёт описание не только внешнего состояния тела, но и эмоциональной насыщенности. Это прилагательное затрудняет восприятие происходящего как временного, выделяя долгосрочный процесс или даже финальный этап (например, увядание или конечную стадию болезни). Контекст фразы *кожа да кости* ещё больше усиливает визуальный и эмоциональный эффект от использования глагола *лежит*. Это выражение добавляет картину крайней степени истощения, отчаянности, что делает состояние персонажа максимально зримым и ощутимым для читателя.

16. *Он чем-то напоминает жюльверновского Паганеля. Таким, наверно, и был Паганель в юности – неуверенным в себе, неуклюжим, но задиристым всезнайкой* (с. 112).

Глагол *напоминает*, выполняя функцию связки, описывает сходство между персонажем и Паганелем. Подобие, передаваемое через глагол *напоминает*, конкретизируется формой винительного падежа (жюльверновского Паганеля). Эта структура позволяет подчеркнуть восприятие субъекта через сравнение с известным литературным персонажем. В этом контексте можно обратиться к мысли В.В. Виноградова о многообразии функций имён существительных: «Многообразие синтаксических функций, выполняемых именами существительными, иногда приводит к осложнению и расширению значения предметности. Нередко в строе имени существительного предметность является лишь фундаментом, опорным пунктом, на котором воздвигаются близкие к имени прилагательному значения качественных признаков или состояний» [6, с. 48]. Существительное *Паганель* становится не только элементом предметного мира, но и носителем качественных характеристик, что позволяет углубить восприятие героя. Как отмечает Н.А. Герасименко, степень субъективности в установлении сходства может зависеть от лексико-грамматических характеристик имён существительных, называющих сходные объекты [8, с. 21]. Сравнение с Паганелем подчёркивает и внешние черты героя, и его внутренние переживания и неопределённость. Согласно Виноградову, имя собственное в художественном произведении – это «своеобразный троп, равнозначный, в известной степени, метафоре и сравнению и использующийся в стилистических целях для характеристики персонажа и социальной среды» [5, с. 3–7].

При помощи предиката автор раскрывает характеры героев, оценивает их поступки и события, разворачивающиеся в тексте. «Часть имён лица занимает промежуточное между идентифицирующей и предикатной лексикой место. С первыми их объединяет семантическая комплексность, со вторыми – выделенность в их значении ведущего семантического компонента, имплицитующего наличие в референте ряда других – физических, психических, поведенческих и социальных свойств, семантические «отголоски» которых хорошо прослушиваются... Субъект суждения, идентифицируя предмет речи, вместе с тем его часто аспектизирует, устанавливая семантическую связь с предикатом» [2, с. 20].

Следует отметить, что некоторые глаголы, являющиеся бытийными, в определённых контекстах также выполняют функцию связки. В следующих примерах бытийные глаголы *иметь*, *находиться*, *появляться*, *бывать*, *виднеться* функционируют как связки, соединяя подлежащее с предикативной частью предложения, обозначая состояние или существование.

В.С. Юрченко выделяет три функции глагольного сказуемого: категориальную, релятивную и модальную. По его мнению, «релятивная функция глагольного сказуемого состоит в том, что оно служит связующим и опосредствующим звеном в структуре отношения между подлежащим с одной стороны и глагольным членом, обстоятельством и дополнением с другой» [23, с. 280]. В той мере, в какой глагольный компонент теряет свой предикативный признак и базирующееся на нём лексическое содержание, его релятивная функция обнаруживает себя: глагольный компонент превращается в связку. Эту мысль поддерживает Ш. Балли, который утверждал, что «всякий глагол сам по себе выражает или содержит в себе нечто от грамматики, потому что он является связкой или содержит в себе связку» [3, с. 120]. Глаголы, *иметь*, *бывать*, *находиться*, *появляться*, становятся релятивными элементами, выполняющими функцию связи между подлежащим и предикативной частью, особенно в контексте экзистенциальных предложений. Модальные и экзистенциальные значения, которые могут быть выражены этими глаголами, играют важную роль в их функции связки. Например, глагол

находиться может не только указывать на физическое положение объекта, но и обозначать его существование в определённом состоянии, тем самым осуществляя релятивную функцию, которая выходит за рамки простого местоположения. А.М. Кузнецов, исследуя поле глагольных связок, приходит к выводу, что их интегральным признаком является «обозначение способа существования, состояния или качества субъекта» [11, с. 110].

17. *Саша, каждый мой шаг здесь имеет смысл только потому, что это шаг к тебе. Любимая, куда бы я ни шёл, я иду к тебе* (с. 330).

Глагол *иметь* выполняет функцию установления логической связи между субъектом и его качеством, выражая идею значимости или целенаправленности действия. В данном контексте его основная задача – подчеркнуть значимость поступков героя в рамках контекста высказывания. Глагол в этом случае несёт оттенок субъективной оценки, поскольку понятие *смысл* является интерпретативным. Это подчёркивает личностное восприятие героя, показывая, что его действия осмыслены только в связи с адресатом речи (Саша). Фраза *иметь смысл* в языке часто функционирует как устойчивое выражение. Однако в данном контексте глагол всё же проявляет свойства связки, поскольку устанавливает предикативное отношение между подлежащим и его характеристикой, схожее с конструкцией «быть осмысленным».

18. *У нас тут хорошие новости. Ведь и здесь бывают хорошие новости! Представляешь, дипломатические миссии в Пекине ещё держатся!* (с. 241).

Глагол *бывают* в русском языке часто используется в экзистенциальных конструкциях, где он не просто обозначает наличие чего-либо, но и подчёркивает повторяемость, регулярность или возможность существования. Здесь этот глагол указывает на возможность положительных событий в данной ситуации, и выполняет функцию утверждения наличия и возможного возникновения определённого состояния. Он придаёт высказыванию экспрессивный оттенок, так как говорящий пытается убедить собеседника в том, что даже в сложных обстоятельствах иногда случаются хорошие новости. Контекст показывает, что предложение имеет риторический характер, призванный придать надежду. Употребление *ведь и здесь бывают хорошие новости!* имплицитно предполагает, что хорошие новости в этом месте или ситуации скорее редкость, но всё же они возможны. В отличие от глагола *быть*, который просто фиксирует наличие объекта или состояния, *бывают* добавляет к высказыванию идею периодичности, случайности или гипотетичности.

19. *На верхней губе появилось раздражение, но он и так давно перестал её целовать* (с. 209).

Глагол *появилось* обозначает возникновение нового состояния субъекта (раздражение) и указывает на изменение его онтологического статуса – переход из состояния отсутствия в состояние существования. Этот глагол имеет значение фазовости, так как указывает на момент появления объекта или состояния. Однако здесь утрачивает свою процессуальную динамичность, смещаясь в область фиксации результата (самого факта существования раздражения). Этот нюанс придаёт высказыванию ретроспективный характер, поскольку говорящий фиксирует появление нового объекта в прошлом, что делает этот глагол особенно значимым в описаниях состояний и изменений в художественном тексте. Глагол выполняет информативную функцию, сообщая читателю о новом состоянии субъекта. Связь между первой и второй частями предложения (контраст между наличием раздражения и отсутствием контакта губ) создаёт имплицитное значение – появление раздражения может восприниматься как

неожиданное или даже необъяснимое событие, что подчёркивает эмоциональное восприятие героя.

20. *А вот интересный случай. Та девочка, о которой мы говорили. После травмы находится в коме вот уже...* (с. 236).

Глагол *находится* в этом контексте является ключевым элементом, который связывает подлежащее *девочка* с её состоянием – в коме. Глагол выполняет важную коммуникативную роль, поскольку, сообщая о действии, передаёт информацию о состоянии девочки, которое стало результатом травмы. Использование этого глагола помогает усилить восприятие события как факта, так как он фиксирует текущую реальность. Глагол акцентирует внимание на факте её существования в этом болезненном состоянии, подчёркивая трагичность и неизбежность ситуации. Кроме того, его употребление связывает восприятие этого состояния с явлением комы как чем-то, что лежит вне контроля. В отличие от более активных глаголов, этот глагол не выражает возможности изменения состояния или выбора, он указывает на фактическое существование этого состояния в текущий момент. Также играет роль в формировании эмоционального тона высказывания. Его использование вызывает у читателя/слушателя ассоциации с тяжёлым состоянием девочки, и создаёт у аудитории эмоциональную реакцию – сочувствие, тревогу или печаль.

21. *Теперь опишу тебе, что вокруг. С южной стороны виднеются развалины китайских деревень. Жители разбежались, и среди обгорелых стен бродят свиньи и собаки, на которых иногда охотятся наши солдаты* (с. 138).

Глагол *виднеются* в данном высказывании выполняет функцию бытийного глагола, поскольку выражает фиксацию существования объектов через их видимость. В предложении *с южной стороны виднеются развалины китайских деревень* указывает на наличие объектов (развалины) в определённом пространстве, передавая их воспринимаемость в визуальном поле наблюдателя. Он обладает чертами модального значения, поскольку содержит элемент субъективного восприятия: объекты *виднеются*, то есть проявляются в зрительном поле. Это отличает его от типичных бытийных глаголов, таких как *быть* или *находиться*, *виднеться* имеет перцептивную окраску. Кроме того, *виднеться* в контексте высказывания не передаёт активного действия или перемещения, а выражает состояние, что сближает его с другими глаголами, выполняющими релятивную функцию связки. Он не сообщает о динамическом появлении объекта, а лишь утверждает его наличие в границах зрительного восприятия.

Заключение. Анализ связочных глаголов в тексте «Письмовника» показал, что они играют центральную роль в передаче авторской интенции, обеспечивая точную и многогранную динамику состояний и характеристик персонажей. Эти глаголы не только структурируют предикативные конструкции, также добавляют глубокие смысловые и эмоциональные оттенки, отражая процессы изменений, формирования новых качеств и состояний героев, а также их восприятие мира и внутреннюю трансформацию. Это придаёт художественному высказыванию большую выразительность и насыщенность. Каждая связка предопределяет предикат, наделяя его определённым признаком, и выбор падежной формы предикативной части играет в этом ключевую роль. Формы именительного и творительного падежей наиболее продуктивны, поскольку активно влияют на структуру предикативных отношений. Творительный падеж указывает на динамику изменений, фиксируя процесс превращения одного состояния в другое, в то время как именительный падеж закрепляет устойчивые характеристики субъекта, передавая его постоянные качества или объективные признаки. Это исследование

позволяет понять, как связка не только соединяет компоненты предложения, но и играет важную роль в формировании сложных смысловых и временных отношений в тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова М.Л. Проблема связки как организующего элемента предложения / М.Л. Александрова // Вестник Московской международной академии. – 2012. – № 1. – С. 7–9.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка : монография / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
4. Васильева С.А. Полнозначная связка как компонент составного именного сказуемого в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / С.А. Васильева. – Ставрополь, 1999. – 165 с.
5. Виноградов В.В. Язык художественного произведения / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 3–26.
6. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М., 1972. – 640 с.
7. Герасименко Н.А. Бисубстантивный тип русского предложения / Н.А. Герасименко. – М., 1999. – 136 с.
8. Герасименко Н.А. Классификация двусоставного предложения / Н.А. Герасименко // Проблемы современной русистики: язык, культура, фольклор: материалы Всерос. науч. конф. 16–18 сентября 2004 г.: сб. статей. – Арзамас, 2004. – С. 15–21.
9. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование: монография / Н.А. Герасименко. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 292 с.
10. Канафьева А.В. Риторическое высказывание как содержательно-концептуальная единица художественного текста / А.В. Канафьева // Рациональное и эмоциональное в русском языке: междунар. сб. науч. трудов. – М.: МГОУ, 2012. – С. 217–223.
11. Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике / А.М. Кузнецов. – М., 1980. – 160 с.
12. Лекант П.А. Функции связок в русском языке / П.А. Лекант // Русский язык в школе. – 1995. – № 3. – С. 91–95.
13. Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка / П.А. Лекант. – М., 2002. – 312 с.
14. Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т.П. Ломтев. – М.: Учпедгиз, 1958. – 166 с.
15. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.
16. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 351 с.
17. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М., 1956. – 511 с.
18. Попова Л.В. К вопросу о тождестве предложений с именным сказуемым / Л.В. Попова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 1. – С. 108–112.
19. Попова Л.В. Позиция связки в структуре предложения / Л.В. Попова // Вестник ННГУ. – 2011. – № 6-2. – С. 531–535.
20. Чеснокова Л.Д. Конструкции с творительным предикативным или его эквивалентами в системе членов предложения: дис. ... д-ра филол. наук / Л.Д. Чеснокова. – Таганрог, 1973. – 415 с.
21. Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык» / Т.В. Шмелёва. – Красноярск: КГУ, 1988. – 95 с.
22. Юрченко В.С. Простое предложение в современном русском языке (двусоставное именное, составное глагольное, односоставное именное) / В.С. Юрченко. – Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1972. – 275 с.
23. Юрченко В.С. Глагольное и именное сказуемое, их функции и соотношение (Проблемы учебника русского языка как иностранного: синтаксис) / В.С. Юрченко. – М., 1980. – 200 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

24. Шишкин М. Письмовник: роман / М. Шишкин. – М.: Изд-во АСТ, редакция Елены Шубиной, 2022. – 380 с.

REFERENCES

1. Aleksandrova M.L. (2012). Problema svyazki kak organizuiushchego elementa predlozheniia [The Problem of the Copula as an Organizing Element of the Sentence]. *Vestnik Moskovskoi mezhdunarodnoi akademii*, 1, 7–9 (In Russian).
2. Arutiunova N.D. (1999). *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury (In Russian).
3. Bally Ch. (1955). *Obshchaia lingvistika i voprosy frantsuzskogo iazyka* [General Linguistics and Issues of the French Language]. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury (In Russian).
4. Vasil'eva S.A. (1999). *Polnoznachnaia svyazka kak komponent sostavnogo imennogo skazuemogo v sovremennom russkom iazyke* [The Full-Meaning Copula as a Component of the Compound Nominal Predicate in Modern Russian] (Candidate's dissertation). Stavropol (In Russian).
5. Vinogradov V.V. (1954). *Iazyk khudozhestvennogo proizvedeniia* [The Language of Literary Work]. *Voprosy iazykoznanii*, 5, 3–26 (In Russian).
6. Vinogradov V.V. (1972). *Russkii iazyk: grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian Language: Grammatical Study of the Word]. Moscow (In Russian).
7. Gerasimenko N.A. (1999). *Bisubstantivnyi tip russkogo predlozheniia* [The Bisubstantive Type of Russian Sentence]. Moscow (In Russian).
8. Gerasimenko N.A. (2004). *Klassifikatsiia dvusostavnogo predlozheniia* [Classification of the Two-Part Sentence]. In *Problemy sovremennoi rusistiki: iazyk, kul'tura, fol'klor: materialy Vseros. nauch. konf. 16–18 sentiabria 2004 g.: sb. statei* (pp. 15–21). Arzamas (In Russian).
9. Gerasimenko N.A. (2012). *Bisubstantivnye predlozheniia v russkom iazyke: struktura, semantika, funktsionirovanie* [Bisubstantive Sentences in the Russian Language: Structure, Semantics, Functioning]. Moscow: Izd-vo MGOU (In Russian).
10. Kanaf'eva A.V. (2012). *Ritoricheskoe vyskazyvanie kak sodержatel'no-kontseptual'naia edinita khudozhestvennogo teksta* [The Rhetorical Utterance as a Content-Conceptual Unit of the Literary Text]. In *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom iazyke: mezhdunar. sb. nauch. trudov* (pp. 217–223). Moscow: MGOU (In Russian).
11. Kuznetsov A.M. (1980). *Strukturno-semanticheskie parametry v leksike* [Structural-Semantic Parameters in the Lexicon]. Moscow (In Russian).
12. Lekant P.A. (1995). *Funktsii svyazok v russkom iazyke* [Functions of Copulas in Russian]. *Russkii iazyk v shkole*, 3, 91–95 (In Russian).
13. Lekant P.A. (2002). *Ocherki po grammatike russkogo iazyka* [Essays on the Grammar of the Russian Language]. Moscow (In Russian).
14. Lomtev T.P. (1958). *Osnovy sintaksisa sovremennogo russkogo iazyka* [Fundamentals of the Syntax of Modern Russian]. Moscow: Uchpedgiz (In Russian).
15. Meshchaninov I.I. (1978). *Chleny predlozheniia i chasti rechi* [Sentence Members and Parts of Speech]. Leningrad: Nauka. (In Russian).
16. Paducheva E.V. (1996). *Semanticheskie issledovaniia (Semantika vremeni i vida v russkom iazyke; semantika narrativa)* [Semantic Studies (Semantics of Tense and Aspect in Russian; Semantics of Narrative)]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury (In Russian).
17. Peshkovskii A.M. (1956). *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Perspective]. Moscow (In Russian).
18. Popova L.V. (2009). *K voprosu o tozhdestve predlozhenii s imennym skazuemym* [On the Identity of Sentences with a Nominal Predicate]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 1, 108–112 (In Russian).
19. Popova L.V. (2011). *Pozitsiia svyazki v strukture predlozheniia* [The Position of the Copula in Sentence Structure]. *Vestnik NNGU*, 6-2, 531–535 (In Russian).
20. Chesnokova L.D. (1973). *Konstruktsii s tvoritel'nyim predikativnym ili ego ekvivalentami v sisteme chlenov predlozheniia* [Constructions with Instrumental Predicative or Its Equivalents in the System of Sentence Members] (Doctoral dissertation). Taganrog (In Russian).
21. Shmeleva T.V. (1988). *Semanticheskii sintaksis: tekst lektsii iz kursa «Sovremennyi russkii iazyk»* [Semantic Syntax: Lecture Notes from the Course "Modern Russian Language"]. Krasnoarsk: KGU (In Russian).
22. Yurchenko V.S. (1972). *Prostoe predlozhenie v sovremennom russkom iazyke (dvusostavnoe imennoe, sostavnoe glagol'noe, odnosostavnoe imennoe)* [The Simple Sentence in Modern Russian (Two-Part Nominal, Compound Verbal, One-Part Nominal)]. Saratov: Privolzhskoe kn. izd-vo (In Russian).
23. Yurchenko V.S. (1980). *Glagol'noe i imennoe skazuemoe, ikh funktsii i sootnoshenie (Problemy uchebnika russkogo iazyka kak inostrannogo: sintaksis)* [Verbal and Nominal Predicates, Their Functions and Relations (Problems of the Russian Language Textbook for Foreigners: Syntax)]. Moscow (In Russian).

Поступила в редакцию 27.04.2025 г.

**ROLE OF LINKING VERBS IN LITERARY TEXT
(ON MATERIAL OF NOVEL "PISMOVNIK" BY M. SHISHKIN)**

D. Arican

The article deals with the study of the role of linking verbs in the fiction text on the material of the novel "Pismovnik" by M. Shishkin. The paper considers how linking verbs not only fulfil syntactic function, but also become an important tool for conveying the author's vision, expressing the emotional state and perception of the characters' world. A special attention is paid to the communicative aspect of the use of linking verbs, as they help to establish logical and semantic links between the components of the statement, reveal the inner world of the characters, and create a multi-layered atmosphere of the text. In the epistolary novel, where direct interaction between characters is impossible, it is the language of writing and the choice of linking verbs that become the key elements for the formation of temporal and semantic relations. Linking verbs help to form a complex rhema - the core of the utterance, which specifies the subject's state and his/her attitude to characteristics or events. The study of these linguistic means reveals the way the author creates a special artistic reality through their use, conveying both static characteristics of the characters and the dynamics of their changes, which reveals the characters' individual perception of reality.

Keywords: linking verbs, copula, types of links, nominal predicate, structure, semantics, artistic text, M. Shishkin.

Арыджан Дерья.

Санкт-Петербургский государственный
университет, г. Санкт-Петербург, Российская
Федерация.

Аспирант кафедры русского языка.

ORCID 0009-0008-5093-9330.

E-mail: deryaarican962@gmail.com.

Arican Derya.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg,
Russian Federation.

Post-graduate student of Russian Language
Department.

ORCID 0009-0008-5093-9330.

E-mail: deryaarican962@gmail.com.

Научная статья
УДК 811.161.1+81`36
DOI: 10.5281/zenodo.15808318

МЕСТОИМЕННОЕ НАРЕЧИЕ *НЕГДЕ* В РУССКИХ ТЕКСТАХ XVII–XVIII ВВ.

© 2025 С.А. Ганиев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID: 0009-0004-1561-6067

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена исследованию особенностей употребления местоименного наречия *негде* в русских текстах XVII–XVIII вв. Материалом исследования послужили тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), и данные исторических словарей. В рассматриваемый период *негде*, помимо отрицательного значения, могло еще иметь значение неопределенности. Употребляясь в качестве неопределенного местоименного наречия, *негде* было способно выражать обширный набор частных значений ('где-то', 'где-нибудь', 'когда-то', 'куда-то'). В соответствии с материалами Словаря русского языка XI–XVII вв., местоимение, которое орфографически выступало в виде *негде*, могло использоваться в двух основных функциях: в качестве отрицательного наречия в структуре $\text{Прон}_{\text{neg}} \text{Inf}$ (с инфинитивом – *негде спать*) и как форма отрицания, аналогичная современному отрицательному наречию *нигде*. Делается вывод, что в текстах XVII–XVIII вв. орфографическое *негде* в отрицательном значении ('нигде'), вопреки мнению авторов Словаря русского языка XI–XVII вв., функционировало не как отдельная лексическая единица, а представляло собой орфографический вариант отрицательного наречия *нигде* (с ударением на конечном гласном).

Ключевые слова: история русского языка, Национальный корпус русского языка, неопределенные местоименные наречия, отрицательные местоименные наречия, семантика.

Для цитирования: Ганиев С.А. Местоименное наречие *негде* в русских текстах XVII–XVIII вв. / С.А. Ганиев // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 127–135. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15808318>.

Введение. Местоименные слова³ на *не-* в русском языке XVII–XVIII вв. могли выражать как отрицательное, так и значение неопределенности. В эту группу местоименных слов входили такие слова, как *негде*, *нѣгде*, *некогда*, *нѣкогда*, *некто*, *нѣкто*, *нечто*, *нѣчто* и др. В нашей работе мы рассмотрим одно из таких слов – местоименное наречие *негде*.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью функционирования местоименного наречия *негде* в русском языке XVII–XVIII вв.

Новизна исследования заключается в выявлении значений и функций наречия *негде* на корпусном материале, а также в сопоставлении лексикографических описаний с реальным употреблением в текстах.

³ В современной русистике к местоимениям принято относить только имена: существительные, прилагательные и числительные. Местоименные же слова – более широкий лексико-семантический класс, куда, помимо собственно местоимений, входят и местоименные наречия. Надо сказать, что иногда в расширительном смысле все местоименные слова называются местоимениями [13, с. 294].

Цель исследования состоит в выявлении особенностей функционирования местоименного наречия *негде* в русских текстах XVII–XVIII вв., представленных в НКРЯ.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

– рассмотреть описание местоименного наречия *негде* в лексикографических источниках и грамматиках;

– выявить набор значений *негде* в русских текстах XVII–XVIII вв., представленных в НКРЯ;

– установить, действительно ли *негде* в значении ‘нигде’ существовало как отдельная единица или выступало в качестве орфографического варианта отрицательного местоименного наречия *нигде*.

Источником материала послужили старорусский и панхронический подкорпусы НКРЯ, а также данные исторических словарей. В исследовании использовался комплексный подход, включающий лексикографический анализ, корпусный метод и семантическое описание.

В современном русском языке *негде* – отрицательное местоименное наречие. В «Русской грамматике» [11, с. 702] среди групп местоименных наречий отмечаются следующие: *где-то, откуда-то, куда-либо, как-нибудь, где-нибудь, куда-нибудь, когда-нибудь, кое-как, кое-где, кое-куда, кое-когда* (неопределенные); *нигде, никуда, никогда, низачем, никак, негде, некуда, некогда, незачем, неоткуда* (отрицательные). Таким образом, в современном русском языке для наречия *негде* значение неопределенности, согласно этому источнику, невозможно.

В Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой [16, с. 431] предлагаются такие значения местоименного наречия *негде*: *Негде*, наречие. Употребляется с неопределенной формой глагола. ‘Нет места (где можно сделать что-либо или поместиться, расположиться кому-либо, чему-либо)’. 2. Употребляется с неопределенной формой глагола. ‘Нет места, источника (откуда можно добыть, получить что-либо.)’, *неоткуда*. 3. Устарелое. ‘Где-то, в каком-то месте’.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова [15, с. 403] находим только одно значение: *Негде*, в значении сказуемого. Употребляется с неопределенной формой глагола. ‘Нет места (где можно было бы осуществить что-нибудь)’.

Как видно, в одном из словарей современного русского языка значение неопределенности хотя и отмечается, но указывается как устаревшее, а в другом словаре не отмечается вовсе.

Основная часть. Отрицательное *негде*, согласно Е.В. Падучевой, является предикативным местоимением [9]. Отличие предикативных местоимений на *не*⁴ от отрицательных местоимений на *ни* состоит в том, что первые формируют законченное предложение, тогда как вторые – именную группу [10]. Предикативное местоимение *негде*, как отмечается в «Русской грамматике» [11, с. 346], участвует в формировании структурной схемы предложения $\text{Pron}_{\text{neg}} \text{Inf}$. Семантику этой схемы можно охарактеризовать так: «неосуществление чего-либо, обусловленное отсутствием субъекта, объекта или необходимых для осуществления обстоятельств» [11, с. 347]. Так, в конструкции *Негде спать* отсутствует необходимое для осуществления действия обстоятельство – место (ср. ‘нет какого-либо места, где можно спать’).

В исторических словарях у *негде*, помимо отрицательного значения, отмечается еще значение неопределенности.

⁴ Следует сказать, что не все местоименные слова на *не* относятся к предикативным. Так, местоимения *некто, некий, некоторый* и др., выражающие значение слабой определенности, не являются предикативными [9].

Негдѣ (*Негде*), отрицательное наречие. Употребляется без второго отрицания. 1. 'Нигде не'. 2. 'Никуда не'.

Нѣгдѣ (*Нѣкъде*, *Нѣкде*, *Негдѣ*), неопределенное наречие 1. 'Где-то, где-нибудь, в некотором месте'. 2. 'Куда-то, куда-нибудь'.

Нѣгдѣ (*Нѣгде*, *Негдѣ*), употребляется в составе сказуемого. 'Негде (об отсутствии места, на котором могло бы осуществиться действие)' [17, с. 63].

Как видно, неопределенное и отрицательное *негде* в этом словаре подаются в трех отдельных статьях. Заметим, что отрицательное *негде* в первой статье не является предикативным – здесь оно толкуется как 'нигде' и 'никуда'. Предикативным же, согласно данным этого словаря, является *негде* в третьей статье, которое, подобно современному *негде*, выражает семантику отсутствия места, где бы можно было осуществить какое-либо действие.

Приведем из словаря примеры, иллюстрирующие употребление этого слова во всех трех значениях: *Вижу, а негде читаю, что богъ намъ власть подаль другъ друга осудить* (Lud., 87. 1696).

В этом примере отрицательное *негде*, употребленное без второго отрицания, является отрицательным местоименным наречием *нигдѣ*, а не предикативным местоимением *нѣгде* (с которым оно в условиях утраты фонемы *ять* и развития *иканья* в XVII в. начинает совпадать на письме, но продолжает различаться акцентологически⁵), формирующее с инфинитивом структурную схему *Prop_{neg} Inf.*: ср. *нѣгде читать*, но *негдѣ не читаю*.

И они [китайские дѣяки] говорили, что поминки дѣло небольшое, надобно прежде о грамоте совершить, а поминки негдѣ дѣнута.

В этом контексте *негде* (без второго отрицания) также является отрицательным местоименным наречием *нигдѣ*, однако здесь оно выступает в значении 'никуда' (ср. *поминки куда не денутся*). Кроме того, надо сказать, что непредикативное отрицательное местоименное наречие *негде* в этом словаре отождествляется с отрицательным местоименным наречием *нигде* – в конце словарной статьи предлагается их сравнить.

Примечательно, что в статье *Не-* отмечается, что «в отрицательных местоимениях и наречиях – в текстах, имеющих аналогии в народном языке нового времени – приставка *не-* выступает на месте приставки *ни-* (господствующей в книжном языке)» [17, с. 9]. Это утверждение в словаре иллюстрируется такими примерами: *некто толкалъ, негдѣ дѣнута* (без второго отрицания); *некогда не...* (со вторым отрицанием) [17, с. 9].

Следовательно, можно предположить, что непредикативное отрицательное местоименное наречие *негде*, строго говоря, не представляет собой самостоятельную лексему, а является орфографическим вариантом отрицательного местоименного наречия *нигде*⁶.

Кроме того, в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля [12, с. 560] в примере, иллюстрирующем употребление *нигде*, в скобках со знаком вопроса указывается вариант написания с *не-*: *Богъ не дастъ, нигде не возьмешь, или нигде (негдѣ?) возьмешь*.

Заметим, что указывается также вариант употребления *нигде* (*негде*) без отрицания *не* – в качестве единственного отрицания, что, согласно Словарю русского языка XI–XVII вв. [17, с. 355], вполне правомерно.

⁵ В древнерусском языке префикс *нѣ-*, от которого образовывались неопределенные местоимения и наречия, в т. ч. в *нѣгде*, всегда был ударным, в отличие от отрицательного *ни-* в *нигдѣ* (см. [2, с. 145–146; 1, с. 33]).

⁶ По-видимому, вариативность *нигде/негде* в отрицательном значении является результатом *иканья* – /e/ > /i/ в безударной позиции.

Однако в Словаре русского языка XVIII в. [18, с. 152] все значения *негде* даются в одной статье, причем у отрицательного *негде* отмечается лишь значение ‘нет места’; в числе же неопределенных, помимо пространственного, указывается еще временное значение: *Нѣгдѣ* (*не-*, также дефис и раздельно), наречие. 1. Употребляется с инфинитивом. ‘Нет места (где можно сделать что-либо, откуда можно взять, достать и т. п. что-либо)’. 2. ‘Где-то; в неизвестном месте’. 3. ‘Когда-то, некогда, в неопределенное время’.

Таким образом, согласно данным этого словаря, отрицательное *негде* может выступать только в предикативном употреблении с инфинитивом, а не в значении ‘нигде’, ‘никуда’.

Сопоставляя описания, с одной стороны, Словаря русского языка XI–XVII вв. [17], где представлено три отдельные статьи наречий *негде/нѣгде*⁷, с другой стороны, Словаря русского языка XVIII в. [18] и современных словарей, где дается лишь одно наречие с отрицательным значением и значением неопределенности, можно сделать предположение, что местоименные наречия *негде* и *нѣгде*, исторически представлявшие собой два независимых слова со своим значением каждое, в XVIII в. могли уже начать объединяться в сознании носителей языка в одно многозначное слово. Если это действительно было так, то дальнейшее развитие состояло в том, что одно из значений, а именно отрицательное, постепенно стало вытеснять второе, то есть значение неопределенности; в настоящее время этот процесс еще не закончен (ср. выделяемое в Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой устар. *негде* ‘где-то, в каком-то месте’ [16, с. 431]), но тенденция к устранению значения неопределенности совершенно очевидна.

Неопределенное *негде*, согласно историческим словарям, помимо значения ‘где-то’, могло еще иметь значения ‘где-нибудь’, ‘куда-то’, ‘куда-нибудь’, а также ‘когда-то’, ‘некогда’. Прежде чем обратиться к корпусному материалу, остановимся коротко на семантических различиях между современными местоименными словами на *-то*⁸, *-нибудь*, *не-*.

Согласно Е.В. Падучевой, *где-то*, *куда-то*, *когда-то* являются местоимениями неизвестности [7]. Семантику *где-то* она характеризует как ‘в неизвестном месте’: *Беженцев где-то сортируют и селят. Надо узнать – где* (В. Токарева. Своя правда, 2002 г.), замечая при этом, что «в контекстах снятой утвердительности⁹, в частности в модальных, неизвестность пропадает»: *Мы уважили вас, прорубили отдельный ход, но нам же нужна кухня, нам же надо питаться где-то*. (В. Астафьев. Пролетный гусь, 2000 г.) [7]. Кроме того, *где-то* может иметь фразеологизованное употребление – ‘приблизительно’: *Где-то около двух часов ночи грянула дверь* (В. Токарева. Своя правда, 2002 г.) [7].

Семантика *куда-то* характеризуется таким образом: ‘говорящему неизвестно, куда’; ‘в неизвестное место’: *Она готова схватить меня за руку и куда-то вести...* («Знание – сила», 2003 г.) [7].

Что же касается *когда-то*, то оно может выражать такие значения: 1. ‘давно’, ‘в неопределенное время в прошлом’: *Там когда-то жила семья дровосека* (С. Седов. Доброе сердце Робина, 2002 г.); 2. ‘неизвестно, когда, в будущем’: *Когда-то еще наступит вечер!* (А. Грин. Бегущая по волнам, 1926 г.) [7]. Относительно употребления

⁷ В XVII в. эта вариантность в орфографии связана с изменением /ѣ/ в /е/ уже и в ударной позиции [3, с. 127].

⁸ Местоименные слова на *-то* имеют конкретную референцию, а местоименные слова на *-нибудь* являются нереферентными экзистенциональными (подробнее см. [6, с. 210–219]).

⁹ Под неутвердительностью (она же «снятая утвердительность») понимается ситуация, когда говорящий не несет ответственности за истинность пропозиции, «т.е. не утверждает ее как истинную, а также не предполагает в виде презумпции или следствия» [5]. Более подробно об этих контекстах см. [10].

когда-то во втором значении Е.В. Падучева, ссылаясь на данные НКРЯ, пишет, что в XIX в. оно «было распространено больше, чем сейчас» [7], что оправдывает пометы *устар.* и *редк.* у этого местоименного наречия в словарях современного русского языка.

Рассматривая *некогда* в рамках слабоопределенных местоименных слов, Е.В. Падучева отмечает при этом близость его значения значению *когда-то*: ср. *Я узнал только, что он некогда был кучером у старой бездетной барыни* (И. Тургенев. Певцы, 1850 г.) [4]. Однако вместе с тем она оговаривает, что *некогда* «чрезвычайно чутко к коммуникативной структуре» [4], тогда как *когда-то* может употребляться в любой. Так, нельзя употребить *некогда* вместо *когда-то*: при противопоставлении (типа *когда-то был, сейчас нет*): – *Ты врач?* – *Когда-то был врач, – сказал он* (Т. Устинова. Подруга особого назначения, 2003 г.); при нестандартной коммуникативной структуре: *У меня их <монет> полный ящик* ¹⁰ *когда-то был* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей, 1964 г.); если фразовое ударение на глаголе или на *когда-то*: *Артем огляделся. Без сомнения, он здесь когда-то был* (М. Милованов. Естественный отбор, 2000 г.). – *Чего уж отстаивать свободу, это когда-то в ней видели закон и разум развития. А теперь, – говорит, – ясно: вообще исторического развития нет <...>* (В. Гроссман. Все течет, 1955–1963 гг.). Кроме того, следует сказать, что, в отличие от *когда-то*, *некогда* «принадлежит к некоему торжественному стилю» [4] и потому неуместно, например, в следующем случае: – *Я когда-то был вором, – сказал Витек. – Но теперь все смешалось, и я отошел* (А. Жигулин. Черные камни, 1988 г.).

Местоименные же наречия *куда-нибудь* и *где-нибудь*, имеющие значения ‘в каком-либо месте, в каком-либо направлении, безразлично куда’ [16, с. 145], ‘в каком-нибудь месте’ [16, с. 303] соответственно, выражают экзистенциальную квантификацию и употребляется только в контексте «снятой утвердительности», а именно в дистрибутивном или в контексте ирреальности (т.е. вопроса, будущего времени, императива, сослагательного наклонения, модальности и т.п.) [8, с. 23]: ср. *Ты куда-нибудь поедешь? Ты где-нибудь видел такое?* (вопрос), но **Я куда-нибудь поехал. *Я где-нибудь видел такое* (утвердительный контекст). Кроме того, слова с формантом *-нибудь* недопустимы в контексте фактивного и имплицативного подчиняющего предиката – в случае, «когда говорящий хоть и не утверждает подчиненную пропозицию, но несет ответственность за ее истинность» [8, с. 23]: ср. **Хорошо, что он куда-нибудь поехал. *Хорошо, что он где-нибудь видел такое; *Ему куда-нибудь удалось поехать. *Ему где-нибудь удалось найти мой номер.*

В НКРЯ неопределенное *негде* в текстах XVII в. представлено следующими значениями.

1. ‘где-то’:

Аще о немъ иже бесчестнѣ нѣкое въ сложеніи семъ рекохомъ нѣгдѣ, отъ дѣль его творимо имѣ что безмѣстно, но тамо вправду неподобное того единого извѣщано, здѣже въ рѣсноту подобно жалостное словесы и положити о томъ же (Иван Тимофеев. Временник, 1610–1617 гг.);

И обрѣтохся нѣгдѣ, яко на зеленѣ травѣ стою, а тѣло свое зрю на земли лежащее пред собою (Повесть Никодима типикариса соловецкого о некоем иноке, середина XVII в.);

И повелѣ ю заточити в мѣсто бѣдно и горко, едва челоуѣки наслѣдимо, — в Бѣлоезерскихъ предѣлахъ нѣгдѣ малъ монастырь, нарицаемъ Николае Чюдотворецѣ на Выксы (Житие царевича Димитрия Угличского, 1645–1655 гг.)

Два пустынника нѣгде жили — единъ глух, но зрячь, другий слѣпъ, но слышитъ (Повесть о португальскомъ посольстве; конец XVII – начало XVIII в.).

¹⁰ С помощью «\» обозначается обычный понижающийся тон, ИК-1.

Интересно, что подобные контексты позволяют дать и другой современный аналог такому *негде* – в одном месте (имея в виду *один*¹¹ в неопределенном, а не количественном, значении, ср. ‘в одном месте жили два пустытника’).

2. ‘где-нибудь’:

Аще негде мужественно и христианское воинство отпор им давали и воинство их побеждали (А. Лызлов. Скифская история, 1692 г.).

3. ‘куда-то’:

Они же сказали, яко нѣгде поиде прохладжати по винограду (Повесть об астрологе Мустаеддыне, 1670 г.).

Отрицательное *негде* в подкорпусе XVII в. представлено значением ‘нет места’ и ‘неоткуда’:

И въ тѣхъ де церквахъ никакого церковнаго строенья нѣтъ; а которые де были иконы, и тѣ обѣщали и храмъ Рожества пречистыя Богородицы малъ, ставленъ обыденъ, и тутъ де служивымъ людемъ и крестьяномъ вмѣститись нѣгдѣ (Царская грамота тюменскому воеводе князю Луке Щербатову о строении храма в Тюмени, 1600 г.);

А желѣзное дѣло тѣмъ кузнецомъ велѣно дѣлать на Неглимнѣ въ кузнецѣхъ; и тѣ де кузницы на Неглимнѣ обѣзжей голова Михайло Елизаровъ запечаталъ, и кузнецомъ де желѣзного дѣла дѣлати негдѣ (Записная книга Московского стола, 1626–1627 гг.)

Да какъ нынѣ поѣхалъ въ Воскресенской монастырь съ рыбой, и велѣлъ съ насъ собрать ржи 20 четвериковъ, а намъ нынѣ тое ржи взять негдѣ, всѣ оскудали (Розыск про налоги и обиды, причиненные монастырским крестьянам, 1662 г.);

А Иван Приклонской ко мне присылал д(е)н(е)г просит(ь), а мне д(е)н(е)г взят(ь) негде (Грамотка А. В. Безобразовой в г. Боровск, 1687 г.);

А дрова в Риме купят дорого, для того что возят дрова в Рим из далних мест, а в ближних от Риму дров взять негде, потому что лесов никаких нет, а которые и есть не во многих местех, и те мелкие (Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе. 1697–1699 г.).

В следующих же контекстах *негде* является орфографическим вариантом отрицательного местоименного наречие *нигде* (ср. *негде не бывал* – ‘нигде не бывал’; *негде нечево не потерял* – ‘нигде ничего не потерял’):

А в ъзмене негде не бывал, тушенскому вору, и калускому, и псковскому, и иным вором креста не целовал (Сказки нижегородских дворян о службе в 1606–10 гг., 1628 г.);

А по се число, г(о)с(у)д(а)рь Ондреи Ил(ь)ич, я холоп твои во всех твоих вотчинах негде нечево не потерял, везде, г(о)с(у)д(а)рь, прибавлевал, в твоих вотчинах не розорял (Грамотка приказчика М. Дмитриева и старосты Д. Власова из д. Завалова, 1680 г.).

Таким образом, в памятниках русской письменности XVII–XVIII вв. *негде* встречается не только в отрицательном значении (‘нет места’, ‘неоткуда’), но и в значении неопределённости, соотносимом с современными наречиями *где-то*, *где-нибудь*, *куда-то*. Кроме того, в корпусных данных фиксируется также употребление *негде* в значении ‘нигде’, что, судя по контекстам, представляет собой не самостоятельную лексическую единицу, а орфографический вариант местоименного наречия *нигде*. Указанный факт, по-видимому, требует уточнения или корректировки соответствующих словарных статей в Словаре русского языка XI–XVII вв. [17] где *негде* трактуется как отдельное отрицательное местоименное наречие.

В XVIII в. неопределенное *негде* представлено следующими значениями.

1. ‘где-то’:

¹¹ Такое *один* употребляется в случае, если говорящий не хочет уточнять, о чем именно идет речь.

*Псаломник **негде** глаголет: Исповемся тебе в гуслех Божие, Божие мой, в Псалтири десятиструннем пою тебе* (Псал. 44) (митрополит Стефан (Яворский). Проповеди, 1700–1722 гг.)

***Негде** по случаю найденый (яко же выше помянуто) малый, ветхий, презренный боти* (архиепископ Феофан (Прокопович). Слово похвальное о флоте российском и о победе, галерами российскими над кораблями шведскими июля 27 дня полученной, 1720 г.);

*Того ж году великое было рек разлитие, многие дома сломало и жита с поль унесло, понеже снега были великие и лежали **негде** до маиа* (В. Н. Татищев. История российская в семи томах. Том второй, 1750 г.).

В приведенном примере *негде*, безусловно, передает значение неопределенности, но весьма вероятно, что это значение несколько отличается от того, которое выражается в рассмотренных выше случаях: возможно, что *негде* имеет здесь не значение ‘где-то’ (‘в каком-то месте’), а значение ‘приблизительно’ (подобно тому, как в современном языке неопределенное наречие *где-то*, как уже говорилось, может иметь фразеологизованное употребление – ‘приблизительно’; ср. *Снег лежал где-то до середины апреля*). Однако точно определить, какое из двух указанных значений имеется здесь в виду, на наш взгляд, невозможно, так как данный контекст допускает оба осмысления: ‘Снега лежали в некоторых местах до мая’ / ‘Снега лежали примерно до мая’.

*Также и Блаженный Августин написанное **негде** оставил: «Первые пииты теологами названы, для того что они многое о бессмертном боге воспевали»* (В.К. Тредиаковский. Мнение о начале поэзии и стихов вообще, 1752 г.).

*Правда, случилось мне **негде** читать, что новыми путешественниками на некоторых островах найдены были такие малые народы, которые никакого понятия ни о каком законе не имеют* (М.М. Щербатов. Разговор о бессмертии души, 1788 г.).

2. Кроме того, в материале НКРЯ фиксируется и утраченное в современном языке *негде* в значениях ‘когда-то’ / ‘однажды’:

*Сей град Прилуки **негде** был на Волини, а не тот, что в Малой Руси* (В.Н. Татищев, История российская в семи томах. Том второй, 1750 г.);

***Негде** был я у глупца, тебе можно ведать, нечаянно удержал у себя обедать* (А.Д. Кантемир. Сатира третья, 1727–1729 гг.).

Отрицательное *негде* в подкорпусе XVIII в. представлено значением ‘неоткуда’ и ‘нет места’:

*Умливитеся гсдри Анисимъ Ивановичъ и Парасковья Ивановна пожалуйте насъ сиротъ своіхъ прикажите полавинѣ оброкѣ взять для того что намъ тѣхъ оброчныхъ денегъ взять **нѣгде** продать нѣчего ни хлѣба ни скотины* (крестьяне д. Крылово. Крестьяне д. Крылово Анисиму Ивановичу и Прасковье Ивановне, 1709 г.);

*Мне такова и платья взять **негде**, я самой человек убогой: кои у меня пожитки и были, те все остались в мире; а монастырские казны аще и много, да она не моя и есть* (И.Т. Посошков. Завещание отеческое к сыну своему, 1718–1725 гг.)

*Зимой дров никто не даст, **негде** гулять летом* (А.Д. Кантемир. Из Буало. Сатира четвертая, 1727–1729 гг.).

*Немало бы описания воспоследовать быть могло, но достовернаго известия достать **негде*** (А.И. Богданов. Описание Санкт-Петербурга; 1751 г.);

*Табакерка эта моего господина, и он вчерась только ее проиграл в карты, как сам мне о том сказал; так скоро купить тебе ее **негде**, и она тебе подарена каким-нибудь мотом, то это станется* (М. Д. Чулков. Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины, 1770 г.);

Там двум повернуться *негде*, а в Вифании можно накормить человек тридцать. (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим, 1791–1798 гг.).

Заключение. Итак, в памятниках русской письменности XVII–XVIII вв., представленных в НКРЯ, наречие *негде* функционировало не только в отрицательном значении ('нет места', 'неоткуда'), но и в значении неопределенности, близком современным *где-то, где-нибудь, когда-то, куда-то*. Особое внимание заслуживает непредикативное употребление наречия *негде*, фиксируемое в ряде источников. Несмотря на то, что в Словаре русского языка XI–XVII вв. [17] *негде* рассматривается как самостоятельное отрицательное местоименное наречие наряду с *нигде*, фактический языковой материал показывает, что в непредикативной позиции оно не функционировало как самостоятельная лексическая единица со значением 'нигде', а представляло собой лишь орфографический вариант наречия *нигде*. Это уточнение имеет важное значение для исторической грамматики русского языка, так как оно позволяет скорректировать представления о норме употребления отрицательных местоименных наречий и их взаимодействии с орфографическими вариантами в письменной традиции той эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зализняк А.А. Древнерусское ударение : общие сведения и словарь / А.А. Зализняк. – М.: ЯСК, 2019. – 172 с.
2. Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской / А.А. Зализняк. – М.: Наука, 1985. – 147 с.
3. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка / В.В. Колесов. – СПб.: СПбГУ, 2010. – 512 с.
4. Падучева Е.В. Местоимения слабой определенности (серия на *кое-*; серия на *не-*; *один*) / Е.В. Падучева // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. – М., 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 15.05.2025).
5. Падучева Е.В. Нереферентные местоимения на *-нибудь* / Е.В. Падучева // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. – М., 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е.В. Падучева. – М.: ЛКИ, 2010. – 296 с.
7. Падучева Е.В. Местоимения неизвестности / Е.В. Падучева // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. – М., 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 15.05.2025).
8. Падучева Е.В. Местоимения типа *что-нибудь* в отрицательном предложении / Е.В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2016. – № 3. – С. 22–36.
9. Падучева Е.В. Отрицательные местоимения-предикативы (на *не-*) / Е.В. Падучева // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. – М., 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 15.05.2025).
10. Падучева Е.В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание / Е.В. Падучева // Русский язык в научном освещении. – 2005. – № 2 (10). – С. 17–42.
11. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 789 с.; Т. 2. – 714 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 2 / В.И. Даль. – СПб.; М.: М.О. Вольф, 1881. – 814 с.
13. Крылов С.А. Местоимение / С.А. Крылов, Е.В. Падучева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 294–295.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.05.2025).
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 2006. – 944 с.
16. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 2. – М.: Русский язык, 1986. – 736 с.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. Д.Н. Шмелев. Вып. 11. – М.: Наука, 1986. – 456 с.
18. Словарь русского языка XVIII в. / Гл. ред. З.М. Петрова. Вып. 15. – СПб.: Наука, 2005. – 264 с.

REFERENCES

1. Zaliznyak A.A. (2019). Drevnerusskoe udarenie: obshchie svedeniia i slovar' [Old Russian Accentuation: General Information and Dictionary]. Moscow: YASK. (In Russian)
2. Zaliznyak A.A. (1985). Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi [From Proto-Slavic Accentuation to Russian]. Moscow: Nauka. (In Russian)
3. Kolesov V.V. (2010). Istoricheskaja grammatika russkogo iazyka [Historical Grammar of the Russian Language]. Saint Petersburg: SPbSU. (In Russian)
4. Paducheva E.V. (2016). Mestoimeniia slaboi opredelennosti (seriia na *koe*-; seriia na *ne*-; *odin*) [Pronouns of Weak Definiteness (Series with *koe*-, Series with *ne*-, *odin*)] [Electronic resource]. Materials for the Corpus Description of Russian Grammar. Moscow. Retrieved from <http://rusgram.ru>. (In Russian)
5. Paducheva E.V. (2015). Nereferezentnye mestoimeniia na *-nibud'* [Non-referential Pronouns with *-nibud'*] [Electronic resource]. Materials for the Corpus Description of Russian Grammar. Moscow. Retrieved from <http://rusgram.ru>. (In Russian)
6. Paducheva E.V. (2010). Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu [Utterance and Its Correlation with Reality]. Moscow: LKI. (In Russian)
7. Paducheva E.V. (2016). Mestoimeniia neizvestnosti [Pronouns of Indefiniteness] [Electronic resource]. Materials for the Corpus Description of Russian Grammar. Moscow. Retrieved from <http://rusgram.ru>. (In Russian)
8. Paducheva E.V. (2016). Mestoimeniia tipa *chto-nibud'* v otritsatel'nom predlozhenii [Pronouns like *chto-nibud'* in Negative Sentences]. Voprosy iazykoznanii, (3), 22–36. (In Russian)
9. Paducheva E.V. (2017). Otritsatel'nye mestoimeniia-predikativy (na *ne*-) [Negative Predicate Pronouns with *ne*-] [Electronic resource]. Materials for the Corpus Description of Russian Grammar. Moscow. Retrieved from <http://rusgram.ru>. (In Russian)
10. Paducheva E.V. (2005). Effekty snatoi utverditel'nosti: global'noe otritsanie [Effects of Removed Affirmativeness: Global Negation]. Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii, 2 (10), 17–42. (In Russian)
11. Russkaja grammatika. Pod red. N. Ju. Shvedovoi [Russian Grammar / Ed. by N. Yu. Shvedova]. (1980). Moscow: Nauka. Vol. 1, 789 p.; Vol. 2, 714 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 21.05.2025 г.

PRONOMINAL ADVERB "NOWHERE" IN RUSSIAN TEXTS OF THE XVII–XVIII CC.

S.A. Ganiyev

The article addresses the usage of the pronominal adverb *негде* in Russian texts of the 17–18 centuries. The material for the study includes texts from the Russian National Corpus (RNC) and data from historical dictionaries. In the period under consideration, *негде* could express both negative meaning and the meaning of indefiniteness. As an indefinite pronominal adverb, *негде* could express a set of particular meanings ('где-то', 'где-нибудь', 'когда-то', 'куда-то'). According to the Dictionary of the Russian Language of the 11–17 centuries, the pronoun that appeared orthographically as *негде* could perform two main functions: as a negative adverb in the structure *Pron_{neg} Inf (негде спать)* and as a form of negation analogous to the modern negative adverb *нигде*. It is concluded that in 17–18 centuries texts, the orthographic form *негде* in its negative meaning ('нигде'), contrary to the opinion of the compilers of the Dictionary of the Russian Language of the 11–17 centuries, did not function as an independent lexical unit, but rather represented an orthographic variant of the negative adverb *нигде* (with stress on the final vowel).

Keywords: history of the Russian language, Russian National Corpus, indefinite pronominal adverbs, negative pronominal adverbs, semantics.

Ганиев Сеймур Аббас оглы.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Аспирант кафедры русского языка.

ORCID 0009-0004-1561-6067.

E-mail: seymur547@gmail.com.

Ganiyev Seymur Abbas oghlu.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

Post-graduate student of Russian Language Department.

ORCID 0009-0004-1561-6067.

E-mail: seymur547@gmail.com.

Научная статья

УДК 811.161.1+801.6

DOI: 10.5281/zenodo.15808484

РИФМА КАК ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В РОССИЙСКИХ ЦИФРОВЫХ МЕДИА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ»

© 2025 И.В. Канель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет»
ORCID 0000-0002-1851-3045

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье исследуется рифма как дискурсивная стратегия в российских цифровых медиа с акцентом на репрезентацию концепта «деньги». Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью рифмы в интернет-коммуникации, где она функционирует в качестве не только художественного приема, но и инструмента влияния и распространения информации в социальных сетях и онлайн-сообществах (в частности на платформах liveinternet.ru, bvf.ru, Telegram, VK). Проблематика статьи связана с тем, как медиадискурс, оперируя рифмованными высказываниями, способствует переосмыслению и популяризации экономических понятий, снижает барьеры критического восприятия и эмоционально заряжает аудиторию. Цель работы – выявить механизмы и функции рифмы в цифровых медиа при осмыслении темы денег и проанализировать, каким образом рифмованные тексты влияют на экономическое мышление массовой аудитории. Исследование базируется на анализе постов из русскоязычных социальных сетей. Методология включает лексико-стилистический анализ, элементы дискурс-анализа и опору на феномен «рифма как аргумент». Выводы демонстрируют, что рифма выступает неотъемлемой частью медиадискурса, позволяя лаконично и выразительно транслировать экономические смыслы и лозунги, а также усиливать их эмоциональное воздействие.

Ключевые слова: деньги, концептуализация, рифма, медиадискурс, социальные сети, интернет-коммуникация, эмоциональное воздействие, экономика.

Для цитирования: Канель И.В. Рифма как дискурсивная стратегия в российских цифровых медиа: репрезентация концепта «деньги» / И.В. Канель // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 136–146. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15808484>.

Введение. В современном цифровом пространстве рифма стала не только инструментом художественного выражения, но и эффективным способом коммуникации. В условиях мгновенного обмена информацией, характерного для социальных медиа, лаконичность и выразительность рифмы находят особенное применение. Рифма становится способом привлечения внимания и усиления эмоционального воздействия. Так в итоге зародился феномен *поэтического медиадискурса*, по выражению Е.Н. Антоновой [1, с. 15]. Простые и одновременно меткие ритмические конструкции делают экономические идеи доступными для широких слоев населения, запоминающимися и одновременно помогают этим идеям лучше восприниматься за счет экспрессии.

В связи с этим целью данной статьи является исследование рифмы как дискурсивной стратегии, используемой в российских цифровых медиа для репрезентации и осмысления экономических концептов, в частности концепта «деньги».

Особое внимание уделяется стилистическим и лексическим особенностям рифмованных текстов, их роли в структурировании информации и воздействия на аудиторию.

Для достижения указанной цели необходимо поставить и решить следующие задачи исследования.

1. Анализ лингвостилистических особенностей рифмованных конструкций в экономическом дискурсе российских цифровых медиа (liveinternet.ru, bvf.ru, Telegram, VK).
2. Выявление дискурсивных стратегий использования рифмы для репрезентации концепта «деньги» через:
 - семантические трансформации традиционных формул;
 - лексико-стилистические маркеры (жаргонизмы, мат, фольклорные реминисценции);
 - смешение регистров (религиозного, фольклорного, маркетингового).
3. Изучение проявления психолингвистических механизмов восприятия экономических концептов (эффект Итона–Розена).

Обратимся к данному Л.В. Цуриковой определению понятия «дискурсивная стратегия»: это «потенциально возможный интерактивный способ осуществления коммуникативно значимых действий в дискурсе и языковые способы их выражения; выбор говорящим определенных средств для достижения определенной цели в определенных условиях общения рассматривается как реализация определенной стратегии в дискурсе» [20, с. 101]. Говорящий выбирает определенные языковые средства в зависимости от цели и ситуации общения, реализуя тем самым ту или иную стратегию.

В контексте российских цифровых медиа это значит, что пользователи, оперируя рифмованными высказываниями, сознательно или интуитивно используют различные ритмические и лексико-стилистические приемы, чтобы структурировать информацию, влиять на аудиторию и формировать восприятие экономических концептов, особенно концепта «деньги».

Стоит отметить, что рассматриваемый нами Telegram-дискурс (также вероятно, что и дискурс социальных медиа в целом) имеет черты, схожие с присущими дискурсу маркетинга; по Е.Б. Штукаревой, такими родственными характеристиками являются:

- графические приемы передачи информации,
- использование неологизмов и окказионализмов, разностилевой лексики, экспрессивных синтаксических конструкций,
- стремление к сокращению объема высказывания [22, с. 192; цит. по: 23, с. 49].

Также пользователи социальных медиа употребляют в процессе коммуникации сленговые выражения, вульгаризмы (в том числе и нецензурную лексику), что можно будет проследить на исследуемых нами примерах. Исходя из вышеизложенного, легко составить некий социально-демографический портрет аудитории цифровых медиа: это в большинстве своем рядовые граждане, представители среднего класса.

Еще одной из важных характеристик современного медиадискурса является мгновенная доступность информации. Это ведет к изменению восприятия времени и пространства в коммуникации; информация становится «текущей» и едва ли поддается глубокой аналитике. В результате на первый план выдвигается актуальность и скорость передачи информации, что часто приводит к упрощению языковых конструкций и снижению уровня формальности. Вследствие этого наблюдается тенденция к демократизации речевой культуры, стирающей строгие границы между уровнями лингвистической компетенции аудитории.

Одним из ключевых психолингвистических механизмов, определяющих эффективность рифмованных высказываний, является феномен Итона–Розена. Рассмотрим его подробнее и покажем, как он проявляется в цифровом медиадискурсе в контексте обсуждения экономических идей.

Феномен Итона–Розена (эффект «рифма как аргумент», rhyme-as-reason effect) – это психолингвистическое явление / когнитивное искажение, при котором рифмованные афоризмы воспринимаются как более достоверные, креативные и убедительные по сравнению с нерифмованными. Согласно классическому эмпирическому исследованию американских психологов Мэтью МакГлоуна и Джессики Тофигбахш (Лафайет-колледж), проводившемуся в конце XX века (1999–2000 гг.) [24; 25], люди склонны воспринимать рифмованные утверждения как более правдоподобные, даже если их фактическая достоверность не превосходит аналогичных нерифмованных сообщений.

Применительно к современным российским цифровым медиа эффект «рифма как аргумент» проявляется в том, что рифмованные слоганы, выражения и мемы, связанные с деньгами (например, «просто бабло всегда побеждает зло!» или «деньги-денежки, идите, путь ко мне домой найдите»), быстро становятся «вирусными», активно входят в обиход и закрепляются в массовом сознании. Убедительность и узнаваемость высказывания с рифмой обеспечивают легкость его запоминания и дальнейшее распространение информации в онлайн-пространстве. Это позволяет использовать рифму не только как эстетическое средство или художественный прием, но и как эффективный метод воздействия и структурирования медиадискурса.

Материалы и методы исследования. Материалами данного исследования послужили взятые из Национального корпуса русского языка (подкорпус «Социальные сети») [28] отрывки из постов, опубликованных в мессенджерах VK, Telegram, на сайтах liveinternet.ru, bvf.ru.

В работе использовались следующие научные методы: наблюдение над поэтическим медиатекстом, лексико-стилистический анализ, элементы дискурс-анализа.

Основная часть. Стилистика рифмы, активно использующейся в цифровых медиа, носит выраженный экспрессивный и разговорный характер. Порой рифмованные строчки становятся инструментом сатиры и критики, позволяющим авторам и комментаторам выразить недовольство или иронию в адрес явлений, связанных с экономической сферой жизни общества. Рифмованные тексты, связанные с темой денег, насыщены разнообразными языковыми приемами, метафорами и аллюзиями, отражающими отношение интернет-пользователя и сообщества к экономической реальности. Деньги в цифровых медиа выступают не только как средство обмена, но и как центр смыслообразования и способ социальной дифференциации, или как активные участники общественных процессов, влияющие на эмоциональные и моральные аспекты межличностного взаимодействия.

Деньги – ключевой экономический концепт, поскольку, как утверждает К.В. Томашевская, таковыми концептами выступают «слова, у которых абстрактный, отвлеченный, обобщенный компонент значения становится ведущим. Это слова, обозначающие экономические реалии (эконемы) – рынок, деньги, бизнес» [18, с. 359; цит. по: 4, с. 64]. Данный концепт многие исследователи вслед за К.В. Томашевской относят к базовым концептам культуры и важнейшим культурным понятиям, позволяющим категоризировать мир сегодня, в частности, об этом пишет лингвист и семиотик Ю.С. Степанов [30]. Тема денег и вообще имущественной составляющей человеческой жизни «отличается особой актуальностью, связанной с социально-экономическими изменениями в нашей стране в конце XX – начале XXI столетий» [16, с. 125]. Сейчас деньги не являются сугубо экономическим явлением,

поскольку они напрямую влияют на формирование морали и образа жизни, на развитие личности, семейных систем и т.д. Неотделимы друг от друга три элемента социальной реальности — человек, власть и деньги [9, с. 269].

Частотное использование жаргонизмов (*бабло*, *лавэ*, *денежки*) свидетельствует о многоплановой природе денег, проникших во все слои общества. Например, в строке «Родись, крестись, женись, умирай – за все денежки подавай» [3729526. liveinternet.ru 3729526 (2013)] отражается одновременно повседневная реальность (необходимость наличия финансов на каждом этапе человеческой жизни) и, следовательно, скрытая грустная ирония в отношении зависимости общества от денег. Рифма в данном случае усиливает эмоциональный эффект сообщения: читатель воспринимает эту строку как афоризм, что делает меседж более убедительным.

Также встречается грубоватая, но юмористическая игра слов, наглядно представленная в отрывке: «Кадило крутится Бабки мутятся!»¹² [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (20.07.2021)] (в оригинальном меме – *лавэха*).

В настоящем примере смешиваются религиозный и экономический контексты, тем самым деньги воспринимаются опять же как обязательный атрибут любой сферы жизни, в том числе и духовной.

«просто бабло всегда побеждает зло!)))» [Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (12.10.2022)]. Этот рифмованный слоган буквально сразу же перешел в категорию мемов – примером тому служит мем с изображением героя диснеевского мультсериала «Утиные истории» Скруджа Макдака (это канонический образ жадного, но при этом невероятно богатого персонажа; данный факт делает его визуальной метафорой для идеи о власти и всемогуществе денег) – и распространяется через маркетинговые объекты (кружки, футболки, значки и т.д.), а также через медиа (клип рок-группы «Ундервуд» от 2005 года и одноименный альбом)¹³.

Рисунок 1. Мем «бабло побеждает зло»

Фраза *бабло побеждает зло* является трансформацией архетипического клише *добро побеждает зло*, где замещение слова *добро* на *бабло* создает семантический диссонанс. Деньги становятся квазиэтической категорией, поскольку подменяют собой традиционные моральные ценности. Просторечный синоним *бабло* усиливает контраст с исходным высоким регистром высказывания *добро побеждает зло*, акцентируя

¹² Авторская орфография и пунктуация в этом и всех последующих примерах сохранена.

¹³ <https://www.undervud.ru/albums/bablo-pobezhdaet-zlo.html> (дата обращения: 01.04.2025).

циничное отношение к подмене ценностей. Кроме того, рифма *бабло – зло* вызывает эффект семантического каламбура и работает как дискурсивный инструмент нормализации денег в качестве сверхценности, маскируя цинизм за игровой формой, что типично для постмодернистского дискурса [11, с. 96].

Помимо этого, сейчас отмечается «заметно усилившийся игровой компонент современного языкового сознания» [5; 15; цит. по: 17, с. 60]. Постмодернистский хаосмос в основе своей имеет коммерческий аспект культуры, или, как этот аспект называл И.П. Ильин, «реальность денег» [8, с. 212]. Постмодернизму свойственна не просто игровая форма выражения смысла; согласно классификации американского теоретика Ихаба Хассана, культурная парадигма современности включает в себя следующие аспекты [19, с. 354–355; цит. по: 10, с. 278–279]:

- неопределенность, открытость, незавершенность;
- фрагментарность, тяготение к деконструкции, к коллажам, к цитатам;
- отказ от канонов, от авторитетов, ироничность как форму разрушения;
- утрату «Я» и глубины, поверхностность, многовариантное толкование;
- стремление представить непредставимое, интерес к изотерическому, к пограничным ситуациям;
- обращение к игре, аллегории, диалогу (как было сказано выше);
- репродуцирование под пародию, травести, пастиш, поскольку все это обогащает область репрезентации;
- карнавализацию, маргинальность, проникновение в жизнь;
- перформенс, обращение к телесности, материальности;
- конструктивизм, в котором используются иносказание, фигуральный язык;
- имманентность (постмодернистские искания направлены на человека, на обнаружение трансцендентного в имманентном).

Однако нет единого мнения о том, что в современной России существует постмодернистская идеология. Например, директор Центра евразийских исследований Юрий Кофнер в своем докладе «Идеология евразийского движения России» сказал, что отказ от традиционных ценностей является своеобразным главным трендом для западных стран в XX–XXI веках [27]. Но для России это нехарактерно, и потому сейчас она находится в особом состоянии, которое Кофнер назвал «альтермодерном». Это «непринятие постмодерна, но и не возвращение в модерн». Его атрибутами являются приветствие коллективных идентичностей и религиозных ценностей и сочетание трех политических теорий модерна (а именно основных идеологий XX века – либерализма, социализма и национализма).

Есть и другое, схожее с этим, мнение: так, А.А. Зиновьев довольно остроумно назвал российское общество: «рогатый заяц», или, как охарактеризовал это название А.Б. Бушев, «смесь западной идеологии, советизма и дореволюционной идеологии» [2, с. 97]. В таком своеобразном симбиозе советских, дореволюционных и современных ценностей формируется новая национальная идеология.

Рассмотрим следующий пример:

«Ну конечно улетели! / И все денюшки сгорели! / Вы б, газели, не галдели, / А все вовремя, на деле / Прискакали бы и сели / До Бангкока в самолет!» [vk (19.07.2013)]. Данный пост из социальной сети «ВКонтакте» является пародией на отрывок из стихотворения Корнея Чуковского «Телефон» (и, соответственно, является прецедентным феноменом); в нем, как и в оригинале, наблюдается быстрый темп, аллитерация; это легко запоминающееся стихотворение-монорим. Градация рифм *улетели – сгорели – галдели – на деле – сели* создает комический эффект (монорим в стихосложении еще с древних времен использовался как

пародийный прием, но, по мнению М.Л. Гаспарова, делает стихотворение монотонным [17, с. 229; цит. по: 9, с. 947]).

Для российского экономического дискурса характерно большее количество аллюзий и цитат из литературных произведений, фольклора и т.д. по сравнению, например, с англоязычным [21, с. 103]. А неэкономические прецедентные феномены более значимы именно для экономического **публицистического** дискурса, поскольку, как утверждает К.В. Лешневская, целью данного вида дискурса является убеждение, развлечение читателя, а также выражение говорящим (или пишущим, интернет-пользователем) своей индивидуальности [13, с. 72].

«*Не дарит бабки мне 'Газпром', / Украв богатства ваши, / Доход основан мой на том, / Что жестко я е**шу*» [Незавидная судьба российского либераста (2014–2021)]. Лексема *бабки* снижает регистр текста и приближает стихотворение к разговорному, эмоциональному уровню. Переход к более формальному стилю («доход основан мой на том...») указывает на структуру мыслей автора: объяснение причинно-следственной связи. Далее, в последней строке, для большей экспрессивности блогером используется вульгаризм *е**шу* (нецензурный дисфемизм слова *работаю*) вместо буквального выражения мыслей. За счет шокирующего скандального слова месседж привлекает внимание аудитории и вызывает отклик у читателя. Введение мата усиливает эффект – эмоциональный заряд увеличивается благодаря табуированному слову, вызывающему мгновенную психологическую реакцию. В дискурсе социальных сетей, где отсутствует жесткая цензура, мат становится маркировкой «своего» человека (по мнению Т.В. Лариной, коммуниканты с помощью мата стремятся «приблизить» к себе собеседника, минимизировать дистанцию [12; цит. по: 3, с. 15]), выражающего эмоции без прикрас. Таким образом, мат является не просто лексическим «украшением», а важным компонентом дискурсивной стратегии, с помощью которой интернет-пользователи (блогеры) воздействуют на массовую аудиторию через механизмы феномена Итона–Розена.

«– *А женюсь я на девушке, А надеюсь я на денюшки!*» [vk (07.05.2016)]. В обеих строках повторяется уступительный подчинительный союз «А» в начале, создавая анафорическую структуру, что выделяет их как равные по значимости части. Рифма построена на звуковом сходстве слов «девушке» и «денюшки»; это является типичной формой рифмы – парной (классическая, «богатая» рифма с окончанием на *-шке* / *-шки*). Синтаксический параллелизм двух частей (*А <...> я на <...>*) придает рифмованной конструкции размеренность и четкую ритмическую структуру, тем самым облегчая восприятие и запоминание медиасообщения. Контраст между «женюсь на девушке» (социально одобряемое действие, личное обязательство) и «надеюсь на денюшки» (материальный интерес, прагматичный мотив) отражает колебания между общечеловеческими ценностями и «экономической» необходимостью. Употребление жаргонизма *денюшки*, как было сказано выше, снижает стилистический регистр текста и делает сообщение близким читателю и эмоционально окрашенным, усиливая эффект вовлечения аудитории.

Смешение регистров и контекстов (как это видно из примера «*Кадило крутится Бабки мутятся!*») – характерная для медиа дискурсивная стратегия, благодаря которой высказывания приобретают ироническую и многоплановую эмоциональную окраску, а также «глубину» смысла.

«*Деньги-денежки идите, путь ко мне домой найдите, здесь для вас найду я место, никогда не будет тесно!*» [vk (07.06.2015)]. Данная стихотворная строка строится по принципу заклички, ритуальной магической формулы. Эффект «рифма как аргумент»

проявляется в «народной магии»: заклинание воспринимается как «работающее», потому что оно стилизовано, рифмовано, звучит убедительно. То же можно заметить на следующем примере: *«Как корица вкус кофе прибавляет, так и денежки у меня прирастают!»* [PULSEPRIME Воронеж. Медиапроект, 2021]. Это часть ритуала, приносящего деньги: такой обычай получил распространение в последние годы – по четвергам пьют кофе с корицей, что, по поверьям, приносит удачу и финансовое благополучие.

«Ну пойдём, братцы-ребята, под ракитов куст, / Станем денежки делить, будем бабушку хвалить / Бабушка Федора, проживи, радость, подоле, / Покопи денег поболее!» [vk (06.07.2014)]. Исследуемый отрывок – из народной песни XVIII века «Воры-скоморохи» («Веселые-то по улочке похаживают...») [29, с. 448–449]; в связи с этим может возникнуть вопрос: почему же он используется в социальной сети «ВКонтакте»?

Перенос строк из XVIII века в реальность XXI столетия создает эффект исторической ретроспективы – нынешние проблемы с деньгами, социальной справедливостью, разделом материальных благ остаются вечными и мало изменившимися. Сейчас также прослеживается тенденция к слиянию фольклорных традиций и медиаформатов – появились новые жанры: «folk-art-net», «ньюслор», «медиапор» [7, с. 31]. М.В. Загидуллина называет подобные жанры «коллективной реакцией на актуальные события, выраженные в художественных формах и распространяющиеся в массовой аудитории "из уст в уста", включая медиатизированные формы распространения» [6, с. 55].

Возвращаясь к нашему исследованию, заметим: через цитируемый старинный текст и его интеграцию в цифровую среду проявляется идея, что деньги были и остаются краеугольным камнем общественного устройства, предметом желаний, конфликтов, а также объектом коллективных надежд и страхов. В цифровых медиа эта мысль усиливается: деньги есть постоянная категория, вокруг которой строятся повседневные коммуникации и жизненные коллизии.

В фольклорном тексте деньги – это предмет дележа, зависти, источник власти и даже потенциального насилия (*«Мы твой дом найдем – опять зайдем. / Как тебя дома застанем, – так тебя убьем; / Тебя дома не застанем, так твой дом сожжем!»*). Ворованный капитал герои песни воспринимают несерьезно – они издевательски предлагают бабушке продолжать «собирать» деньги, пока сами делят ее богатство.

В современном чате VK смысл сохраняется, но становится «игровым»: то, что раньше осуждалось или воспринималось как опасность, сейчас представляется шуткой, мемом, пародией на коллективное распределение благ, наследства или выигрыша. Упоминание денег в столь циничном контексте может быть актуальным для обсуждения в социальных сетях, если тема затрагивает серьезные финансовые вопросы, например:

- а) незаконное или несправедливое распределение ресурсов;
- б) коррупция / бюрократия;
- в) осуждение жадности, непрактичности, откровенно нечестного поведения (*«пусть бабушка копит деньги, а мы их делить будем»* – отсылка к исследуемому нами народному тексту) и т.д.

Заключение. Проведенное исследование позволило рассмотреть роль рифмы как дискурсивной стратегии в экономическом медиадискурсе на примере российских цифровых интернет-платформ, таких как bvf.ru, liveinternet.ru, Telegram и VK. Анализ лингвостилистических особенностей рифмованных конструкций выявил их экспрессивную и ироническую природу.

Выявлены основные стратегии репрезентации концепта «деньги» с помощью рифмы: семантическая переоценка моральных формул (например, «бабло побеждает зло»), использование лексики разных уровней (жаргонизмы, метафоры, табуированная

лексика), а также внедрение фольклорных элементов и пародийных механизмов для структурирования общественно значимых тем.

Отдельно отмечена роль феномена Итона–Розена, или эффекта «рифма как аргумент» («rhyme-as-reason effect») и диалоговой природы социальных медиа; их совмещение запускает механизм мгновенного распространения успешных рифм. Благодаря рифме утверждение воспринимается как более «истинное» и остроумное, что повышает его шансы быть распиаренным и растиражированным на новых медиаплощадках. Кроме того, рифма косвенно снижает уровень критического восприятия информации: игровая, эстетическая форма высказывания маскирует содержательный посыл и облегчает нейтрализацию циничных, подчас амбивалентных смыслов. Таким образом, цель данного исследования была достигнута, а поставленные задачи решены.

Культурный код русского экономического дискурса проявляется и в мемификации ключевых концептов (это видно на примере мема «*Бабло побеждает зло*» с изображением Скруджа Макдака). Данный феномен демонстрирует, как цифровые медиа превращают экономические нарративы в инструменты массовой коммуникации, сочетая в себе иронию, фатализм и социальную критику.

Рифма в цифровом медиадискурсе, связанная с концептом «деньги», выполняет множество **прагматических** функций: она эмоционально заряжает высказывания, повышает их убедительность, служит средством иронической критики, стимулирует «развлекающий» аспект коммуникации, ритуализирует послания и одновременно снижает критический настрой аудитории. Эти функции обеспечивают эффективность рифмы не только как дискурсивной стратегии, но и как средства, помогающего в осмыслении интернет-пользователями экономических реалий.

В связи со всем вышеизложенным настоящее исследование выявило значимость рифмы не только как художественного приема, но и как социального инструмента, формирующего современные аксиологические доминанты на стыке экономики, культуры и цифровых технологий. Дальнейшее погружение в эту проблематику позволит глубже осмыслить механизмы массовой коммуникации и их роль в трансформации экономических ценностей в цифровую эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Е.Н. Современный поэтический медиатекст в фокусе перформанса / Е.Н. Антонова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 9 (467). – С. 14–21. – <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10902>.
2. Бушев А.Б. Язык, говорящий о социуме: русский медийный и художественный дискурс об экономике / А.Б. Бушев // Политическая лингвистика. – 2009. – № 3 (29). – С. 87–100.
3. Власян Г.Р. Проникновение ненормативной лексики в язык повседневного общения / Г.Р. Власян // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 7 (336). – С. 15–17.
4. Воякина Е.Ю. Экономический дискурс как сфера-мишень метафорической экспансии (на материале ономастических метафор) / Е.Ю. Воякина // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2011. – № 2. – С. 63–66.
5. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 1996. – 214 с.
6. Загидуллина М.В. Ньюслор и медиалор: новостной ландшафт смеховой культуры / М.В. Загидуллина // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2016. – № 1 (18). – С. 54–59.
7. Зубанова Л.Б. От фольклора – к медиалору: народное художественное поэтическое творчество в пространстве интернет-коммуникаций / Л.Б. Зубанова, Н.Л. Зыховская // XXIII Уральские социологические чтения. Личность, культура, общество : наследие Л.Н. Когана и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Ю.Р. Вишневецкого, М.В. Певной. – Екатеринбург, 2023. – С. 31–36.
8. Ильин И.П. Постмодернизм: от истоков до конца столетия / И.П. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.

9. Канель И.В. Эволюция медиаобраза денег от советской эпохи до наших дней: лингвоаксиологический ракурс / И.В. Канель // Политическая лингвистика. – 2024. – № 4 (106). – С. 268–273.
10. Кириллова Н.Б. Медиакultura: от модерна к постмодерну / Н.Б. Кириллова. – М.: Академический проект, 2005. – 448 с.
11. Коновалова О.А. Игровая доминанта постмодернистской культуры в контексте диалога с хаосом / О.А. Коновалова // Неклассическая эстетика в культуре XX века : сб. ст. по материалам межвузовского круглого стола молодых ученых (Кемерово, 27 мая 2005 г.). – 2006. – С. 95–99.
12. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
13. Лешневская К.В. Прецедентные феномены в экономическом дискурсе / К.В. Лешневская // Гуманитарные и социальные науки. – 2023. – Том 97. – № 2. – С. 70–76. – <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2023-97-2-70-76>.
14. Мукасева В.А. Из наблюдений над стихотворной техникой поэтов Великой Отечественной войны (монорим в произведениях А.Т. Твардовского, М.К. Луконина, А.И. Недогонова) / В.А. Мукасева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 946–950.
15. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка / Б.Ю. Норман. – 5-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 344 с.
16. Самойлова С.В. Лексическая объективация концепта «деньги» в современном экономическом дискурсе / С.В. Самойлова // Казанская наука. – 2013. – № 1. – С. 122–126.
17. Славгородская Т.А. Интертекстуальность как один из видов языковой игры в масс-медиа / Т.А. Славгородская // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – № 4. – С. 159–162.
18. Томашевская К.В. Концептосфера экономики в разножанровых текстах / К.В. Томашевская // Проблемы современной экономики. – 2006. – № 1–2 (17–18). – С. 359–367.
19. Философия культуры. Становление и развитие / под ред. М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э.П. Юровской. – СПб.: Издательство «Лань», 1998. – 448 с.
20. Цурикова Л.В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности / Л.В. Цурикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4 (13). – С. 98–108.
21. Чугунов А.А. Аллюзии и цитаты как средство репрезентации эмоций в русскоязычном и англоязычном финансовом дискурсе / А.А. Чугунов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 3. – С. 97–105.
22. Штукарева Е.Б. Языковые особенности маркетингового текста в социальных сетях / Е.Б. Штукарева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (831). – С. 184–194.
23. Шуйская Ю.В. Лингвистические особенности дискурса телеграм-каналов как нового типа медиа / Ю.В. Шуйская // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 3. – С. 45–57. – <https://doi.org/10.312249/ling/2023.03.03>.
24. McGlone M.S. Birds of a Feather Flock Conjointly (?): Rhyme as Reason in Aphorisms / M.S. McGlone, J. Tofighbakhsh // Psychological Science. – 2000. – Vol. 11 (5). – P. 424–428. – <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00282>.
25. McGlone M.S. The Keats heuristic: Rhyme as reason in aphorism interpretation / M.S. McGlone, J. Tofighbakhsh // Poetics. – 1999. – Vol. 26 (4). – P. 235–244. – [https://doi.org/10.1016/S0304-422X\(99\)00003-0](https://doi.org/10.1016/S0304-422X(99)00003-0).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

26. Гаспаров М.Л. Монорим // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 229.
27. Идеология Евразийского Движения России | Блог ЕВРАЗИЯ-БЛОГ | КОНТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cont.ws/post/234596> (дата обращения: 01.04.2025).
28. Национальный корпус русского языка: поиск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/search/blogs> (дата обращения: 01.04.2025).
29. Соболевский А.И. Великорусские народные песни / изданы проф. А.И. Соболевским. Т. 6 / А.И. Соболевский. – СПб.: Гос. тип., 1895-1902, 1900. – 544 с.
30. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

REFERENCES

1. Antonova E.N. (2022). Sovremennyyi poeticheskii mediatekst v fokuse performansa [Modern poetic media text in the focus of performance]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 9 (467), 14–21. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10902 (In Russian).

2. Bushev A.B. (2009). Yazyk, govoryashchii o sotsiume: russkii mediinyi i khudozhestvennyi diskurs ob ekonomike [Language that describes socium: Russian media and belles-lettres discourse on economics]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 3 (29), 87–100 (In Russian).
3. Vlasyan G.R. (2014). Pronikновение nenormativnoi leksiki v yazyk povsednevnogo obshcheniya [Penetration of swear words in everyday language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 7 (336), 15–17 (In Russian).
4. Voyakina E.Yu. (2011). Ekonomicheskii diskurs kak sfera-mishen' metaforicheskoi ekspansii (na materiale onomasticheskikh metafor) [Economic discourse as sphere-target of metaphorical expansion (on the material of onomastic metaphors)]. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika* [Bulletin of Center of International Education of Moscow State University. Philology, Culturology, Pedagogy. Methodology], 2, 63–66 (In Russian).
5. Gridina T.A. (1996). Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo [Language game: stereotype and creativity]. *Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet* (In Russian).
6. Zagidullina M.V. (2016). N'yuslor i medialor: novostnoi landshaft smekhovoi kul'tury ["Newslore" and "Medialore": news landscape of laugh-culture]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problematic Field in Mediaeducation], 1 (18), 54–59 (In Russian).
7. Zubanova L.B., Zykhevskaya N.L. (2023). Ot fol'klora – k medialoru: narodnoe khudozhestvennoe poeticheskoe tvorchestvo v prostranstve internet-kommunikatsii [From folklore to medialore: folk art poetic creativity in the space of Internet communications]. *XXIII Ural'skie sotsiologicheskie chteniya. Lichnost', kul'tura, obshchestvo : nasledie L.N. Kogana i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [XXIII Ural Sociological Readings. Personality, culture, society: L.N. Kogan's heritage and modernity. Materials of the All-Russian scientific and practical conference]. *Ekaterinburg*, pp. 31–36 (In Russian).
8. Il'in I.P. (1998). Postmodernizm: ot istokov do kontsa stoletiya [Postmodernism: from the beginning to the end of the century]. *Moscow: Intrada* (In Russian).
9. Kanel' I.V. (2024). Evolyutsiya mediaobraza deneg ot sovetskoi epokhi do nashikh dnei: lingvoaksiologicheskii rakurs [Development of the media image of money from the Soviet times to today: a linguo-axiological perspective]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 4 (106), 268–273 (In Russian).
10. Kirillova N.B. (2005). Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu [Media culture: from modern to postmodern]. *Moscow: Akademicheskii proekt* (In Russian).
11. Konovalova O.A. (2006). Igrovaya dominanta postmodernistskoi kul'tury v kontekste dialoga s khaosom [Game dominance of postmodernist culture in the context of the dialogue with chaos]. *Neklassicheskaya estetika v kul'ture XX veka : sb. st. po materialam mezhvuzovskogo kruglogo stola molodykh uchenykh* [Non-classical aesthetics in the culture of the XX century : a collection of articles based on the materials of the interuniversity round table of young scientists]. *Kemerovo*, pp. 95–99 (In Russian).
12. Larina T.V. (2009). Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii [Category of politeness and communication style: a comparison of English and Russian linguocultural traditions]. *Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur* (In Russian).
13. Leshnevskaya K.V. (2023). Pretsedentnye fenomeny v ekonomicheskom diskurse [Precedent phenomena in economic discourse]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The Humanities and Social sciences], 97 (2), 70–76. doi: 10.18522/2070-1403-2023-97-2-70-76 (In Russian).
14. Mukaseeva V.A. (2013). Iz nablyudenii nad stikhotvornoj tekhnikoj poetov Velikoi Otechestvennoi voyny (monorim v proizvedeniyakh A.T. Tvardovskogo, M.K. Lukonina, A.I. Nedogonova) [From observations on the verse technique of poets of the Great Patriotic War (monorim in the works of A.T. Tvardovsky, M.K. Lukonin, A.I. Nedogonov)]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept»* [Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept"], 3, 946–950 (In Russian).
15. Norman B.Yu. (2006). Igra na granyakh yazyka [Playing on the facets of language]. *Moscow: Flinta: Nauka* (In Russian).
16. Samoilova S.V. (2013). Leksicheskaya ob"ektivatsiya kontsepta «den'gi» v sovremennom ekonomicheskom diskurse [Lexical objectivization of the concept "money" in the modern economic discourse]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 1, 122–126 (In Russian).
17. Slavgorodskaya T.A. (2009). Intertekstual'nost' kak odin iz vidov yazykovoi igry v mass-media [Intertextuality as one of the types of language game in mass-media]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Vestnik of Adygeya State University. Series 2: Philology and Art History], 4, 159–162 (In Russian).
18. Tomashevskaya K.V. (2006). Kontseptosfera ekonomiki v raznozhanrovyykh tekstakh [Conceptosphere of economics in texts of different genres]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of Modern Economics], 1–2 (17–18), 359–367 (In Russian).

19. Filosofiya kul'tury. Stanovlenie i razvitie [Philosophy of culture. Formation and development] (1998). Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Lan'» (In Russian).
20. Tsurikova L.V. (2007). Diskursivnye strategii kak ob"ekt kognitivno-pragmaticheskogo analiza kommunikativnoi deyatel'nosti [Discourse strategies in cognitive-pragmatic analysis of communication]. Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics], 4 (13), 98–108 (In Russian).
21. Chugunov A.A. (2014). Allyuzii i tsitaty kak sredstvo reprezentatsii emotsii v russkoyazychnom i angloyazychnom finansovom diskurse [Allusions and quotations as a means of representing emotions in the Russian and English financial discourse]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Russian University of Peoples' Friendship. Series: Linguistics], 3, 97–105 (In Russian).
22. Shtukareva E.B. (2020). Yazykovye osobennosti marketingovogo teksta v sotsial'nykh setyakh [Language features of the marketing text in social networks]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2 (831), 184–194 (In Russian).
23. Shuiskaya Yu.V. (2023). Lingvisticheskie osobennosti diskursa telegram-kanalov kak novogo tipa media [Linguistic features of the discourse of Telegram channels as a new type of media]. Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics], 3, 45–57. doi: 10.312249/ling/2023.03.03 (In Russian).
24. McGlone M.S., Tofighbakhsh J. (2000). Birds of a Feather Flock Conjointly (?): Rhyme as Reason in Aphorisms. Psychological Science, 11 (5), 424–428. doi: 10.1111/1467-9280.00282 (In English).
25. McGlone M.S., Tofighbakhsh J. (1999). The Keats heuristic: Rhyme as reason in aphorism interpretation. Poetics, 26 (4), 235–244. doi: 10.1016/S0304-422X(99)00003-0 (In English).

Поступила в редакцию 11.04.2025 г.

RHYME AS DISCOURSE STRATEGY IN RUSSIAN DIGITAL MEDIA IN REPRESENTING CONCEPT «*MONEY*»

I.V. Kanel

The article explores rhyme as a discourse strategy in Russian digital media, with a focus on representing concept 'money'. The relevance of the study is accounted for by the increasing role of rhyme in Internet communication, where it functions not only as an expressive means, but also as a tool for influencing and disseminating information in social networks and online communities (mainly on the platforms liveinternet.ru and vk.com). The crux of the article's argument pertains to the manner in which media discourse, characterized by the utilization of rhymed statements, contributes to the rethinking and popularization of economic concepts. This phenomenon has the effect of reducing the barriers to critical perception and emotionally charging the audience. The paper objective is to identify the mechanisms and functions of rhyme in digital media and its application to the subject of money in order to analyze the way rhyming texts influence the mass audience's economic thinking. The research is grounded on the analysis of posts from Russian-language social networks. The methodology includes lexical and stylistic analysis, elements of discourse analysis. It also takes into account the rhyme-as-reason effect. The findings demonstrate the pivotal role of rhyme in media discourse, facilitating the concise and expressive translation of economic meanings and slogans, in addition to enhancing their emotional impact.

Key words: money, conceptualization, rhyme, media discourse, social networks, Internet communication, emotional impact, economy.

Канель Ирина Валерьевна.

Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация.

Аспирант, специалист по учебно-методической работе кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление».

ORCID 0000-0002-1851-3045.

E-mail: qwarran@gmail.com.

Kanel Irina Valer'evna.

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation.

Post-graduate student, Teaching and Learning Specialist at Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages, Modern Communications and Management.

ORCID 0000-0002-1851-3045.

E-mail: qwarran@gmail.com.

Научная статья
УДК 811.161.1+81'373.7
DOI: 10.5281/zenodo.15808602

СВЯЗЬ КОНЦЕПТОВ «НАЧАЛО» И «КОНЕЦ» В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

© 2025 Чжао Сюй

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
ORCID 0009-0004-1625-3077

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья направлена на освещение результатов опроса 109 респондентов, проведенного с целью выявления некоторых закономерностей в понимании и использовании пословичной модели, вербализующей связь между началом и концом и ключевую для данных концептов установку культуры. Показано, что среди предложенных в ответах респондентов вербализаций связи между началом и концом доминирует позитивная модель «хорошему началу – хороший конец» (66 %) – со значительным разнообразием версий и персонализацией начала за счет характеристик, сопрягаемых обычно с деятельностью субъекта. Отдельные ответы говорят о выведении респондентами глубоких умозаключений, осмыслении цикличности бытия. Проверка знания пословиц о связи начала и конца и их важности выявила наиболее частотные выражения как с прозрачной семантикой, так и с имплицитно выраженной связью между началом и концом. Трактовки двух пословиц, данные респондентами, дали наглядный материал в пользу тезиса как о семантической неопределенности пословиц, так и о важности паремиологического пространства как базы для трактовки даже не известных говорящему пословиц.

Ключевые слова: концепт, начало, конец, русские паремии, ассоциативный эксперимент.

Для цитирования: Чжао Сюй. Концепты «начало» и «конец» в русских паремиях / Сюй Чжао // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 147–155. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15808602>.

Введение. Воспринимая окружающий мир, человек стремится разделить его на части и упорядочить свои знания. В этом процессе важную роль играет категория предельности, то есть осознание границ объектов и явлений. Любое событие, объект или временной промежуток имеет свои границы: начало и конец. Эти концепты являются ключевыми маркерами предельности. Концепты «начало» и «конец» играют важную роль, так как через них человек структурирует своё понимание времени, событий и пространства. «В сознании человека достаточно рано возникла необходимость в концептах "начало" и "конец" в качестве пары пространственно-временных координат бытия, допускающих количественную оценку» [5, с. 109].

Русский язык располагает значительным количеством паремиологических единиц (ПЕ), которые акцентируют внимание на семантике 'начало' и 'конец', отражая коллективный опыт и наблюдения членов общества. Слова *начало* и *конец* принадлежат в составе ПЕ к разряду доминантных слов-компонентов, которые «играют смыслообразующую роль», они «лингвокультурно и/или аксиологически мотивированы, занимают центральную позицию в структуре плана содержания пословицы» [3, с. 1015]. Часто в составе пословицы эти доминантные слов-компоненты образуют устойчивые парные комбинации и тем самым формируют «семантическое ядро ПЕ, достаточно устойчивое и частотное в паремиологическом пространстве». Этот

паремийный бином – один из способов кодирования и хранения концептуальной информации [8, с. 183].

Паремии представляют собой устойчивые языковые единицы, которые характеризуются фиксированной формой и определённым значением. По словам И.А. Подюкова, паремия – это «мысль, утверждение, проверенное временем и человеческим опытом» [6, с. 152]. ПЕ аккумулируют культурную информацию, выполняя важные функции наставления, передачи коллективного опыта и поддержания социального порядка. Они хранят и передают мудрость этноса, отражают национальный менталитет, установки культуры и систему ценностей.

Ассоциативный эксперимент (АЭ) является одним из наиболее эффективных методов исследования, широко используемых в различных областях науки и позволяющих выявить глубинные связи между словами, особенности восприятия и интерпретации мира носителями определённого языка. Н.В. Уфимцева подчёркивает этноспецифичность языкового сознания, отмечая, что ассоциативный метод представляет собой «специфичный для данной культуры и языка "ассоциативный профиль" образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [10, с. 66]. А.А. Леонтьев также указывает на ценность ассоциативного эксперимента как метода, позволяющего с наибольшей объективностью вскрыть культурную специфику словарных единиц, выявить в том числе «не релевантные семантические связи, которые имеет данное слово, его "семантические обертоны"» [4, с. 14].

Цель работы заключается в комплексном анализе результатов ассоциативного эксперимента, направленного на выявление особенностей восприятия причинно-следственных связей между началом и концом и представлений носителей русского языка об исходных условиях, способствующих достижению желаемого результата; выявлению в сознании русскоязычных носителей паремий, отражающих эту связь, с последующим их лексико-семантическим анализом; а также в изучении восприятия и интерпретации респондентами пословиц *Назвался груздём – полезай в кузов* и *Где хвост начало, там голова мочало* с целью определения характерных стратегий объяснения их смысла. В качестве основных методов анализа используются метод направленного ассоциативного эксперимента и методы семантического и лингвокультурологического анализа.

Материалы и методы исследования. В исследовании приняло участие 109 человек в возрастном диапазоне от 17 до 75 лет, включая 19 представителей мужского пола и 90 – женского.

В рамках эксперимента респондентам предлагалось заполнить анкету, целью которой было выявление ассоциаций, связанных с концептами «начало» и «конец», а также изучение восприятия ими устойчивых выражений (пословиц), вербализующих эти концепты. Анкета состояла из нескольких частей, в каждой из которых решались определённые исследовательские задачи.

Сведения о возрасте, биологическом поле, образовании респондентов, составившие первую часть анкеты, позволяют учитывать их индивидуальные и социальные особенности при анализе полученных результатов.

Во второй части анкеты испытуемым предлагалось выполнить задание: дополнить фразу «___ начало приводит к ___ концу».

В третьей части анкеты участникам предлагалось интерпретировать предъявленные единицы, а также назвать ПЕ, отражающие представления о взаимосвязи начала и конца.

Результаты. 1. О выражении причинно-следственной связи между началом и концом.

В исследовании приняли участие 109 респондентов, которые должны были закончить предложение «___ начало приводит к ___ концу». Из них 6 человек не дали

ответа или представили неполные ответы, поэтому в анализе учитываются 103 валидных ответа и, соответственно, 103 определения.

Сам факт некоторой связи между началом и концом задавался самим построением предложения, так что задачей отвечавших было определить логику этой зависимости и представить ее вероятные вербализации.

1.1. Характеризуя начало, респонденты в подавляющем большинстве заполнили пропуски в обеих частях фразы определениями с позитивной семантикой, т.е. – в обобщенном виде – «хорошее ... хорошему». Наиболее частая формулировка «Хорошее начало приводит к хорошему концу» встречается 21 раз (20,4 %). С ее помощью говорящие выражают одобрительное отношение к началу действия, деятельности и т.п. – это 68 ответов (66 %) из 103.

Здесь отмечается высокая повторяемость лексики. Положительно маркированные и названные семантически близкие слова, составившие от общего числа 45,6%: *доброе, удачное, успешное, счастливое* и др. Это свидетельствует о важности для носителей языка когнитивной модели «хорошее начало – хороший конец». Соотношение «левой» и «правой» частей приведенной модели выглядит в ответах респондентов, в частности так: «*Отличное (прекрасное / доброе / путное / качественное ...)*» → «*хорошему (отличному / успешному / благоприятному / счастливому / путному / желанному)*» и др.

Значительную группу определений, приведенных в «левой» части – всего около 6,8% характеристик, составляют такие, как *решительное, ответственное, уверенное, продуманное, грамотное, эффективное* и т.д. Эти слова смещают акцент с обобщенной положительной семантики определений к слову *начало* на личностные качества субъекта-инициатора. Таким образом, участники не рассматривают анализируемую связь как чисто механический переход во времени от начала события к результату, а связывают успешный исход со свойствами человека, проявляющимися в его действиях и поступках, – с серьезностью, деловым подходом и т.д. Ср. реализации модели: «*Решительное – к успешному*»; «*Обдуманное – к результативному*»; «*Эффективное – к хорошему*» и др.

1.2. При актуализации респондентами зависимости между плохим началом и безрадостным окончанием, составляющей в сравнении с «позитивной» моделью соотношение 19 к 68, в качестве ключевого используется определение *плохой* (7 ответов, 6,8%), дополняемое прилагательными с негативной семантикой *дурное, глупое*.

Отдельную подгруппу составляют прилагательные, обозначающие отсутствие прилива энтузиазма, *скудное, вялое, унылое*. Перенос внимания на личностные качества инициатора проявляется через характеристики *неуверенное, необдуманное, поспешное, несвоевременное* и т.п., что указывает на представление о детерминации неудачного начала личностными чертами субъекта.

В качестве оцениваемого негативно результата приведены: (конец) *трагичный, плачевный, грустный, неуспешный* и др. Ср. реализации модели: «*Необдуманное / Вялое – к печальному*», «*Дурное / Унылое / Бурное – к плачевному*». Нельзя не заметить здесь важности временного параметра, связываемого с началом действия: «*Поспешное – к неизбежному (определенно 'негативному')*», «*Несвоевременное – к дурному*», «*Быстрое – к грустному*».

1.3. Данные наблюдения подтверждают устойчивость модели «качество начала – качество конца» и детерминирующее значение начальной фазы действия. Тем не менее, наблюдаются и иные версии выявляемых отношений между началом и концом. Несоответствие между ними может вербализоваться по линии «от отрицательного к положительному» (*Трудное – к счастливому / легкому*; *Трудоемкое – к хорошему*; *Печальное – к радостному*; *Сложное – к легкому*) и наоборот – «от положительного к отрицательному» (*Яркое – к увядшему*).

1.4. Интересны примеры философского подхода к предложенной формулировке и отказа от конкретных определений в пользу таких умозаключений, как **Всегда** начало приводит к **какому-то** концу; **Как ни крути**, начало приводит к **одному** концу; **Любое** начало приводит к **неизбежному** концу; **Каждое** начало приводит к **неминуемому** концу (ср. близкие по значению ПЕ: *Всякое дело с концом хорошо; Было бы начало, будет и конец; Долго ли, коротко ли, а конец будет*). Связь между началом и концом при этом четко выражена: начало содержит в себе потенциал завершения, и в этом смысле обе фазы не являются исключительно противоположными понятиями, а выступают как взаимодополняющие элементы, обеспечивающие целостность существования.

Полученные данные свидетельствуют о четко прослеживаемых моделях в осмыслении причинно-следственной связи между началом и концом и приоритете видения этой зависимости в позитивном ключе и вербализации ее с привлечением лексем, семантически маркированных положительно. Неудачный почин, как показывают ответы, увеличивает риск негативных последствий. При этом носители русского языка связывают начало и конец преимущественно с представлением о деятельности человека, его действиях, о чем свидетельствует выбор определений (*своевременный, необдуманый, эффективный* и др.).

Подобная бинарность, по мнению М.С. Уварова, укоренена в восприятии времени как линейного процесса: «бинарный архетип является основой одной из важнейших дискурсивных практик, выработанных в истории европейской философии и культуры» [7], что подтверждает универсальность выявленной тенденции. Ответы участников демонстрируют явную согласованность, что, вероятно, обусловлено влиянием устоявшихся в сознании культурных установок, выражаемых прецедентными текстами и в том числе – пословицами. Эту идею передают и пословицы: *Доброе начало – половина дела; Хорошее начало полдела откачало; Плохое начало – и дело стало* и др.

2. Знание пословиц, выражающих представление о начале и конце.

Для определения степени знакомства респондентов с пословицами о начале и конце им было предложено ответить на вопрос «Какие пословицы вы знаете о связи между началом и концом?».

При ответе на вопрос затруднились 25 участников, указав «не знаю» или оставив вопрос без ответа, признаваясь, что не могут вспомнить. Всего 84 респондента дали 115 ответов, при этом наблюдается значительная доля повторений. Всего прозвучало 60 единиц.

Среди названных пословиц о связи начала и конца наиболее частотными являются ПЕ *Начал (Начать) за здоровье, а кончил (кончить) за упокой* (в 14 ответах / 16,7 %). 10 респондентов (11,9 %) назвали ПЕ с вариантами: *Без начала нет конца (конца не бывает / не жди конца)*.

В семи и шести ответах (8,3 % и 7,1 % соответственно) названы следующие подгруппы ПЕ:

7 ответов (8.3 %)	<i>Кончил (сделал) дело – гуляй смело; Конец – [всему] делу венец; Семь раз отмерь, один раз отрежь; Лиха беда начало [, а там уж близок и конец] (Не велика беда начало)</i>
6 ответов (7.1 %)	<i>Было бы начало, а конец всегда найдётся (а конец будет; будет и конец) и вариант Начало есть – конец будет</i>

Приведем некоторые ПЕ, отмеченные в более чем одном ответе:

4 ответа (4.8 %)	<i>Начало трудно, а конец мудрен</i>
3 ответа (3.6 %)	<i>Не дорого начало, а похвален конец; Хорошее (доброе) начало полдела откачало; Каково начало, таков и конец; Тише едешь – дальше будешь; Раньше начнёшь, раньше кончишь</i>

2 ответа (2,4 %)	<i>Умел начать, умеи и кончить; Сам кашу заварил – сам и расхлебывай (Что заварил, то и расхлебывай); Не верь началу, [а] верь концу; Рыба гниет с головы; [Правильное] начало – половина дела (всего); Русский долго запрягает, да (но) быстро скачет (едет); Сказал «А» – говори (должен сказать) «Б» !</i>
---------------------	---

Число ПЕ, упомянутых по одному разу, составило 29,6 % – это такие выражения: *Как начнешь, так и кончишь; Плохое начало не к доброму концу; Сколько верёвочке ни виться, а конец будет* и др.

Справедливым представляется указание в ответах паремий с отсутствием компонентов *начало* и *конец* – например, ПЕ *Рыба гниёт с головы*. Ср. ее трактовку в словаре: *Рыба с головы гниет (воняет)* – ‘Распад, разложение, беспорядки и т.п. в какой-л. среде, коллективе начинаются прежде всего сверху’ [12, с. 278]; здесь прямо указывается на начало способного распространяться негативного процесса.

В русских ПЕ, передающих отношение говорящих к началу / концу действия, процесса и т.п., не всегда используются компоненты с семантикой ‘начало’ и/или ‘конец’: понимание паремии может быть основано на вовлечении реципиента в расшифровку заложенных в высказывании образов и структур. ПЕ *Семь раз отмерь, один раз отрежь* (7 раз / 8,3 %) кодирует временные границы через показ динамики действий, где многократное повторение этапа замеров (*отмерь*) служит первой фазой, сменяемой единичным завершающим актом (*отрежь*); тем самым имплицитно формируется модель «начало – конец». В ПЕ *Что посеешь, то и пожнёшь*, упомянутой 1 раз (1,2 %), семантика начала и конца вербализуется глаголами-антонимами *посев* (безусловно, ‘старт’) и *жатва* (‘логическое завершение’), образуют замкнутый цикл, требующий от носителя культуры реконструкции временной последовательности.

ПЕ *Русский долго запрягает, но (да) быстро едет (скачет)* характеризует ситуацию, когда на тщательную и вдумчивую подготовку уходит много времени, но затем дело идёт легко и эффективно. При этом затянувшееся начало чего-л. не только не препятствует, а скорее способствует динамическому ходу будущей деятельности, рисуя в перспективе успешный финал. *Запрягать* – процесс непростой и требующий навыка – от него зависит, насколько будет удобно и легко управлять лошадью, а также внимательности, неспешности.

ПЕ *В начале прыток, в конце хлипок* – язык *высунет* упомянута один раз, хотя и звучит очень емко и образно. Выражение отчасти синонимично частотной паремии *Начал за здоровье, а кончил за упокой* с семантикой ‘О несоответствии хорошего начала плохому концу (в словах, поступках и т.п.)’ [12, с. 196]. Представляется важным, что респонденты привели не только известные им единицы, но и предприняли некоторый словарный поиск с целью расширения представления о семантике начала и конца, отраженной единицами народного менталитета.

В некоторых из приведенных в ответах ПЕ вербально представлен лишь один компонент – *начало* или *конец* (*кончил*) (*Конец – делу венец; Кончил дело – гуляй смело; Лиха беда начало* (также *Не велика беда начало*) – и свидетельствуют о понимании говорящими важности именно начала или конца.

По вопросу «Какие ещё пословицы вы можете вспомнить о важности начала или конца?» все 109 участников дали валидные ответы. В сумме было получено 133 ответа; после исключения повторов осталось 74 уникальные единицы. Наиболее частотные ответы: *Лиха беда начало* (22 ответов / 20,2%); *Кончил (сделал) дело – гуляй смело* (15 / 13,8%); *Начал(начать, начали) за здоровье, а кончил (кончить, закончили) за упокой* (9 ответов / 8,3%); *Конец (всему) делу венец* (8 ответов / 7,3%); *Семь раз отмерь, один раз отрежь* (7 ответов / 6,4%).

Остальные повторяющиеся ответы представлены в виде таблицы:

4 ответа (3,7 %)	<i>Первый блин комом; Не говори гоп пока не перепрыгнешь (перепрыгнул)</i>
------------------	--

3 ответа (2,8 %)	<i>Цыплят по осени считают; Хорошее начало полдела (половину дела) откачал; Без начала нет (не бывает) конца</i>
2 ответа (1,8 %)	<i>Что посеешь то и пожнешь; Всему есть начало и есть конец; Каково начало таков и конец; Попытка не пытка; Тише едешь дальше будешь; Голова всему начало; У всякого словца ожидай конца; [Правильное] начало – половина дела (всего)</i>

Число ПЕ, упомянутых по одному разу, составило 42,1 % – это такие выражения: *Глаза боятся, а руки делают; Запел песню – доводи до конца; В начале дела обдумай его конец* и др.

По ответам участников на двух заданиях можно констатировать, что выражения *Начал за здоровье, а кончил за упокой* и *Лиха беда начало* занимают центральное место в языковом сознании русскоязычных участников. *Начал за здоровье, а кончил за упокой* и *Лиха беда начало* одновременно являются наиболее известными и часто используемыми. Первая пословица известна 106 участникам из 109, причем 84 респондента используют её в речи. Вторая поговорка знакома 81 человеку, и к ней прибегают в речи 40 респондентов.

ПЕ *Начал за здоровье, а кончил за упокой* используется для показа контраста между успешным началом и неудовлетворительным завершением дела. Акцент делается только на начальной и конечной фазах действия, деятельности, а промежуточный этап не попадает в фокус внимания говорящих. Респонденты отмечают её актуальность в ситуациях, когда что-либо успешно начатое и многообещающее неожиданно сводится к малозначащему, неудовлетворительному, нарушающему прежнее хорошее впечатление. В ответах, в частности отмечается: *Использую в шутку самому себе, когда записываю учебное видео: бодрое вступление, а затем речь становится тоскливой; Когда хотели как лучше, а получилось как всегда; Хорошо начал, но плохо закончил*. Эмоциональная окраска пословицы варьируется от иронии и насмешки до выражения разочарования. ПЕ применяется для указания на несоответствие между ожиданиями и результатами: «Стихийность действий, непредсказуемость результатов в частных ситуациях и разочарование окончанием данных ситуаций сформировали у говорящих негативный фрейм» [2, с. 129].

В отличие от предыдущей, ПЕ *Лиха беда начало* служит мотиватором, особенно в ситуациях, где требуется поддержка или преодоление страха перед началом чего-то нового. Один из участников отметил: «Когда кто-то жалуется на сложности в начале дела, учебы и т.п.». Другой привёл пример использования выражения «при подготовке к ЕГЭ, после вводного теста, чтобы успокоить ученика». Основная цель применения данной пословицы – подбадривание и воодушевление. Она помогает поддержать сомневающегося, вселить уверенность в успешном завершении дела и снять напряжение перед началом сложной задачи.

Эта пословица применяется для описания ситуаций, в которых отсутствуют конкретные детали. К подобным пословицам относятся: *Начало трудно, а конец мудрен, Начало было трудно, а конец ещё труднее; Легко начать, да нелегко кончить* и т.п. Такая группа пословиц характеризуется отсутствием чётко определённых участников и неясно выраженными качественными характеристиками, которые отражают базовые предикаты, например: *не мудрено / мудрено; трудно / ещё труднее; легко / нелегко*. Такие поговорки могут быть определены как «поговорки общереферентного типа, поскольку могут быть отнесены к любому говорящему или его адресату. Именно данной особенностью и отличаются обобщающие конструкции, несущие в своей семантике нравоучительный смысл» [2, с. 129].

Высокая степень использования пословиц *Начал за здоровье, а кончил за упокой* и *Лиха беда начало* свидетельствует об их значимости для описания различных аспектов

жизни: от предупреждения об ошибках и критики результатов до выражения оптимизма и поддержки. Эти выражения отражают богатую символику начала и конца в русской культуре, подчёркивая их важность как ключевых этапов человеческой деятельности и взаимодействия.

3. Интересные ответы получены на вопрос, связанный с предложением привести свое понимание двух ПЕ – весьма употребительной *Назвался груздем – полезай в кузов* и малоизвестной, но выразительной – *Где хвост начало, там голова мочало*.

Исследователь З.Д. Попова отмечает, что «абстрактные понятия формируются на основе тех семантических признаков, которые накоплены в языковом сознании народа, хотя в нем они могут оставаться рассыпанными по разным средствам выражения. Соответственно, их репрезентантами могут выступать любые явления, предметы, действия, признаки и так далее» [7, с. 140].

Пословица *Назвался груздем – полезай в кузов* подчёркивает важность ответственности за свои слова и обязательства, которые нужно выполнять. Пять участников не дали ответа на этот вопрос. Большинство же респондентов (около 85 %) правильно интерпретировали её смысл – взявшись за дело или дав обещание, нужно доводить начатое до конца. В качестве ответов приведены выражения *Взялся за гуж – не говори, что не дюж* и *Сказал – сделал*. Примерно в 10 % ответов указывается на буквальное понимание метафоры (например, ассоциация с грибом / груздём вместо акцента на обязательствах, ответственности) или наблюдается изменение семантики ПЕ: например, «не выдавай себя за другого».

Если 27 участников не дали своей версии трактовки ПЕ *Где хвост начало, там голова мочало*, то 49 человек из 82 (45 %) верно интерпретировали её смысл, выделив главное: хаотичное начало неизбежно ведёт к провалу. Примеры корректных трактовок: «Если начинать дело с конца, ничего не выйдет», «Порядок действий решает всё». Особое внимание уделялось критике неразумного подхода («Кто хвостом начинает, тот мочалом думает») и важности логической последовательности («Сначала фундамент, потом крыша»). Интересно, что даже впервые услышавшие эту ПЕ смогли дать объяснение, точно соответствующее её значению. Знакомство с законами паремииологического пространства и правилами построения пословиц – здесь важна антитеза «голова – хвост» – способствует её пониманию. Были отмечены и случаи внесения оценочного акцента в трактовку ПЕ, воспринятую как характеристика личностных качеств – бесхарактерности и глупости.

В 20 % ответов были приведены толкования, далекие от свойственных ПЕ значений. Во-первых, некоторые комментарии объясняются актуализацией респондентом метафорического значения компонента *мочало* (*мочало* – человек бесхарактерный, вялый, безвольный) [11]. Во-вторых, часть участников понимала *хвост* и *голову* буквально, представляя себе анатомические части тела животного, тогда как здесь *хвост* символизирует второстепенное, а *голова* – главное. Отмечены попытки трактовок ПЕ в связи с мифами о змее Уроборосе (символе бесконечности) и сквозь призму морали о трусости.

Анализ интерпретаций пословиц *Назвался груздем – полезай в кузов* и *Где хвост начало, там голова мочало* показывает их удивительную актуальность сегодня. Участники связывали многовековую мудрость со своей трудовой практикой; ср.: «выбрал профессию – работай в этой профессии», «если командовать начнёт тот, кто должен был бы подчиняться, толкового результата не будет». Эти комментарии показывают, что ПЕ по-прежнему востребованы носителями современной культуры – и не по причине ностальгии по фольклорным единицам, а в силу выражения ими универсальных закономерностей.

Заключение. Проведённое исследование подтверждает, что концепты «начало» и «конец» занимают важное место в русской паремике, отражая универсальные законы причинности и цикличности. Ассоциативный эксперимент выявил, что носители языка ставят успешный результат в зависимость от хорошего старта. Позитивная модель «хорошее начало – хороший конец» и её варианты служат универсальным когнитивным шаблоном, поддерживаемым установками культуры и современными дискурсивными практиками. Это подтверждает активность в сознании говорящих категории причинности, отражающей «универсальную когнитивную модель, связывающую иницирующее событие с его результатом» [1, с. 312], т.е. начало воспринимается как детерминирующий фактор. Востребованность ПЕ *Лиха беда начало; Начал за здравие, а кончил за упокой* и др. свидетельствует об их роли в передаче коллективного опыта. Напрашивается вывод о преемственности идей, закодированных в единицах народной речи: они не только аккумулируют коллективную мудрость, но и иллюстрируют возможность их современного использования в качестве средства решения конкретных коммуникативных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
2. Ермакова Л.А. Отражение референциальных ситуаций в оценочной семантике русских и английских паремий с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» и их смысловыми репрезентаторами / Л.А. Ермакова, С.Ю. Лаврова // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – №1 (28). – С. 125–132.
3. Иванов Е.Е. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления / Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина, Ю.А. Петрушевская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – №12 (4). – С. 996–1035.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
5. Мечковская Н.Б. Концепты «начало» и «конец»: тождество, антонимия, асимметричность / Н.Б. Мечковская // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2002. – С. 109–120.
6. Подюков И.А. Семиотический аспект текста паремии / И.А. Подюков // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста. – 1999. – С. 152–158.
7. Попова З.Д. Концептуальная природа абстрактных понятий / З.Д. Попова // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2003. – № 1. – С. 132–141.
8. Селиверстова Е.И. Опыт выявления пословичного бинама и проблема вариантности / Е.И. Селиверстова // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 1 (17). – С. 182–200.
9. Уваров М.С. Бинарный архетип в природе философской рефлексии / М.С. Уваров // Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры. – СПб.: БГТУ, 1996. – 213 с.
10. Уфимцева Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Н.В. Уфимцева // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – 2001. – С. 65–71.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Большой толково-фразеологический словарь русского языка Михельсона. – М.: Си ЭТС: Бука, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/5426/мочало (Дата обращения: 05.04.25).
12. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.

REFERENCES

1. Arut'ionova N. D. (1998). Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)
2. Ermakova L. A., & Lavrova S. Y. (2022). Otrazhenie referentsial'nykh situatsii v otsenochnoi semantike russkikh i angliiskikh paremii s leksemami "nachalo"/"konets" i "beginning"/"ending" i ikh smyslovymi reprezentatorami [Reflection of referential situations in the evaluative semantics of Russian and

English paremia with the lexemes “nachalo”/“konets” and “beginning”/“ending” and their semantic representors]. Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik, 1(28), 125–132 (In Russian)

3. Ivanov E. E., Lomakina O. V., & Petrushevskaya Y. A. (2021). Natsional'naia spetsifichnost' poslovochnogo fonda: osnovnye poniatii i metodika vyivleniia [National specificity of the proverbial fund: key concepts and methodology of identification]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika, 12(4), 996–1035. (In Russian)

4. Leont'ev A. N. (1977). Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat. (In Russian)

5. Mechkovskaia N. B. (2002). Kontsepty “nachalo” i “konets”: tozhdestvo, antonimiia, asimmetrichnost' [Concepts “beginning” and “end”: identity, antonymy, asymmetry]. In N. D. Arut'iunova (Ed.), Logicheskii analiz iazyka. Semantika nachala i kontsa [Logical analysis of language. Semantics of beginning and end] (pp. 109–120). Moscow: Indrik. (In Russian)

6. Podiukov I. A. (1999). Semioticheskii aspekt teksta paremii [Semiotic aspect of the text of paremia]. In Lingvisticheskie i esteticheskie aspekty analiza teksta [Linguistic and aesthetic aspects of text analysis] (pp. 152–158). (In Russian)

7. Popova Z. D. (2003). Kontseptual'naia priroda abstraktnykh ponatii [Conceptual nature of abstract concepts]. Vestnik VGU. Serii Gumanitarnye nauki [Bulletin of Voronezh State University. Humanities Series], (1), 132–141. (In Russian)

8. Seliverstova E. I. (2009). Opyt vyivleniia poslovochnogo binoma i problema variantnosti [An attempt to identify the proverbial binomial and the problem of variability]. Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii [Russian Language in Scientific Coverage], 1(17), 182–200. (In Russian)

9. Uvarov M. S. (1996). Binarnyi arkhetyv v prirode filosofskoi refleksii [Binary archetype in the nature of philosophical reflection]. In Binarnyi arkhetyv. Evoliutsiia idei antinomizma v istorii evropeiskoi filosofii i kul'tury [Binary Archetype: Evolution of the Idea of Antinomism in the History of European Philosophy and Culture] (pp. 213). Saint Petersburg: BSTU. (In Russian)

10. Ufimtseva N. V. (2001). Sopostavitel'noe issledovanie iazykovogo soznaniia slavian [Comparative study of the linguistic consciousness of the Slavs]. In Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki [Methodological Problems of Cognitive Linguistics] (pp. 65–71). (In Russian)

Поступила в редакцию 11.05.2025 г.

CONNECTION BETWEEN CONCEPTS OF "BEGINNING" AND "END" IN RUSSIAN PROVERBS

Zhao Xu

The article presents the results of a survey of 109 respondents aimed at identifying patterns in understanding and using the proverbial model that verbalizes the relationship between “beginning” and “end” and reflects a culture’s core stance toward these concepts. It demonstrates that among the respondents’ formulations of this relationship, the positive model “a good beginning leads to a good end” predominates (66 %), exhibiting considerable variation and a personalization of the “beginning” through attributes typically associated with the subject’s activity. Individual responses reveal respondents’ deep reflections and an appreciation of life’s cyclicity. A test of respondents’ knowledge of proverbs about the connection and importance of beginning and end brought into the open the most frequent expressions – both with transparent semantics and with implicitly expressed links between beginning and end. Finally, respondents’ interpretations of two proverbs provided clear evidence both of the semantic indeterminacy of proverbs and of the importance of the paremiological context as a basis for interpreting even those proverbs unfamiliar to the speaker.

Keywords: concept, beginning, end, Russian paremias, associative experiment.

Чжао Сюй.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Аспирант.

ORCID 0009-0004-1625-3077.

E-mail: st122678@student.spbu.ru.

Zhao Xu.

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation.
Post-graduate student.

ORCID: 0009-0004-1625-3077.

E-mail: st122678@student.spbu.ru.

СЛОВО МОЛОДОМУ УЧЁНОМУ

Научная статья
УДК 81'373.611
DOI: 10.5281/zenodo.15808742

ИНИЦИАЛЬНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ КАК ФОРМАЛЬНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС: ПАРАМЕТРЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ¹⁴

© 2025 А.А. Алтухова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
ORCID 0009-0002-5023-0368

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена исследованию инициальных аббревиатур и описанию их как особого формально-ономасиологического класса. Рассматриваются структурные, семантические и функциональные особенности, отличающие данные аббревиатуры от других типов сокращений, анализируются явления множественной эквивалентности и вариативности структуры, устанавливаются источники и модели возникновения аббревиатур, выделяется новый тип парадигматических объединений – аббревиатурно-дешифровальная группа. При проведении исследования использовались описательный, сопоставительный методы, метод обобщения и метод компонентного анализа. В качестве материала выступили аббревиатуры и их дешифровки из картотеки создаваемого в ДонГУ прескриптивного словаря аббревиатур. Актуальность работы определяется недостаточной изученностью инициальных аббревиатур с точки зрения синхронно-эквивалентностного подхода. В результате исследования были выявлены закономерности образования и функционирования инициальных сокращений и обозначены основные направления изучения данного типа аббревиатур.

Ключевые слова: инициальные аббревиатуры, множественная эквивалентность, вариативность, парадигматические отношения.

Для цитирования: Алтухова А.А. Инициальные аббревиатуры как формально-ономасиологический класс: параметры выделения и существования / А.А. Алтухова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – №4. – С. 156–165. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15808742>.

Введение. Инициальные аббревиатуры занимают особое место в системе словообразования, представляя собой класс лексических единиц, образованных путём сложения начальных букв или звуков слов исходного словосочетания. Сокращения данного типа обладают специфическими структурными, семантическими и функциональными характеристиками, что позволяет рассматривать их как самостоятельный формально-ономасиологический класс. Инициальная аббревиация является самым продуктивным способом образования аббревиатур. Активное использование сокращений инициального типа в различных сферах коммуникации,

¹⁴ Исследование проводилось по теме государственного задания «Прескриптивные словари сокращений и аббревиатур» № госрегистрации НИОКТР 125052006173-0).

жаргонной и разговорной речи свидетельствует об их значимости для языка. Однако их статус, особенности функционирования и степень самостоятельности как класса остаются предметом дискуссий в лингвистике. Как отдельный способ образования новых слов инициальную аббревиацию впервые выделил А. Мазон [5], Д.И. Алексеев проследил эволюцию инициальных сокращений в языке [1], В.В. Борисов, разграничивая морфемную и инициальную аббревиации, отмечал, что акронимия демонстрирует ряд существенных отличий от иных типов аббревиации и что «не все критерии и методы, применяемые при исследовании акронимов, пригодны для анализа других видов аббревиатур» [2, с. 11]. В данной статье рассматриваются ключевые характерные особенности инициальных аббревиатур, выделяющие их среди других сокращений.

Цель работы – рассмотреть специфику инициальных сокращений и описать данный тип аббревиатур как формально-ономасиологический класс. Достижение поставленной цели требует решение следующих задач: 1) рассмотреть типологию аббревиатур; 2) раскрыть понятие «инициальные аббревиатуры», выявить их статусообразующие особенности; 3) описать явление множественной эквивалентности инициальных аббревиатур и вариативности их структуры; 4) рассмотреть парадигматические отношения, в которые вступают инициальные аббревиатуры.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания методик описания инициальных аббревиатур в Нормативном словаре аббревиатур русского языка, в котором помимо прескриптивного реализуется синхронно-эквивалентностный подход.

Материалы и методы исследования. В качестве исследовательского материала были отобраны и проанализированы 774 аббревиатуры. Источник фактического материала – картотека прескриптивного словаря аббревиатур, создаваемого кафедрой русского языка, сайт «Sokr.ru» и поисковые системы Google и Yandex. Для осуществления исследования использовались следующие методы: 1) описательный метод применялся для определения ключевых понятий; 2) с помощью метода обобщения были даны характеристики исследуемым единицам; 3) сопоставительный метод был использован для выявления специфики инициальных аббревиатур; 4) метод компонентного анализа применён при рассмотрении гнёзд эквивалентности.

Основная часть.

1. Инициальные аббревиатуры как формально-ономасиологический класс.

Традиционно выделяется несколько типов аббревиатур:

1) инициальные – звуковые и буквенные аббревиатуры (*РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, АСУ – автоматизированная система управления*);

2) слоговые, состоящие из частей слов производящего словосочетания (*ликбез – ликвидация безграмотности, спецкор – специальный корреспондент*);

3) частично сокращенные слова, включающие слоговое сокращение и полное слово (*авиарейс – авиационный рейс, финактив – финансовый актив*);

4) смешанный тип сокращений, содержащий как инициальные, так и слоговые компоненты (*ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей, ВНИИторгмаш – Всесоюзный научно-исследовательский и экспериментально конструкторский институт торгового машиностроения*).

При формально-ономасиологическом подходе к аббревиации, применяющемся при сопоставлении аббревиатуры с обозначаемым объектом и учитывающем способ образования сокращений, их дешифровку и восприятие носителями языка, выделяются:

1) инициальные аббревиатуры – сокращения, в которых представлены первые буквы или звуки слов словосочетания, на базе которого они создаются (*СНГ – Содружество Независимых Государств, ООН – Организация Объединённых Наций, втуз – высшее техническое учебное заведение*);

2) сложносокращённые апеллятивы – «нарицательные лексемы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом» [9, с. 104] (*биофак – биологический факультет, ядохимикат – ядовитый химикат*);

3) квазиаббревиатуры – слова, «созданные путём непосредственного присоединения абброморфемы (абброконструкта) к производящему слову» [8, с. 18] (*алкоамнезия – алкогольная амнезия, биомагнетизм – биологический магнетизм, словосочетания возникли в результате псевдоунивербализации, то есть вторичного развертывания на базе аббревиатуры*);

4) сложносокращённые онимы – «эргонимы, которые имеют как черты сложносокращённых апеллятивов (использование абброконструктов), так и черты инициальных аббревиатур: сложносокращённые онимы в соответствии с нормами делопроизводства создаются по модели коррелятивной универбализации параллельно полным наименованиям» [10, с. 36] (*Минобрнауки, Росторг*).

Инициальные аббревиатуры, являясь дифференцированным классом как в диахронии, так и в синхронии, представляют особый способ образования и обладают специфическими грамматическими свойствами.

Инициальные аббревиатуры – это аббревиатуры, возникшие «в результате сокращения компонентов производящего словосочетания до первых букв или звуков» [10, с. 32–35]. У инициальных аббревиатур, как и у других типов сокращений, есть ряд статусообразующих особенностей.

1) Сокращения инициального типа можно образовать от всех словосочетаний, имеющих цельную семантику, не выводимую из значений составляющих их компонентов. Инициальная аббревиация предполагает в качестве своего источника семантическую компрессию свободного словосочетания, которое превращают его в расчленённую единицу с цельным значением. Например, *ДО (дом отдыха)* – это не просто дом, в котором отдыхают, а учреждение, пребывание в котором не предполагает исключительно отдых; *АК (автомат Калашникова)* – это не автомат, принадлежащий Калашникову, а наименования оружия по фамилии изобретателя.

2) В.И. Теркулов отмечает, что при создании инициальных аббревиатур в основе универбализации лежит «реальное ситуативное сокращение, то есть осознанная ситуативная замена слова, входящего в коллокативное словосочетание, его первым звуком или первой буквой, не имеющими семантической закреплённости, то есть не могущими автоматически быть связанными с какой-то конкретной семантикой» [9, с. 104–105]. Так, инициальный конструкт *С* связан с любым словом с соответствующим начальным звуком/буквой, например *санитарный (СКП – санитарный контрольный пункт), система (АИС – автоматизированная информационная система)* и т.д. Конструкты инициальных аббревиатур не являются морфемами, так как они неинформативны и не «стереотипно воспроизводятся, используя в качестве регулярного заместителя лексемы эквивалентного словосочетания», а «создаются каждый раз в результате сокращения слова» [7, с. 33]. По этой причине существует множество омонимов, значение которых можно определить только исходя из контекста и сферы употребления слова (*ПДП – полное досрочное*

погашение (кредита) и ПДП – первая доврачебная помощь). Возможна также лексическая омонимия онимов и апеллятивов, местоимений, падежных, глагольных форм с аббревиатурами инициального типа (например, аббревиатура *ОН* – объект недвижимости и местоимение *он*; аббревиатура *ДОМ* – дорожное отделение милиции, существительное *дом*).

Традиционно классификация инициальных аббревиатур осуществляется по их фонетической структуре. С этой точки зрения они подразделяются на образованные путём сложения начальных букв эквивалентного словосочетания алфавитизмы (например, *ВПП* [вэ-пэ-эр] – *всероссийская проверочная работа*, *КПД* [ка-пэ-дэ] – *коэффициент полезного действия*) и акронимы, которые создаются из начальных звуков эквивалентного словосочетания (например, *БАР* [бар] – *биполярное аффективное расстройство*, *НОК* [нок] – *наименьшее общее кратное*). Существуют также возникшие в результате гибридной инициальной аббревиации буквенно-звуковые аббревиатуры, которые представляют собой сочетание алфавитизации и акронимии (например, *ЦСКА* [це-эс-ка] – *Центральный спортивный клуб армии*, *ГИБДД* [ги-бэ-дэ-дэ] – *Государственная инспекция безопасности дорожного движения*). Разграничение способов сокращения в ряде случаев является условным ввиду колебания произношения аббревиатуры как в синхронии, так и в диахронии. Например, для инициальной аббревиатуры *ЦИК* (*Центральный исполнительный комитет*), которая на актуальном срезе является акронимом, в прошлом веке А. Мазоном отмечалось произношение [цэ-и-ка] [5, с. 206]. Аббревиатура *США*, по свидетельству Д.И. Алексеева, во второй половине XX века употреблялась одновременно как акроним и как алфавитизм: «Инициальная аббревиатура США и теперь произносится по-разному: *сша*, *сэ-ше-а*, *эс-ша* и т.п.» [1, с. 202].

Для инициальных аббревиатур характерен процесс лексикализации – они становятся полноценными лексемами, использующимися в номинативной функции, обладающими собственным значением. От инициальных аббревиатур создаются дериваты (например, *вузовский*), они начинают входить в категорию склоняемых слов, свободно употребляются не только в письменной, но и в устной речи.

2. Множественная эквивалентность инициальных аббревиатур и вариативность их структуры.

Исследование аббревиации предполагает два подхода – диахронный и синхронный. Диахронный подход ориентирован на выявление деривационных связей между словосочетанием и аббревиатурой через нахождение в данной паре производящей единицы. Синхронный же подход направлен на установление эквивалентов аббревиатуры, которые трактуются как функционально равноценные и взаимозаменяемые элементы на основе мотивационных отношений на актуальном срезе языка. В данном исследовании мы экстраполируем положения синхронно-эквивалентностного подхода, впервые применённого для описания сложносокращённых апеллятивов, к анализу инициальных аббревиатур.

В синхронии аббревиатуре может соответствовать несколько синтаксических эквивалентов – словосочетаний или слов, которые употребляются «как абсолютные синонимы (дублеты) сложносокращённого слова в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры» [11, с. 82]. Эквивалентные аббревиатуре словосочетания формируют её гнездо эквивалентности, трактуемое как «совокупность актуально сосуществующих словосочетаний, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в

эквивалентных текстах» [11, с. 76]. Инициальные аббревиатуры так же, как и сложносокращённые слова, могут характеризоваться наличием нескольких мотивационно связанных словосочетаний. Например, эквивалентами инициальной аббревиатуры *АБ* являются сложносокращённое слово *автобензин* и словосочетания *автомобильный бензин*, *бензин для автомобилей*, *бензин для автомобиля*, *бензин для авто*, *бензин для автотранспорта*, *бензин для автотранспортных средств*, *бензин для автомашин*, *бензин для автомашины*.

Множественность синхронных эквивалентов аббревиатуры обусловлена существованием нескольких дешифровальных стимулов – развёрнутых эквивалентов сокращённого компонента аббревиатуры, которые могут различно трактовать её семантику. В зависимости от типа соотношения между аббревиатурой и её эквивалентом дешифровальные стимулы разделяются на презентативные, релятивные и модификативные. Презентативный дешифровальный стимул является относительным прилагательным, характеризующий обозначаемый аббревиатурой предмет через корреляцию с репрезентируемым ономаσιологическим признаком объектом (например, в дешифровке *АР* – *авторегистратор* – *автомобильный регистратор* выражается кваликативное значение). Интерпретативные дешифровальные стимулы трактуют аббревиатуру, конкретизируя её семантику. Релятивный дешифровальный стимул осуществляет падежную и актантную трактовку референта (например, для аббревиатуры *АР* – *авторегистратор* фиксируются релятивные эквиваленты с дестинативным и локативным значениями *регистратор для авто*, *регистратор в авто*, *регистратор на авто*). Модификативный дешифровальный стимул интерпретирует референт посредством добавления второго ономаσιологического признака, «формально переподчиняющего себе старый ономаσιологический признак, который подчинён в рамках презентатива и релятива ономаσιологическому базису» (например, *АР* – *авторегистратор* – *автомобильный видеорегистратор*) [3, с. 76].

Модификативный дешифровальный стимул, который имеет некоторые особенности функционирования в инициальных сокращениях, может различно трактовать семантику аббревиатуры. В конструктах инициальной аббревиатуры зачастую отражаются семантически значимые компоненты, поэтому в случаях, когда эквивалент имеет дополнительный ономаσιологический признак, появляется компонент, распространяющий или уточняющий семантику аббревиатуры, в структуре инициальной аббревиатуры отмечается начальная буква или звук абброконструкта.

Например, сложносокращённому апеллятиву *автопредприятие* соответствует инициальная аббревиатура *АТП*, так как для *автопредприятия* дешифровальным интерпретативным модификативным стимулом является *автотранспортное предприятие*. Инициальной аббревиатуре *АП* соответствуют *автопредприятие*, *автомобильное предприятие*. *АТП* и *АП* синонимичны, т. е. тоже являются эквивалентами. Вариативность сокращения влияет на интерпретацию дешифровального стимула – дешифровки могут быть презентативными, релятивными или модификативными в зависимости от того, присутствует ли дополнительный компонент в структуре аббревиатуры или нет. Например, эквивалентными для аббревиатуры *АС* (*автослужба*) являются словосочетания *автомобильная служба*, *автотранспортная служба*, *автотехническая служба*. В данной аббревиатуре находит отражение только презентативный дешифровальный стимул *автомобильная служба*, в то время как дополнительный ономаσιологический признак (для абброконструкта *авто* модификативный дешифровальный стимул – *автотранспортный*) должен отражаться в инициальной аббревиатуре – *АТС*. В силу этого для аббревиатур *АС* и *автослужба*

дешифровки *автотранспортный* или *автотехнический* являются модификативными, а для аббревиатуры *АТС* – презентативными.

Существование данного пласта аббревиатур и их эквивалентов позволяет говорить о свойственном инициальным аббревиатурам новом типе эквивалентности, который связан с вариативностью структуры алфавитизмов и акронимов – наличием в языке нескольких формально различных по структуре аббревиатур для обозначения одного референта, так как аббревиатура и её эквиваленты имеют один денотат и связанные дешифровки.

Множественная эквивалентность инициальных аббревиатур возникает также в результате универбализации – «процесса образования слов, семантически тождественных производящим словосочетаниям» [13, с. 135], например *административный отдел* – *админотдел* – *адмотдел* – *адмот* – *АО*; *справочная информационная служба* – *справочно-информационная служба* – *СИС*, и псевдоунивербализации – «развертывания слова в словосочетание с тождественным значением» [12, с. 39], например *авиаразведка* – *авиационная разведка* – *АР*. В таких случаях эквиваленты представляют собой аббревиатурный комплекс, включающий словосочетание и сложносокращённое слово, структурная организация которого формируется в соответствии с моделями «словосочетание – универбат – инициальная аббревиатура» или «сложносокращённое слово – псевдоунивербат – инициальная аббревиатура».

Структура инициальной аббревиатуры не всегда систематически и последовательно включает все составляющие компоненты исходного словосочетания. Так, множественная эквивалентность фиксируется, когда отдельные компоненты полной формы отсутствуют в аббревиатурной конструкции, например *МБ* – *максимальный балл*, *максимальное количество баллов*, *ВК* – *военная кафедра*, *кафедра военной подготовки*.

Наличие нескольких синхронных эквивалентов наблюдается в случаях, когда в эквивалентных словосочетаниях инициальной аббревиатуры присутствуют деривационно связанные компоненты, использующиеся в качестве абсолютных синонимов, например *ЕНВ* – *единые нормы времени* и *единые нормативы времени*, *ЕФОВ* – *Европейская федерация по охране вод* и *Европейская федерация по охране водоемов*.

Структуре инициальных аббревиатур свойственна вариативность, которая реализуется по следующим моделям:

1) вариативность как следствие интерпретации аббревиатуры через презентативные и интерпретативные дешифровальные стимулы; например, аббревиатура (*ДТ/ТД*), обозначающая устройство, преобразующее измеряемую температуру в электрический сигнал или цифровой код, имеет два способа выражения: через релятивный дешифровальный стимул (*ДТ* – *датчик температуры*) и через презентативный (*ТД* – *температурный датчик*);

2) вариативность, возникающая при трактовке аббревиатуры через словосочетания с различной последовательностью компонентов (например, *ДВ*, *ВД* – *дорожка велосипедная*, *велосипедная дорожка*; *ПЗ*, *ЗП* – *парашют запасной*, *запасной парашют*);

3) вариативность, появляющаяся в результате неоднородности отражения составляющих эквивалентов в аббревиатурных конструктах; например, существование дублетных аббревиатур *ЕПБ*, *ЕПБВР* – *единые правила безопасности при взрывных работах* или *СОВ*, *СОВС* – *система оборотного водоснабжения* связано с включённостью в структуру элемента, содержащегося в дешифровке сокращения, так, варианты *ЕПБВР* и *СОВС* содержат компонент, который присутствует в исходных словосочетаниях, но отсутствует в формах *ЕПБ* и *СОВ*.

3. Парадигматика инициальных аббревиатур. При работе над Словарём аббревиатур появилась потребность выделения парадигматических объединений

аббревиатур, которые позволяют систематизировать сокращения и прогнозировать эквивалентные им словосочетания. Для сложносокращённых слов фиксируются следующие типы объединений: гнездо эквивалентности, аббревиатурная группа, аббревиатурное гнездо, аббревиатурно-ономасиологическое поле, аббревиатурная парадигма. В результате исследования обнаружилось, что модели описания инициальных аббревиатур несколько отличаются от моделей описания других типов аббревиатур: обнаруженная модель парадигматики для последних не учитывает особенностей инициальных сокращений, и комплекс парадигматических объединений сложносокращённых слов лишь фрагментарно совпадает с парадигматикой инициальных аббревиатур.

Как уже отмечалось выше, для инициальных аббревиатур так же, как и для сложносокращённых слов, обнаруживается наличие гнёзд эквивалентности. Так, гнездом эквивалентности аббревиатуры *АК* являются несколько синхронных эквивалентов: *авиационный комплекс*, *авиакомплекс*, *авиатранспортный комплекс*, *авиастроительный комплекс*, *авиационно-промышленный комплекс*, *комплекс авиации* и т.д.

Аббревиатурно-ономасиологическое поле сложносокращённых слов формируется аббревиатурами, содержащими «единую архисему в ономасиологическом базисе или ономасиологическом признаке наименования» [4, с. 11]. Так, сложносокращённые слова *велогонка*, *сельхозавтомобиль*, *мототрасса*, *санавтотранспорт* относятся к одному аббревиатурно-ономасиологическому полю. Данное парадигматическое объединение возможно и для инициальных аббревиатур. Например, аббревиатуры *СП* (*специальный поезд*), *СТ* (*скоростной трамвай*), *АГУ* (*автобусная громкоговорящая установка*) также содержат архисему «средства передвижения», что позволяет отнести их к данному типу объединений.

Для сложносокращённых слов выделяется аббревиатурная группа – «совокупность сложносокращённых слов, имеющих тождественный начальный конструкт» [6, с. 114]. Например, аббревиатурная группа «*фин*» включает сложносокращённые слова *финдиректор*, *финагент*, *финграмотность* и т.д. Неприемлемость данного объединения для инициальных аббревиатур обусловлена, во-первых, невозможностью отождествления создающихся в результате реального сокращения словосочетания инициальных конструктов и абброконструктов сложносокращённых апеллятивов, которые воспроизводятся как устоявшиеся языковые модели, регулярно заменяющие соответствующий компонент эквивалента, во-вторых, свойственной инициальным аббревиатурам вариативностью – инициальный конструкт не закреплён в структуре аббревиатуры, в которой не всегда последовательно отражаются компоненты эквивалентного словосочетания, например *АП*, *ПА* – *патрульный автомобиль*, *автомобиль патрульный*. Следовательно, инициальные аббревиатуры не характеризуются и наличием аббревиатурных парадигм – объединений аббревиатурных групп, абброконструкты и дешифровки которых включены в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле.

Для инициальных сокращений выделяется новое парадигматическое объединение – аббревиатурно-дешифровальная группа, под которой понимается совокупность инициальных аббревиатур и их эквивалентов с общим компонентом. Аббревиатурно-дешифровальная группа формируется на базе группы эквивалентности, включающей презентативные, релятивные, модификативные дешифровки определённого инициального конструкта без деления на базис и признак. Например, аббревиатуры *ГБА* (*газобаллонный автомобиль*), *СТОА* (*станция технического обслуживания автомобилей*), *АК* (*автомобильный комбинат*) входят в одну аббревиатурно-

дешифровальную группу, так как содержат тождественный инициальный конструкт *А*, дешифровальные леммы которого – *автомобиль/автомобильный*.

Принадлежность аббревиатуры к нескольким аббревиатурно-дешифровальным группам приводит к возникновению дешифровальной параллели. Так, эквиваленты инициальных конструктов аббревиатуры *ДПС*, дешифрующей как *дорожно-патрульная служба*, относятся к трём группам эквивалентности: 1) *Д* (эквивалентный компонент *дорожный/дорога*: *ПДД* – *правила дорожного движения*, *ДОП* – *дорога общего пользования и т.д.*); 2) *П* (эквивалентный компонент *патрульный/патруль*: *ППС* – *пограничное патрульное судно*, *БВП* – *боевой воздушный патруль и т.д.*); 3) *С* (эквивалентный компонент *служба*: *АГДЗС* – *автомобиль газодымозащитной службы*, *СПП* – *служба психологической помощи и т.д.*).

Аббревиатурное гнездо – это объединение гнёзд эквивалентности аббревиатур с тождественным ономаσιологическим базисом. Например, в аббревиатурное гнездо «*костюм*» входят сложносокращённые слова *спецкостюм*, *термогидрокостюм*, *спорткостюм* и т.д. Для инициальных аббревиатур данное парадигматическое объединение существует внутри аббревиатурно-дешифровальной группы. Так, в одно аббревиатурное гнездо входят аббревиатуры *ВАД* (*военно-автомобильная дорога*), *СД* (*скоростная дорога*), *ДОП* (*дорога общего пользования*), базисом для которых является слово *дорога*.

Таким образом, инициальные аббревиатуры имеют отличные от сложносокращённых слов способ образования и структуру, поэтому описываются в отличной от сложносокращённых слов системе парадигматических отношений. Типы парадигматических объединений, учитывающие исключительно ономаσιологическую структуру или положение конструкта в структуре сокращения, которые выделяются для сложносокращённых слов, для инициальных аббревиатур несодержательны, так как не отражают их специфику.

Заключение. Инициальная аббревиация как способ сокращения имеет свои особенности: инициальные аббревиатуры создаются путём действительного сокращения компонентов производящего словосочетания, они образуются от любых словосочетаний, являющихся синлексами, инициальные конструкты неинформативны, что мотивирует для данного типа аббревиатур формирование лексической омонимии.

В результате применения синхронного подхода к аббревиации, подразумевающего структурный, семантический и ономаσιологический анализ аббревиатуры и мотивационно связанных с ней словосочетаний, обнаружилось, что сокращения данного типа могут иметь несколько синтаксических эквивалентов. В ходе работы были выявлены два источника множественной эквивалентности инициальных аббревиатур: формальный и семантический. Структуре сокращений инициального типа свойственна вариативность, возникающая в связи с их множественной эквивалентностью и непоследовательностью репрезентации компонентов производящего словосочетания.

Парадигматика инициальных аббревиатур включает гнездо эквивалентности, аббревиатурно-ономаσιологическое поле, аббревиатурно-дешифровальную группу, внутри которой выделяется аббревиатурное гнездо.

В дальнейших исследованиях планируется осуществить анализ моделей универбализации сокращений инициального типа, а также системно изучить отношения, в которые вступают инициальные аббревиатуры друг с другом и с эквивалентными словами и словосочетаниями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д.И. Сокращённые слова в русском языке / Д.И. Алексеев. – Саратов : Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1979. – 327 с.

2. Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В.В. Борисов. – М. : Воениздат, 1972. – 320 с.
3. Бровец А.И. Дешифровальный стимул как основа синхронного подхода к аббревиации в условиях конситуативного семиозиса / А.И. Бровец, В.И. Теркулов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 1. – С. 70–80. – <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2023-1-70-80>.
4. Лялюк А.А. Аббревиационно-ономасиологическое поле «строения» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.А. Лялюк ; Донецкий национальный университет. – Донецк, 2020. – 30 с.
5. Мазон А. Лексика войны и революции в России (1914—1918). Введение. Аббревиация / А. Мазон, К.Л. Филатова, Д.В. Спиридонов // Политическая лингвистика. – 2013. – С. 203–211.
6. Рязанова В.А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация / В.А. Рязанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2020. – № 1. – С. 114–122.
7. Теркулов В.И. Абброконструкт: принципы определения и описания / В.И. Теркулов, И.Р. Смирнова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 28–42.
8. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В.И. Теркулов // Восточнославянская филология. – 2016. – № 3. – С. 13–25.
9. Теркулов В.И. Сложносокращённые аппеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В.И. Теркулов // Русистика. – 2020. – № 1. – С. 97–112. – <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112>.
10. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: новые параметры выделения и описания / В.И. Теркулов // Мир русского слова. – 2022. – № 1. – С. 31–47.
11. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.
12. Теркулов В.И. Универбализация, квазиунивербализация, псевдоунивербализация: определение терминов / В.И. Теркулов // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции. – Макеевка : ДонНАСА, 2016. – С. 37–41.
13. Теркулов В.И. Универбализация: постановка проблемы / В.И. Теркулов // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 135–142.

REFERENCES

1. Alekseev D.I. (1979). *Sokrashchennye slova v russkom iazyke* [Abbreviated words in Russian]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo gos. un-ta. (In Russian)
2. Borisov V.V. (1972). *Abbreviatsiia i akronimii. Voennye i nauchno-tekhnicheskie sokrashcheniia v inostrannykh iazykakh* [Abbreviation and Acronymy. Military and Scientific and Technical Abbreviations in Foreign Languages]. Moscow: Voenizdat. (In Russian)
3. Brovec A.I., & Terkulov V.I. (2023). *Deshifrovaniye stimul kak osnova sinkhronnogo podkhoda k abbreviatsii v usloviakh konstitutivnogo semiozisa* [Deciphering stimulus as a basis for the synchronic approach to abbreviation in the context of constitutive semiosis]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, 1, 70–80. (In Russian)
4. Ljaljuk A.A. (2020). *Abbreviatsionno-onomasiologicheskoe pole "stroeniia"* [The abbreviation-onomasiological field of "structures"] (Author's abstract of Cand. philol. sci. dissertation, Donetskii natsional'nyi universitet). Donetsk. (In Russian)
5. Mazon A., Filatova K.L., & Spiridonov D.V. (2013). *Leksika voyny i revoliutsii v Rossii (1914–1918). Vvedenie. Abbreviatsiia* [The vocabulary of war and revolution in Russia (1914–1918). Introduction. Abbreviation]. *Politicheskai lingvistika*, 2013, 203–211. (In Russian)
6. Rjzanova V.A. (2020). *Tipologii abbreviaturnykh grupp: printsipy i realizatsiia* [Typology of abbreviation groups: principles and implementation]. *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Serii D: Filologii i psikhologii*, 1, 114–122. (In Russian)
7. Terkulov V.I., & Smirnova I.R. (2022). *Abbrokonstrukt: printsipy opredeleniia i opisaniia* [Abbroconstruct: principles of definition and description]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, 2, 28–42. (In Russian)
8. Terkulov V.I. (2016). *Materialy k slovariu terminov Eksperimental'noi laboratorii issledovaniia tendentsii abbreviatsii* [Materials for the dictionary of terms of the Experimental Laboratory for the Study of Abbreviation Trends]. *Vostochno-slaviiskaia filologii*, 3, 13–25. (In Russian)
9. Terkulov V.I. (2020). *Slozhnosokrashchennye apelliativy kak avtonomnaia raznovidnost' abbreviaturnykh slovoobrazovaniy* [Compound abbreviative appellatives as an autonomous type of abbreviations]. *Rusistika*, 1, 97–112. (In Russian)

10. Terkulov V.I. (2022). Slozhnosokrashchennye slova: novye parametry vydeleniia i opisaniia [Compound abbreviated words: new parameters of identification and description]. *Mir russkogo slova*, 1, 31–47. (In Russian)
11. Terkulov V.I. (2017). Slozhnosokrashchennye slova: sinkhronnyi i diakhronnyi aspekty opisaniia [Compound abbreviated words: synchronic and diachronic aspects of description]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 9: Filologiya*, 6, 73–97. (In Russian)
12. Terkulov V.I. (2016). Univerbalizatsiia, kvaziuniverbalizatsiia, psevdouniverbalizatsiia: opredelenie terminov [Univerbalization, quasi-univerbalization, pseudo-univerbalization: definition of terms]. In *Nauka i mir v iazykovom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov II Respublikanskoi ochno-zaochnnoi nauchnoi konferentsii* [Science and the World in the Language Space: Collected Papers of the 2nd Republican In-person and Remote Scientific Conference] (pp. 37–41). Makeevka: DonNASA. (In Russian)
13. Terkulov V.I. (2010). Univerbalizatsiia: postanovka problemy [Univerbalization: problem statement]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriia, vostokovedenie*, 3, 135–142. (In Russian)

Поступила в редакцию 20.05.2025 г.

INITIAL ABBREVIATIONS AS FORMAL ONOMASIOLOGICAL CLASS: PARAMETERS OF DISTINCTION AND EXISTENCE

A.A. Altukhova

The work deals with the study of initial abbreviations and their description as a special formal onomasiological class. Structural, semantic, and functional features that distinguish them from other types of abbreviations are considered. The phenomena of multiple equivalence and variation of structure are analysed. The sources and models of abbreviations' origin are established, with a new type of paradigmatic associations being singled out. The descriptive, comparative methods, as well as generalisation and componential analysis have been applied. The empirical corpus is constituted by the abbreviations and their decipherments from the card index of the prescriptive dictionary of abbreviations being created at Donetsk State University. The relevance of the work is determined by the insufficient study of initial abbreviations from the point of view of the synchronic equivalence approach. As a result of the study the regularities of formation and functioning of initial abbreviations have been revealed and the main directions of studying this type of abbreviations have been outlined.

Key words: initial abbreviations, multiple equivalence, variation, paradigmatic relations.

Алтухова Анастасия Андреевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Студент бакалавриата.

Стажер-исследователь научно-исследовательской
части.

ORCID 0009-0002-5023-0368.

E-mail: anastasia.a.altukhova@gmail.com.

Altukhova Anastasia Andreevna.

Donetsk State University, Donetsk, Donetsk, Russian
Federation.

Undergraduate student.

Intern Researcher of Research Department.

ORCID 0009-0002-5023-0368.

E-mail: anastasia.a.altukhova@gmail.com.

Научная статья

УДК 811.161.1+81-112

DOI: 10.5281/zenodo.15811268

МЕСТОИМЕНИЕ ВЪЗ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА В КИЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ И РАННЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КИЕВСКОГО АРЕАЛА – ОШИБКА ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

© 2025 Д.М. Каменев

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ORCID 0009-0008-9136-5238

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Исследование посвящено анализу употребления местоимения въз в дуальных контекстах в Киевской летописи, а также в некоторых восточнославянских памятниках домонгольского периода. Цель исследования – выяснить, является ли использование местоимения въз в дуальных контекстах свидетельством утраты семантики двойственного числа, или же оно отражает факт грамматической омонимии, при которой данная форма сохраняет дуальное значение наряду с плюральным. Анализ позволяет говорить о сохранении дуальной семантики в Киевской летописи, поскольку писцами различается контекстное числовое употребление. Подобные примеры обнаружены и в других южновосточнославянских памятниках («Повесть временных лет», «Сказание о Борисе и Глебе», «Чтение о Борисе и Глебе»), тогда как в текстах северных территорий они практически отсутствуют (за исключение берестяной грамоты №603). Данное явление связывается с влиянием южнославянской письменности, в частности, с распространением кирилло-мефодиевской традиции в первых глаголических памятниках, где форма въз использовалась параллельно с исконной ва. Распространение этой инновации в киевских текстах объясняется первым южнославянским влиянием, что подтверждает региональный характер явления в первые столетия существования Киевской Руси.

Ключевые слова: двойственное число, множественное число, местоимение, древнерусский (общевосточнославянский) язык, грамматическая омонимия, Киевская летопись, ранневосточнославянская письменность, кирилло-мефодиевская традиция.

Для цитирования: Каменев Д.М. Местоимение въз двойственного числа в Киевской летописи и ранневосточнославянской письменности киевского ареала – ошибка или закономерность? / Д.М. Каменев // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 166–177. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15811268>.

Введение в проблематику двойственного числа. Двойственное число – грамматическая категория, которая последовательно используется в текстах древнерусского языка, а также в различных восточнославянских памятниках домонгольского периода как бытового, так и книжного характера. Существуют теории, согласно которым вплоть до XIII в. двойственное число было живой категорией [6, с. 754], с XV в. оно сохраняется как «узуальный архаизм» [15, с. 217], а к XVII в. полностью утрачивается, расширяя семантику множественного числа: «в XVII в. распространился новый малый квантитатив типа *два, три, четыре года* <...>, *только в*

этот период произошла утрата грамматического значения двойственности (курсив наш, – Д.К.)» [8, с. 34].

В настоящее время разработаны теоретические положения данной категории – рассмотрено двойственное число в различных индоевропейских языках в целом, описаны принципы распределения дуальных форм в славянских языках, в том числе в древних, рассмотрены некоторые контексты сквозь призму грамматической семантики, созданы авторские классификации (см. в [2; 9, с. 46–47; 14]). Однако полученный опыт в данной области оказывается недостаточным, поскольку пристальному вниманию исследователей не подвергался значительный корпус восточнославянских памятников различных жанров, в том числе и летописей – особого типа текстов гибридного характера как с точки зрения состава, так и с точки зрения языка [6, с. 760–761]. В частности, остаются малоизученными особенности употребления некоторых групп дуалиса в текстах летописей. К таким группам можно отнести, например, функционирование прономинально-вербального типа. В связи со сказанным определяется **актуальность** настоящего исследования, основная **цель** которого – установить, свидетельствует ли использование формы местоимения **взы** в дуальных контекстах в Киевской летописи (далее – КЛ) и других ранневосточнославянских текстах об утрате семантики двойственного числа, или это особый случай грамматической омонимии, когда форма именительного падежа (далее – ИП) 2 л. **взы** функционирует параллельно с исконной формой ИП 2 л. **ва**, сохраняя дуальное значение.

Местоимение двойственного числа **взы в КЛ.** КЛ – второй компонент Ипатьевской летописи (далее – ИЛ), ее ядро, самый крупный и значительный восточнославянский летописный источник (307 листов), превышающий по объему Повесть временных лет (далее – ПВЛ) в 1,5 раза. КЛ является продолжением ПВЛ – в летописи описывается история восточных славян после событий, освещенных в ПВЛ. Основное внимание в тексте уделяется Киеву и правящим в нем великим князьям: подробно описываются их походы, победы и поражения, а также взаимоотношения с другими княжествами и удельными князьями. Летопись охватывает весь XII в., отражая ключевые политические и социальные процессы, а также межличностные отношения эпохи.

КЛ как важный лингвистический источник стала рассматриваться только в последние десятилетия. Так, например, значителен вклад И.С. Юрьевой в исследование текста КЛ (см. в [23; 25; 26]). Ученый, доказав на широком лингвистическом материале уникальность данного текста, приходит к основному выводу: «Несмотря на то что самый ранний из сохранившихся списков относится к XV в., *в тексте памятника хорошо отражается язык самой летописи XII в. Летопись значительна по объему и охватывает широкий круг языковых явлений* (курсив наш, – Д.К.)» [24, с. 7]. Таким образом, особую значимость для исторической лингвистики представляют именно языковые особенности КЛ, сохранившие архаичные черты протографа XII в.

Из сказанного следует, что и некоторые группы дуалиса, остающиеся неисследованными в данном тексте (в частности, местоименная), требуют специального изучения, поскольку протографические особенности раннего текста XII в., сохранившиеся в позднем Ипатьевском кодексе, могут свидетельствовать об особом функционировании двойственного числа на территории Киева. Наибольший исследовательский интерес в данном случае представляют формы ИП, чей состав в ранних кириллических памятниках оказывается неоднородным. Функционирование местоимений-существительных двойственного числа в ИП в целом остается одним из самых дискуссионных вопросов исторической русистики. Проблема усугубляется противоречивыми взглядами исследователей. А. Белич и А.М. Иорданский полагали, что

утрата двойственного числа началась до создания древнейших письменных памятников – единичные примеры замен исконных форм 1 л. дв. ч. ИП *въ* на вторичные формы 1 л. мн. ч. ИП *мы* стали для ученых ярким подтверждением теории [13, с. 23, 27]. Достоверность своей концепции А.М. Иорданский подтверждает некоторыми контекстами из ПВЛ по Лаврентьевскому списку (далее – ПВЛ по ЛЛ) (XIV в.). Нам представляется, что существующие интерпретации требуют уточнения, во-первых, в вопросах хронологии утраты дуалиса – это касается взглядов А. Белича и А.М. Иорданского на процесс унификации форм двойственного числа в данной группе – а во-вторых, с точки зрения понимания механизмов унификации форм в местоименном типе в целом. О.Ф. Жолобов, например, опираясь на данные языка берестяных грамот XI–XIII вв., отмечал традиционное и регулярное употребление таких форм: «Важными являются показания берестяных грамот, в которых прономинально-вербальное дв. ч. представлено довольно широко» [8, с. 15]. Местоимение двойственного числа *ва* использовалось в том числе и в таких редких конструкциях, как *dativus ethicus* [11, с. 23]. Наблюдения О.Ф. Жолобова позволили существенно скорректировать прежние представления, а также поддержать центральную теорию исторической русистики и славистики рубежа XX–XXI вв. – бытовая письменность Древней Руси достоверно отражает грамматический узус фиксируемых эпох.

В ходе анализа текста КЛ на предмет особенностей употребления местоимений-существительных двойственного числа нами были обнаружены формы местоимений *взы* 2 л. ИП, которые, несмотря на формальное сходство с плюральными формами 2 л. ИП, употребляются в особых синтаксических условиях (всего 10 примеров). Эти примеры по семантическим причинам следовало бы интерпретировать, по-видимому, иначе, не привязывая данные случаи к показателю процесса унификации двойственности. Ключевым аргументом служит контекстное окружение анализируемых форм, где прослеживается четкая числовая скоординированная связь с глаголами-предикатами в двойственном числе. Примеры: *посла къ двѣдѣма рѣка имѧ. ѿстоупита взы ѿ братѹ моею* ‘Послал к Давыдавичам (двоим), говоря им (двоим): «Отступите вы (двое) от моих братьев (двух)’ (л. 115 об.); *взы еста ко мнѣ хр(є)тѣ¹⁵ цѣловала* ‘вы (вдвоем) целовали ко мне крест (давали обещание, присягали)’ (л. 133 об.); *а взы поѣдѣта ко своему ѿцу* ‘А вы (вдвоем) поезжайте к своему отцу’ (л. 151 об.); *а взы мене не слоушаѣта* ‘Вы (вдвоем) меня не слушаете’ (л. 155 об.); *а взы брата и с(ѣ)на изаславе и ростиславе слоушаша* ‘а вы (двое), брат и сын Изяслава и Ростислава, слушайте’ (л. 155 об.), *ѧ хр(є)тѣ цѣлѹю к вамѧ <...> а взы ми вѣдѣта* кто ны свѣживаѣтъ ‘Я крест целую к вам (двоим) <...> а вы (двое) мне скажите, кто нас (двоих) ссорит’ (л. 193 об.).

Примеры употребления показывают, что общее дуальное окружение местоименной формы *взы*, поддерживаемое устойчивыми группами двойственности, например, в контекстно обусловленных позициях при двух именах собственных или при двух субъектах повествования, о которых идет речь в целом контексте, может говорить о необходимости интерпретировать местоимение *взы* как особую дуальную форму 2 л. ИП. Ср. сходное употребление местоимения *взы* также в КЛ, но в плюральном значении, когда контекст скоординирован по множественному числу (в том числе и при глаголе-предикате): *и р(є)ѣ и(м) взы есте хр(є)тѣ цѣловали* ‘И сказал им: «Вы крест целовали»’ (л. 127 об.); *изаславъ же р(є)ѣ дружинѣ свои. взы есте по мнѣ из роускы земли взышли* ‘Изяслав

¹⁵ Здесь и далее для удобства чтения во всех примерах титла раскрываются в круглых скобках.

сказал дружине своей: «Вы за меня вышли из русской земли» (л. 149); **взы есте нарекли ма** во своемъ племени ‘Вы назвали меня своим родственником’ (л. 236 об.).

Таким образом, в КЛ местоимение **взы**, по-видимому, может использоваться в качестве показателя как множественности, так и дуальности, то есть является фактом *грамматической омонимии* – термин, который, на наш взгляд, был удачно применен М.В. Шульгой как раз в отношении параллельного функционирования идентичных¹⁶ форм-показателей двойственности и множественности на определенном этапе развития языка: «Омонимия форм двойственного числа и множественного числа не исключена, допустима» [22, с. 80]. О случаях использования местоимения **взы** в двойственном числе А.А. Зализняк писал, что эта форма была заимствована из множественного числа¹⁷, при этом данный процесс не связан со всеобщей утратой двойственности, начало которой исследователь относит к XIII в. [12, с. 131]. Более того, «[у]потребление *вы* в данной функции было свойственно всему др.-р. языку на всем протяжении его письменной истории» [Там же]. А.А. Зализняк отмечает, что данное явление было распространено на всей территории Древней Руси и, следовательно, не свидетельствует об унификации форм двойственного числа. Думается, оно отражает определенный этап внутреннего развития этой грамматической категории в древнерусском языке. Однако остается открытым вопрос: носило ли такое употребление форм 2 л. ИП общевосточнославянский характер, или оно было ограничено отдельными регионами?

Местоимение двойственного числа **взы в ранневосточнославянской письменности.** Любопытно, что и за пределами КЛ мы можем обнаружить сходные функциональные случаи употребления местоимения **взы** в дуальных контекстах, например, в памятниках южновосточнославянского ареала, особенно в киевских текстах. В ПВЛ (по ИЛ¹⁸) мы обнаруживаем употребление местоимения **взы** в дуальных контекстах (4 примера). Первый – относится к описанию древнейших событий становления Киевской Руси: и **ре(ч) ѡл(є)гъ къ аскольдѡви и дирови. в(зѣ) нестѣ князѣ** ни родѡу к(на)жѣ ‘И сказал Олег Асколду и Диру: «Вы [двое] не князья, вы не княжеского рода»’ (л. 9 об.). Второй случай связан с церковно-религиозным нарративом, добавленным в летописный текст: **взы гл(агола)ѣта. жда егда придетъ с н(є)б(є)сѣ и сего емь антихрѣста свѣжетъ** ‘Вы (вдвоем) говорите, ожидая, когда придет небес и, схватив этого антихриста, свяжет’ (л. 65 об.). Третий и четвертый обусловлены контекстной ситуацией – **почто взы распрѡ**

¹⁶ Причиной совпадения форм двойственного и множественного числа стало изменения звучания. Форма мн. ч. **vъ* образована от более старого **jūs*, где **j*! был заменен на **w*! Согласно литовскому диалекту *jūdi* для 2 л. предполагается праславянская форма **jū*, где **j*! также было заменено на **w*! в результате грамматической аналогии, и новая форма дв. ч. **wū* слилась с новой формой мн. ч. **wūs*, когда в славянском языке по закону открытых слогов были опущены все конечные согласные (см. подробнее в [28, с. 77]).

¹⁷ Судя по всему, этот процесс протекал не так просто, как его обозначил А.А. Зализняк. О.Ф. Жолобов, например, предлагает считать эту форму исконной, поскольку она унаследована из праславянского языка, а возникновение омонимии форм **vъ* и **va* следует считать праславянским диалектным явлением. При этом **va*, как отмечает ученый, не имеет индоевропейских параллелей в ИП, поэтому является вторичным образованием (подробнее см. в [9, с. 75–77]). Первичность **vъ* признают и некоторые зарубежные слависты (см. [29, с. 176], [28, с. 77–78], [27, с. 427]).

¹⁸ В ПВЛ по ЛЛ форма **взы** 2 л. ИП дв. ч. зафиксирована в 3 контекстах, все они омонимичны с примерами из текста ПВЛ по ИЛ — **в(зѣ) нестѣ князѣ** (л. 23), **взы гл(агола)ѣта** (л. 177). Любопытно, что в контексте **взы гл(агола)ѣта** (л. 177) местоимение **взы** в грамматической разметке Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) ошибочно указывается как форма множественного числа. Такая же ошибочная интерпретация формы и в следующем контексте ПВЛ по ИЛ **взы распрѡ имѣта**, где предикат «подсказывает» очевидную дуальность местоимения.

ИМАТА межи собою ‘почему вы [двое] имеете вражду между собой’ (л. 80 об.); и *рече с(ва)тополкѣхъ посидита възь* здѣ ‘И сказал Святополк: «Вы (вдвоем) посидите здесь»’ (л. 89). Примечательно, что в поздних событиях ПВЛ данные формы не используются, не употребляются они и в других частях ИЛ – Галицкой и Волынской летописях, действия которых происходят позже всех остальных текстов, входящих в ИЛ (летописи охватывают события галицко-волыньских земель всего XIII в.).

Подобное употребление местоимения *възь* обнаруживается в «Сказании о Борисе и Глебе» по Успенскому сборнику (далее – *Сказание*) (4 контекста). *Сказание* является еще одним оригинальным киевским текстом, это агиографическая переработка летописного рассказа о двух святых братьях. Как отмечает А.А. Пичхадзе, это работа «анонимного книжника, превратившего летописный рассказ в княжеское житие» [17, с. 297]. Схожую тенденцию наблюдаем и в «Чтении о Борисе и Глебе» (далее – *Чтение*) (5 контекстов). *Чтение* – произведение Нестора, которое, по характеристике А.А. Пичхадзе, представляет собой созданное «на основе княжеского жития новое агиографическое произведение, предназначенное для монашеского чтения, освобожденное от конкретных деталей (перешедших в *Сказание* по большей части из летописи) и полностью вписывающееся в церковнославянский канон» [Там же]. В отличие от *Сказания*, сохранившего многие летописные детали, *Чтение* сознательно освобождено от конкретных исторических подробностей (о языковых особенностях двух текстов см. [18; 17]). В тексте *Сказания* и *Чтения* местоимение *възь* зафиксировано в общих для двух текстов функциональных случаях: 1) сильная контекстная зависимость, отражающая полное числовое согласование – *възь оубо н(е)б(е)снѣи ѡловѣка кѣта земьнѣи анг(е)ла* ‘Ибо вы (вдвоем) небесные люди и земные ангелы’ (л. 17); 2) прономинально-вербальное согласование по двойственному числу – *а възь не о єдиноу бо градѣ ни о двѣхъ ни о вьси попеченіи и м(о)л(и)твѣ възьдаѣта* ‘Вы не об одном городе, не о двух или о каком-то поселении печетесь и молитву воздаете (вдвоем)’ (л. 16 об.); 3) безглагольное употребление, связанное с ранним контекстным упоминанием двух имен князей, указывающее на «живость» данной категории в момент создания текста – *поистинѣ възь цесарѣа ц(е)саремъ и князѣа кнѣзѣемъ* ‘Воистину вы цари царям и князья князьям’ (л. 17). В следующем контексте из *Чтения* Нестора местоимение *възь* повторяется дважды, в *Сказании* повтор отсутствует: ср. *възь бо тѣмъ и намъ оружіе. възь намъ земля русьскѣа заврало и оутверженіе* (л. 142 об.) – *възь бо тѣмъ и намъ оружіе земля роусьскѣа заврала и оутвърженіе* (л. 17 об.). Анализ показывает, что авторы *Сказания* и *Чтения* четко различали семантику омонимичных форм: местоимение *възь* последовательно используется как дуальная форма в контекстах, требующих выражения двойственного числа. В частности, например, оно маркирует дуальную координацию в случаях «слабой» координации, а также, что особенно показательно, употребляется в прономинальных конструкциях, где отсутствует глагол. Такой подход свидетельствует о сознательном различении числовых значений этой формы (дуалис / плюралис) в текстах.

Примечательно, что грамматическая омонимия форм двойственного и множественного числа практически не представлена в памятниках севернорусской традиции: примеры отсутствуют в Новгородской I летописи (далее – НЛ), их нет в переводной литературе, написанной на восточнославянском севере, не обнаружен достаточный корпус примеров в берестяных грамотах и данных эпиграфики. Во всем корпусе северных текстов, охватывающем как книжные, так и бытовые памятники, зафиксирован единичный случай подобной омонимии – в берестяной грамоте №603 (ГрБ №603):

[Ѡ] смолигъ къ грецинови и [к] мирославоу

вѣи ведаѣта оже а таже не добѣиѣ

‘[От] Смолига к Гречину и к Мирославу. Вы (двое) знаете, что я тяжбы не выиграл’.

Судя по имеющимся данным, явление грамматической омонимии в рассматриваемых контекстах было характерно преимущественно для южных территорий восточнославянского ареала, оно практически не встречается в памятниках северных территорий – Новгорода и Пскова. О.Ф. Жолобов, однако, утверждал, что «форма ИП дв. ч. *вы* в древнерусском языке наследует праславянское состояние, и *ее* регулярный характер (курсив наш, – Д.К.) доказывается тем, что в проминально-вербальном комплексе она всегда сопровождается дуальными формами глаголов на –*та*» [9, с. 78], приводя в качестве доказательства примеры, сходные с упомянутыми нами из ГрБ №603 и *Сказания*. Тем не менее, единичный случай из берестяной грамоты №603 трудно считать достаточно объективным – он представляет скорее исключение из общего узувального правила, действующего на севере, и не свидетельствует о каком-то активно распространяющемся грамматическом процессе, носящем регулярный характер. Возможно, автор письма (Смолиг) имел контакты с южными территориями, что отразилось в использовании формулы *вѣи... –та*, либо был знаком с глаголическими текстами, достаточно распространенными среди новгородской интеллектуальной элиты XI–XIII вв. (см. подробнее в [5]).

Достаточно поздний пример обнаружен нами в Софийской I летописи в части так называемого «Сказания об убиении Михаила Черниговского» (XIII в.): *азъ вѣиѣхъ того хотѣлъъ кровь свою пролиати за х(рист)а, и за вѣроу кр(ьс)тыанскоую, такоже и фѣвдоръ гл(агола)ше, и гл(агола) ѡ(тъ)ць, вѣи боудѣта в нынѣшнѣмъ вѣцѣ новос(ва)таа м(оу)ч(ѣ)н(и)ка* ‘Я бы хотел кровь свою пролить за Христа и за веру христианскую, так же и Федор сказал. И тогда сказал отец (священник): «Вы будете [вдвоем] в этом веке новосвятыми мучениками’ (л. 193). Несмотря на то что текст так или иначе восходит к Новгородской традиции, поскольку отнесен А.А. Шахматовым к Новгородско-Софийскому своду [21, с. 208–215], содержание текста восходит к Киеву и киевским землям, поскольку Михаил Всеволодович (Черниговский) несколько лет был великим князем киевским, то есть напрямую связан с южновосточнославянскими территориями. При этом местоименная форма используется в речи участника нарратива, то есть в диалогической части, а не в повествовательной, что также может свидетельствовать о передаче реального узуса киевского духовенства XIII в. Любопытно в данном случае наблюдение Т.П. Рогожниковой. Исследователь в одном из оригинальных восточнославянских житийных текстов достаточно позднего (XVI в.) Макариевского цикла – в житии Кирилла Белозерского – обнаружила форму *вѣи* в дуальном контексте при формульном сочетании *вѣи... –та*: «Вербальные формы во 2 лице употреблены в дуалисе, но лишь в соответствии с местоимением **вы**: да **сѣдита вы**¹⁹ дондеже мало усну» [19, с. 76].

Таким образом, отсутствие полноценных данных бытовой письменности и книжной (в том числе летописей, а также переводной литературы) восточных славян севера заставляет усомниться в универсальности выводов О.Ф. Жолобова и А.А. Зализняка, указанных выше. Вероятнее всего, употребление местоимения *вѣи* с

¹⁹Вероятно, здесь формула *вѣи... –та* используется как архаизирующий компонент, обязательный для включения в тексты подобного жанра. Думается, что агиограф мог быть знаком с южнославянскими памятниками, а также с оригинальной южновосточнославянской литературой несторова скриптория, поэтому возникновение данной формы в житийном тексте позднего периода оказывается достаточно закономерным.

дуальной семантикой было региональной особенностью южновосточнославянских территорий киевского ареала. Это ставит перед нами новый вопрос: каковы истоки данного явления и пути его распространения?

Влияние книжнославянской традиции на распространение дуальной формы *взы*. Вероятно, источник данного явления – южнославянская книжная традиция, а также активные контакты восточнославянских и болгарских книжников в раннедревнерусский период (первое южнославянское влияние). О.Ф. Жолобов указывает, что старославянские тексты отражают диалектные различия в употреблении, которые возникли, судя по всему, уже в праславянском языке. А. Вайан отмечает: в глаголических («древнемакедонских») текстах употребляются в дв. ч. формы местоимений *нзы*, *взы* [2, с. 177], а в кириллических («древнеболгарских»), используются формы *на*, *ва* [2, с. 176]. Н. Ван-Вейк придерживается мнения, что данное явление скорее всего представляет собой новообразование в языке первых славянских глаголических переводов: «Употребление формы *нзы*, *взы* в функции двойственного числа выступало скорее всего в говоре первых переводов как новообразование» [4, с. 281]. Исследователь выделяет систематичное употребление таких форм в важнейших глаголических памятниках старославянского языка: в Мариинском, Зографском и Ассеманиевом евангелиях (примеры см. [9, с. 79]). Все они относятся к западным территориям, созданы, скорее всего, в Македонии или в районе Охрида – места распространения кирилло-мефодиевской традиции и широкого использования глаголической письменности. Встречается такое употребление, как отметил О.Ф. Жолобов, в оригинальной восточнославянской литературе, но переписанной с болгарского оригинала, например, в Остромировом Евангелии (см. примеры [7, с. 51]). Нами были обнаружены контексты в Изборнике 1076 (далее – Изб 76) – особом компилятивном тексте, по-видимому, болгарского происхождения [16, с. 48–49]: тако и **взы живѣта** ѿадѣ мои ‘Так и вы (вдвоем) живите, дети мои’ (л. 110 об.); и **взы творита** да с(з)п(а)сетася и сзподобитася с(зва)тѣи хъ <...> м(а)т(е)ре не **забываита** ‘вы [вдвоем] создавайте и спасетесь [вдвоем] и уподобитесь [вдвоем] святым <...> о матери не забывайте [вдвоем]’ (л. 111 об.). Сходные случаи употребления О.Ф. Жолобов находит в ряде древнейших восточнославянских текстов, которые были переписаны с южных протографов [9, с. 78].

Судя по всему, местоимение *взы* в 2 л. ИП дв. ч. распространилось в текстах всей южнославянской территории, став характерной чертой не только западноболгарских диалектов и македонского ареала, но и восточных областей, включая Преслав. Видимо, эта форма-новообразование настолько прочно вошла в систему старославянского языка, что современные исследователи, учитывая ее высокую частотность, регулярно включают ее в парадигмы как омонимичную *ва* – *взы* (ср. парадигматические описания у [4, с. 280; 10, с. 63]). В научной литературе последних лет сложилось единое мнение относительно интерпретации данной формы (особенно в рамках изучения старославянского языка): грамматическая омонимия не свидетельствует об утрате дуалиса, поскольку в данном случае она является отражением последовательного употребления двух равноправных форм в рамках одного грамматического показателя: «Употребление вместо исконных форм И.-В. дв. *ва* и В. дв. на форм И.-В. мн. *взы* и В. мн. *нзы* не свидетельствует об утрате категории двойственного числа» [1, с. 247] (см. также в [20, с. 114]). Этот вывод подтверждается как анализом древнейших памятников, так и данными сравнительно-исторического языкознания, демонстрирующими устойчивость дуальной семантики в соответствующих контекстах, несмотря на формальное совпадение с показателями множественного числа.

Выводы

1. В КЛ форма местоимения *взы* является показателем грамматической омонимии, которая представлена как в дуальных, так и в плюральных контекстах. Ключевую роль в определении числового значения местоимения играет контекстное окружение и числовая координация в прономинально-вербальном комплексе. Такое четкое различие функциональной роли местоимения свидетельствует о том, что в XII в., во время создания протографа КЛ, в киевском ареале местоимение *взы* ещё сохраняло дуальную семантику, несмотря на формальное сходство с показателем множественного числа.

2. Употребление местоимения *взы* в качестве формы дуалиса, как было выяснено, не является общевосточнославянским явлением – северные тексты Новгорода и Пскова XI–XIII вв. практически не содержат примеров дуального употребления (нами зафиксирован единичный пример из ГрБ №603, который представляет, вероятно, исключение из действовавшего северного узуса). Судя по всему, употребление местоимения *взы* в качестве дуальной формы было характерно для ранних южновосточнославянских текстов киевского ареала в период первого южнославянского влияния. Эта традиция, как мы увидели, прослеживается в текстах скриптория Нестора (ПВЛ, *Сказание*, *Чтение*).

3. Описанную грамматическую омонимию мы связываем с южновосточнославянской традицией – по-видимому, форма *взы*, передающая одновременно и двойственное, и множественное число, появилась как инновация в первых глаголических переводах кирилло-мефодиевской школы на западных южнославянских территориях – в Македонии и в Охриде, а также в их районах. Об этом свидетельствуют примеры из древнейших памятников, в которых ученые обнаружили следы омонимии – в Мариинском, Зографском и Ассеманиевом евангелиях. Данное явление в местоименном типе стало распространяться на всю территорию Болгарии, перешло оно и на кириллические тексты, которые затем попали в период первого южнославянского влияния на Русь, в Киев.

Таким образом, употребление местоимения *взы* в текстах XI–XIII вв. киевского ареала не свидетельствует о распаде категории двойственного числа, а скорее наоборот – отражает определенный этап его развития в письменной традиции восточных славян, сложившейся под влиянием южнославянских книжных норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверина С.А. Старославянский язык / С.А. Аверина, Л.М. Навтанович, М.Б. Попов, О.А. Старовойтова и др. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 448 с.
2. Белић А. О двојини у словенским језицима / А. Белић. – Београд: Српска краљевска академија, 1932. – 201 с.
3. Вайан А. Руководство по старославянскому языку / А. Вайан; пер. с фр. В.В. Бородич. – М.: Издательство иностранной литературы, 1952. – 446 с.
4. Ван-Вейк Н. История старославянского языка / Н. Ван-Вейк; пер. с нем. В.В. Бородич. – М.: Издательство иностранной литературы, 1957. – 368 с.
5. Гиппиус А.А. Надписи-граффити церкви Благовещения на Городище: предварительный обзор / А.А. Гиппиус, С.М. Михеев // Архитектурная археология. – 2019. – №1. – С. 35–54.
6. Живов В.М. История языка русской письменности: В 2 т. Том I / В.М. Живов. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 816 с.
7. Жолобов О.Ф. Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте / О.Ф. Жолобов. – Казань: УНИПРЕСС, 1997. – 114 с.
8. Жолобов О.Ф. История двойственного числа и квантитативных конструкций в русском языке: дисс. д-ра филол. наук: 10.02.01 Русский язык / Жолобов Олег Феофанович; КГУ. – М., 1998. – 36 с.
9. Жолобов О.Ф. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II. Двойственное число / О.Ф. Жолобов, В.Б. Крысько. – М.: Азбуковник, 2001. – 235 с.

10. Жолобов О.Ф. Старославянский язык. Лекционный курс / О.Ф. Жолобов. – Казань: КФУ, 2013. – 100 с.
11. Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2003 г. / А.А. Зализняк, Е.Н. Носов, В.Л. Янин // Вопросы языкознания. – 2004. – №3. – С. 15–23.
12. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 280 с.
13. Иорданский А.М. История двойственного числа в русском языке / А.М. Иорданский. – Владимир: Владимирский гос. пед. ин-т им. П.И. Лебедева-Полянского, 1960. – 216 с.
14. Каменев Д.М. Некоторые особенности употребления форм двойственного числа в Волынской летописи / Д.М. Каменев // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 2025. – №167 (1). – С. 128–138. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.128-138>.
15. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка / В.В. Колесов. – СПб.: СПбГУ, 2010. – 512 с.
16. Мушинская М.С. Изборник 1076 года: текстология и язык / М.С. Мушинская. – СПб: Нестор-История, 2015. – 480 с.
17. Пичхадзе А.А. Языковая редактура в Сказании о Борисе и Глебе и в Чтении о Борисе и Глебе / А.А. Пичхадзе // Труды Института Русского Языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. – № 2 (16). С. 296–317.
18. Петрухин П.В. Конструкция ‘быти с причастием настоящего времени’ в житиях Бориса и Глеба (к вопросу о соотношении «Сказания» и «Чтения») / П.В. Петрухин // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. Х. Материалы международной научной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии», 2016. – С. 489–498.
19. Рогожникова Т.П. Формы двойственного числа в житиях Макариевского цикла / Т.П. Рогожникова // Вестник Омского университета, 2001. – №4. – С. 75–77.
20. Селищев А.М. Очерки морфологии / А.М. Селищев // Старославянский язык. Ч. 2. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 53–204.
21. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. / А.А. Шахматов. – М.; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1938. – 372 с.
22. Шульга М.В. Грамматические оппозиции в истории морфологии имени / М.В. Шульга. – М.: Индрик, 2017. – 256 с.
23. Юрьева И.С. Из наблюдений над текстом Киевской летописи по Ипатьевскому списку / И.С. Юрьева // Материалы международного симпозиума «Після Повісті: Київський літопис та давньоруське літописання XII століття» / Ruthenica X, 2011. – С. 91–101.
24. Юрьева И.С. Предисловие / И.С. Юрьева // Киевская летопись. – М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – С. 7–26.
25. Юрьева И.С. К определению текстологических границ внутри Киевской летописи: некоторые грамматические и лексические данные / И.С. Юрьева // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. – 2021. – № 1 (27). – С. 305–331.
26. Юрьева И.С. Временные и изъяснительные союзы в разных текстологических частях Киевской летописи / И.С. Юрьева // Вестник Пермского университета. История. – 2023. – № 1 (60). – С. 113–123.
27. Derganc A. Some Characteristics of the Dual in Slovenian / A. Derganc // Slavistična Revija, 2006. – s. 415–434.
28. Kapović M. Reconstruction of Balto-Slavic personal pronouns, with emphasis on accentuation: PhD Dissertation / Mate Kapović. – Zadar, 2006. – 187 s.
29. Mareš F.V. Diachronische Morphologie des Ur- und Frühslavischen. Schriften über Sprachen und Texte / F.V. Mareš. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. – 215 s.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

30. Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gramoty.ru/birchbark/>, свободный (дата обращения 09.04.2025).
31. Изборник 1076 года. Т. I. / Изд. подгот. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Голышенко. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 743 с.
32. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. – М.: Языки славянской культуры, 1998. – 648 с.
33. Киевская летопись / Изд. подгот. И.С. Юрьева. – М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – 816 с.
34. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. – М.: Языки славянской культуры, 1997. – 500 с.
35. Национальный корпус русского языка. 2003–2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 09.04.2025).
36. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – 724 с.

37. Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон. – М.: Наука, 1971. – С. 42–58.
38. Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. VI. – М., Языки русской культуры. 2000. – 320 с.
39. Сильвестровский сборник XIV–XV вв. РГАДА, ф. 381.1, № 53 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_53 (дата обращения 09.04.2025).

REFERENCES

1. Vajan A. (1952). *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku* [The Old Slavonic Language Guide]. М.: Izdatel'stvo inostrannoј literatury. (In Russian)
2. Belich A. (1932). *O dvojini u slovenskim jezitsima* [On the dual number in Slavic Languages]. Beograd: Srpska kral'evska akademija. (In Serbian)
3. Van Veik N. (1957). *Istoriya staroslavjanskogo yazyka* [History of the Old Church Slavonic Language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoј literatury. (In Russian)
4. Gippius A.A., Mikheev S.M. (2019). *Nadpisi-graffiti tserkvi Blagoveshcheniya na Gorodishche: predvaritel'nyj obzor* [Graffiti Inscriptions in the Church of the Annunciation at Gorodishche: A preliminary review]. *Arhitekturnaya arheologiya* [Architectural archaeology] (pp. 35–54). (In Russian)
5. Zhivov V.M. (2017). *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti: V 2 t. Tom I* [History of the Language of Russian Writing: In 2 vols. Vol. I]. Moscow: Russki fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke. (In Russian)
6. Zholobov O.F. (1998). *Istoriya dvoystvennogo chisla i kvantitativnykh konstruksij v russkom yazyke* [History of the Dual Number and Quantitative Constructions in the Russian Language]: Abstract of the doctoral dissertation. Moscow. (In Russian)
7. Zholobov O.F., Krysko V.B. (2001). *Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. T. II. Dvoystvennoe chislo* [Historical Grammar of Old Russian. Vol. II: The Dual Number]. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)
8. Zholobov O.F. (1997). *Drevnerusskoe dvoystvennoe chislo v obshcheslavjanskom kontekste* [Old Russian dual number in the Common Slavic context]. Kazan': UNIPRESS. (In Russian)
9. Zholobov O.F. (2013). *Staroslavjanskij yazyk. Lektsionnyj kurs* [Old Church Slavonic: A Lecture Course]. Kazan': KFU. (In Russian)
10. Zaliznyak A.A., Nosov E.N., Yanin V.L. (2004). *Berestyanye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2003 g.* [Birchbark Letters from the 2003 Novgorod Excavations]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics] (pp. 15–23). (In Russian)
11. Zaliznyak A.A. (2008). *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian)
12. Iordanskij A.M. (1960). *Istoriya dvoystvennogo chisla v russkom yazyke* [History of the Dual Number in Russian]. Vladimir: Vladimirovskij gos. ped. in-t im. P.I. Lebedeva-Polyanskogo. (In Russian)
13. Kamenev D.M. (2025). *Nekotorye osobennosti upotrebleniya form dvoystvennogo chisla v Volynskoj letopisi* [Some Features of the Use of Dual Number Forms in the Volynian Chronicle]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. The Humanities Series] (pp. 128–138). <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.128-138> (In Russian)
14. Kolesov V.V. (2010). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. Saint Petersburg: SPbGU. (In Russian)
15. Mushinskaya M.S. (2015). *Izbornik 1076 goda: tekstologiya i yazyk* [The Izbornik of 1076: Textology and Language]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)
16. Pichkhadze A.A. (2018). *Yazykovaya redaktura v Skazanii o Borise i Glebe i v Chtenii o Borise i Glebe* [Linguistic Editing in The Tale of Boris and Gleb and The Reading of Boris and Gleb]. *Trudy Instituta Russkogo Yazyka im. V.V. Vinogradova RAN* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language] (pp. 296–317). (In Russian)
17. Petrukhin P.V. (2016). *Konstruktsiya 'byti s prichastiem nastoyashchego vremeni' v zhitiyakh Borisa i Gleba (k voprosu o sootnoshenii «Skazaniya» i «Chteniya»)* [The the construction of 'byti with the present participle' in the Lives of Boris and Gleb]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language] (pp. 489–498). (In Russian)
18. Rogozhnikova T.P. (2001). *Formy dvoystvennogo chisla v zhitiyakh Makar'evskogo tsikla* [Dual Number Forms in the Lives of the Makarian Cycle]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University] (pp. 75–77). (In Russian)
19. Selishchev A.M. (2005). *Ocherki morfologii. Staroslavjanskij yazyk. Ch. 2* [Essays on Morphology. Old Church Slavonic. Part 2]. Moscow: Editorial URSS. (In Russian)

20. Staroslavianskij yažyk [Old Church Slavonic] (2013). S.A. Averkina, L.M. Navtanovich, M.B. Popov, O.A. Starovojtova et al. Saint Petersburg: Filologičeskij fakul'tet SPbGU. (In Russian)
21. Shakhmatov A.A. (1938). Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV-XVI vv. [Review of Russian Chronicle Compilations of the 14th-16th Centuries]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian)
22. Shul'ga M.V. (2017). Grammaticheskie oppozitsii v istorii morfologii imeni [Grammatical Oppositions in the History of Nominal Morphology]. Moscow: Indrik. (In Russian)
23. Yur'eva I.S. (2011). Iz nablyudenij nad tekstom Kievskoj letopisi po Ipatievskomu spisku [Observations on the Text of the Kievan Chronicle (Ipatiev Copy)]. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma «Pislia Povisti: Kiivs'kyj litopys ta davn'orus'ke litopysannia XII stolittia» [Materials of the International Symposium «After the story: the Kiev Chronicle and the old Russian (Common East Slavic) Chronicle of the XII century»] (91-101). (In Russian)
24. Yur'eva I.S. (2017). Predislovie. Kievskaya letopis [Preface. The Kievan Chronicle]. Moscow: Izdatel'skij dom YASK: YAzyki slavyanskoj kul'tury (pp. 7-26). (In Russian)
25. Yur'eva I.S. (2021). K opredeleniyu tekstologičeskikh granits vnutri Kievskoj letopisi: nekotorye grammaticheskie i leksicheskie dannye [On Defining Textological Boundaries Within the Kievan Chronicle: Some Grammatical and Lexical Data]. Trudy Instituta Russkogo YAzyka im. V.V. Vinogradova RAN [Proceedings of the V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language] (pp. 305-331). (In Russian)
26. Yur'eva I.S. (2023). Vremennye i izyasnitel'nye soyuzy v raznykh tekstologičeskikh chastyakh Kievskoj letopisi [Temporal and Explanatory Conjunctions in Different Textological Parts of the Kievan Chronicle]. Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Perm University. History] (pp. 113-123). (In Russian)
27. Derganc A. (2006). Some Characteristics of the Dual in Slovenian. Slavistična Revija [Slavist Magazine] (pp. 415-434). (In English)
28. Kapović M. (2006). Reconstruction of Balto-Slavic Personal Pronouns, with Emphasis on Accentuation. PhD Dissertation. Zadar. (In English)
29. Mareš F.V. (2001). Diachronische Morphologie des Ur- und Frühslavisches [Diachronic morphology of the Primeval and Early Slavic]. Schriften über Sprachen und Texte [Writings on languages and texts]. Frankfurt am Main: Peter Lang. (In German)

Поступила в редакцию 17.05.2025 г.

DUAL NUMBER PRONOUN **ѡ** IN THE KIEVAN CHRONICLE AND EARLY EAST SLAVIC WRITINGS OF THE KYIV REGION – MISTAKE OR REGULAR PHENOMENON

D.M. Kamenev

The study deals with the analysis of the use of the pronoun **ѡ** in dual contexts in the Kievan Chronicle, as well as in some East Slavic monuments of the pre-Mongol period. The study objective is to find out whether the use of the pronoun **ѡ** in dual contexts is the evidence of the dual number semantics loss, or whether it reflects the fact of grammatical homonymy, in which this form retains a dual meaning along with a plural one. The analysis enables to speak about the preservation of dual semantics in the Kievan Chronicle, since the scribes differ in contextual numerical usage. Similar examples have been found in other Southeastern Slavic monuments («Povest' vremennykh let», «Skazanie o Borise i Glebe», «Čtenie o Borise i Glebe»), whereas they are practically absent in the texts of the northern territories (with the exception of birch bark letter № 603). This phenomenon is associated with the influence of South Slavic writing, in particular, with the spread of the Cyril and Methodius tradition in the first Glagolitic languages.

Keywords: dual number, plural number, pronoun, Old Russian (Common East Slavic) language, grammatical homonymy, Kievan Chronicle, early East Slavic writing, Cyrillo-Methodian tradition.

Каменев Даниил Максимович.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Магистрант кафедры русского языка.

ORCID 0009-0008-9136-5238.

E-mail: kamenev.daniel2000@gmail.com.

Kamenev Daniil Maksimovich.

Saint Petersburg State University, Russian Federation, Saint Petersburg.

Master's Student, Department of Russian Language.

ORCID: 0009-0008-9136-5238.

E-mail: kamenev.daniel2000@gmail.com.

ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.942.5:159.938.363.7

DOI: 10.5281/zenodo.15811287

СУБЪЕКТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ УСТАЛОСТИ У СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД СЕССИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

© 2025 Л.И. Бочанцева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный аграрный университет Северного Зауралья»
ORCID 0009-0002-9597-7588

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье описаны результаты эмпирического исследования субъективного состояния усталости у студентов в период сессии как показателя эмоционального неблагополучия. Автор анализирует теоретические исследования по психологии и медицине, посвященные современному состоянию распространенности данной проблемы. Проанализировано содержание понятий «усталость» и «утомление». Подчеркивается, что усталость – особое субъективное состояние, возникающее в результате длительного напряжения и истощения ресурсов организма, сопровождается снижением функциональных возможностей и изменением эмоционального состояния. Данный феномен характеризуется комплексом осознаваемых человеком ощущений слабости и бессилия (чувство разбитости), вялости, морального истощения, наличием дискомфорта, появлением раздражительности, плохого настроения, тревожности, признаков депрессии и др. Ухудшение самочувствия является доминирующим признаком усталости. Исследование проводилось на базе университета, в котором приняло участие 125 студентов-первокурсников. Полученные результаты свидетельствуют об устойчивой тенденции к нарастанию усталости и эмоционального неблагополучия у студентов в экзаменационный период. В заключении подчеркивается необходимость разработки мер психолого-педагогического сопровождения для минимизации негативных последствий.

Ключевые слова: усталость, хроническая усталость, субъективное состояние усталости, синдром хронической усталости, эмоциональное неблагополучие, психоэмоциональное состояние, студенты.

Для цитирования: Бочанцева Л.И. Субъективное состояние усталости у студентов в период сессии как показатель эмоционального неблагополучия / Л.И. Бочанцева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 177–189. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15811287>.

Введение. Проблема хронической усталости личности является актуальной в современном обществе в связи с возрастающими психоэмоциональными и физическими нагрузками, обусловленными ускорением темпа жизни и динамикой социально-экономических трансформаций.

Феномен хронической усталости с разных методологических позиций интересует специалистов различных областей науки и практики. В медицине изучаются клинические проявления синдрома хронической усталости (далее – СХУ) и его биологические механизмы, тогда как психологи выявляют когнитивно-эмоциональные проявления данного нарушения и разрабатывают психокоррекционные программы,

например, по формированию эмоционального благополучия личности или регуляции эмоционального состояния, а социологи рассматривают влияние социально-средовых факторов в генезисе данного феномена.

Особую значимость данная проблема приобретает в студенческой среде, в которой одновременно происходит сочетание интенсивности жизнедеятельности с недостаточной сформированностью адаптационных механизмов.

Согласно исследованию, проведенному ВЦИОМ, среди 1600 респондентов старше 18 лет 88% испытывают упадок сил. При этом среди молодежи 18-24 лет – абсолютное большинство (96-97%) [33]. Описанный факт вполне объясним особенностями протекания периода студенчества. Ведущей деятельностью на этапе ранней юности становится учебно-профессиональная, в которой сочетается освоение специальных знаний и компетенций, а также формирование профессиональной идентичности. Вузовская система образования способствует переходу от внешней регуляции к самоуправлению познавательной деятельностью, предполагая повышенную автономию личности. Новая для первокурсника вузовская жизнь начинается с кризиса перехода от школьной среды к непривычной для него реальности, характеризующейся изменением социального статуса – переходом к позиции «студент», предполагающей возрастание ответственности и самостоятельности; расширением социальных связей – включением в новую академическую среду и необходимостью адаптации к нормам студенческого сообщества; перестройкой системы отношений – формированием новых значимых отношений с сокурсниками и преподавателями, ослаблением родительского контроля; усилением фактора неопределенности, обусловленное задачами профессионального становления, необходимостью освоения финансовой самостоятельности и бытовой самоорганизации.

Теоретические основы исследования. Анализируя исследования последних лет, мы обнаружили, что ученых интересуют различные аспекты рассматриваемой проблемы. Так, В.А. Бодровым описаны современные представления о чувстве усталости в профессиональной деятельности [2]. Анализ особенностей исследования профессионального утомления в физиологии труда представлен А.А. Новожиловой, А.М. Герегей и А.Г. Меркуловой [25]. Вопросы диагностики СХУ описаны в работе И.В. Прихода [28]. В трудах З.Е. Середавина и А.Б. Хабибуллина [31], С.А. Корниловой [14], О.О. Куралевой и Д.С. Бибиковой [17], Ю.А. Никифоровой, Д.В. Бобылевой, Ю.В. Сорокиной [23] рассматриваются признаки усталости (утомления, переутомления), ими описываются причины возникновения и методы профилактики. Исследование о распространенности СХУ у студентов транспортного вуза проведено Н.А. Линьковой [19]. Влияние различных факторов на возникновение и развитие СХУ у студентов раскрыты в исследовании ученых из УрГУПС [10]. Коррекцией субъективных проявлений СХУ у студентов после экзаменационной сессии занимались А.В. Шакула, Д.И. Никулин и Р.Р. Бадретдинов [34]. С.В. Духновским и Э.К. Шелепиной разработан опросник субъективной оценки уровня утомленности личности [12]. Валидизацию русскоязычной версии «Шкалы оценки усталости» провели А.А. Визель, А.С. Белевский, И.Ю. Визель и др. [8]. Проблема оценки СХУ у студентов и переутомления детей и подростков нашла отражение в исследованиях И.Г. Патуровой и Н.А. Бобровский [26], Л.А. Николаевой [24].

Обратимся к раскрытию понятий «усталость» и «утомление» в психологической науке. Анализ данных категорий показал, что они являются смежными, но не тождественными и часто подвергаются путанице в бытовом дискурсе.

Под усталостью понимают комплексное психофизиологическое состояние, возникающее вследствие продолжительного напряжения и истощения ресурсов организма, т.е. происходит снижение функциональных возможностей организма. По мнению отечественного психолога С.Ю. Головина, усталость представляет собой субъективное негативное переживание, характеризующееся комплексом осознаваемых человеком ощущений слабости, бессилия, вялости, наличием дискомфорта. Так, уставший человек теряет интерес к деятельности, доминирует мотив её прекращения. Усталость сопутствует развитию состояния утомления. Следует подчеркнуть, что доминирующим признаком усталости является ухудшение самочувствия, снижается потребность поддержания связей с окружением, проявляется замкнутость и отгороженность. В научной литературе встречается характеристика усталости как донологической формы астении. Утомление же характеризуется снижением работоспособности, когда организм утрачивает способность поддержания прежнего уровня активности из-за накопившейся усталости. Усталость не идентична обычному утомлению, которое возникает после рабочего дня или интенсивной физической активности. Как правило, усталость ощущается человеком постоянно, она подобна фоновой музыки, которую невозможно остановить. Следовательно, данные понятия тесно связаны между собой, но имеют различную природу. Так, усталость является следствием утомления, а утомление как физиологический процесс выступает причиной снижения работоспособности. Важно подчеркнуть, что усталость имеет психологическую составляющую и одним из ключевых её индикаторов выступает эмоциональное состояние человека.

Изучение проблемы эмоционального неблагополучия (благополучия) личности отражены в трудах Д.И. Борсуковой, Е.Н. Кунакбаевой, М.В. Старчиковой [3], Л.И. Бочанцевой [4, 6], Ю.А. Величко и Д.В. Каширского [7], Н.Т. Колесник, Е.Н. Полянской и А.И. Коробко [13], Е.В. Кузнецовой [15, 16], Е.Г. Максименко, А.В. Гордеевой, С.А. Вильдгрубе [21], Т.А. Липской [20], А.Г. Самохваловой, Е.В. Тихомировой, О.Н. Вишневской [30], Ю.В. Потаповой, А.Ю. Маленовой [27], А.Г. Рынзиной и А.С. Великановой [29], С.И. Тарасовой и Е.Ю. Дубовик [32] и др. Исследования показывают, что эмоциональное неблагополучие является «отрицательно окрашенным эмоциональным состоянием, которое характеризуется нестабильностью и неадекватностью эмоциональных реакций, преобладанием отрицательных эмоций, тревожностью, наличием признаков депрессии, страхов, а также и заниженной самооценкой» [4, с. 221]. Так, для личности с эмоциональным неблагополучием характерно «доминирование негативных эмоций, таких как отчаяние, обида, страх и недовольство... психическая нестабильность, неуравновешенность» [6, с. 400].

Эмоциональное неблагополучие как отрицательная субъективная составляющая оценка собственного эмоционального состояния и самочувствия личности рассматривалась в отечественной психологии Е.Н. Герасимовой, С.Н. Гамовой и И.В. Фаустовой. Согласно их взглядам, эмоциональное неблагополучие характеризуется переживанием отрицательных эмоций (тревожность, апатия, фрустрация, раздражительность, страх и пр.), негативными эмоциональными проявлениями, эмоциональной нестабильностью и неадекватностью реагирования во взаимоотношениях с окружающими.

Состояние усталости студентов является прямым следствием эмоционального неблагополучия, которое возникает под влиянием комплекса взаимосвязанных факторов современной образовательной среды. Во-первых, отсутствие социальной стабильности создает дополнительное напряжение у студентов и ощущение неопределенности

относительно профессиональных перспектив. Во-вторых, из-за постоянного растущего потока информации студенты сталкиваются с необходимостью усваивать большой объем учебного материала, что приводит к информационной перегрузке. В-третьих, ускоряющийся темп жизни создает вынужденное давление на студента и ставит перед ним дилемму совмещения учебы, работы, социальной активности и личных интересов. В-четвертых, чрезмерные эмоциональные нагрузки на психику и пребывание в стрессовых ситуациях приводит к эмоциональному истощению. В результате формируется замкнутый круг: усталость снижает способность эффективно справляться со стрессом, а стресс, в свою очередь, усиливает состояние усталости.

И.Н. Мырзамуратова [22], изучая эмоциональное неблагополучие студентов, подчеркивает его связь с устойчивыми негативными эмоциональными состояниями, вызывающими дискомфорт в межличностных взаимоотношениях, понижающих активность и работоспособность. Проявлениями эмоционального неблагополучия могут быть депрессивные состояния, тревожность, враждебность, усталость.

Хроническая усталость как субъективное состояние личности может выступать в качестве симптомокомплекса неврозов, депрессии и являться пусковым механизмом расстройства эмоциональной сферы. Усталость может проявляться в виде неспособности к длительному умственному и физическому напряжению, а также вызывать беспокойство и отчаяние, повышенную утомляемость и раздражительность, беспомощность, невозможность принять решение и др.

На основании вышеизложенного типичными проявлениями субъективного состояния усталости личности как показателя эмоционального неблагополучия будем считать следующие: снижение эмоционального тонуса, потерю интереса к привычной деятельности, быструю утомляемость, слабость, нарастающее расстройство внимания; повышенную раздражимость и неустойчивость психоэмоционального состояния; ухудшение самочувствия и проявляющиеся на этом фоне головные боли; признаки нарушения сна и бодрствования (наличие сонливости и упадка жизненных сил днем, а ночью – бессонницы) и как следствие прогрессирующее снижение работоспособности; эмоциональную подавленность, состояние апатии, безрадостное настроение, пассивность.

Студенты в большей степени подвержены хронической усталости и причинами возникновения этого состояния может выступать целый комплекс факторов. К объективным факторам относят: состояние здоровья, величину учебной нагрузки, пренебрежение соблюдению режима дня и продолжительности отдыха, а также санитарно-гигиенических условий (чистота помещения, освещенность, температурный режим и пр.). Субъективные факторы усталости обусловлены личностными качествами, например, типом темперамента и особенностями характера (эмоциональная неустойчивость, чрезмерная эмоциональность, нетерпеливость, пессимистичность, низкая коммуникабельность, вызывающая напряжение в условиях, когда требуется командная работа, перфекционизм, приводящий к перегрузке и пр.), уровнем имеющихся знаний и мотивацией к обучению. Возникновение субъективного состояния усталости может объясняться специфическими факторами организации учебного процесса в вузе, такими как дефицит времени на освоение материала и информационная перегрузка при изучении новых дисциплин и пр. Одной из вероятных причин возникновения усталости у студентов может явиться сессия.

Состояние усталости у студентов как фактор эмоционального неблагополучия вызывает затруднения в прохождении важного жизненного этапа, является серьезным препятствием для эффективной социально-психологической адаптации.

Основная часть. Теоретический анализ изучаемой проблемы показал, что многие вопросы, связанные с субъективным состоянием усталости как показателя эмоционального неблагополучия студентов в разные периоды обучения в вузе, остаются недостаточно изученными. Особую актуальность данная проблема приобретает в период экзаменационной сессии, когда психоэмоциональная нагрузка на студентов достигает пиковых значений.

Цель данной работы – изучение субъективного состояния усталости у студентов в период сессии как показателя эмоционального неблагополучия, выявление факторов, способствующих возникновению усталости и ухудшающих психоэмоциональное состояние, предложение мер психологической поддержки студентов в период сессии. Изучение субъективного состояния усталости позволит не только лучше понять механизмы адаптации студентов к новым учебным нагрузкам, но и разработать эффективные меры психолого-педагогического сопровождения учебного процесса.

Анализ научных исследований по данной проблеме выявил существующее несоответствие между актуальными требованиями системы ВПО, предполагающими формирование эмоционально устойчивой, адаптивно способной личности студента, готовой к эффективной учебно-профессиональной деятельности и реальным психофизиологическим состоянием обучающихся в период экзаменационной сессии, характеризующимся состоянием хронической усталости, которая существенно ограничивает когнитивные возможности и снижает продуктивность текущей деятельности.

Исследование проводилось в Государственном аграрном университете Северного Зауралья (г. Тюмень) в период с сентября 2024 г. по февраль 2025 г. В нем приняли участие 125 студентов-первокурсников.

Для выявления уровня выраженности субъективной усталости как показателя эмоционального неблагополучия у студентов применялся комплекс психодиагностических методик. С целью обнаружения признаков субъективной усталости нами отобраны следующие методики: «Дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности» (далее – ДОРС) А.Б. Леоновой и С.Б. Величковской [9], позволяющая определить степень выраженности четырех состояний – утомления, монотонию, пресыщение и стресс; опросник «Самочувствие, активность, настроение» (далее – САН) В.А. Доскина, Н.А. Лаврентьевой, В.Б. Шарай и М.П. Мирошникова [9] для получения оперативной оценки психоэмоционального состояния студентов и их реакции на различную нагрузку; методика «Степень хронического утомления» (далее – СХУ) А.Б. Леоновой и И.В. Шишкиной [18], в которой учитывалась шкала, выявляющая нарушения в эмоционально-аффективной сфере; для оценки степени усталости применялась «Шкала оценки усталости» (Fatigue Assessment Scale, далее – FAS) [1; 8]. Для определения уровня эмоционального благополучия студентов применялась «Ориентировочная оценка эмоционального благополучия» (далее – ООЭБ) В.А. Ананьева [11].

Результаты исследования и их обсуждение. С целью оценки динамики субъективного состояния усталости у студентов нами проведено два среза: первый осуществлялся в начале семестра (сентябрь 2024 г.) и второй – в период сдачи первой сессии (декабрь 2024 г. – январь 2025 г.).

Для анализа полученных данных между двумя срезами в связанных выборках применим G-критерий знаков, оценивающий направленность изменений в сторону увеличения или уменьшения исследуемого признака. В соответствии с алгоритмом

расчета данного критерия определены сдвиги и направления изменений, представленные в таблице 1.

Таблица 1.

Оценка значимости изменений комплексного субъективного состояния усталости студентов первого курса в течение первого семестра (N=125, в %)

Методики	Показатели	Уровень	1 срез – начало семестра	2 срез – период сессии	Сдвиг и направление
ДОРС	Утомление	низкий	46,4	15,2	-31,2
		умеренный	25,6	37,6	+12,0
		выраженный	18,4	32,8	+14,4
		высокий	9,6	14,4	+4,8
	Монотония	низкий	51,2	33,6	-17,6
		умеренный	20	27,2	+7,2
		выраженный	19,2	22,4	+3,2
		высокий	9,6	16,8	+7,2
	Пресыщение	низкий	49,6	23,2	-26,4
		умеренный	25,6	34,4	+8,8
		выраженный	16,8	24	+7,2
		высокий	8	18,4	+10,4
	Стресс	низкий	24,8	7,2	-17,6
		умеренный	20,8	31,2	+10,4
		выраженный	29,6	36	+6,4
		высокий	24,8	25,6	+0,8
САН	Самочувствие	низкий	5,6	20,8	+15,2
		средний	58,4	54,4	-4,0
		высокий	36	24,8	-11,2
	Активность	низкий	31,2	45,6	+14,4
		средний	37,6	32	-5,6
		высокий	31,2	22,4	-8,8
	Настроение	низкий	7,2	31,2	+24,0
		средний	69,6	54,4	-15,2
		высокий	23,2	14,4	-8,8
СХУ	Нарушения в эмоционально-аффективной сфере	отсутствие	30,4	18,4	-12,0
		умеренный	64	52	-12,0
		выраженный	4,8	24,8	+20,0
		высокий	0,8	4,8	+4,0
FAS	Усталость	отсутствие	60,8	20,8	-40,0
		умеренный	31,2	58,4	+27,2
		выраженный	8	20,8	+12,8
ООЭБ	Эмоциональное благополучие	низкий	6,4	23,2	+16,8
		средний	47,2	54,4	+7,2
		высокий	46,4	22,4	-24,0

Проведенный анализ позволил выявить устойчивую тенденцию к нарастанию усталости и эмоционального неблагополучия студентов в экзаменационный период.

По шкале «утомление» установлено статистически значимое изменение распределения числа студентов по степени выраженности данного состояния в период экзаменационной сессии. Зафиксировано трехкратное уменьшение числа респондентов с низким уровнем утомления, что сопровождается пропорциональным увеличением числа первокурсников, демонстрирующих умеренную, выраженную и высокую степени психофизического истощения. Наиболее значительный прирост зафиксирован в группе студентов с выраженным уровнем утомления (+14,4), свидетельствующий о существенном нарастании психоэмоциональной нагрузки в период сдачи сессии.

По шкале «монотония» произошло уменьшение количества студентов с низкой степенью её выраженности на 17,6. Это те студенты, которые вначале обучения в вузе, практически не испытывали состояние монотонии, т.е. сниженного контроля при выполнении однообразной и монотонной работы. Рост умеренной, высокой и выраженной степеней по данной шкале указывает на увеличение числа студентов, переживающих рутинность, при которой усиливается состояние сниженного контроля и появляются симптомы ухудшения внимания и памяти, появляются скука, апатия и сонливость.

По шкале «пресыщение», отражающей состояние сниженной работоспособности, потерю интереса к деятельности, выявлено значительное ухудшение показателя в период сессии. Резкое снижение доли студентов с низким уровнем (-26,4) и значительный рост всех уровней психического пресыщения – умеренного (8,8%), выраженного (7,2%) и высокого (10,4%). Полученные данные свидетельствуют о значительном снижении работоспособности и потере интереса к учебной деятельности в период сдачи сессии, которые негативно отражаются не только на качестве и процессе обучения студентов, но и их психологическом состоянии.

Во втором срезе по шкале «стресс» зафиксировано значительное снижение доли студентов (с 24,8% до 7,2%), не испытывающих беспокойство или психическое напряжение. Это свидетельствует о существенном ухудшении текущей обстановки, связанной с повышенной сложностью текущей ситуации, в которой находятся первокурсники. 36% респондентов испытывают выраженный стресс (максимальный показатель по данной шкале) именно в период сдачи сессии.

По шкалам «САН» в результате первого среза у первокурсников выявлено благоприятное психоэмоциональное состояние. Большая часть студентов (58,4%) оценили свое самочувствие как нормальное, а 36% – как благоприятное. Незначительный дискомфорт испытывали 5,6%. Выявлено равное распределение активности студентов по уровням. Настроение у большинства студентов (69,6%) было как стабильно нормальным, у 23,2% – приподнятым, а 7,2% демонстрировали подавленное настроение. Результаты первого среза указывают на проявление активности и позитивный настрой студентов-первокурсников. Адаптационный период проходит у большинства студентов успешно. Ухудшения всех показателей – самочувствия, активности и настроения были выявлены в период сессии. Каждый пятый студент испытывал явный дискомфорт в самочувствии. Уровень низкой активности возрос, что свидетельствует о пассивности, а уровень высокой активности сохранился только у 22,4% (тенденция снижения). Настроение студентов в период сессии ухудшилось: доля с благоприятным настроением снизилась до 14,4%, а в подавленном настроении в период сессии находилось 31,2% студентов. По мере нарастания состояния усталости соотношение между шкалами САН изменяется. Так, происходит снижение самочувствия и активности по сравнению с настроением.

По шкале «нарушения в эмоционально-аффективной сфере» обнаружено следующее: в период сессии количество студентов, имеющих выраженные признаки нарушений, возросло с 4,8% до 24,8%, а с высокой степенью – с 0,8% до 4,8%. Сессия вызывает у студентов эмоциональную нестабильность, характеризующуюся повышением уровня личностной и ситуативной тревожности, раздражительности. У ранее устойчивых студентов могут проявляться аффективные всплески реакций.

По шкале «усталость» обнаружен резкий рост: умеренный уровень увеличился на 27,2% (с 31,2% до 58,4%), выраженная усталость возросла в 2,6 раза (с 8% до 20,8%) и втрое снизилось число студентов с низким уровнем усталости (с 60,8% до 20,8%). В

течение сессии происходит постепенное накопление усталости, достигающее своего максимума в период сдачи экзаменов.

Оценка эмоционального благополучия студентов показала, что 23,2% испытывают эмоциональный дискомфорт. Произошло снижение высокого уровня эмоционального благополучия с 46,4% до 22,4%, в то время как количество студентов со средним уровнем увеличилось на 7,2%.

Полученные результаты примененных методик демонстрируют статистически значимое ухудшение психофизиологического состояния студентов в период экзаменационной сессии ($p < 0,05$). Количество студентов с выраженной усталостью увеличилось в 2,6 раза, а уровень эмоционального неблагополучия возрос вдвое. Отрицательная динамика показателей самочувствия, активности и настроения свидетельствует о комплексном характере воздействия экзаменационного стресса. По шкалам «утомления», «монотонии» и «пресыщения» выявлено увеличение числа студентов с выраженными формами психоэмоционального истощения, испытывающих рутинность и, как следствие, приводящее к снижению интереса к учебе и работоспособности. Кумулятивный эффект усталости студентов достигает пика к концу сессии. Особую тревогу вызывает резкое увеличение аффективных нарушений.

Заключение. Результаты проведенного исследования показали, что субъективное состояние усталости у студентов в период сессии служит важным индикатором эмоционального неблагополучия. Полученные данные свидетельствуют о статистически значимом ухудшении психоэмоционального состояния по многим параметрам: выраженный рост таких показателей, как усталость, монотония, пресыщение и стресс сопровождается снижением уровня самочувствия, активности и настроения. Увеличение числа студентов с выраженной усталостью и снижение показателей эмоционального благополучия указывают на необходимость разработки комплекса мер психолого-педагогического сопровождения учебно-воспитательного процесса.

Результаты исследования показывают, что сочетание чрезмерной учебной нагрузки и дефицит полноценного восстановления ресурсов вызывает у студентов состояние усталости, переутомления и психоэмоционального истощения.

В качестве перспективных направлений дальнейшего изучения обозначенной проблемы мы видим в разработке и внедрении адресных программ психологической поддержки студентов в период сессии, включающих тренинги по развитию стрессоустойчивости и индивидуальные консультации; создание и апробация психолого-педагогических рекомендаций кураторам по сопровождению первокурсников в период адаптации к вузу; создание курсов по выбору, объединяющих теорию и практику (например, «Психология ментального здоровья»); внедрение здоровьесберегающих технологий в учебный процесс. В частности, на практических занятиях по дисциплине «Психология» необходимо внедрение упражнений по эмоциональной саморегуляции, дыхательных техник, элементов аутогенной тренировки, а также использование методов самодиагностики для выявления уровня усталости, тревожности и пр. Предложенные меры, включая упражнения по эмоциональной регуляции, дыхательные техники и методы самодиагностики, подробно изложены в недавно опубликованном пособии [5].

Результаты исследования представляют практическую ценность для педагогов-психологов, преподавателей и кураторов учебных групп, поскольку позволяют разработать и внедрить меры психолого-педагогической поддержки студентов. Данные меры направлены на оптимизацию процесса адаптации первокурсников к условиям обучения в вузе и профилактику психоэмоционального напряжения в период первой

экзаменационной сессии как критического этапа образовательного процесса, характеризующегося повышенной учебной нагрузкой, которая провоцирует кумулятивную усталость и приводит к выраженному эмоциональному неблагополучию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бикбулатова Л.Ф. Шкала оценки усталости (перевод на русский язык), адаптация и оценка психометрических свойств в стационарах клиник неврологии и терапии / Л.Ф. Бикбулатова, М.А. Кутлубаев, Л.Р. Ахмадеева // Медицинский вестник Башкортостана. – 2012. – Т. 7, № 1. – С. 37–42.
2. Бодров В.А. Современные представления о чувстве усталости в профессиональной деятельности / В.А. Бодров // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33, № 2. – С. 23–34.
3. Борсукова Д.И. Психологическое неблагополучие студентов медиков и способы снижения эмоционального дискомфорта в дальнейшей профессиональной деятельности / Д.И. Борсукова, Е.Н. Кунакбаева, М.В. Старчикова // Scientist (Russia). – 2022. – № 4(22). – С. 2.
4. Бочанцева Л.И. Особенности эмоционального благополучия подростков из семей с алкогольной зависимостью / Л.И. Бочанцева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2024. – № 3. – С. 219–229. – <http://doi.org/10.5281/zenodo.12573017>.
5. Бочанцева Л.И. Психология : учебное пособие для практических занятий и самостоятельной работы студентов / Л.И. Бочанцева. – Тюмень: Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2024. – 255 с.
6. Бочанцева Л.И. Формирование эмоционального благополучия у подростков из дисфункциональных семей / Л.И. Бочанцева // Педагогический ИМИДЖ. – 2024. – Т. 18, № 3(64). – С. 395–409. – <http://doi.org/10.32343/2409-5052-2024-18-3-395-409>.
7. Величко Ю.А. Внутренние противоречия в системе ценностей как предпосылки эмоционального неблагополучия личности / Ю.А. Величко, Д.В. Каширский // Высшее образование сегодня. – 2024. – № 5. – С. 74–79. – <http://doi.org/10.18137/RNU.HET.24.05.P.074>.
8. Визель А.А. Шкала оценки усталости (Fatigue Assessment Scale): валидизация русскоязычной версии / А.А. Визель, А.С. Белевский, И.Ю. Визель [и др.] // Практическая пульмонология. – 2025. – № 1. – С. 62–65. – <http://doi.org/10.24412/2409-6636-2025-13222>.
9. Водяха Ю.Е. Психологическая диагностика сфер личности: Лабораторный практикум / Ю.Е. Водяха. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. – 220 с.
10. Габдрахманова В.И. Синдром хронической усталости студентов УРГУПС / В.И. Габдрахманова, Н.А. Линькова, П.Ф. Сапова // Современные здоровьесберегающие технологии. – 2017. – № 2. – С. 42–48.
11. Дмитриева Н.Б. Психология здоровья личности: учебное пособие / Н.Б. Дмитриева. – Казань: ТГГПУ, 2010. – 61 с.
12. Духновский С.В. Опросник «субъективная оценка уровня утомленности личности»: разработка, психометрическая характеристика, применение / С.В. Духновский, Э.К. Шелепина // Российский девиантологический журнал. – 2024. – Т. 4, № 2. – С. 144–160. – <http://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-2-144-160>.
13. Колесник Н.Т. Психологическое благополучие современных студентов / Н.Т. Колесник, Е.Н. Полянская, А.И. Коробко // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 83–2. – С. 479–482.
14. Корнилова С.А. Признаки усталости и утомления, их причины и профилактика / С.А. Корнилова // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 95–5. – С. 109–112. – <http://doi.org/10.18411/trmio-03-2023-248>.
15. Кузнецова Е.В. Коррекция эмоционального неблагополучия младших школьников средствами изотерапии / Е.В. Кузнецова // Ученые записки НТГСПИ. Серия: Педагогика и психология. – 2023. – № 2. – С. 94–103.
16. Кузнецова Е.В. Коррекция эмоционального неблагополучия подростков средствами тренинговой работы / Е.В. Кузнецова // Вестник экспериментального образования. – 2023. – № 1(34). – С. 1–9.
17. Куралева О.О. Признаки усталости, утомляемости и переутомления, их причины и профилактика, восстановление / О.О. Куралева, Д.С. Бибикина // Инновационное развитие регионов: потенциал науки и современного образования: Материалы II Национальной научно-практической конференции, Астрахань, 07 февраля 2019 года / под общ. ред. Т.В. Золиной. – Астрахань: Информационно-издательский центр, 2019. – С. 61–64.
18. Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека / А.Б. Леонова. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.

19. Линькова Н.А. Синдром хронической усталости - одна из проблематик физического воспитания студентов транспортного вуза / Н.А. Линькова // Инновационный транспорт. – 2020. – № 3(37). – С. 37–40. – <http://doi.org/10.20291/2311-164X-2020-3-37-40>.
20. Липская Т.А. Особенности психологического благополучия студентов на начальном и завершающем этапах обучения / Т.А. Липская // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 78-3. – С. 270–274.
21. Максименко Е.Г. Обзор отечественных и зарубежных исследований феномена психологического благополучия / Е.Г. Максименко, А.В. Гордеева, С.А. Вильдгрубе [и др.] // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2024. – № 5. – С. 147–177. – <http://doi.org/10.5281/zenodo.14286833>.
22. Мырзамуратова И.Н. Саморегуляция и эмоциональное неблагополучие у студентов с различными признаками латеральной организации мозга: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.13 / И.Н. Мырзамуратова. – Москва: Ин-т психологии РАН, 2013. – 26 с.
23. Никифорова Ю.А. Выявление причин переутомления обучающихся вузов и поиск мер их предотвращения / Ю.А. Никифорова, Д.В. Бобылева, Ю.В. Сорокина // Актуальные вопросы современной экономики. – 2019. – № 6-1. – С. 763–768. – <http://doi.org/10.34755/IROK.2019.5.5.277>.
24. Николаева Л.А. Оценка переутомления детей и подростков / Л.А. Николаева, Д.В. Долиновская, В.А. Петухова, Ю.О. Прибылова // Эпомен: медицинские науки. – 2023. – № 9. – С. 33–43.
25. Новожилова А.А. Особенности исследования профессионального утомления в физиологии труда / А.А. Новожилова, А.М. Гергей, А.Г. Меркулова // Медицина труда и промышленная экология. – 2022. – Т. 62, № 4. – С. 238–246. – <http://doi.org/10.31089/1026-9428-2022-62-4-238-246>.
26. Патурова И.Г. Оценка степени хронического утомления у студентов 2 курса Кировского Государственного Медицинского Университета / И.Г. Патурова, Н.А. Бобровский // Научные исследования 2022: Сборник статей Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Пенза, 23 мая 2022 года. Том Часть 1. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 103–105.
27. Потапова Ю.В. Предикторы эмоционального неблагополучия студентов в ситуации сепарации от родителей / Ю.В. Потапова, А.Ю. Маленова // Вестник Омского университета. Серия: Психология. – 2018. – № 1. – С. 13–19. – <http://doi.org/10.24147/2410-6364.2018.1.13-19>.
28. Прихода И.В. Синдром хронической усталости: вопросы диагностики и лечения / И.В. Прихода // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. – 2007. – № 1. – С. 120–122.
29. Рынзина А.Г. Сравнительный анализ подходов к изучению психологического благополучия личности студентов / А.Г. Рынзина, А.С. Великанова // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2021. – Т. 7, № 4. – С. 88–101. – <http://doi.org/10.18413/2313-8971-2021-7-4-0-7>.
30. Самохвалова А. Методы профилактики психологического неблагополучия студенческой молодежи / А. Самохвалова, Е. Тихомирова, О. Вишневская и др. // Modern Psychology. – 2023. – Vol. 6, No. 2(13). – С. 3–15. – <http://doi.org/10.46991/sbmp/2023.6.2.003>.
31. Середавин З.Е. Признаки усталости и утомления, их причины и профилактика / З.Е. Середавин, А.Б. Хабибуллин // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 98-2. – С. 36–39. – <http://doi.org/10.18411/trnio-06-2023-70>.
32. Тарасова С.И. Исследование эмоционального неблагополучия подростков, оставшихся без попечения родителей / С.И. Тарасова, Е.Ю. Дубовик // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – Т. 9, № 6. – С. 13.
33. Усталость и ее причины // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ustalost-i-ee-prichiny?ysclid=m9i0gg3gio669584600> (дата обращения 05.12.2024).
34. Шакула А.В. Динамика психоэмоционального состояния студентов с явлениями хронической усталости после проведения сеанса аудиовизуальной стимуляции / А.В. Шакула, Д.И. Никулин, Р.Р. Бадретдинов // Медицинский вестник Башкортостана. – 2011. – Т. 6, № 5. – С. 65–66.

REFERENCES

1. Bikbulatova L.F., Kutlubaev M.A., Axmadeeva L.R. (2012). Shkala ocenki ustalosti (perevod na russkij yazyk), adaptaciya i ocenka psixometricheskix svojstv v stacionarax klinik nevrologii i terapii [The scale of the evaluation of the stability (translation into Russian), adaptation and evaluation of the psychometric properties in the inpatient clinics of neurology and therapy]. Medicinskij vestnik Bashkortostana [Medical Bulletin of Bashkortostan], Vol. 7, No. 1, pp. 37–42. (In Russian)

2. Bodrov V.A. (2012). Sovremennyye predstavleniya o chuvstve ustalosti v professional'noj deyatel'nosti [Current perceptions of feelings of fatigue in professional life]. *Psixologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], Vol. 33, No. 2, pp. 23–34. (In Russian)
3. Borsukova D.I., Kunakbaeva E.N., Starchikova M.V. (2022). Psixologicheskoe neblagopoluchie studentov medikov i sposoby snizheniya e'mocional'nogo diskomforta v dal'nejšej professional'noj deyatel'nosti [Psychological disadvantage of medical students and ways to reduce emotional discomfort in further professional activity]. *Scientist (Russia)* [Scientist (Russia)], No. 4 (22), pp. 2. (In Russian)
4. Bochanova L.I. (2024). Osobennosti e'mocional'nogo blagopoluchiya podrostkov iz semej s alkohol'noj zavisimost'yu [Features of emotional well-being of adolescents from families with alcohol dependence]. *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psixologiya* [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology], No. 3, pp. 219–229. <http://doi.org/10.5281/zenodo.12573017> (In Russian)
5. Bochanova L.I. (2024). Psixologiya: uchebnoe posobie dlya prakticheskikh zanyatij i samostoyatel'noj raboty studentov [Psychology: manual for practical classes and independent work of students] (255 p.) Tyumen': Gosudarstvennyj agrarnyj universitet Severnogo Zaural'ya [Tyumen : State Agrarian University of the North Trans-Urals] (In Russian)
6. Bochanova L.I. (2024). Formirovanie e'mocional'nogo blagopoluchiya u podrostkov iz disfunkcional'ny'x semej [Shaping emotional well-being in adolescents from dysfunctional families]. *Pedagogicheskij IMIDZh* [Pedagogical IMAGE], Vol. 18, No. 3 (64), pp. 395–409. <http://doi.org/10.32343/2409-5052-2024-18-3-395-409> (In Russian)
7. Velichko Yu.A., Kashirskij D.V. (2024). Vnutrennie protivorechiya v sisteme cennostej kak predposylki e'mocional'nogo neblagopoluchiya lichnosti [Internal contradictions in the system of values as prerequisites for emotional ill-being of the personality]. *Vy'sshee obrazovanie segodnya* [Higher education today], No. 5, pp. 74–79. <http://doi.org/10.18137/RNU.HET.24.05.P.074> (In Russian)
8. Vigel' A.A., Belevskij A.S., Vigel' I.Yu. (Ed.) (2025). Shkala ocenki ustalosti (Fatigue Assessment Scale): validizaciya russkoyazy'chnoj versii [Fatigue Assessment Scale: validation of the Russian version]. *Prakticheskaya pul'monologiya* [Practical pulmonology], No. 1, pp. 62–65. <http://doi.org/10.24412/2409-6636-2025-13222> (In Russian)
9. Vodyaxa Yu.E. (2018). Psixologicheskaya diagnostika sfer lichnosti: Laboratornyj praktikum [Psychological diagnostics of personality spheres: Laboratory workshop] (220 p.). Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet [Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University] (In Russian)
10. Gabdraxmanova V.I., Lin'kova N.A., Sapova P.F. (2017). Sindrom xronicheskoj ustalosti studentov URGUPS [Chronic fatigue syndrome of URGUPS students]. *Sovremennyye zdorov'esberegayushhie texnologii* [Modern health-saving technologies], No. 2, pp. 42–48. (In Russian)
11. Dmitrieva N.B. (2010). Psixologiya zdorov'ya lichnosti: uchebnoe posobie [Psychology of personal health: Training manual]. (pp. 61). Kazan': TGGPU [Kazan: TGGPU] (In Russian)
12. Duxnovskij S.V., Shelepina E'.K. (2024). Oprosnik «sub'ektivnaya ocenka urovnya utomlennosti lichnosti»: razrabotka, psixometricheskaya xarakteristika, primenenie [The questionnaire “subjective assessment of personality fatigue level”: development, psychometric characterization, application]. *Rossiiskij deviantologicheskij zhurnal* [Russian Journal of Deviantology], Vol. 4, No. 2, pp. 144–160. <http://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-2-144-160> (In Russian)
13. Kolesnik N.T., Polyanskaya E.N., Korobko A.I. (2024). Psixologicheskoe blagopoluchie sovremenny'x studentov [Psychological well-being of modern students]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], No. 83-2, pp. 479–482. (In Russian)
14. Kornilova S.A. (2023). Priznaki ustalosti i utomleniya, ix prichiny i profilaktika [Signs of fatigue and tiredness, their causes and prevention]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in science and education], No. 95-5, pp. 109–112. <http://doi.org/10.18411/trnio-03-2023-248> (In Russian)
15. Kuznecova E.V. (2023) Korrekciya e'mocional'nogo neblagopoluchiya mladshix shkol'nikov sredstvami izoterapii [Коррекция эмоционального неблагополучия младших школьников средствами изотерапии]. *Uchenyye zapiski NTGSPi. Seriya: Pedagogika i psixologiya* [Scientific Notes of NTGSPi. Series: Pedagogy and Psychology], No. 2, pp. 94–103 (In Russian)
16. Kuznecova E.V. (2023). Korrekciya e'mocional'nogo neblagopoluchiya podrostkov sredstvami treningovoj raboty [Correction of emotional disadvantage of adolescents by means of training work]. *Vestnik e'ksperimental'nogo obrazovaniya* [Bulletin of Experimental Education], No. 1(34), pp. 1–9 (In Russian)
17. Kuraleva O.O., Bibikova D.S. (2019). Priznaki ustalosti, utomlyaemosti i pereutomleniya, ix prichiny i profilaktika, vosstanovlenie [Signs of fatigue, fatigue and overwork, their causes and prevention, recovery]. In *Innovacionnoe razvitie regionov: potencial nauki i sovremennogo obrazovaniya: Materialy II Nacional'noj*

nauchno-prakticheskoy konferencii, Astrakhan', 07 fevralya 2019 g. [Innovative development of regions: the potential of science and modern education: Proceedings of the II National Scientific and Practical Conference, Astrakhan, February 07, 2019] (pp. 61-64). Astrakhan: Information and Publishing Center (In Russian)

18. Leonova A.B. (1984). Psixodiagnostika funkcional'ny'x sostoyaniy cheloveka [Psychodiagnostics of human functional states] (200 p.) Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta [Moscow: Moscow University Press] (In Russian)

19. Lin'kova N.A. (2020). Sindrom xronicheskoy ustalosti - odna iz problematik fizicheskogo vospitaniya studentov transportnogo vuza [Chronic fatigue syndrome - one of the problems of physical education of students of transport higher education institution]. Innovacionny'j transport [Innovative transport], No. 3(37), pp. 37–40. <http://doi.org/10.20291/2311-164X-2020-3-37-40> (In Russian)

20. Lipskaya T.A. (2023). Osobennosti psixologicheskogo blagopoluchiya studentov na nachal'nom i zavershayushhem etape obucheniya [Features of psychological well-being of students at the initial and final stages of education]. Problemy' sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems of modern pedagogical education], No. 78-3, pp. 270–274 (In Russian)

21. Maksimenko E.G., Gordeeva A.V., Vil'dgrube S.A. (Ed.) (2024). Obzor otechestvenny'x i zarubezhny'x issledovaniy fenomena psixologicheskogo blagopoluchiya [Review of domestic and foreign studies of the phenomenon of psychological well-being]. Vestnik Doneczkogo nacional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psixologiya [Bulletin of Donetsk National University. Series D: Philology and Psychology], No. 5, pp. 147–177. <http://doi.org/10.5281/zenodo.14286833> (In Russian)

22. My'zramuratova I.N. (2013). Samoregulyaciya i e'mocional'noe neblagopoluchie u studentov s razlichny'mi priznakami lateral'noj organizacii mozga [Self-regulation and emotional maladjustment in students with different traits of lateral brain organization]. Avtoreferat dis. ... kandidata psixologicheskix nauk [Abstract of the diss. ... candidate of psychological sciences] (26 p.) Moskva: In-t psixologii RAN [Moscow: Institute of Psychology RAS] (In Russian)

23. Nikiforova Yu.A., Bobyleva D.V., Sorokina Yu.V. (2019). Vy'yavlenie prichin pereutomleniya obuchayushhixsya vuzov i poisk mer ix predotvrashheniya [Identification of the causes of overwork of university students and search for measures of their prevention]. Aktual'ny'e voprosy' sovremennoj e'konomiki [Topical issues of modern economics], No. 6-1, pp. 763–768. <http://doi.org/10.34755/IROK.2019.5.5.277> (In Russian)

24. Nikolaeva L.A., Dolinovskaya D.V., Petuxova V.A., Priby'lova Yu.O. (2023). Ocenka pereutomleniya detej i podrostkov [Assessment of overexertion in children and adolescents]. E'pomen: medicinskie nauki [Epub: Medical Sciences], No. 9, pp. 33–43 (In Russian)

25. Novozhilova A.A., Geregej A.M., Merkulova A.G. (2022). Osobennosti issledovaniya professional'nogo utomleniya v fiziologii truda [Features of the study of occupational fatigue in labor physiology]. Medicina truda i promy'shlennaya e'kologiya [Occupational medicine and industrial ecology], Vol. 62, No. 4, pp. 238–246. <http://doi.org/10.31089/1026-9428-2022-62-4-238-246> (In Russian)

26. Paturova I.G., Bobrovskij N.A. (2022). Ocenka stepeni xronicheskogo utomleniya u studentov 2 kursa Kirovskogo Gosudarstvennogo Medicinskogo Universiteta [Evaluation of the degree of chronic fatigue in 2nd year students of Kirov State Medical University]. In Nauchny'e issledovaniya 2022: Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-x chastyax, Penza, 23 maya 2022 g. Tom Chast' 1 [Scientific Research 2022: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. In 2 p., Penza, May 23, 2022. Vol.1] (pp. 103–105). Penza: Nauka i Prosveshhenie (IP Gulyaev G.Yu.) [Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.)] (In Russian)

27. Potapova Yu.V., Malenova A.Yu. (2018). Prediktory' e'mocional'nogo neblagopoluchiya studentov v situacii separacii ot roditel'j [Predictors of students' emotional disadvantage in the situation of separation from parents]. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psixologiya [Bulletin of Omsk University. Series: Psychology], No. 1, pp. 13–19. <http://doi.org/10.24147/2410-6364.2018.1.13-19> (In Russian)

28. Prikoda I.V. (2007). Sindrom xronicheskoy ustalosti: voprosy' diagnostiki i lecheniya [Chronic fatigue syndrome: diagnostic and treatment issues]. Pedagogika, psixologiya i mediko-biologicheskie problemy' fizicheskogo vospitaniya i sporta [Pedagogy, psychology and medical and biological problems of physical education and sport], No. 1, pp. 120–122. (In Russian)

29. Ry'nzina A.G., Velikanova A.S. (2021). Sravnitel'ny'j analiz podxodov k izucheniyu psixologicheskogo blagopoluchiya lichnosti studentov [Comparative analysis of approaches to the study of psychological well-being of students' personality]. Nauchny'j rezul'tat. Pedagogika i psixologiya obrazovaniya [Scientific result. Pedagogy and psychology of education], Vol. 7, No. 4, pp. 88–101. <http://doi.org/10.18413/2313-8971-2021-7-4-0-7> (In Russian)

30. Samoxvalova A., Tixomirova E., Vishnevskaya O. (Ed.). (2023). Metody' profilaktiki psixologicheskogo neblagopoluchiya studencheskoj molodezhi [Methods of prevention of psychological disadvantage of student youth]. Modern Psychology, Vol. 6, No. 2(13), pp. 3–15. <http://doi.org/10.46991/sbmp/2023.6.2.003> (In Russian)

31. Seredavin Z.E., Xabibullin A.B. (2023). Priznaki ustalosti i utomleniya, ix prichiny i profilaktika [Signs of fatigue and tiredness, their causes and prevention]. Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya [Trends in science and education], No. 98-2, pp. 36–39. <http://doi.org/10.18411/trnio-06-2023-70> (In Russian)

32. Tarasova S.I., Dubovik E.Yu. (2021). Issledovanie e'mocional'nogo neblagopoluchiya podrostkov, ostavshixsya bez popecheniya roditel'ej [A study of the emotional dysfunction of adolescents without parental care]. Mir nauki. Pedagogika i psixologiya [World of Science. Pedagogy and psychology], Vol. 9, No. 6, pp. 13 (In Russian)

33. Ustalost' i ee prichiny [Fatigue and its causes]. Vserossijskij centr izucheniya obshhestvennogo mneniya [All-Russian Public Opinion Research Center]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ustalost-i-ee-prichiny?ysclid=m9i0gq3gio669584600> (accessed on: 05.12.2024) (In Russian) []

34. Shakula A.V., Nikulin D.I., Badretdinov R.R. (2011). Dinamika psixoe'mocional'nogo sostoyaniya studentov s yavleniyami xronicheskoy ustalosti posle provedeniya seansa audiovizual'noj stimulyacii [Dynamics of psychoemotional state of students with chronic fatigue after audiovisual stimulation session]. Medicinskij vestnik Bashkortostana [Medical Bulletin of Bashkortostan], Vol. 6, No. 5. pp. 65–66 (In Russian)

Поступила в редакцию 05.05.2025 г.

SUBJECTIVE STATE OF STUDENTS' FATIGUE DURING THE SESSION AS INDICATOR OF EMOTIONAL DISTRESS

L.I. Bochantseva

The article describes the results of the empirical study of the subjective state of fatigue in students during the session as an indicator of emotional ill-being. The author analyzes theoretical studies in psychology and medicine, dealing with the current state of prevalence of this problem. The content of the concepts “tiredness” and “fatigue” is analyzed. It is emphasized that fatigue, as a special subjective state arising as a result of prolonged stress and exhaustion of the body resources, is accompanied by a decrease in functional capabilities and changes in emotional state. This phenomenon is characterized by a complex of feelings of weakness and powerlessness (feeling of being run-down), lethargy, moral exhaustion, discomfort, irritability, bad mood, anxiety, signs of depression, etc., which are realized by a person. Deterioration of well-being is the dominant sign of fatigue. The study was conducted on the basis of the university, in which 125 freshmen students took part. The results obtained indicate a steady tendency to increasing fatigue and emotional ill-being in students during the examination period. The conclusion emphasizes the need to develop measures of psychological and pedagogical support to minimize the negative consequences.

Key words: fatigue, chronic fatigue, subjective state of fatigue, chronic fatigue syndrome, emotional well-being, psycho-emotional state, students.

Бочанцева Людмила Ивановна.

Кандидат психологических наук, доцент.

Государственный аграрный университет Северного
Зауралья, г. Тюмень, Российская Федерация.

Доцент кафедры философии и
социально-гуманитарных наук.

ORCID 0009-0002-9597-7588.

E-mail: bochanceva.lyudmila@mail.ru.

Bochantseva Lyudmila Ivanovna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.

Nothern Trans-Ural State Agricultural University,
Tyumen, Russian Federation.

Associate Professor of Department of Philosophy
and Social Sciences and Humanities.

ORCID 0009-0002-9597-7588.

E-mail: bochanceva.lyudmila@mail.ru.

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.5281/zenodo.15811318

ПОТРЕБНОСТЬ В КОНТРОЛЕ: СВЯЗЬ С УРОВНЕМ СОЗАВИСИМОСТИ И ВЫРАЖЕННОСТЬЮ ОБЪЕКТИВАЦИИ ПАРТНЕРА ПО БЛИЗКИМ МЕЖЛИЧНОСТНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

©2025 Ю.С. Узянова, Т.А. Воронцова

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

ORCID: 0000-0003-0288-5351

ORCID: 0000-0003-1717-7059

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Исследование направлено на выявление связи потребности в контроле с уровнем созависимости с партнером, а также уровнем выраженности социальной установки на его объективацию. Исследование проводилось в рамках двух этапов. На первом этапе оценивалась связь потребности в контроле с уровнем созависимости с партнером. Методы исследования: опросник межличностных отношений ОМО В. Шутца, адаптированный А.А. Рукавишниковым; шкала созависимости Б. Уайнхолда, адаптированная А.С. Кочаряном, Е.В. Фроловой, В.Н. Каразиной; тест-опросник на межличностную зависимость Р. Гиршфильда, адаптированный О.П. Макушиной. В результате первого этапа исследования показано, что с увеличением потребности контроля со стороны других людей, увеличивается уровень созависимости в отношениях с другими людьми. На втором этапе исследования получены предварительные данные о связи потребности контролировать других с выраженностью установки на объективацию партнера по близким межличностным отношениям. Методы исследования: опросник межличностных отношений ОМО В. Шутца, адаптированный А.А. Рукавишниковым, опросник объективации партнера по близким межличностным отношениям Ю.С. Узяновой, Т.А. Воронцовой.

Ключевые слова: контроль, потребность в контроле, созависимость, зависимость, созависимые отношения, объективация, социальная установка, отношения, субъект-объектные отношения.

Для цитирования: Узянова Ю.С. Потребность в контроле: связь с уровнем созависимости и выраженностью объективации партнера по близким межличностным отношениям / Ю.С. Узянова, Т.А. Воронцова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 190–205. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15811318>.

Введение. В основе социального поведения человека лежат социально-психологические потребности. Согласно В. Шутцу, одной из базовых социальных потребностей является потребность в контроле в отношениях, которая удовлетворяется на двух уровнях: 1) на уровне требуемого поведения – потребность в контроле со стороны партнера; 2) на уровне выраженного поведения – потребность контролировать партнера [38].

Предпосылкой формирования потребности в контроле является эмоционально-волевое развитие личности ребенка: необходимость отстаивать свои интересы с одной стороны, с другой – умение уступить, сохранить отношения сотрудничества, учесть интересы других людей [17].

Ряд ученых психоаналитического направления (Ш. Ференци, К. Хорни, В. Шутц, М. Малер, С. Джонсон, Д. Винникот) утверждает, что иногда процесс эмоционально-

волевого развития личности ребенка может быть нарушен в связи с определёнными неблагоприятными условиями функционирования: невозможностью младенца наслаждаться нормальным для этапа младенчества собственным всемогуществом, а в последствии всемогуществом родителя; недостаточной заботой матери о ребенке; нарушением процессов сепарации и индивидуации; подавлением воли ребенка и др. [2; 5; 13; 24; 26; 38]. Эти обстоятельства вызывают у ребенка острую тревогу и приводят к перенаправлению всех психических ресурсов на поиск защитных механизмов от тревоги. В результате нормальное развитие личности с возможностью опоры на собственную идентичность (на свои стремления, вкусы, желания) становится невозможным.

Такое нарушение развития формирует определенный личностный конфликт, который может приводить к возникновению чрезмерной потребности контролировать / подчиняться другим и выражаться в проявлениях власти в отношениях; попытках поставить другого человека ниже, чтобы самому выглядеть «лучше» / подчинить свои потребности потребностям других с целью получить впоследствии какое-либо «благо» (любовь, отношения); достичь морального триумфа через приравнивание самоотречение к добродетели [11].

Площадкой для реализации потребности в контроле становятся личные отношения человека, в которых сам выбор партнера осуществляется с целью комплиментарного удовлетворения потребностей пары [38; 41]. Отношения становятся местом для воспроизведения в паре с партнером неразрешенных детских конфликтов, реализации мстительных потребностей в отношении родительских фигур [1; 3; 9]. Зачастую такие отношения характеризуются эмоциональной слитностью (ввиду низкой личной дифференцированности партнеров), чередованием периодов сближения / взаимного отчуждения; смещением и растворением личностных границ в отношениях; утратой доступа к собственной личности.

Мы предполагаем, что люди, обладающие выраженной потребностью в контроле других, склонны относиться к партнеру как к «объекту», что связано с недоверием его мнению, чувствам. В зарубежной литературе феномен отношения к другому как к объекту (вещи, телу) обозначается термином объективация. Содержание феномена объективации раскрывается в рамках двух подходов. В рамках первого подхода под объективацией подразумевается отождествление человека с его телом, или набором сексуализированных частей тела. Так, Б.Л. Фредриксон и Т.А. Робертс определяют объективацию как форму гендерного угнетения женщин в культуре, которая сексуально объективирует женское тело [31]. Второй подход, более широкий, определяет объективацию как «обращение с человеком как с объектом» [36, с. 257].

Придерживаясь второго подхода, мы понимаем под объективацией социальную установку, являющуюся предрасположенностью (готовностью) носителя установки воспринимать других людей, относиться и действовать по отношению к ним как к объектам (вещам и/или телу).

М.С. Нуссбаум выделяет 7 ключевых характеристик такого обращения: инструментальность, отрицание автономии, инертность (лишение самостоятельности, активности), легкая взаимозаменяемость другим человеком, возможность нарушения границ, обладание другим как вещью, отрицание его субъектности [36]. Х. Вонг, И.Г. Крумхубер, выделяют две центральные характеристики объективации: (1) отношение к объекту как к средству достижения своих целей (т.е. инструменту); и (2) лишение объекта его основных человеческих качеств (агентности, автономии и субъектности) [40].

Данные теоретические предпосылки стали для нас основой формулирования гипотезы о связи выраженности потребности в контроле у человека с уровнем его созависимости в отношениях, а также выраженностью у него установки на объективацию партнера по близким межличностным отношениям.

Анализ литературы по теме исследования показал ее недостаточную разработанность. Так, с точки зрения такого аспекта изучаемой проблемы, как влияние социально-психологических потребностей на формирование системы отношений личности, работы авторов были направлены на: выявление роли социальных потребностей и отношения к своему внешнему облику и внешнему облику партнера в легитимизации отношений мужчины и женщины [28]; анализ связи удовлетворенности базовых потребностей в молодых супружеских парах с параметрами стиля привязанности [21]; рассмотрение неудовлетворенности сексуальных потребностей в паре как причины супружеских конфликтов [7]; анализ связи потребности в безопасности и удовлетворенности браком [15]; выявление потребности в постоянном внимании в отношениях супругов с негативным нарциссизмом [6]; анализ межличностных отношений и ролевых ожиданий личности в браке [16] и др.

В части изучения особенностей созависимых отношений в работах ученых показано: влияние дисфункционального воспитания ребенка на возникновение созависимости во взрослом возрасте [20]; способы, цели и обоснования нарушения границ в созависимых отношениях [14]; нарастание требований к партнеру со стороны созависимой женщины по мере роста выраженности созависимости [8]; связь показателей субъектности личности с уровнем созависимости [23]; преобладание аутоагрессии в структуре личностного профиля созависимых женщин, а также высокой частоты секундарного алкоголизма среди близких родственников [18]; рассмотрение созависимости как копинг-стратегии совладания со страхом покинутости [42]; сравнение паттернов семейного взаимодействия и уровня созависимости членов семей алкоголиков и контрольной группы [39] и др.

В части изучения особенностей объективации партнера по близким межличностным отношениям показано:

- сексуальная объективация женщин партнерами-мужчинами приводит к усилению у женщин состояния самообъективации [32];

- у женщин аутентичное взаимодействие с партнером-мужчиной влияет на способность к установлению отношений, карьерные устремления и проявление когнитивных способностей [32; 37]; проявление гуманного отношения к беременной женщине со стороны партнера и со стороны беременной женщины к партнеру также снижает самообъективацию как у мужчин, так и у женщин, соответственно [35];

- чем сильнее мужчины объективируют своих партнеров, тем у них отмечается более низкий уровень приверженности отношениям, более низкий уровень удовлетворенности отношениями, а также они более легко воспринимают возможность смены партнера на другого. Однако, выраженность связи между объективацией партнера и уровнем приверженности отношениям зависит от длительности отношений: данная закономерность смягчается с ростом длительности отношений [35];

- чем сильнее женщины объективируют своих партнеров, тем сами имеют более низкий уровень удовлетворенности отношениями [35];

- более низкий уровень самообъективации связан с более низким уровнем депрессии и неудовлетворенности своим телом как у мужчин, так и у женщин, а также с более высоким уровнем сексуального удовлетворения у женщин [30];

- меньшая самообъективация женщин, связанная с гуманным отношением со стороны партнера, связана с меньшим количеством депрессивных симптомов, о которых сообщают их партнеры-мужчины, но меньшая самообъективация мужчин, как ни парадоксально, связана с усилением депрессивных симптомов у их партнеров-женщин [30].

Дизайн нашего исследования разработан с опорой на трёхмерную теорию интерперсонального поведения В. Шутца, эволюционный подход к созависимости Дж. Уайнхолд и Б. Уайнхолд [38, 22], модель контролирующей личности Т.А. Шкурко [27], диспозиционную концепцию регуляции социального поведения личности В.А. Ядова [29], представления об объективации, субъект-объектных отношениях, представленных в работах Н.И. Сарджвеладзе [19], Д.Х. Грюнфельд [33], М.Дж. Ландау [34], М.С. Нуссбаум [36].

Исследование проводится в два этапа. На первом этапе, в качестве гипотез исследования выступили следующие предположения.

1. Выраженность потребности в контроле у взрослых может быть связана с уровнем созависимости в отношениях с другими людьми.

2. Комплекс социально-психологических характеристик (выраженность уровня созависимости, зависимости, неуверенности в себе, удовлетворенности жизнью) у взрослых с различным сочетанием высокой потребности в контроле на уровне выраженного и требуемого от других поведения, вероятно, будет различаться.

В качестве гипотезы второго этапа исследования выступило следующее предположение:

3. Выраженность потребности в контроле у взрослых может быть взаимосвязана с выраженностью установки на объективацию партнера по близким межличностным отношениям.

Материалы и методы исследования. На первом этапе исследования эмпирическим объектом исследования выступили 105 человек, из них 73 женщины (69%), 32 мужчины (31%) в возрасте от 20 до 62 лет ($M=38$ лет); семейный статус: 73 человека в браке (70%), 8 человек в разводе (8%), 1 человек – вдовец (0,01%), 23 человека не состоят в браке (22%).

Были использованы следующие методики:

1) опросник межличностных отношений (ОМО) В. Шутца, адаптированный А.А. Рукавишниковым [25];

2) шкала созависимости Б. Уайнхолда, адаптированный А.С. Кочаряном, Е.В. Фроловой, В.Н. Каразиной [10];

3) тест-опросник на межличностную зависимость Р. Гиршфильд, адаптированный О.П. Макушиной [12].

Второй этап исследования являлся поисковым. Его результаты стали основанием для выбора шкалы контроля опросника межличностных отношений ОМО В. Шутца в качестве одной из валидизирующих шкал для проверки конструктивной валидности опросника объективации партнера по близким межличностным отношениям Ю.С. Узяновой, Т.А. Воронцовой в рамках нового большого исследования, посвященного изучению феномена объективации партнера по близким межличностным отношениям.

Эмпирическим объектом исследования на втором этапе выступили 224 человека, из них 177 женщины (79%), 47 мужчин (21%) в возрасте от 18 до 70 лет ($M=35$ лет); семейный статус: 96 человек в браке (42,8%); 6 человек имеют статус вдовец/вдова (2,7%); 36 человек состоят в незарегистрированных отношениях, проживают совместно (16,1%); 28 человек состоят в незарегистрированных отношениях, не проживают совместно (12,5%); 19 человек разведены официально (не вступили в новый брак) (8,5%);

19 человек разошлись с предыдущим партнером (8,5%); 20 человек никогда не состояли в браке/отношениях (8,9%).

Были использованы следующие методики.

1) опросник межличностных отношений (ОМО) В. Шутца, адаптированный А.А. Рукавишниковым [25];

2) опросник объективации партнера по близким межличностным отношениям Ю.С. Узяновой, Т.А. Воронцовой.

Данный опросник находится на завершающем этапе апробации (коэффициента α -Кронбаха = 0,899; показатели согласованности модели CFI – 0,940; RMSEA – 0,0512, SRMR-0,0490).

Для обработки полученных данных были использованы: корреляционный анализ Спирмена, U-критерий Манна-Уитни, H-критерий Крускала-Уоллиса.

Основная часть. Результаты исследования связи потребности личности в контроле с формированием созависимых отношений (первый этап).

Рассмотрим вначале результаты первого этапа исследования. Для доказательства первой гипотезы к полученным данным был применен корреляционный анализ Спирмена (табл. 1).

Таблица 1. Значимые корреляционные связи между показателями потребности в контроле и уровнем созависимости / зависимости в отношениях с другими людьми (коэффициент корреляции Спирмена / уровень значимости коэффициента $p < 0,01$)

Параметры анализа	Изучаемые психологические переменные	
	Потребность в контроле на уровне требуемого от других поведения (потребность в контроле со стороны других)	Потребность в контроле на уровне выраженного поведения (потребность контролировать других)
Созависимость	0,360957	
Зависимость	0,313624	
Неуверенность в себе	0,397725	-0,319201

Анализ данных, приведенных в таблице 1 позволяет сделать ряд выводов.

1. Потребность в контроле со стороны других связана с формированием созависимых отношений с другими людьми. Показано, что с увеличением потребности в контроле со стороны других людей, увеличивается уровень созависимости в отношениях с другими людьми. Можно предположить, что в данных отношениях через удовлетворение потребности в контроле со стороны других людей, удовлетворяются и другие дефициты личности такие как: нехватка опоры, самоуважения и принятия, чувства безопасности, любви.

2. Связь между потребностью контролировать других людей и формированием созависимых отношений с другими людьми оказалась незначимой.

3. Показано, что с увеличением потребности в контроле со стороны других людей увеличивается уровень зависимости в отношениях. Категория зависимых отношений близка к понятию созависимых отношений, разница лишь в том, что зависимость может быть односторонней, а созависимость – двусторонний процесс.

4. Дополнительно было обнаружено, что потребность в контроле прямо связана с уровнем неуверенности в себе личности.

Данная связь говорит о том, что чем больше потребность в контроле со стороны других людей, тем выше уровень неуверенности человека в себе. Неуверенному человеку тяжело проявлять гибкость в общении, отстаивать свою позицию, сохраняя отношения. Он не самодостаточен, ему нужен другой для преодоления застенчивости,

тревожности, социальной замкнутости, слабой ориентированности в окружающей действительности. Данная связь объясняет динамику подчинения своих желаний другим, смещения и растворения собственных границ.

Потребность контролировать других людей, в свою очередь, обратно связана с уровнем неуверенности в себе: чем больше потребность контролировать других людей, тем человек увереннее в себе. Вероятно, он способен разрешать себе иметь запросы и требования к другим людям, предъявлять их во взаимодействии с социальным окружением и добиваться их осуществления.

Сравнительный анализ выраженности потребности в контроле у взрослых с разным уровнем созависимости в партнёрских отношениях. В целях сравнения выраженности потребности в контроле у людей с высоким и низким уровнем созависимости, мы раздели выборку на две группы. В первую группу вошли респонденты, характеризующиеся низким и тенденцией к низкому уровню созависимости в отношениях, набравшие до 40 баллов (умеренный уровень) по шкале созависимости Б. Уайнхолда, во вторую группу – респонденты с высоким и тенденцией к высокому уровню созависимости (набравшие более 41 балла).

Полученные данные были подвергнуты анализу с применением U-критерия Манна-Уитни. Различия в выраженности потребности в контроле у взрослых с разным уровнем созависимости в партнёрских отношениях представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа выраженности потребности в контроле у взрослых с разным уровнем созависимости в отношениях, по критерию Манна-Уитни (* $p < 0,01$)

Переменные	U критерий	Статистика Z	Уровень значимости	Средний ранг 1-й группы	Средний ранг 2-й группы
Потребность в контроле на уровне требуемого от других поведения (потребность в контроле со стороны других)	805	-3,654	0,0003*	41,6	63,4
Потребность в контроле на уровне выраженного поведения (потребность контролировать других)	1241	0,857	0,392	55,7	50,6

Анализ, представленных в таблице данных, показывает наличие значимых различий потребности в контроле со стороны других, у взрослых с низким уровнем созависимости (тенденцией к низкому уровню созависимости) в отношениях и взрослых с высоким уровнем созависимости (тенденцией к высокому уровню созависимости) в отношениях. Потребность в контроле со стороны других значительно выше в группе № 2, в которой участники характеризовались высоким уровнем созависимости (тенденцией к высокому уровню созависимости).

Таким образом, люди, демонстрирующие высокий уровень созависимости в отношениях, имеют более высокую выраженность потребности в контроле со стороны других людей. В рамках удовлетворения этой потребности они получают опору, оценку себя извне. Обратной стороной таких отношений становится сильная поглощенность, озабоченность партнером, а также крайняя зависимость от него, невозможность сосредоточиться на своей жизни.

Сравнительный анализ комплекса социально-психологических характеристик (выраженность уровня созависимости, зависимости, неуверенности в себе, удовлетворенности жизнью) у респондентов, с различным сочетанием

высокой потребности в контроле в отношениях. С целью выявления различий в социально-психологических характеристиках респондентов, проявляющих максимальную потребность различных видов контроля в отношениях, мы выделили 3 группы участников:

1 группа – участники, с высокой потребностью в контроле со стороны других (9 чел.);

2 группа – участники, с высокой потребностью контролировать других (39 чел.);

3 группа – участники, с одновременно высокой потребностью контролировать других и испытывать контроль со стороны других (15 чел.).

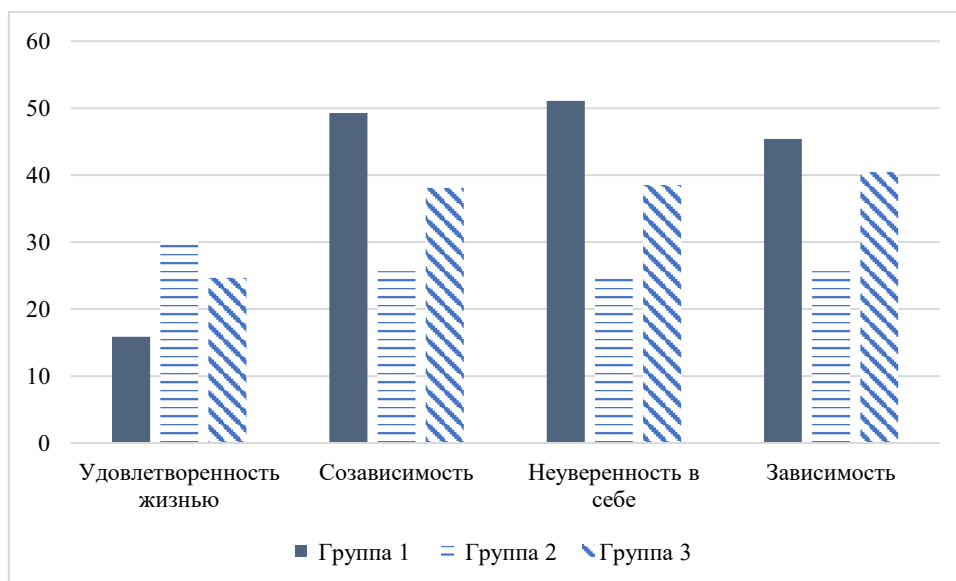
Сравнение проводилось по Н-критерию Крускала-Уоллиса (табл. 3).

Таблица 3. Результаты сравнительного анализа комплекса социально-психологических характеристик (уровень созависимости, зависимости, неуверенности в себе, удовлетворенности жизнью) у групп, проявляющих максимальную выраженность различных видов потребности в контроле в отношениях (по Н-критерию Крускала-Уоллиса)

Параметр	Значение критерия	Уровень значимости	Средний ранг Medium rank		
			Группа 1	Группа 2	Группа 3
Удовлетворенность жизнью	6,072	0,048	15,88	30,38	24,64
Созависимость	14,334	0,0008	49,28	25,68	38,07
Неуверенность в себе	17,332	0,0002	51,11	25,08	38,53
Зависимость	12,699	0,0017	45,39	25,65	40,47

Анализ, представленных в таблице данных показал, наличие значимых различий по уровню удовлетворенности жизнью, созависимости, неуверенности в себе, зависимость в трех вышеперечисленных группах. Динамика изменения параметров представлена на диаграмме 1.

Рисунок 1. Выраженность уровня созависимости, зависимости, неуверенности в себе, удовлетворенности жизнью, у групп, с высоким уровнем различных видов потребности в контроле в отношениях

Самый высокий уровень удовлетворенности жизни у участников группы с высокой потребностью контролировать других, а самый низкий – у участников группы с высокой потребностью в контроле со стороны других. Уровень созависимости, зависимости,

неуверенность в себе самый высокий у группы с высокой потребностью в контроле со стороны других, и самый низкий – у группы с высокой потребностью контролировать других. Группа, участники которой проявляют высокую потребность обоих видов контроля, характеризуется срединным положением по выраженности анализируемых признаков.

Поскольку Н-критерий Крускала-Уоллиса не говорит о том, какие именно группы значительно различаются между собой по каждому признаку, проведем попарные сравнения групп при помощи критерия Манна-Уитни с новым критическим уровнем значимости: $0,05/3=0,017$.

Таблица 4. Результаты сравнительного анализа уровня удовлетворенности жизни, созависимости, неуверенности в себе и зависимости, у группы с высокой потребностью в контроле со стороны других и группы с высокой потребностью контролировать других, по критерию Манна-Уитни

Переменные	U критерий	Статистика Z	Уровень значимости	Группа 1	Группа 2
Удовлетворенность жизнью	61,5	-2,370	0,017	12,19	23,69
Созависимость	50,5	3,289	0,001	38,38	21,29
Неуверенность в себе	36,0	3,672	0,0002	40,00	20,92
Зависимость	69,5	2,787	0,005	36,28	21,78

Анализ, представленных в таблице 4 данных, показывает наличие значимых различий в уровне удовлетворенности жизнью, созависимости, зависимости, неуверенности в себе, у группы с высокой потребностью контролировать других и группы с высокой потребностью в контроле со стороны других. Таким образом, взрослые с высокой потребностью контролировать других отличаются более высоким уровнем удовлетворенности жизни, более низким уровнем созависимости и зависимости в отношениях, более уверены в себе чем взрослые с высокой потребностью в контроле со стороны других.

Таблица 5. Результаты сравнительного анализа уровня удовлетворенности жизни, созависимости, неуверенности в себе и зависимости, у группы с высокой потребностью контролировать других и группы с одновременно высокой потребностью контролировать других и испытывать контроль со стороны других, по критерию Манна-Уитни

Переменные	U критерий	Статистика Z	Уровень значимости	Группа 2	Группа 3
Удовлетворенность жизнью	146,5	-1,056	0,291	24,19	19,32
Созависимость	171,0	2,336	0,019	24,38	35,6
Неуверенность в себе	162,0	2,510	0,012	24,15	36,2
Зависимость	151,0	2,723	0,006	23,87	36,93

Анализ, представленных в таблице 5 данных, показывает наличие значимых различий в уровне неуверенности в себе и уровне зависимости, у группы с высокой потребностью контролировать других и группы с одновременно высокой потребностью контролировать других и испытывать контроль со стороны других. Таким образом, взрослые с высокой потребностью контролировать других отличаются более высокой уверенностью в себе и меньшим уровнем зависимости в отношениях чем взрослые, с одновременной высокой потребностью контролировать других и испытывать контроль

со стороны других. При этом разница в уровне удовлетворенности жизнью и уровне созависимости у двух групп оказалась незначимой.

Таблица 6. Результаты сравнительного анализа уровня удовлетворенности жизни, созависимости, неуверенности в себе и зависимости, у группы с высокой потребностью в контроле со стороны других и группы с одновременно высокой потребностью контролировать других и испытывать контроль со стороны других, по критерию Манна-Уитни

Переменные	U критерий	Статистика Z	Уровень значимости	Группа 1	Группа 3
Удовлетворенность жизнью	29,5	-1,156	0,247	8,19	11,31
Созависимость	37,0	1,789	0,074	15,89	10,47
Неуверенность в себе	35,0	1,908	0,056	16,11	10,33
Зависимость	53,0	-0,834	0,404	14,11	11,53

Анализ, представленных в таблице 6, показывает отсутствие значимых различий в уровне удовлетворенности жизнью, созависимости, неуверенности в себе, зависимости у группы с высокой потребностью в контроле со стороны других и группы с одновременно высокой потребностью контролировать других и испытывать контроль со стороны других.

Далее рассмотрим предварительные результаты второго этапа исследования.

Результаты исследования связи потребности личности в контроле с выраженностью объективации партнера по близким межличностным отношениям (второй этап). Для доказательства третьей гипотезы к полученным данным был применен корреляционный анализ Спирмена (табл. 7).

Таблица 7. Значимые корреляционные связи между показателями потребности в контроле и выраженностью объективации партнера по близким межличностным отношениям (коэффициент корреляции Спирмена / уровень значимости коэффициента $\rho < 0,01$, $N=224$)

Параметры анализа	Изучаемые психологические переменные	
	Потребность в контроле на уровне требуемого от других поведения (потребность в контроле со стороны других)	Потребность в контроле на уровне выраженного поведения (потребность контролировать других)
Выраженность объективации партнера по близким межличностным отношениям		0,252

Анализ данных, приведенных в таблице 7 позволяет сделать вывод, что выраженность потребности контролировать других связана с выраженностью объективации партнера по близким межличностным отношениям. Показано, что с увеличением потребности контролировать других людей, увеличивается выраженность установки на объективацию партнера по близким межличностным отношениям. Данная связь логична, так как чем больше один человек контролирует другого, тем меньше он ему доверяет, учитывает его субъектные качества, а значит относится к нему функционально, преследуя в отношениях личные цели.

Заключение. Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать ряд важных выводов.

В рамках первого этапа исследования обнаружена прямая связь между

потребностью в контроле со стороны других людей и формированием созависимых отношений с другими людьми. Установлено, что потребность в контроле со стороны других значительно выше у взрослых с высоким уровнем созависимости, чем у взрослых с низким уровнем созависимости.

Предполагаем, что через удовлетворение потребности в контроле со стороны других людей в отношениях, партнер стремится сохранить отношения привязанности либо стремится повысить свою самооценку за счет демонстрации того, что страдание делает его морально выше других. Реализация потребности в контроле со стороны других через подчинение своих интересов другому способствует растворению личностных границ; невозможности равных партнерских отношений, что является основой для возникновения созависимых отношений.

Также на первом этапе исследования выявлены:

- прямая связь между потребностью в контроле со стороны других людей и уровнем неуверенности в себе. Данная связь говорит о том, что чем больше потребность в контроле со стороны других людей, тем выше уровень неуверенности человека в себе. Неуверенному человеку тяжело проявлять гибкость в общении, отстаивать свою позицию, сохраняя отношения. Он не самодостаточен, ему нужен другой для преодоления застенчивости, тревожности, социальной замкнутости, слабой ориентированности в окружающей действительности;

- обратная высокая между потребностью контролировать других людей и уровнем неуверенности в себе. Данная связь, говорит о том, что чем больше потребность контролировать других людей, тем ниже уровень неуверенности человека в себе. Уверенные в себе люди не боятся руководить другими, могут ставить цели, предъявлять требования другим и добиваться их осуществления;

- наличие значимых различий уровня выраженности социально-психологических характеристик (созависимость, зависимость, неуверенности в себе, удовлетворенность жизнью) у респондентов, проявляющих максимальную выраженность различных видов потребности в контроле.

Так, участники с высокой потребностью контролировать других отличаются от участников с высокой потребностью в контроле со стороны других большей уверенностью в себе, более низким уровнем зависимости/созависимости в отношениях, более высокой удовлетворенностью жизни.

Участники с высокой потребностью контролировать других отличаются от участников с одновременной высокой потребностью контролировать других и испытывать контроль со стороны других большей уверенностью в себе, более низким уровнем зависимости в отношениях.

Участники группы с высокой потребностью в контроле со стороны других и участники группы с одновременной высокой потребностью контролировать других и испытывать контроль со стороны других не имеют значимых различий по уровню удовлетворенности жизнью, уровню созависимости/зависимости в отношениях, уровню уверенности в себе.

Вероятно, люди с одновременной высокой потребностью контролировать других и испытывать контроль со стороны других могут иметь одновременно черты, характерные для различных типов личности (например, черты характерные для зависимой личности и личности с садистическими, антисоциальными чертами). Например, одновременное сочетание потребности контролировать других/испытывать контроль со стороны других может проявляться у взрослых детей алкоголиков; людей, выросших в дисфункциональных семьях. Так, с одной стороны они берут на себя ответственность за

других, с другой - занимают безответственную позицию в отношении собственного благополучия. Опыт «раннего» взросления обуславливает «бесконечный» поиск любви, желание опереться на партнера; а опыт насилия в семье формирует склонность к отыгрыванию травматических переживаний [4].

В рамках второго этапа исследования обнаружена прямая связь между потребностью контролировать других людей и выраженностью объективации партнера по близким межличностным отношениям. Данная связь говорит о том, что чем выше выраженность потребности контролировать других людей, тем сильнее выражена установка на объективацию партнера по близким межличностным отношениям, т. е. отношение к партнеру носит более функциональный характер. Полученные результаты пилотажного исследования лягут в основу дальнейшего анализа феномена объективации.

В целом, проведенное исследование отражает важную связь между социально-психологическими потребностями супругов и динамикой их семейных отношений: реализация потребности в контроле часто сопровождается формированием созависимых, дисфункциональных отношений, которые несут негативные последствия как для жизни отдельного человека, семьи, так и для общества в целом, поскольку влияют на все уровни функционирования личности – семейный, социальный, профессиональный и др.

Ограничения исследования. В рамках проведения сравнительного анализа комплекса социально-психологических характеристик (выраженность уровня созависимости, зависимости, неуверенности в себе, удовлетворенности жизнью) у респондентов с различным сочетанием высокой потребности в контроле в отношениях группа с высокой потребностью в контроле со стороны других составила всего 9 чел., что требует дополнительной проверки полученных результатов на большей выборке.

Результаты второго этапа исследования являются предварительными, т. к. Опросник объективации партнера по близким межличностным отношениям Узяновой Ю.С., Воронцовой Т.А. еще не опубликован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейкер К. Теория семейных систем Мюррея Боуэна: Основные понятия, методы и клиническая практика / К. Бейкер, А.Я. Варга. – М.: Когито-Центр, 2008. – 494 с.
2. Винникотт Д.В. Искажение эго в терминах истинного и ложного я / Д.В. Винникотт // Консультативная психология и психотерапия. – 2006. – Т. 14. (№ 1). – С. 5–19.
3. Витакер К. Полночные размышления семейного терапевта / К. Витакер. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 208 с.
4. Войтиц Дж. Взрослые дети алкоголиков: семья, работа, отношения. Полный справочник ВДА / Дж. Войтиц. – М.: Независимая фирма «Класс», 2014. – 368 с.
5. Джонсон С.М. Психотерапия характера: методическое пособие для слушателей курса «психотерапия» / С.М. Джонсон. – М.: Центр психологической культуры, 2001. – 356 с.
6. Жмури И.Е. Особенности проявления негативного нарциссизма в семейных отношениях / И.Е. Жмури, И.В. Корнейчик // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2022. – Т. 8. № 1. – С. 102–118. – <http://doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-1-0-9>
7. Зуева К.В. Сексуальная неудовлетворенность как причина конфликтов в современной семье / К.В. Зуева // Актуальные вопросы современной науки и образования: Сборник статей XXI Международной научно-практической конференции. В 3-х частях, Пенза, 27 июля 2022 года. Часть 3. – Пенза: Наука и Просвещение, 2022. – С. 163–166.
8. Карась И.С. Связь созависимости с представлениями об абьюзивных отношениях у молодых женщин / И.С. Карась, А.А. Досаева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2022. – № 3. – С. 85–98.
9. Кернберг О.Ф. Отношения любви: норма и патология / О.Ф. Кернберг. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – 256 с.

10. Кочарян А.С. Психометрическая оценка методики диагностики зависимости Б. Уайнхолда / А.С. Кочарян, Н.А. Смахина, Е.В. Фролова // Вестник Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Серия «Психология». – 2006. – № 718. – С. 47–51.
11. Линдзарди В. Руководство по психодинамической диагностике. Второе издание. PDM-2. Том 1 / В. Линдзарди, Н. Мак-Вильямс. – М.: Независимая фирма «Класс», 2019. – 792 с.
12. Макушина О.П. Методы психологического изучения девиантного поведения / О.П. Макушина. – Воронеж, 2006. – 80 с.
13. Малер М.С. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация / М.С. Малер, М.С. Пайн, Ф. Бергман. – М.: Когито-Центр, 2011. – 413 с.
14. Малкина С.А. Психологические границы в созависимых отношениях: теоретический обзор подходов и концепций / С.А. Малкина, Н.Г. Артемцева // Человек. Искусство. Вселенная. – 2021. – № 2. – С. 209–212.
15. Немых Л.С. Насилие в семье как фактор удовлетворенности браком / Л.С. Немых // Прикладные информационные аспекты медицины. – 2020. – Т. 23, № 1. – С. 9–15.
16. Ожигова Л.Н. Особенности межличностных отношений и ролевых ожиданий личности в браке / Л.Н. Ожигова, Н.Н. Лупенко // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – № 11. – С. 93–97.
17. Петросьян С.Н. Диспозиции «Власть – Подчинение / Саботирующее подчинение», «Контроль – Подконтрольность / Саботирующая подконтрольность» в структуре субъектной активности личности / С.Н. Петросьян, З.И. Рябикина // Вестник Университета Российской академии образования. – 2021. – № 2. – С. 13–24.
18. Рожнова Т.М. Психологические и медико-генетические аспекты феномена созависимости / Т.М. Рожнова, С.В. Костюк, В.Л. Малыгин [и др.] // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. – 2020. – Т. 12, № 5. – С. 53–59. – <http://doi.org/10.14412/2074-2711-2020-5-53-59>
19. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой / Н.И. Сарджвеладзе. АН ГССР, Ин-т психологии им. Д.Н. Уznaдзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. – 204 с.
20. Султанова А.Н. Сущность феномена созависимости в представлении разных авторов / А.Н. Султанова, Т.А. Филь, У.Х. Гаджиева [и др.] // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 5-2 (119). – С. 212–217. – <http://doi.org/10.23670/IRJ.2022.119.5.040>
21. Сычев О.А. Социально-психологические факторы удовлетворенности отношениями в молодых супружеских парах / О.А. Сычев // Социальная психология и общество. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 56–74. – <http://doi.org/10.17759/sps.2017080104>
22. Уайнхолд Б. Освобождение от созависимости / Б. Уайнхолд, Дж.М. Уайнхолд. – М.: Независимая фирма «Класс», 2002. – 224 с.
23. Удачина П.Ю. Особенности субъектности юношей и девушек с различным уровнем созависимости / П.Ю. Удачина, Ю.Н. Медведева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 1(81). – С. 55–61. – <http://doi.org/10.24158/spp.2021.1.9>
24. Ференци Ш. Теория и практика психоанализа / Ш. Ференци. – М.: Университетская книга, 2000. – 320 с.
25. Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М.: Издательство Института Психотерапии, 2002. – 488 с.
26. Хорни К. (2019). Невроз и личностный рост: борьба за самореализацию / К. Хорни. – СПб.: Питер, 2019. – 400 с.
27. Шкурко Т.А. Социально-психологические особенности личности с выраженной потребностью в контроле себя и других людей / Т.А. Шкурко // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 177–184.
28. Шкурко Т.А. Социально-психологические потребности и отношение к внешнему облику партнеров, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке / Т.А. Шкурко, М.А. Ломова // Психология и психотехника. – 2017. – № 4. – С. 1–14. – <http://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.4.24530>
29. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. / В.А. Ядов. – М.: ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
30. Brock R.L. Perceived humanization by intimate partners during pregnancy is associated with fewer depressive symptoms, less body dissatisfaction, and greater sexual satisfaction through reduced self-objectification / R.L. Brock, E.L. Ramsdell, G. Sáez // Sex Roles. – 2021. – № 84. – P. 285–298. – <https://doi.org/10.1007/s11199-020-01166-6>
31. Fredrickson B.L. Objectification theory: toward understanding women's lived experiences and mental health risks / B.L. Fredrickson, T.A. Roberts. // Psychology of women quarterly. – 1997. – №21 (2). – P. 173–206. – <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1997.tb00108.x>

32. Garcia R.L. Objectification in action: self- and other-objectification in mixed-sex interpersonal interactions / R.L. Garcia, V.A. Ernschaw, D.M. Quinn // *Psychology of Women Quarterly*. – 2015. – №40(2). – <https://doi.org/10.1177/0361684315614966>
33. Gruenfeld D.H. Power and the objectification of social targets / D.H. Gruenfeld, M.E. Inesi, J.C. Magee, A.D. Galinsky // *Journal of personality and social psychology*. – 2008. – №95(1). – P. 111–127. – <https://doi.org/10.1037/0022-3514.95.1.111>
34. Landau M.J. Subjectivity uncertainty theory of objectification: compensating for uncertainty about how to positively relate to others by downplaying their subjective attributes / M.J. Landau, D. Sullivan, L.A. Keefer, Z.K. Rothschild, M.R. Osman // *Journal of experimental social psychology*. – November 2012. – Volume 48, Issue 6. – P. 1234–1246. – <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2012.05.003>
35. Mahar E.A. Partner-objectification in romantic relationships: A dyadic approach / E.A. Mahar, G.D. Webster, P.M. Markey // *Personal Relationships*. – 2020. – <https://doi.org/10.1111/pere.12303>
36. Nussbaum M.C. Objectification/ M.C. Nussbaum // *Philosophy and public affairs*. – 1995. – №24. – P. 249–291.
37. Quinn D.M. The disruptive effect of self-objectification on performance / D.M. Quinn, R.W. Kallen, J.M. Twenge, B.L. Fredrickson // *Psychology of Women Quarterly*. – 2006. – №30. – P. 59–64. – <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.2006.00262.x>
38. Schutz W.C. FIRO, A three-dimensional theory of interpersonal behavior. Rinehart & Company / W.C. Schutz. – Inc. New York, 1958. – 267 p.
39. Senthil M. Family interaction pattern and co-dependency in spouses of alcohol dependence in comparison with normal control / M. Senthil // *International Journal of Research - GRANTHAALAYAH*. – 2016. – № 4(2). – P. 121–128. – <https://doi.org/10.29121/granthaalayah.v4.i2.2016.2822>
40. Wang X. The love of money results in objectification / X. Wang, E.G. Krumhuber // *British journal of social psychology*. – 2017. – 56(2). – P. 354–372. – <https://doi.org/10.1111/bjso.12158>
41. Winch R.F. The Theory of Complementary Needs in Mate-Selection: A Test of One Kind of Complementariness / R.F. Winch // *American Sociological Review*. – 1955. – vol. 20, № 1. – P. 52–56. – <https://doi.org/10.2307/2088200>
42. Zetterlind U. The rate of co-dependence in spouses and relatives of alcoholics on the basis of the Cermak co-dependence scale / U. Zetterlind, M. Berglund // *Nordic Journal of Psychiatry*. – 1999. – № 53:2. – P. 147–151. – <https://doi.org/10.1080/080394899426864>

REFERENCES

1. Bejker K. (2008). *Teoriya semejnyh sistem Murray Bowen: Osnovnye ponyatiya, metody i klinicheskaya praktika* [Murray Bowen family systems theory: basic concepts, methods and clinical practice]. Moscow: Kogito-Centr. (In Russian)
2. Vinnikot D.V. (2006). Iskazhenie ego v terminah istinnogo i lozhnogo ya [Ego distortion in terms of true and false self]. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya*, Tom 14, (№ 1), 5–19. (In Russian)
3. Vitaker K. (1998). *Polunochnye razmyshleniya semejnogo terapevta* [Midnight musings of a family therapist]. M.: Nezavisimaya firma «Klass». (In Russian)
4. Woititz Dzh. (2014). *Vzroslye deti alkoholikov: sem'ya, rabota, otnosheniya. Polnyj spravochnik VDA* [Adult children of alcoholics. Health Communications]. Moscow: Nezavisimaya firma «Klass». (In Russian)
5. Johnson S. (2001). *Psihoterapiya haraktera: metodicheskoe posobie dlya slushatelej kursa «psihoterapiya»* [Psychotherapy of character: a manual for students of the course "Psychotherapy"]. M.: Centr psichologicheskoy kul'tury. (In Russian)
6. Zhmurin I. E., Kornejchik, I.V. (2022). Osobennosti proyavleniya negativnogo narcissizma v semejnyh otnosheniyah [Features of the manifestation of negative narcissism in family relationships]. *Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya*, T. 8 (№1), 102–118. <http://doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-1-0-9>
7. Zueva K.V. (2022). Seksual'naya neudovletvorennost' kak prichina konfliktov v sovremennoj sem'e [Sexual dissatisfaction as a cause of conflicts in the modern family]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki i obrazovaniya: Sbornik statej XXI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 3-h chastyah*, Penza, 27 iyulya 2022 goda. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 163–166. (In Russian)
8. Karas' I.S., Dosaeva A.A. (2022). Svyaz' sozavisimosti s predstavleniyami ob ab'yuzivnyh otnosheniyah u molodyh zhenshchin [Relationship between codependency and perceptions of abusive relationships in young women]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya*, 3, 85–98. (In Russian)
9. Kernberg O.F. (2000). *Otnosheniya lyubvi: norma i patologiya* [Love relations: normality and pathology]. Moscow: Nezavisimaya firma «Klass». (In Russian)

10. Kocharyan A.S., Smahtina N.A., Frolova E.V. (2006). Psihometricheskaya ocenka metodiki diagnostiki zavisimosti B. Weinhold [Psychometric assessment of B. Weinhold's method of diagnosing addiction]. Vestnik Har'kovskogo nacional'nogo universiteta imeni V.N. Karazina. Seriya "Psihologiya", 718, 47–51. (In Russian)
11. Linjari V., McWilliams N. (2019). Rukovodstvo po psihodinamicheskoy diagnostike. Vtoroe izdanie. PDM-2. Tom 1. [A guide to psychodynamic diagnostics. Second edition. PDM-2]. Moscow: Nezavisimaya firma «Klass». (In Russian)
12. Makushina O.P. (2006). Metody psihologicheskogo izucheniya deviantnogo povedeniya [Methods of psychological study of deviant behavior]. Voronezh. (In Russian)
13. Mahler M.S., Pine F., Bergman A. (2011). Psihologicheskoe rozhdenie chelovecheskogo mladentsa: Simbioz i individuaciya [The Psychological Birth of the Human Infant: Symbiosis and Individuation]. Moscow: Kogito-Centr. (In Russian)
14. Malkina S.A., Artemceva N.G. (2021). Psihologicheskie granicy v sozavisimyyh otnosheniyah: teoreticheskij obzor podhodov i koncepcij [Psychological boundaries in codependent relationships: a theoretical review of approaches and concepts]. Chelovek. Iskusstvo. Vselennaya, 2, 209–212. (In Russian)
15. Nemyh L.S. (2020). Nasilie v sem'e kak faktor udovletvorennosti brakom [Domestic violence as a factor of satisfaction with marriage]. Prikladnye informacionnye aspekty mediciny, T. 23 (№ 1), 9–15. (In Russian)
16. Ozhigova L.N., Lupenko N.N. (2017). Osobennosti mezhluchnostnyh otnoshenij i rolevykh ozhidaniy lichnosti v brake [Features of interpersonal relationships and role expectations of a person in marriage]. Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika, 11, 93–97. (In Russian)
17. Petros'yan S.A., Ryabikina Z.I. (2021). Dispozicii «vlast' – podchinenie/sabotiruyushchee podchinenie», «kontrol'-podkontrol'nost'/sabotiruyushchaya podkontrol'nost'» v strukture sub'ektnoj aktivnosti lichnosti [The dispositions "power – subordination / sabotaging subordination", "control-controllability / sabotaging controllability" in the structure of the subjective activity of the individual]. Vestnik universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya, 2, 13–24. (In Russian)
18. Rozhnova T.M., Kostyuk S.V., Malygin V.L. [i dr.]. (2020). Psihologicheskie i mediko-geneticheskie aspekty fenomena sozavisimosti [Psychological and medical-genetic aspects of the phenomenon of codependency]. Nevrologiya, nejropsihiatriya, psihosomatika, T. 12, № 5, 53–59. <https://10.14412/2074-2711-2020-5-53-59> (In Russian)
19. Sardzhveladze N.I. (1989). Lichnost' i ee vzaimodejstvie s social'noj sredoj [Personality and its interaction with the social environment]. AN GSSR, In-t psihologii im. D.N. Uznadze. Tbilisi: Mecniereba. (In Russian)
20. Sultanova A.N., Fil' T.A., Gadzhieva U.H. [et al.]. (2022). Sushchnost' fenomena sozavisimosti v predstavlenii raznykh avtorov [The essence of the phenomenon of codependency in the representation of different authors]. Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal, 5–2(119), 212–217. – <https://10.23670/IRJ.2022.119.5.040> (In Russian)
21. Sychev O.A. (2017). Social'no-psihologicheskie faktory udovletvorennosti otnosheniyami v molodykh supruzheskih parakh [Socio-psychological factors of relationship satisfaction in young married couples]. Social'naya psihologiya i obshchestvo, T. 8, № 1, 56–74. <http://doi.org/10.17759/sps.2017080104> (In Russian)
22. Weinhold B., Weinhold Dzh. (2002). Osvobozhdenie ot sozavisimosti [Breaking free of the codependency trap]. Moscow: Nezavisimaya firma «Klass». (In Russian)
23. Udachina P. Yu., Medvedeva Yu.N. (2021). Osobennosti sub'ektnosti yunoshej i devushek s razlichnym urovnem sozavisimosti [Features of subjectivity of boys and girls with different levels of codependency]. Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika, 1(81), 55–61. – <http://doi.org/10.24158/spp.2021.1.9> (In Russian)
24. Ferenczi S. (2020). Teoriya i praktika psihoanaliza [Theory and practice of psychoanalysis]. Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russian)
25. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manujlov G.M. (2002). Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'yx grupp [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Psihoterapii. (In Russian)
26. Horney K. (2019). Nevroz i lichnostnyj rost: bor'ba za samorealizaciyu [Neurosis and Human Growth: The Struggle Toward Self-Realization]. SPb.: Piter. (In Russian)
27. Shkurko T.A., Lomova M.A. (2017). Social'no-psihologicheskie potrebnosti i otnoshenie k vneshnemu obliku partnerov, sostoyashchih v zaregistririrovannom i nezaregistririrovannom brake [Socio-psychological needs and attitude to the appearance of partners who are in a registered and unregistered marriage]. Psihologiya i psihotekhnika, 4, 1–14. (In Russian)
28. Shkurko T.A. (2018). Fotovideoprezentacii vneshnego oblika kak metod izucheniya vosprinimaemogo vozrasta cheloveka [Photo-visual representations of appearance as a method of studying the perceived age of a

person]. Social'naya psihologiya i obshchestvo, T. 9, № 3, 104–117. <http://doi.org/10.7256/2454-0722.2017.4.24530> (In Russian)

29. Yadov V.A. (2013). Samoregulyaciya i prognozirovanie social'nogo povedeniya lichnosti: Dispozicionnaya koncepciya. 2-e rasshirennoe izd. [Self-regulation and forecasting of social behavior of a personality: A dispositional concept. 2nd expanded edition]. Moscow: CSPiM. (In Russian)

30. Brock R.L., Ramsdell E.L., Sáez G. (2021). Perceived humanization by intimate partners during pregnancy is associated with fewer depressive symptoms, less body dissatisfaction, and greater sexual satisfaction through reduced self-objectification. Sex Roles, 2021, № 84, 285–298. – <https://doi.org/10.1007/s11199-020-01166-6> (In English)

31. Fredrickson B.L., Roberts T.A. (1997). Objectification theory: toward understanding women's lived experiences and mental health risks. Psychology of women quarterly, 1997, №21 (2), 173–206. – <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.1997.tb00108.x> (In English)

32. Garcia R.L., Ernschaw V.A., Quinn D.M. (2015). Objectification in action: self- and other-objectification in mixed-sex interpersonal interactions. *Psychology of Women Quarterly*, 2015, №40(2). – <https://doi.org/10.1177/0361684315614966> (In English)

33. Gruenfeld D.H., Inesi M.E., Magee J.C., Galinsky A.D. (2008). Power and the objectification of social targets. Journal of personality and social psychology, 2008, №95(1), 111–127. – <https://doi.org/10.1037/0022-3514.95.1.111> (In English)

34. Landau M.J., Sullivan D., Keefer L.A., Rothschild Z.K., Osman M.R. (2012). Subjectivity uncertainty theory of objectification: compensating for uncertainty about how to positively relate to others by downplaying their subjective attributes. Journal of experimental social psychology, November 2012, Volume 48, Issue 6, 1234–1246. – <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2012.05.003> (In English)

35. Mahar E.A., Webster G.D., Markey P.M. (2020). Partner-objectification in romantic relationships: A dyadic approach. Personal Relationships. – <https://doi.org/10.1111/per.12303>

36. Nussbaum M.C. (1995). Objectification. Philosophy and public affairs, №24, 249–291. (In English)

37. Quinn D.M., Kallen R.W., Twenge J.M., Fredrickson B.L. (2006). The disruptive effect of self-objectification on performance. Psychology of Women Quarterly, 2006, №30, 59–64. – <https://doi.org/10.1111/j.1471-6402.2006.00262.x> (In English)

38. Schutz W.C. (1958). FIRO, A three-dimensional theory of interpersonal behavior. Rinehart & Company. Inc. New York. (In English)

39. Senthil M. (2016). Family interaction pattern and co-dependency in spouses of alcohol dependence in comparison with normal control. International Journal of Research.GRANTHAALAYAH, 4(2), 121–128. <https://doi.org/10.29121/granthaalayah.v4.i2.2016.2822> (In English)

40. Wang X., Krumhuber, E.G. (2017). The love of money results in objectification. British journal of social psychology, 56(2), 354–372. – <https://doi.org/10.1111/bjso.12158> (In English)

41. Winch R.F. (1955). The Theory of Complementary Needs in Mate-Selection: A Test of One Kind of Complementariness. American Sociological Review, vol. 20, no. 1, 52–56. – <https://doi.org/10.2307/2088200> (In English)

42. Zetterlind U., Berglund M. (1999). The rate of co-dependence in spouses and relatives of alcoholics on the basis of the Cermak co-dependence scale. Nordic Journal of Psychiatry, 53:2, 147–151. – <https://doi.org/10.1080/080394899426864> (In English)

Поступила в редакцию 16.05.2025 г.

NEED FOR CONTROL: LINK WITH LEVEL OF CODEPENDENCY AND DEGREE OF OBJECTIFICATION OF RELATIONSHIP PARTNER

Yu. S. Uzianova, T.A. Vorontsova

The research is aimed at identifying the link between the need for control and the level of codependency with a partner and the level of his objectification. The study included two stages. At the first stage, the relationship between the need for control and the level of codependency with a partner was assessed. The following research methods have been applied: the OMO interpersonal relationship questionnaire by V. Schutz, adapted by A.A. Rukavishnikov; B. Weinhold codependence scale, adapted by A.S. Kocharyan, E.V. Frolova, V.N. Karazina; test questionnaire for interpersonal dependence R. Hirshfield, adapted by O.P. Makushina. As a result of the study, it has been shown that with an increase of wanted control, the level of codependency in relationships with other people increases. At the second stage, preliminary data was obtained on the link between the need for control of others and the severity of the objectification of a partner in close relationships. A number of research methods

have been used at this stage, among them are as follows: the OMO interpersonal relationship questionnaire by V. Schutz, adapted by A.A. Rukavishnikov; the questionnaire of objectification of a partner in close interpersonal relations by Yu.S. Uzyanova, T.A. Vorontsova.

Keywords: control, the need for control, codependency, dependence, codependent relationships, objectification, attitude, relationships; subject-object relations.

Узянова Юлия Сергеевна.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Аспирант.

ORCID 0000-0003-0288-5351.

E-mail: uzianova@sfedu.ru.

Uzianova Yulia Sergeevna.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Post-graduate student.

ORCID 0000-0003-0288-5351.

E-mail: uzianova@sfedu.ru.

Воронцова Татьяна Алексеевна

Кандидат психологических наук, доцент.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Доцент кафедры социальной психологии.

ORCID 0000-0003-1717-7059.

E-mail: shkurko@sfedu.ru.

Vorontsova Tatyana Alekseevna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Associate Professor at Department of Social Psychology.

ORCID 0000-0003-1717-7059.

E-mail: shkurko@sfedu.ru.

Научная статья

УДК 159.9.018

DOI: 10.5281/zenodo.15813264

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ОПРОСНИКА «ШКАЛА РОДИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПИСАНИЙ» П. ДРЕГО

©2025 Н.Ю. Кравчук¹, Н.О. Олейник²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Херсонский государственный педагогический университет»

ORCID¹: 0009-0006-0670-852X

ORCID²: 0000-0002-8351-8803

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье представлены результаты стандартизации русскоязычной версии опросника «Шкала родительских предписаний» П. Дрего, состоящего из 76 утверждений, организованных в 14 шкал. Выборка составила 261 студента в возрасте 17–56 лет. Для оценки распределений рассчитаны описательная статистика, критерий Колмогорова-Смирнова. Нормативные границы выборки установлены с помощью процентильного метода, что позволило адекватно учитывать асимметрию распределений и различное количество пунктов в шкалах, а также снизить влияние выбросов. По каждой шкале рассчитаны процентиля 25 % и 75 %, определяющие нижнюю и верхнюю границы нормы. Для выявления межгрупповых различий применяли критерий χ^2 Пирсона с последующим пост-хок анализом. Учитывалась возрастная (поколения X, Y, Z) и гендерная специфика. Статистически значимые гендерные различия выявлены в выраженности предписания «Не делай», также обнаружены значимые различия между поколениями X и Z по предписаниям «Не взрослей», «Не думай», «Не будь в здравом уме» и «Не чувствуй».

Ключевые слова: родительские предписания, «Шкала родительских предписаний», адаптация опросников, стандартизация опросников, поколения X, Y и Z.

Для цитирования: Кравчук Н.Ю. Стандартизация опросника «Шкала родительских предписаний» П. Дрего / Н.Ю. Кравчук, Н.О. Олейник // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 206–218. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15813264>.

Введение. Каждый человек с раннего детства усваивает послания, которые формируют его представления о себе и мире. Некоторые из них становятся поддерживающими ориентирами, помогая адаптироваться и добиваться успеха, тогда как другие, напротив, незаметно ограничивают развитие, выбор и свободу действий. В транзактном анализе такие скрытые директивы называют родительскими предписаниями. Ребенок усваивает их в раннем возрасте на бессознательном уровне, потому что эти установки определяют жизненный сценарий, влияя на самооценку, межличностные отношения и профессиональный путь.

Концепция родительских предписаний берёт свое начало в работах Э. Берна, основателя транзакционного анализа. В книге «Люди, которые играют в игры» [1] он ввёл термин «*сценарные предписания*» как ключевой элемент формирования жизненного сценария человека. Э. Берна утверждал, что предписания исходят из Эго-состояний *контролирующего Родителя* или *сумасшедшего Ребёнка* взрослых, имеют скрытый характер и приводят к формированию ограничений, обуславливая специфику жизненного сценария. Реализация сценарных предписаний происходит, по мнению автора книги, «в

силу определённых свойств человеческого ума» [1, с. 48]. Также Э. Берн различал предписания и заветы (заповеди), указывая на их принципиальные различия. Предписания являются бессознательными негативными установками, ограничивающими развитие личности, в то время как заветы исходят из Эго-состояния *заботливого Родителя* и представляют собой осознанные наставления, направленные на успешную социализацию ребенка. Важно учитывать, что эти два типа родительских посланий могут находиться в противоречии друг с другом, создавая внутренний конфликт [1].

Дальнейшее развитие концепции предписаний произошло в работах Р. Гулдинга и М. Гулдинг, которые систематизировали их, впервые выделив 12 базовых запретов, и назвали предписания «родительскими» [7]. Они предложили альтернативный взгляд, согласно которому ребенок не является пассивным носителем сценария, а принимает осознанные или частично осознанные решения в ответ на родительские запреты. Р. и М. Гулдинги показали, что предписания передаются не только через прямые высказывания родителей, но и через их невербальное поведение, эмоциональные реакции и даже молчаливое одобрение или неодобрение. Они также отметили, что жёсткость предписаний варьируется от относительно мягких до глубоко травмирующих.

Расширение теоретического понимания предписаний связано с исследованиями П. Дрего, индийского психолога и специалиста в области транзактного анализа, которая изучала их влияния на формирование жизненных сценариев, а также разработала методологию терапевтической работы с данными установками. Исследования П. Дрего началась в 1976 году с изучения жизненных сценариев и предписаний в магистерской диссертации «Dramas People Stage», где были выявлены группы негативных сообщений, с помощью которых можно передать каждое предписание [13]. Позднее она разработала и стандартизировала опросник «Шкала родительских предписаний» (Drego Injunction Scale) [6], который стал первым и наиболее известным психодиагностическим инструментом для оценки предписаний.

Вопрос о количестве предписаний остаётся дискуссионным. Основные запреты сформулированы Р. и М. Гулдингами в 70-ых годах XX века, окончательный список из двенадцати предписаний был опубликован ими в 1979 году в книге «Изменение жизни с помощью терапии пересмотра решений» – это предписания «Не существуй», «Не будь собой», «Не будь ребенком», «Не взрослей», «Не делай», «Не будь значимым», «Не будь лидером», «Не принадлежи», «Не сближайся», «Не чувствуй», «Не думай», «Не будь здоровым» [7]. В период становления теории родительских предписаний ученые предпринимали попытки как уменьшить число посланий, так и расширить их. Например, Ч. Хартман и Н. Нарбо [9] в 1974 году утверждали, что существует только два катастрофических предписания «Не существуй» и «Не будь нормальным», а все остальные запреты, предложенные Р. и М. Гулдингами, являются способами обхода катастрофических родительских предписаний. Однако эта идея не нашла поддержки у научного сообщества.

П. Дрего в докторской диссертации «The Inner Prison» (1984) расширила список предписаний, добавив к 12 предписаниям Гулдингов два новых, характерных для индийской культуры: «Не будь святым» (Don't Be Holy) – запрет на духовное развитие, связанный с подавлением личностного поиска в догматической среде, и «Не борись за справедливость» (Don't Fight for Justice) – предписание избегать конфронтации и подавлять стремление к защите собственных прав [13].

Развивая концепцию родительских предписаний, М. Олден [5] в 1988 вводит понятие «паутинные» предписания – это такой вид положительных установок, которые на самом деле являются скрытыми ограничениями. «Паутинные» предписания являются одними из самых труднопреодолимых, так как даются из лучших побуждений, но становятся

замаскированными ограничивающими убеждениями и начинают оказывать значительное влияние на жизненный сценарий.

К. Рамонд в 1994 году предложила новое культурное предписание «Не меняйся» в качестве основы жизненного сценария, который помогает подросткам из семей иммигрантов избежать интеграции в культуру новой страны [14].

В дальнейшем представления о предписаниях были дополнены Дж. МакНилом, который 2000 году добавил к предписаниям по Р. и М. Гулдингам ещё 10 запретов [11], в 2010 – дополнил эти представления тремя дополнительными посланиями. Помимо этого Дж. МакНилом разделил предписания на пять категорий: предписания о выживании, привязанности, идентичности, компетентности и безопасности [12].

Адаптация Drego Injunction Scale обусловлена несколькими факторами. Первый из них – временной – шкала была разработана в 1980-х годах, и с тех пор социальные и культурные контексты значительно изменились. Второй фактор заключается в культурных различиях между населением Индии, для которого шкала была стандартизирована, и России. Различия в языке и культуре, согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, определяют различие в мышлении, так как, язык оказывает влияние на когнитивные процессы и восприятие реальности [2]. Предписания, выраженные на одном языке, могут иметь иное значение в другой языковой среде, что делает необходимой прагматическую и социокультурную адаптацию инструмента. Такая адаптация уже проведена нами ранее, в основу неё положена стратегия доместикизации [3, 4]. Целью настоящего исследования является стандартизация русской версии опросника «Шкала родительских предписаний» П. Дрего путем определения нормативных значений, анализа распределения баллов и выявления межгрупповых различий.

Материалы и методы

Выборка. В исследовании приняли участие 261 студент бакалавриата и магистратуры в возрасте от 17 до 56 лет ($M=33,70$, $SD=9,99$), обучающиеся в ФГБОУ ВО «ХГПУ» (82,78%) и НИУ МГСУ (17,62%). В группе испытуемых представлены как мужчины (19%), так и женщины (81%), что позволило провести анализ с учетом гендерных различий.

Участники оценивали утверждения добровольно, данные собирались онлайн с помощью платформы Yandex Forms.

Структура опросника. Исходная версия опросника включала 12 шкал, однако в процессе адаптации обнаружено, что шкала «Не будь собой» содержит вопросы двух типов – отражающие предписание «Не будь самим собой» и «Не будь своего пола». В связи с этим исходная шкала была модифицирована: разделена на две, а их содержательная основа дополнена соответствующими вопросами. Кроме того, установлено, что в исходной версии опросника отсутствовала шкала «Не делай», несмотря на то, что данное предписание описано в теоретической концепции Р. и М. Гулдингов [7]. Для устранения указанного пробела структура русской версии опросника дополнена соответствующей шкалой. Таким образом, адаптированная и модифицированная русскоязычная версия опросника «Шкала родительских предписаний» включает 76 вопросов распределённых по 14 шкалам, каждая из которых отражает определенное родительское послание: «Не существуй», «Не будь собой», «Не будь своего пола», «Не будь ребенком», «Не взрослей», «Не делай», «Не будь важным», «Не добивайся успеха», «Не сближайся», «Не будь здоровым», «Не думай», «Не будь в здравом уме», «Не чувствуй» и «Не принадлежи».

Методы исследования. Все расчёты проводились в программах IBM SPSS Statistics + AMOS v23 и Microsoft Excel 2007 с использованием надстройки «Анализ данных».

Для каждой шкалы рассчитаны критерий Колмогорова-Смирнова и описательная статистика, построены гистограммы распределения баллов, что позволило наглядно

представить характеристики распределения и выявить отклонения от нормы. Установление нормативных значений производилось при помощи процентильного метода.

Для анализа межгрупповых различий выборку разделили на три возрастные группы в соответствии с теорией поколений Н. Хоува и У. Штрауса [10]: поколение X ($n = 41$) – 45-56 лет ($M = 47,95$, $SD = 3,29$), поколение Y ($n = 130$) – 30-44 года ($M = 37,44$, $SD = 3,71$) и поколение Z ($n = 90$) – 17-29 лет ($M = 21,81$, $SD = 3,12$). Данный подход учитывает влияние поколенческих факторов на выраженность родительских предписаний. Анализ гендерных различий происходил путём сравнения двух групп испытуемых, разделённых по признаку пола: мужчины ($n = 50$) и женщины ($n = 211$). Для выявления различий в выраженности предписаний рассчитаны частоты низких, средних и высоких значений по каждой шкале в рамках возрастных и гендерных групп. Статистическая проверка различий между группами осуществлялась с помощью вычисления критерия χ^2 Пирсона. Пост-хок анализ проводился для шкал с выявленной статистически значимой разницей результатов.

Результаты и обсуждение исследования

Анализ распределений баллов по шкалам. Для понимания распределения баллов и выявления закономерностей по каждой шкале рассчитана описательная статистика, результаты которой представлены в Табл. 1, а также построены гистограммы распределения баллов.

Таблица 1. Описательная статистика шкал

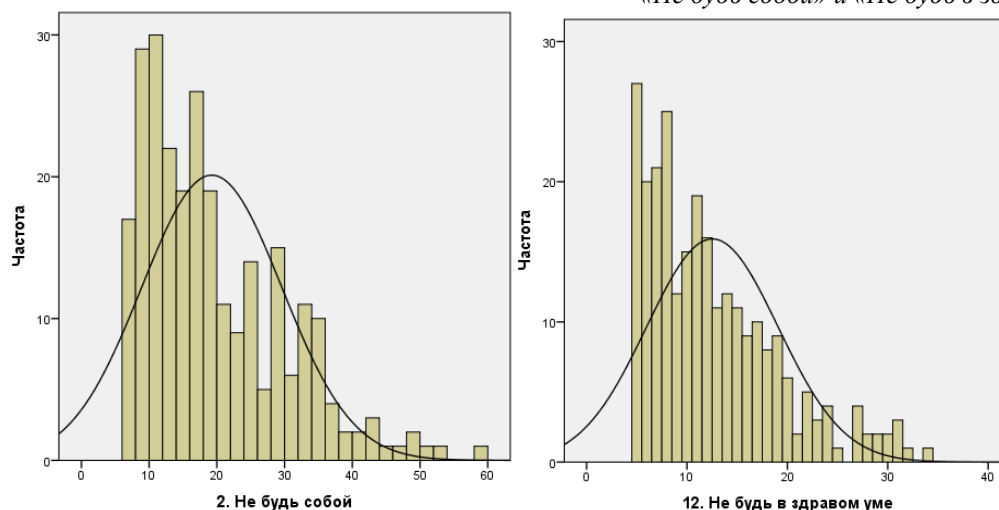
Предписание	<i>M</i>	<i>SE</i>	<i>Me</i>	<i>Mo</i>	<i>SD</i>	σ^2	<i>Sk</i>	<i>Ex</i>
1. Не существуй	13,04	0,31	12	12	4,97	24,68	0,13	0,68
2. Не будь собой	19,24	0,64	16	9	10,35	107,19	0,78	1,05
3. Не будь своего пола	18,57	0,45	17	17	7,26	52,64	0,55	0,81
4. Не взрослей	21,02	0,41	20	20	6,62	43,87	-0,08	0,33
5. Не будь ребенком	17,88	0,38	17	17	6,12	37,43	-0,13	0,29
6. Не делай	31,40	0,45	32	34	7,24	52,48	0,47	0,27
7. Не будь важным	18,82	0,36	18	16	5,81	33,75	-0,29	0,40
8. Не добивайся успеха	21,16	0,39	21	22	6,23	38,84	0,17	0,35
9. Не сближайся	20,95	0,37	21	17	6,01	36,09	0,39	0,24
10. Не будь здоровым	18,80	0,35	19	20	5,6	31,37	-0,28	0,12
11. Не думай	20,19	0,43	20	22	7,01	49,07	0,11	0,32
12. Не будь в своем уме	12,53	0,41	11	5	6,54	42,78	0,65	1,06
13. Не чувствуй	18,14	0,41	18	16	6,57	43,17	0,03	0,26
14. Не принадлежи	17,38	0,39	17	15	6,23	38,76	-0,21	0,26

M – среднее арифметическое значение; *SE* – стандартная ошибка среднего; *Me* – медиана; *Mo* – мода; *SD* – стандартное отклонение; σ^2 – дисперсия; *Sk* – асимметрия; *Ex* – эксцесс

Исходя из данных описательной статистики можно сделать вывод о том, что наиболее выраженные предписания в выборке – это «Не делай» (31,40), «Не будь здоровым» (21,52), «Не добивайся успеха» (21,16) и «Не сближайся» (20,95), что указывает на сильное влияние данных установок в исследуемой группе. Наименее выраженными предписаниями являются «Не существуй» (13,04) и «Не будь в здравом уме» (12,53), что свидетельствует о принятии обратных предписаний испытуемыми. Основная масса испытуемых демонстрирует средний уровень их выраженности предписаний. Распределение шкал «Не будь в здравом уме» и «Не будь собой» наиболее сильно отклоняется от нормального (Рис. 1). Высокий уровень асимметрии в этих шкалах

указывает на тенденцию в современном русском обществе принимать обратные предписания, что не умаляет их влияния, но делает его более конструктивным. Подобные отклонения от нормального распределения могут быть вызваны культурными, социальными или возрастными особенностями испытуемых, поэтому требуются дополнительные исследования в данном направлении.

Рисунок 1. Гистограммы распределения баллов по шкалам «Не будь собой» и «Не будь в здравом уме»

Помимо этого для оценки нормальности распределения вычислен критерий Колмогорова–Смирнова, результаты которого представлены в Табл. 2. Полученные данные свидетельствуют о том, что распределение баллов по большинству шкал (кроме шкал «Не добивайся успеха» и «Не сближайся») отличается от нормального.

Таблица 2. Критерий Колмогорова–Смирнова

№п/п	Предписания	Статистика	Значимость (р-значение)*
1	Не существуй	0,105	0,001
2	Не будь собой	0,136	0,001
3	Не будь своего пола	0,097	0,001
4	Не будь ребенком	0,063	0,014
5	Не взрослей	0,071	0,003
6	Не делай	0,061	0,021
7	Не будь важным	0,094	0,001
8	Не добивайся успеха	0,054	0,064
9	Не сближайся	0,053	0,075
10	Не будь здоровым	0,056	0,048
11	Не думай	0,058	0,035
12	Не будь в здравом уме	0,126	0,001
13	Не чувствуй	0,064	0,011
14	Не принадлежи	0,062	0,016

*Если $p < 0,05$, то гипотеза о нормальности распределения отвергается.

*Если $p \geq 0,05$, то распределение не отличается от нормального, т.е. нормальность допущена.

Полученные данные свидетельствуют о том, что распределение баллов по большинству шкал (кроме шкал «Не добивайся успеха», «Не сближайся» и «Не будь здоровым») отличается от нормального.

Определение нормативных показателей. Для определения нормативных значений применялся процентильный метод, поскольку он оптимален для данных с

ненормальным распределением и шкалам с различным числом вопросов. В отличие от расчёта среднего значения, который рекомендует автор методики П. Дрего [6], данный метод менее чувствителен к выбросам, обеспечивает стабильные и надежные нормы, особенно при асимметричном распределении.

На основе анализа распределения баллов по каждой шкале установлены границы для низкого и высокого уровня выраженности родительских предписаний. Эти границы определяют диапазоны значений, в которых находятся 25% испытуемых с наименьшими и наибольшими результатами (Табл. 3).

Таблица 3. Нормативные границы низкого и высокого уровней выраженности родительских предписаний (25-й и 75-й процентиля)

№п/п	Название предписания	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения
1.	Не существуй	5-8	9-16	17-45
2.	Не будь собой	7-10	11-25	26-63
3.	Не будь своего пола	7-12	13-23	24-63
4.	Не будь ребенком	5-15	16-25	26-45
5.	Не взрослей	5-12	13-22	23-45
6.	Не делай	7-25	26-35	36-63
7.	Не будь важным	5-14	15-23	24-45
8.	Не добивайся успеха	5-16	17-25	26-45
9.	Не сближайся	5-16	17-25	26-45
10.	Не будь здоровым	5-14	15-23	24-45
11.	Не думай	5-14	15-25	26-45
12.	Не будь в здравом уме	5-6	7-16	17-45
13.	Не чувствуй	5-13	14-22	23-45
14.	Не принадлежи	5-12	13-22	23-45

У испытуемых, чьи баллы попали в диапазон низких значений по шкалам, наблюдается тенденция к наличию обратных предписаний. Это свидетельствует о психологическом механизме сопротивления или вытеснения родительских установок, что выражается в противоположных действиях или убеждениях. Например, индивид, получивший низкий балл по шкале «Не будь собой», может демонстрировать сильную потребность в самоутверждении и выражении своей индивидуальности, несмотря на первоначальные ограничения, наложенные предписанием.

С другой стороны, у испытуемого, чьи баллы попали в диапазон высоких значений, выражены прямые предписания, что указывает на принятие этих запретов и их влиянии на личностное развитие.

Анализ гендерных и возрастных различий в выраженности родительских предписаний. В ходе исследования все родительские предписания проанализированы с целью выявления гендерных различий. Статистически значимые различия, выявленные с помощью критерия χ^2 ($p < 0,01$) обнаружены в предписании «Не делай», что указывает на различную степень его принятия мужчинами и женщинами (Табл. 4).

Таблица 4. Распределение уровней выраженности предписания «Не делай»

Уровень выраженности	Мужчины, %	Женщины, %
Низкий	32,00	19,39
Средний	38,00	64,29
Высокий	30,00	16,33

Полученные данные указывают на то, что мужчины чаще принимают обратное предписание «Не делай» и демонстрируют большую склонность к самостоятельности,

чем женщины. Среди женщин преобладает средний уровень выраженности, что говорит о том, что женщины в целом более свободны от воздействия данного запрета. В то же время высокий уровень выраженности встречается у мужчин почти в два раза чаще, что свидетельствует о наличии группы, испытывающей сильное давление со стороны воспитания в духе инфантильности.

Средние значения у мужчин ($M = 30,56$) и женщин ($M = 30,93$) одинаковы, однако у мужчин наблюдается значительно большая дисперсия (67,97 против 37,18 у женщин), что свидетельствует о гетерогенности мужской выборки. Графическое распределение у мужчин имеет ненормальный характер с двумя пиками и всплеском в начале, что указывает на существование субгрупп с разными стратегиями восприятия и реализации предписания (см. Рис. 2 и Рис. 3). Эксцесс распределения у женщин (0,99), напротив, говорит о выраженной остроконечности, что подтверждает сосредоточенность показателей вокруг среднего значения. Поэтому мужская выборка была разделена на поколения и анализировалась далее.

Рисунок 2. Характер распределения баллов у мужчин по предписанию «Не думай»

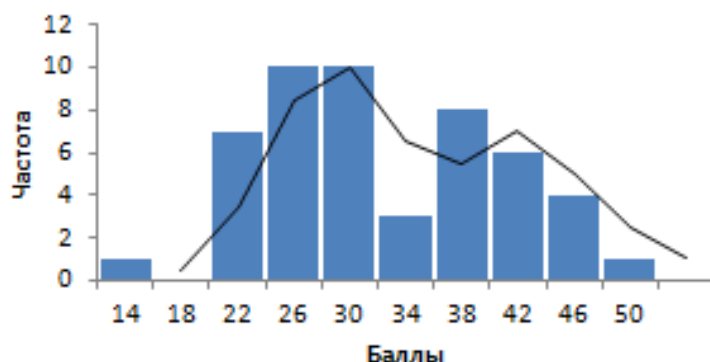
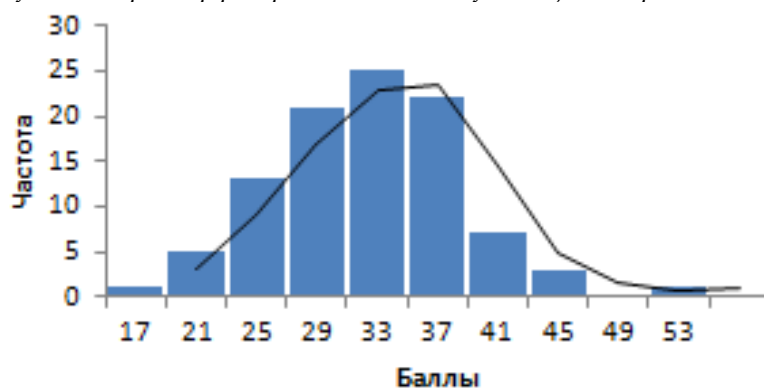

Рисунок 3. Характер распределения баллов у женщин по предписанию «Не думай»

При рассмотрении выборки мужчин по поколениям (X, Y, Z) выявлены статистически значимые различия между поколениями X и Z (χ^2 , $p < 0,01$). Средние значения для групп распределились следующим образом:

- поколение X – 28,00
- поколение Y – 26,60
- поколение Z – 31,65

Эти результаты указывают на тенденцию к усилению принятия предписания «Не делай» у молодежи по сравнению с более старшими поколениями, что говорит о выраженном запрете на самостоятельные решения, инфантилизме у представителей

поколения Z. Мужчины поколения X демонстрируют показатели близкие к значениям поколения Y, что является следствием общности культурных норм их воспитания. Таким образом, наличие двух пиков в распределении у мужчин свидетельствует о существовании двух групп, одна из которых не принимает предписание и демонстрирует высокую самостоятельность, вторая – принимает его и стремится к зависимой модели поведения.

Высокий процент среднего уровня выраженности у женщин указывает на то, что они в большей степени склонны адаптироваться к требованиям среды и находить баланс между самостоятельностью и зависимостью. Рост средних значений у поколения Z среди мужчин может быть связан с воспитанием в условиях гиперопеки и усиленного контроля, что в дальнейшем приводит к большей склонности к несамостоятельности. Мужчины старших поколений чаще оказывают сопротивление принятию предписания «Не делай», в то время как представители поколения Z демонстрируют большую восприимчивость к этой установке.

Таким образом, выявленные различия указывают на значимое влияние пола и возраста на уровень выраженности предписания «Не делай». Мужчины демонстрируют большую поляризацию в реакциях, в то время как у женщин прослеживается более равномерное распределение. В поколенческом разрезе наблюдается тенденция к увеличению принятия предписания у молодежи. Однако вопрос требует дальнейшего изучения на большей выборке испытуемых.

Обнаруженные статистически значимые различия между поколениями по некоторым другим предписаниям представлены в *Табл. 5*.

Таблица 5. Уровень статистической значимости различий между поколениями

Предписания	X и Y	X и Z	Y и Z
5. Не взрослей	0,1	0,02	0,1
11. Не думай	0,1	0,02	
12. Не будь в здравом уме	0,1	0,02	
13. Не чувствуй	0,1		0,1

Выводы. Результатом исследования по стандартизации русскоязычной версии «Шкалы родительских предписаний» стало определение нормативных значений и выявление межгрупповых различий. В ходе адаптации структура опросника была доработана, что обеспечило его большее соответствие теоретической модели. Анализ данных показал, что наиболее выраженными предписаниями являются «Не делай», «Не будь здоровым», «Не добивайся успеха» и «Не сближайся», тогда как «Не существуй» и «Не будь в здравом уме» имеют минимальные значения. Выявлены статистически значимые различия по полу и поколению: мужчины в целом демонстрируют более полярное отношение к предписанию «Не делай», при этом молодые люди – представители поколения Z чаще принимают этот запрет. Также выявлены различия между поколениями по предписаниям «Не взрослей», «Не думай», «Не будь в здравом уме» и «Не чувствуй». Полученные результаты дают основания для дальнейшего изучения влияния родительских предписаний на личность в межпоколенческом и гендерном контексте, а также применения опросника в практике психологического консультирования и социально-психологических исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берн Э. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – М.: Эксмо, 2022. – 576 с.
2. Кравченко А.В. Гипотеза Сепира-Уорфа в контексте биологии познания / А.В. Кравченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – №1. – С. 5–14.

3. Кравчук Н.Ю. Методологические основы прагматической и социокультурной адаптации психологических опросников (на примере опросника «Шкала родительских предписаний» П. Дрего) / Н.Ю. Кравчук // Социальные и психологические ресурсы развития личности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (27–28 марта 2025 г.) / ред. Е.Е. Блинова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2025. – С. 535–542.
4. Кравчук Н.Ю. Стратегия доместики как способ прагматической и социокультурной адаптации психологических опросников (на примере опросника «Шкала родительских предписаний» П. Дрего) / Н.Ю. Кравчук, Н.О. Олейник // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Л. Третьяков. – Т. 13. – М.: МПСУ, 2024. – С. 204–212.
5. Alden M. The Gossamer Injunction / M. Alden // Transactional Analysis Journal. – 1988. – Vol. 18. № 4. – P. 321–324.
6. Cornell W.F. Pearl Drego Receives 2004 Eric Berne Memorial Award / W. F. Cornell // The Script. International Transactional analysis association. – 2004. – Vol. 34. № 5. – P. 1–6.
7. Drego P. Happy family – Parenting through Family Rituals / P. Drego. – Bombay: Alfreruby Publishers, 2004. – 72 p.
8. Goulding R.L. Changing Lives through Redecision Therapy / R.L. Goulding, M.M. Goulding. – New York: Grove Press Inc, 1997. – 297 p.
9. Goulding R.L. Injunctions, Decisions, and Redecisions / R.L. Goulding, M.M. Goulding // Transactional Analysis Journal. – 1976. – Vol. 6. № 1. – P. 41–48.
10. Hartman Ch.B.A. Catastrophic Injunctions / Ch.B.A. Hartman, N.B.S. Narbue // Transactional Analysis Journal. – 1974. – Vol. 4. №2. – P. 10–12.
11. Howe N. Millennials rising: The next great generation / N. Howe, W. Strauss. – New York: Vintage Books, 2000. – 415 p.
12. McNeel J.R. Redecision therapy as a process of new belief acquisition: The survival injunctions / J.R. McNeel // Journal of Redecision Therapy. – 2000. – Vol. 2. – P. 32–48.
13. McNeel J.R. Understanding the Power of Injunctive Messages and How They Are Resolved in Redecision Therapy / J.R. McNeel // Transactional Analysis Journal. – 2010. – Vol. 40. № 2. – P. 159–169.
14. Ramond C. Don't Change: A Cultural Injunction / C. Ramond // Transaction Analysis Journal. – 1994. – Vol. 24. №3. – P. 220–221.

REFERENCES

1. Berne E. (2022). Liudi, kotorye igraiat v igry [Games People Play]. Moscow: Eksmo (In Russian).
2. Kravchenko A.V. (2007). Gipoteza Sepira–Uorfa v kontekste biologii poznaniia [The Sapir–Whorf Hypothesis in the Context of the Biology of Cognition]. Voprosy kognitivnoi lingvistiki, (1), 5–14 (In Russian).
3. Kravchuk N.Yu. (2025). Metodologicheskie osnovy pragmaticheskoi i sotsiokul'turnoi adaptatsii psikhologicheskikh oprosnikov (na primere oprosnika «Shkala roditel'skikh predpisaniy» P. Drego) [Methodological foundations of pragmatic and sociocultural adaptation of psychological questionnaires (using the example of the questionnaire «The Drego injunctions scale»)]. In E. E. Blinova (Ed.), Sotsial'nye i psikhologicheskie resursy razvitiia lichnosti [Social and Psychological Resources for Personality Development] (pp. 535–542). Simferopol: IT ARIAL (In Russian).
4. Kravchuk N.Yu., & Oleinik N.O. (2024). Strategiiia domestikatsii kak sposob pragmaticheskoi i sotsiokul'turnoi adaptatsii psikhologicheskikh oprosnikov (na primere oprosnika «Shkala roditel'skikh predpisaniy» P. Drego) [The strategy of domestication as a method of pragmatic and sociocultural adaptation of psychological questionnaires (using the example of the questionnaire «The Drego injunctions scale»)]. In A.L. Tretiakov (Ed.), Aktual'nye problemy sovremennoi Rossii: psikhologiya, pedagogika, ekonomika, upravlenie i pravo [Current Problems of Modern Russia: Psychology, Pedagogy, Economics, Management and Law] (Vol. 13, pp. 204–212). Moscow: MPSU (In Russian).
5. Alden M. (1988). The Gossamer Injunction. Transactional Analysis Journal, 18(4), 321–324 (In English).
6. Cornell W.F. Pearl Drego Receives 2004 Eric Berne Memorial Award. (2004). The Script. International Transactional analysis association, 34(5), 1–6 (In English).
7. Drego P. (2004). Happy Family – Parenting through Family Rituals. Bombay: Alfreruby Publishers (In English).
8. Goulding R.L., & Goulding M.M. (1976). Injunctions, Decisions, and Redecisions. Transactional Analysis Journal, 6(1), 41–48 (In English).

9. Goulding R.L., & Goulding M.M. (1997). Changing Lives through Redecision Therapy. New York: Grove Press Inc (In English).
10. Hartman C.B.A., & Narbue N.B.S. (1974). Catastrophic Injunctions. Transactional Analysis Journal, 4(2), 10–12 (In English).
11. Howe N., & Strauss W. (2000). Millennials Rising: The Next Great Generation. New York: Vintage Books (In English).
12. McNeel J.R. (2000). Redecision Therapy as a Process of New Belief Acquisition: The Survival Injunctions. Journal of Redecision Therapy, 2, 32–48 (In English).
13. McNeel J.R. (2010). Understanding the Power of Injunctive Messages and How They Are Resolved in Redecision Therapy. Transactional Analysis Journal, 40(2), 159–169 (In English).
14. Ramond C. (1994). Don't Change: A Cultural Injunction. Transactional Analysis Journal, 24(3), 220–221 (In English).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст опросника «Шкала предписаний Дрего»

ИНСТРУКЦИЯ

Прочитайте утверждения и спросите себя, насколько каждое из них верно для вас. Как часто в вашей жизни встречаются ситуации или приходят мысли, описанные в утверждениях? Оцените каждое утверждение по шкале от 1 до 9, где

- 1 – никогда
- 2 – почти никогда
- 3 – очень редко
- 4 – редко
- 5 – иногда
- 6 – часто
- 7 – очень часто
- 8 – почти всегда
- 9 – постоянно.

УТВЕРЖДЕНИЯ

	<i>Женский вариант опросника</i>	<i>Мужской вариант опросника</i>
1.	Я чувствую себя обузой для окружающих.	Я чувствую себя обузой для окружающих.
2.	Мне бы хотелось быть кем-то другим.	Мне бы хотелось быть кем-то другим.
3.	Беззаботное веселье – это пустая трата времени.	Беззаботное веселье – это пустая трата времени.
4.	Я предпочитаю, чтобы другие принимали решения вместо меня	Я предпочитаю, чтобы другие принимали решения вместо меня.
5.	Я допускаю ошибки.	Я допускаю ошибки.
6.	Лучше бы я родилась мужчиной.	Лучше бы я родился женщиной.
7.	Я менее важна, чем окружающие.	Я менее важен, чем окружающие.
8.	В глубине души я хочу быть любимой.	В глубине души я хочу быть любимым.
9.	Я чувствую себя не в своей тарелке.	Я чувствую себя не в своей тарелке
10.	Я плохо себя чувствую.	Я плохо себя чувствую.
11.	Я боюсь, что мои проблемы сведут меня с ума.	Я боюсь, что мои проблемы сведут меня с ума.
12.	Я чувствую себя растерянной.	Я чувствую себя растерянным.
13.	Мне неловко, когда окружающие выражают свои чувства.	Мне неловко, когда окружающие выражают свои чувства.
14.	Я боюсь ошибиться.	Я боюсь ошибиться.
15.	Лучше бы я не появлялась на свет.	Лучше бы я не появлялся на свет.
16.	Я не чувствую себя собой.	Я не чувствую себя собой.
17.	Я забочусь об окружающих в ущерб своим интересам.	Я забочусь об окружающих в ущерб своим интересам.
18.	Мне необходимо одобрение окружающих.	Мне необходимо одобрение окружающих.
19.	Я не могу добиться того, чего хочу.	Я не могу добиться того, чего хочу.
20.	Будь я мужчиной, жизнь была бы проще!	Будь я женщиной, жизнь была бы проще!

21.	Мне нравится быть лидером	Мне нравится быть лидером.
22.	Я не доверяю окружающим.	Я не доверяю окружающим.
23.	Мне кажется, окружающие не принимают меня.	Мне кажется, окружающие не принимают меня.
24.	Я отдыхаю только тогда, когда болею.	Я отдыхаю только тогда, когда болею.
25.	Мне кажется, что люди настроены против меня.	Мне кажется, что люди настроены против меня.
26.	Мне трудно учиться.	Мне трудно учиться.
27.	Проявление чувств – это слабость.	Проявление чувств – это слабость.
28.	Лучше я не сделаю что-то, чем ошибусь.	Лучше я не сделаю что-то, чем ошибусь.
29.	Я не забочусь о себе.	Я не забочусь о себе.
30.	Я играю чужую роль.	Я играю чужую роль.
31.	Я не могу попросить то, что действительно хочу.	Я не могу попросить то, что действительно хочу.
32.	Я люблю брать ответственность на себя.	Я люблю брать ответственность на себя.
33.	Я прикладываю много усилий, но мои труды не ценятся.	Я прикладываю много усилий, но мои труды не ценятся.
34.	На меня возлагают большие надежды из-за того, что я женщина.	На меня возлагают большие надежды из-за того, что я мужчина.
35.	Я не беспокою окружающих, когда мне нужна помощь.	Я не беспокою окружающих, когда мне нужна помощь.
36.	Те, кого я люблю, покидают меня.	Те, кого я люблю, покидают меня.
37.	Родные не считают меня частью своей семьи.	Родные не считают меня частью своей семьи.
38.	Я интересуюсь здоровьем и способами его поддержания.	Я интересуюсь здоровьем и способами его поддержания.
39.	Мне кажется, что жизнь не имеет смысла.	Мне кажется, что жизнь не имеет смысла.
40.	Я чувствую себя глупой.	Я чувствую себя глупым.
41.	Мне стыдно из-за того, что я злюсь.	Мне стыдно из-за того, что я злюсь.
42.	Я считаю, что лучше пусть само собой все образуется.	Я считаю, что лучше пусть само собой все образуется.
43.	Я попадаю в передраги.	Я попадаю в передраги.
44.	Я не принимаю себя такой, какая я есть.	Я не принимаю себя таким, какой я есть.
45.	Я чувствую себя обязанной, если что-то беру у окружающих.	Я чувствую себя обязанным, если что-то беру у окружающих.
46.	Ко мне относятся, как к ребенку.	Ко мне относятся, как к ребенку.
47.	Мне трудно закончить начатое.	Мне трудно закончить начатое.
48.	Я чувствую себя неполноценной из-за того, что я женщина.	Я чувствую себя неполноценным из-за того, что я мужчина.
49.	Я предпочитаю сохранять молчание, а не высказывать свою точку зрения.	Я предпочитаю сохранять молчание, а не высказывать свою точку зрения.
50.	Я стараюсь не проявлять любовь и привязанность.	Я стараюсь не проявлять любовь и привязанность.
51.	Я думаю, что отличаюсь от членов своей семьи.	Я думаю, что отличаюсь от членов своей семьи.
52.	Я волнуюсь о том, что могу заболеть.	Я волнуюсь о том, что могу заболеть.
53.	Я боюсь, что могу сойти с ума.	Я боюсь, что могу сойти с ума.
54.	Я забывчивая.	Я забывчивый.
55.	Я скрываю свои чувства.	Я скрываю свои чувства.
56.	В трудных ситуациях я надеюсь, что авось само всё рассосётся.	В трудных ситуациях я надеюсь, что авось само всё рассосётся.
57.	Окружающие оценят меня по достоинству только после моей смерти.	Окружающие оценят меня по достоинству только после моей смерти.
58.	Я ношу чужую маску.	Я ношу чужую маску.
59.	Ребячество – это непозволительная роскошь для меня	Ребячество – это непозволительная роскошь для меня.

60.	Я не могу обойтись без защиты окружающих.	Я не могу обойтись без защиты окружающих.
61.	Даже добившись успеха, я чувствую неудовлетворенность.	Даже добившись успеха, я чувствую неудовлетворенность.
62.	Ко мне предъявляют завышенные требования несмотря на то, что я женщина.	Ко мне предъявляют завышенные требования потому, что я мужчина.
63.	Мой принцип «Я – последняя буква в алфавите»	Мой принцип «Я – последняя буква в алфавите».
64.	Мне неприятен тактильный контакт с окружающими.	Мне неприятен тактильный контакт с окружающими.
65.	Я предпочитаю наблюдать за чужой деятельностью, а не принимать в ней участие.	Я предпочитаю наблюдать за чужой деятельностью, а не принимать в ней участие.
66.	Я плохо себя чувствую, когда происходит что-то неожиданное.	Я плохо себя чувствую, когда происходит что-то неожиданное.
67.	В случае неудач я могу потерять рассудок.	В случае неудач я могу потерять рассудок.
68.	Мне трудно сосредоточиться.	Мне трудно сосредоточиться.
69.	Мне сложно выражать свои чувства.	Мне сложно выражать свои чувства.
70.	При принятии решений я руководствуюсь правилом «Семь раз отмерь, один отрежь».	При принятии решений я руководствуюсь правилом «Семь раз отмерь, один отрежь».
71.	Мне кажется, что я не на своём месте.	Мне кажется, что я не на своём месте.
72.	Я конкурирую с мужчинами по жизни.	Я занимаюсь работой, которую обычно выполняют женщины.
73.	Я очень осторожна в принятии решений.	Я очень осторожен в принятии решений.
74.	Я чувствую себя самозванкой.	Я чувствую себя самозванцем.
75.	Мне больше нравится быть сильной, чем женственной.	Мне больше нравится быть мягким, чем мужественным.
76.	Инициатива наказуема.	Инициатива наказуема.

КЛЮЧ

Для оценки выраженности предписаний необходимо посчитать сумму баллов по каждой шкале.

№п/п	Название предписания	Номер утверждения
1	Не существуй	1, 15, 29, 43, 57
2	Не будь собой	2, 16, 30, 44, 58, 71, 74
3	Не будь ребенком	3, 17, 31, 45, 59
4	Не взрослей	4, 18, 32*, 46, 60
5	Не добивайся успеха	5, 19, 33, 47, 61
6	Не будь важным	7, 21*, 35, 49, 63
7	Не сближайся	8, 22, 36, 50, 64
8	Не принадлежи	9, 23, 37, 51, 65
9	Не будь здоровым	10, 24, 38*, 52, 66
10	Не будь в здравом уме	11, 25, 39, 53, 67
11	Не думай	12, 26, 40, 54, 68
12	Не чувствуй	13, 27, 41, 55, 69
13	Не делай	14, 28, 42, 56, 70, 73, 76
14	Не будь своего пола	6, 20, 34, 48, 62, 72, 75

*данные утверждения следует оценивать наоборот, ответу «Никогда» присваивается 9 баллов, ответу «Постоянно» – 1 балл.

Поступила в редакцию 27.05.2025 г.

STANDARDIZATION OF DREGO INJUNCTIONS SCALE

Kravchuk N. Yu., Oleynik N. O.

This article presents the results of standardizing the Russian-language version of Drego Injunctions Scale, comprising 76 items organized into 14 scales. The sample included 261 students aged 17–56 years old.

Distributional properties were assessed using descriptive statistics and the Kolmogorov-Smirnov test. Normative boundaries were established via the percentile method, which accommodates distributional skewness and varying item counts across scales while reducing the impact of outliers. For each scale, the 25th and 75th percentiles defined the lower and upper normative thresholds. Intergroup differences were examined using Pearson's χ^2 test with post hoc analysis, accounting for age (generations X, Y, Z) and gender. Statistically significant gender differences emerged for the «Don't Do» injunction, and significant differences between generations X and Z were observed for the «Don't Grow Up», «Don't Think», «Don't Be Sane» and «Don't Feel» injunctions.

Keywords: injunctions, Drego Injunctions Scale, questionnaire adaptation, questionnaire standardization, generations X, Y, Z.

Кравчук Надежда Юрьевна.

Херсонский государственный педагогический университет, г. Херсон, Российская Федерация.
Магистрант 2 курса Института психологии.
ORCID: 0009-0006-0670-852X.
E-mail: nadine@kravchuk7.ru.

Олейник Нармина Оруджовна.

Кандидат психологических наук, доцент
Херсонский государственный педагогический университет, г. Херсон, Российская Федерация.
Заведующая кафедрой общей и социальной психологии Института психологии.
ORCID: 0000-0002-8351-8803.
E-mail: narmina.oleinik@yandex.ru.

Kravchuk Nadezhda Yurievna.

Kherson State Pedagogical University, Kherson Russian Federation.
2nd year Master's student at Institute of Psychology.
ORCID: 0009-0006-0670-852X.
E-mail: nadine@kravchuk7.ru.

Oleynik Narmina Orujovna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Kherson State Pedagogical University, Kherson Russian Federation.
Head of Department of General and Social Psychology, Institute of Psychology.
ORCID: 0000-0002-8351-8803.
E-mail: narmina.oleinik@yandex.ru.

Обзорная статья

УДК 316.64

DOI: 10.5281/zenodo.15813380

ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

© 2025 Д.Р. Майстепанова¹, А.В. Гордеева²

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID¹: 0009-0002-9550-211X

ORCID²: 0000-0003-1720-0466

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена анализу феномена городской идентичности как сложного многослойного процесса, включающего когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты. Автор акцентирует внимание на том, что городская среда не является нейтральным фоном, а выступает активным социальным агентом формирования идентичности. В работе использованы концепции социального пространства Э. Дюркгейма, П. Бурдьё, а также теории А. Лефевра, Д. Харви и современных представителей реляционного подхода. Материалом послужили современные социологические и психологические исследования урбанистических процессов. Основные результаты показывают, что городская идентичность формируется на пересечении локальных практик и глобальных процессов, включая цифровизацию городской среды. В статье подчёркивается необходимость пересмотра классических подходов с учётом влияния медиатизации и алгоритмического управления на идентификационные структуры индивидов и групп.

Ключевые слова: городская идентичность, социальное пространство, урбанизм, реляционный подход, цифровизация, медиатизация, глобализация, идентификация, право на город, когнитивные карты, символический капитал, алгоритмическое управление.

Для цитирования: Майстепанова Д.Р. Городская идентичность в контексте социального пространства / Д.Р. Майстепанова, А.В. Гордеева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 219–228. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15813380>.

Введение. Социальная психология традиционно занималась изучением механизмов формирования идентичности, в частности идентичности социальной. Однако большее внимание исследователей уделялось таким явлениям, как групповая динамика, принадлежность к социальным группам, влияние национальности и т.п., а городская среда оставалась «в тени», как отдельный феномен, скорее как нейтральный фон, чем как активный участник формирования идентичности.

Да и в целом, если говорить о классическом изучении идентичности, то на первый план чаще выводилось взаимодействие с социумом [27], а не привязанность к определенным географическим или пространственным локусам.

В XX веке городская среда не просто вышла на передний план изучения, а стала рассматриваться как одна из важнейших частей социальной идентичности. На сегодняшний день городская идентичность становится предметом самостоятельного изучения. Все чаще наблюдается тенденция рассматривать городскую среду не просто как фон, а как значимый фактор не только формирования, но и развития, трансформации социальной идентичности, как фактор, который стоит не просто учитывать, а и считать одним из ключевых.

В этой связи особенно важно подчеркнуть, что городское пространство, будучи частью физической среды, одновременно выступает и как социальное пространство, конституируемое системой отношений, символов, норм и практик. Понимание городской идентичности невозможно вне осмысления того, что пространство само по себе не является нейтральным – оно всегда социально сконструировано и отражает структуру власти, доступ к ресурсам, символическое признание и процессы включения/исключения. Таким образом, городская идентичность формируется в пределах и через призму социального пространства, в котором индивид позиционирует себя, соотносит свою биографию с локальными знаками, нормами и архитектурными константами. Подобный взгляд позволяет интерпретировать идентичность не только как продукт восприятия урбанистического ландшафта, но и как результат взаимодействия с системой социокультурных координат, заданных самим городом.

Основой развития теорий городского пространства является концепция социального пространства, которую предложил Эмиль Дюркгейм [4; 24]. Он показал, что окружающее субъекта пространство является не просто физической категорией, а глубоко социальной: «...Если мир находится внутри общества, то пространство, занимаемое обществом, сливается с пространством вообще. Мы видели, каким образом каждая вещь обретает свое место в социальном пространстве. А то, что пространство вообще принципиально отличается от конкретных протяженностей, воспринимаемых нашими чувствами, убедительно доказывается тем фактом, что подобное размещение вещей является воображаемым и никоим образом не похоже на то, каким оно могло быть, если бы мы руководствовались чувственным опытом» [4, с. 727]. Социальное пространство у Дюркгейма – это сцена коллективных действий, организованная по принципам классификации и категоризации, которые отражают социальную организацию, а не чувственно воспринимаемую реальность.

Именно эти трактовки стали основой концепции Пьера Бурдьё, который, опираясь на идеи своего предшественника, развил представление о социальном пространстве как поле борьбы и позиционирования агентов в зависимости от их капитала [30].

Теории Бурдьё на сегодняшний день активно используются и продвигаются в научном сообществе. Если анализировать современные теории, то в них категории поля, капитала и габитуса [1; 2; 3] применяются для анализа урбанистических процессов. Так, Луик Вакан рассматривает гетто как продукт не только экономических, но и символических структур городского пространства, показывая, как социальные агенты борются за доступ к ресурсам и признанию [29]. Шарон Зукин использует понятие символического капитала для объяснения джентрификации и культурной трансформации городов [6], подчеркивая борьбу за образы города как механизм социальной стратификации.

Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления роли города, как не только физического пространства, но и как активного социального субъекта, формирующего идентификационные структуры индивидов и групп. Вопросы трансформации городской идентичности сегодня выходят на первый план в исследованиях социологов, психологов, урбанистов и политологов.

Основная часть. Город в психологическом контексте рассматривается не только как физическое пространство, но и как символическая структура, выполняющая функции идентификационного поля для индивида. В отличие от сельской местности или малых поселений, город характеризуется сложной социальной дифференциацией, множественностью функций и гетерогенностью населения, что создает особые условия для формирования идентичности. По мнению исследователей, городская идентичность является

компонентом более широкой системы пространственной идентичности и формируется на основе субъективного опыта взаимодействия с городской средой [26]. В этом контексте идентификация с городом становится механизмом интеграции личности в урбанистическое пространство, способствуя ощущению принадлежности и социальной укоренённости.

Особое значение в процессе формирования городской идентичности имеют культурные, архитектурные и визуальные маркеры городской среды, которые выполняют функцию символических опор. Исследования К. Линча [8], посвящённые образу города, показали, что жители создают ментальные карты, где отдельные элементы городской инфраструктуры (улицы, площади, памятники) становятся точками фиксации идентификации. Эти элементы не только способствуют когнитивной ориентации в пространстве, но и насыщены эмоционально-ценностным содержанием, формируя чувство гордости, привязанности или даже отторжения. Таким образом, городская идентичность включает не только когнитивный, но и аффективный компонент, который отражает эмоциональное отношение индивида к своему городу.

Важным, на наш взгляд, является признание того, что в рамках рассмотрения городской идентичности стоит учитывать «не географическое пространство само по себе, а чувство пространства, сплав физической реальности и вызываемых ею эмоций» [5, с. 83]. То есть, при рассмотрении и анализе городской идентичности и её особенностей мы хоть и пользуемся понятием «город», но используем его не в контексте только административных границ или набора зданий и инфраструктуры. Город в этом смысле – это живая среда, наполненная символами, значениями и личными историями его жителей. Именно это переживание пространства превращает обычное место в нечто особенное, формируя ту самую уникальную идентичность, которая отличает один город от другого и создаёт у людей чувство принадлежности.

Так, к примеру, Анри Лефевр в своей теории производства пространства предлагает рассматривать городское пространство как результат социального производства, где оно выступает не только ареной, но и продуктом социальных взаимодействий и властных отношений [20]. По Лефевру, пространство не является нейтральной или пассивной средой, но активно конструируется через повседневные практики, институциональные механизмы и политические процессы. Именно поэтому городская идентичность в его понимании формируется в контексте борьбы за власть над пространством, за право определять его функции и символическое значение. Таким образом, место становится ареной, на которой пересекаются интересы различных социальных групп, и каждая из них по-своему «производит» городскую идентичность через свои практики, дискурсы и материальные преобразования среды.

Схожие идеи развивает и реляционный подход, представленный в работах таких исследователей, как Эдвард Соуджа [18] и Дориан Мэсси [22]. В рамках этой парадигмы пространство понимается как множественная, динамическая конструкция, складывающаяся из сетей отношений, которые пересекаются в конкретном месте. Дориан Мэсси, в частности, акцентирует внимание на том, что идентичность места не является чем-то фиксированным и стабильным, а постоянно формируется и трансформируется в процессе взаимодействия локальных и глобальных потоков людей, идей, капиталов и информации [18]. Такое понимание позволяет рассматривать городскую идентичность как процессуальную и контекстуальную категорию, открытую к изменениям и пересмотру. Это принципиально отличает реляционную парадигму от более традиционных подходов, которые стремятся «закрепить» идентичность за определённым набором физических или культурных характеристик.

Однако наиболее полным и удачным нам кажется определение городской идентичности, предложенное Кристианом Норберг-Шульцем в рамках его концепции духа места. Он писал, что подлинное понимание места складывается из взаимодействия физической формы и экзистенциального восприятия человека. Норберг-Шульц определял идентичность места как «сплав пространственных характеристик и эмоционального отклика человека, его укоренённости в среде», подчёркивая, что именно переживание пространства, а не его объективные параметры, формирует восприятие города [25].

Важно отметить, что как Лефевр, так и представители реляционного подхода подчеркивают необходимость видеть за материальной формой города сложные социальные структуры и процессы, которые её производят. В отличие от феноменологической традиции, акцентирующей экзистенциальное восприятие пространства, эти теории настаивают на политико-экономическом и сетевом измерении городской идентичности. Таким образом, город предстает как сложный многослойный феномен, в котором материальная структура, символическая значимость и социальные отношения неразрывно связаны между собой.

Обобщая вышесказанное, можно выделить общее понятие городской идентичности. Под городской идентичностью в современной научной литературе понимается процессуально обусловленная совокупность когнитивных, аффективных и поведенческих связей индивидов и групп с городским пространством, основанная на субъективном восприятии физического облика города, символических значений его элементов и социальных взаимодействий внутри него. Данное определение отражает интегративный характер феномена городской идентичности, соединяющего в себе как психологические, так и социокультурные аспекты.

Прежде всего, акцент на процессуальной природе городской идентичности указывает на её динамичность и изменчивость. Это противостоит традиционным статичным подходам, где идентичность мыслилась как фиксированный набор характеристик, устойчивых во времени. В контексте современных исследований идентичность города рассматривается как результат непрерывного взаимодействия индивидов с пространством, который подвержен влиянию глобализационных процессов, миграции и социальных трансформаций.

Ключевыми компонентами городской идентичности выступают когнитивные, аффективные и поведенческие элементы. Когнитивный компонент включает в себя образ города, сформированный у индивида на основе восприятия и ментального картирования городской среды. Аффективный компонент выражается в эмоциональной привязанности к городу, чувстве гордости, любви или, напротив, отчуждённости. Поведенческий аспект городской идентичности проявляется в формах участия в городских практиках, в том числе в активном преобразовании городской среды, что подчёркивает её деятельностный характер.

Особое значение имеет указание на субъективность восприятия городского пространства. Городская идентичность формируется не столько под воздействием объективных характеристик урбанистического ландшафта, сколько в результате интерпретации и наделения пространства символическими смыслами.

Важным элементом всего вышеперечисленного является включение социальных взаимодействий как базового условия формирования идентичности. Городская среда понимается не как нейтральный фон, а как арена социальных отношений, где взаимодействие различных групп и индивидов наполняет пространство новыми значениями. Таким образом, идентификация с городом является не только личностным процессом, но и социально опосредованным феноменом.

Важным для понимания современного определения феномена городской идентичности является попытка осмысления текущих тенденций. Так отметим, что сегодняшнее понятийное поле данного феномена сосредоточено на измерении его политических, экономических, стратификационных и цифровых показателей.

Анализируя современные направления, нельзя не упомянуть концепции Д. Харви, который, переработал концепцию производства пространства А. Лефера [20]. Он выделяет концепт «права на город» [10], который заключается в том, что стоит рассматривать город не только как локус экономической активности, но и как пространство политической борьбы за идентификационные права и ресурсы. Харви утверждает, что идентификация с городским пространством представляет собой не пассивный процесс эмоциональной привязанности, а активный политический акт, связанный с перераспределением власти над городской средой.

Харви подчеркивает, что городское пространство является ареной социальных противоречий, где процессы капиталистического накопления неизбежно ведут к пространственному неравенству [11]. Город в его трактовке – это структура, в которой пространственная организация служит инструментом закрепления иерархий и стратификационных различий. Формы городской идентичности при этом конструируются через участие индивидов и групп в борьбе за доступ к пространственным ресурсам – жилью, инфраструктуре, символическим центрам города [12]. Следовательно, право на город, по Харви, есть не что иное, как право на участие в определении его образа, функций и направлений развития, что напрямую связано с процессами идентификации субъектов с урбанистическим пространством [11].

Далее следует упомянуть о радикальном переосмыслении феномена городской идентичности под влиянием глобализационных процессов. В рамках концепции транснациональной урбанизации, предложенной Дж. Фридманом [15], современные мегаполисы интерпретируются не просто как локальные центры экономической и социальной активности, но как узловые точки глобальных сетей, через которые циркулируют капиталы, информация, культурные коды и миграционные потоки. Именно в этих городах происходит сложное наложение локальных идентификационных практик и глобальных дискурсов, что приводит к формированию новых гибридных форм идентичности, в которых взаимодействуют и конкурируют различные культурные традиции и социальные нормы [16].

С. Лоу, вводя концепт эмоциональной географии [9], акцентирует внимание на том, что процессы урбанизации в эпоху глобализации сопровождаются множественностью форм пространственной привязанности и идентификаций. Эти формы не сводятся к традиционной дихотомии «свой-чужой» или к фиксированным этнокультурным параметрам. Напротив, они складываются в условиях высокой мобильности населения, усиленного культурного обмена и непрерывной циркуляции символических значений. Эмоциональные привязанности к месту становятся многослойными и динамичными, отражая не только укоренённость, но и временные, ситуативные идентификации, возникающие в результате краткосрочного проживания или участия в глобальных коммуникационных практиках.

Нельзя также не отметить относительно новое направление анализа городской идентичности, изучающее трансформации, вызванные активным процессом повсеместной цифровизации. Так, в фундаментальных трудах М. Кастельса, посвящённых концепции сетевого общества [7], подчёркивается определяющая роль информационных потоков и медиальных репрезентаций в процессе конструирования образов городской среды. Город в этой перспективе предстает не только как материально-пространственный локус, но и как символический конструкт,

циркулирующий в глобальных медиасетях. Медиатизация городской идентичности проявляется в том, что восприятие города индивидами и группами всё более опосредуется цифровыми каналами коммуникации – от глобальных новостных медиа до персонализированных алгоритмов социальных сетей.

Эти процессы способствуют становлению феномена медиатизированной городской идентичности, характеризующейся повышенной динамичностью и подверженностью постоянной трансформации в условиях цифрового обмена. Цифровые практики, такие как геомаркировка в социальных сетях, участие в онлайн-дискуссиях о городских проблемах или создание пользовательского контента о городской среде, становятся актуальными формами включения индивидов в процесс идентификации с городом. В результате идентичность перестаёт быть исключительно «местно укоренённой» и приобретает сетевой характер, встраиваясь в глобальные цифровые потоки и становясь частью многоуровневых медиасетей. Таким образом, цифровизация урбанистического опыта требует пересмотра классических понятий идентичности, акцентируя её гибридность, множественность и технологическую опосредованность в условиях современного сетевого общества.

В условиях цифровой трансформации урбанистического пространства городская идентичность приобретает новые измерения, связанные с алгоритмическим управлением и медиатизацией городской среды. Современные технологии сбора, обработки и визуализации данных – от геоинформационных систем до алгоритмов социальных сетей – начинают выступать не только как инструменты управления городом, но и как активные агенты в производстве идентификационных практик горожан [19; 27]. Как подчёркивает Роб Китчин, цифровая инфраструктура умных городов создаёт новые «алгоритмические субъективности», где самоощущение индивидов в пространстве города опосредуется массивами данных, алгоритмами рекомендаций и системами персонализированной городской навигации [19]. Таким образом, город становится не только физическим и символическим пространством, но и сложной сетью цифровых потоков, которые формируют новые формы принадлежности и идентификации.

Шеннон Мэттер указывает на фундаментальный сдвиг в понимании городской идентичности в эпоху «умных городов», где технологические платформы начинают конкурировать с традиционными локальными формами знания и эмоциональной привязанности к месту [23]. В этой парадигме идентичность города всё более определяется не уникальностью его культурных или исторических маркеров, а тем, как он репрезентируется и функционирует в глобальных цифровых сетях. Цифровые практики – геомаркировка в социальных сетях, пользовательский контент о городской жизни, участие в онлайн-инициативах – становятся новыми механизмами включения индивидов в процесс городской идентификации, где принадлежность к городу конструируется через видимость и участие в цифровом пространстве [14; 21].

Критические исследователи, такие как Ваноло и Андреевич, обращают внимание на дисциплинарные аспекты этого процесса, показывая, что алгоритмы «умных городов» не только упрощают навигацию и коммуникацию, но и нормируют поведенческие паттерны, формируя стандартизированные и подчинённые модели городской идентичности [14; 28]. В этом контексте право на город, как его понимает Д. Харви, приобретает новое измерение: борьба разворачивается не только за физическое пространство, но и за контроль над цифровыми инфраструктурами и алгоритмами, которые всё активнее определяют, каким видится и переживается город различными группами и индивидами [17].

Таким образом, в условиях цифровизации городская идентичность предстает как многослойный гибридный феномен, в котором локальные практики,

эмоциональная привязанность и телесный опыт взаимодействуют с алгоритмическими структурами, глобальными медиарепрезентациями и данными. Это требует от современной науки пересмотра классических категорий идентификации, с акцентом на сетевую, технологически опосредованную и динамичную природу городской идентичности [19; 23; 28].

Заключение. Таким образом, современная научная парадигма требует осмысления городской идентичности как многокомпонентного феномена, формирующегося на пересечении политических стратегий, глобальных трансформаций, цифровых технологий и стратификационных механизмов. Данное понимание позволяет преодолеть упрощенные модели интерпретации и раскрывает процессуальную, конфликтную и динамическую природу идентификационных процессов в городской среде.

Современные технологии, платформы и алгоритмы не только облегчают навигацию по городу, но и выступают активными агентами в производстве идентичностей. В результате принадлежность к городу всё чаще конструируется через участие в цифровых сообществах, геомаркированный контент, алгоритмически управляемые сервисы и медиапредставления. Это придает городской идентичности новую гибридную природу, где локальные практики переплетаются с глобальными цифровыми потоками.

Городская идентичность сегодня все чаще понимается как процессуальная, реляционная и контекстуально обусловленная категория, формирующаяся на пересечении физического пространства, символических значений и социальных взаимодействий. Современные теоретические рамки подчеркивают, что идентичность города не является статичным набором характеристик, а представляет собой результат непрерывного производства пространства через повседневные практики и политико-экономические процессы.

Переход от традиционных подходов к реляционным и феноменологическим концепциям позволил расширить аналитический инструментарий, открывая новые горизонты для изучения городской идентичности как динамичного и многомерного феномена. Исследования показывают, что локальная укоренённость всё чаще пересекается с глобальными потоками людей, идей и капиталов, что требует пересмотра прежних моделей идентификации и интеграции в урбанистическую ткань.

Отметим, что городская идентичность – это не только про «я из этого города» или «это мой дом». Это про сложную сеть отношений между пространством и человеком, где важны не только камни зданий или планировка улиц, но и чувства, образы, истории, борьба за право на пространство и даже то, как этот город представлен в социальных сетях. Город становится «своим» не сам по себе, а потому, что человек его переживает, эмоционально укореняется в его знаках и символах, а сегодня ещё и взаимодействует с ним через экран смартфона.

Особо значимым нам кажется понимание города как арены борьбы – за ресурсы, образы, смыслы, власть над пространством. В этом контексте право на город – это право не просто жить в нём, но и активно участвовать в определении его облика и будущего. Это означает, что городская идентичность – всегда политический процесс: она формируется не только через любовь к городу, но и через конфликты, протесты, джентрификацию, борьбу с цифровым контролем.

Таким образом, городская идентичность сегодня – это гибридный, процессуальный, политически заряженный феномен, в котором переплетены локальные привязанности и глобальные потоки, физические пространства и цифровые сети, эмоциональные связи и структурные конфликты. Понимание этого многообразия позволяет нам видеть в городе не просто место проживания, а сложную живую систему,

в которой каждое действие, каждая эмоция и каждое нажатие на кнопку «чек-ин» становятся частью большого процесса формирования идентичности.

Дальнейшие исследования в этой области должны опираться на междисциплинарные методологии, объединяющие психологический анализ аффективных переживаний пространства с социологическим и политико-экономическим анализом структурных изменений городской среды. Такой интегративный подход позволит глубже понять механизмы трансформации городской идентичности в условиях глобализации, миграции и цифровой коммуникации, а также разработать практические рекомендации для устойчивого развития городов как пространств социальной укоренённости и символического единства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдые П. Генезис и структура поля религии / П. Бурдые; пер. с фр. О.И. Кирчик // Социальное пространство: Поля и практики / под ред. Н.А. Шматко. – СПб., М. : Алетей, Институт экспериментальной социологии, 2005. – С. 7–74.
2. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдые; пер. с фр. Н.А. Шматко // Социология социального пространства / под ред. Н.А. Шматко. – СПб., М. : Алетей, Институт экспериментальной социологии, 2005. – С. 14–48.
3. Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые; пер. с англ. М.С. Добряковой // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / под ред. В.В. Радаева. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 519–536.
4. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм; пер. с фр. В.В. Земсковой. – М. : Элементарные формы, 2018. – 808 с.
5. Головнева Е.В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения / Е.В. Головнева // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 2 (39). – С. 81–88.
6. Зукин Ш. Культуры городов / Ш. Зукин; пер. с англ. Д. Симановского. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. – М., 2000. – 606 с.
8. Линч К. Образ города / К. Линч; пер. с англ. В.Л. Глазычева. – М. : Стройиздат, 1982. – 328 с.
9. Лоу С. Пространственное воплощение культуры: Этнография пространства и места / С. Лоу; пер. с англ. Н. Проценко. – М. : Новое литературное обозрение, 2024. – 400 с.
10. Харви Д. Право на город / Д. Харви; пер. с англ. и коммент. М.А. Котлярова. – Екатеринбург, 2019. – 36 с.
11. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений / пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 576 с.
12. Харви Д. Социальная справедливость и город / Д. Харви; пер. с англ. Е.Ю. Герасимовой. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 440 с.
13. Эриксон Э. Идентичность и цикл жизни: 18+ / Э. Эриксон; пер. с англ. Т. Зверевич. – СПб. и др.: Питер, Прогресс книга, 2023. – 207 с.
14. Andrejevic M. Automated Media / M. Andrejevic. – London; New York: Routledge, 2020. – 160 p.
15. Freidmann J. The World City Hypothesis / J. Freidmann // Development and Change. – 1986. – № 4. – P. 12–50. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.1986.tb00231.x>
16. Freidmann J. World city formation: an agenda for research and action / J. Freidmann, G. Wolff // International Journal of Urban and Regional Research. – 1982. – № 6. – P. 309–343. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.1982.tb00384.x>.
17. Harvey D. The Right to the City / D. Harvey // New Left Review. – 2008. – № 53. – P. 23–40.
18. Hodkinson S. The new urban enclosures / S. Hodkinson // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. – 2012. – Vol. 16, № 5. – P. 500–518. <https://doi.org/10.1080/13604813.2012.709403>.
19. Kitchin R. The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences / R. Kitchin. – Los Angeles; London: SAGE Publications, 2014. – 240 p.
20. Lefebvre H. Critique of Everyday Life. Vol. 1 / H. Lefebvre. – London : Verso, 1991. – 283 p.
21. Leszczynski A. Digital Methods for Urban Research / A. Leszczynski // Urban Geography. – 2020. – Vol. 41, № 8. – P. 1030–1045. <https://doi.org/10.1080/02723638.2019.1677995>.
22. Massey D. For Space / D. Massey. – London: SAGE, 2005. – 222 p.
23. Mattern S. A City Is Not a Computer: Other Urban Intelligences / S. Mattern. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2021. – 200 p.

24. Mauss M. De quelques formes primitives de classification. Contribution à l'étude des représentations collectives / M. Mauss, É. Durkheim. – Paris : PUF, 2017. – 150 p. <https://doi.org/10.3917/puf.mauss.2017.01>.
25. Norberg-Schulz C. Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture / C. Norberg-Schulz. – London: Academy Editions, 1980. – 213 p.
26. Proshansky H.M. Place-identity: Physical world socialization of the self / H.M. Proshansky, A.K. Fabian, R. Kaminoff // Journal of Environmental Psychology. – 1983. – Vol. 3, № 1. – P. 57–83. [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(83\)80021-8](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(83)80021-8).
27. Shelton T. The 'Actually Existing Smart City' / T. Shelton, M. Zook, A. Wiig // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. – 2015. – Vol. 8, № 1. – P. 13–25. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsu026>.
28. Vanolo A. Smartmentality: The Smart City as Disciplinary Strategy / A. Vanolo // Urban Studies. – 2014. – Vol. 51, № 5. – P. 883–898. <https://doi.org/10.1177/0042098013494427>.
29. Wacquant L. Bourdieu in the City: Challenging Urban Theory / L. Wacquant. – Cambridge : Polity Press, 2023. – 288 p.
30. Wacquant L. Durkheim and Bourdieu: The Common Plinth and Its Cracks / L. Wacquant // The Sociological Review. – 2001. – Vol. 49, № 1. – P. 105–119. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.00246>.

REFERENCES

1. Bourdieu P. (2005). Genezis i struktura polia religii [Genesis and Structure of the Religious Field] (O.I. Kirchik, Trans.). In N.A. Shmatko (Ed.). Sotsial'noe prostranstvo: Polia i praktiki [Social Space: Fields and Practices] (pp. 7–74). Saint Petersburg, Moscow: Aleteya, Institut eksperimental'noi sotsiologii. (In Russian)
2. Bourdieu P. (2005). Sotsial'noe prostranstvo i genezis "klassov" [Social Space and the Genesis of "Classes"] (N.A. Shmatko, Trans.). In N.A. Shmatko (Ed.). Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of Social Space] (pp. 14–48). Saint Petersburg, Moscow: Aleteya, Institut eksperimental'noi sotsiologii. (In Russian)
3. Bourdieu P. (2004). Formy kapitala [Forms of Capital] (M.S. Dobriakova, Trans.). In V.V. Radaev (Ed.), Zapadnaia ekonomicheskaya sotsiologiya: Khrestomatiya sovremennoi klassiki [Western Economic Sociology: A Reader in Modern Classics] (pp. 519–536). Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
4. Durkheim E. (2018). Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii [The Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia] (V.V. Zemskova, Trans.). Moscow: Elementarnye formy. (In Russian)
5. Golovneva E.V. (2013). Regional'naya identichnost': teoreticheskie aspekty izucheniya [Regional Identity: Theoretical Aspects of Study]. Uralskii istoricheskii vestnik, 2(39), 81–88. (In Russian)
6. Zukin S. (2015). Kul'tury gorodov [The Cultures of Cities] (D. Simanovskii, Trans.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
7. Castells M. (2000). Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture] (O.I. Shkaratan, Ed.). Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki. (In Russian)
8. Lynch K. (1982). Obraz goroda [The Image of the City] (V. L. Glazychev, Trans.). Moscow: Stroizdat. (In Russian)
9. Low S. (2024). Prostranstvennoe voploshchenie kul'tury: Etnografiya prostranstva i mesta [Spatializing Culture: Ethnography of Space and Place] (N. Protsenko, Trans.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
10. Harvey D. (2019). Pravo na gorod [The Right to the City] (M.A. Kotliarov, Trans.). Ekaterinburg. (In Russian)
11. Harvey D. (2021). Sostoianie postmoderna: Issledovanie istokov kul'turnykh izmenenii [The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change] (N. Protsenko, Trans.; A. Pavlov, Ed.). Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki. (In Russian)
12. Harvey D. (2018). Sotsial'naya spravdlivost' i gorod [Social Justice and the City] (E.Iu. Gerasimova, Trans.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
13. Erikson E. (2023). Identichnost' i tsikl zhizni: 18+ [Identity and the Life Cycle: 18+] (T. Zverevich, Trans.). Saint Petersburg: Piter, Progress kniga. (In Russian)
14. Andrejevic M. (2020). Automated Media. London; New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429274242> (In English)
15. Friedmann J. (1986). The World City Hypothesis. Development and Change, 17(1), 69–83. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.1986.tb00231.x> (In English)
16. Friedmann J., & Wolff G. (1982). World City Formation: An Agenda for Research and Action. International Journal of Urban and Regional Research, 6(3), 309–343. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.1982.tb00384.x> (In English)
17. Harvey D. (2008). The Right to the City. New Left Review, 53, 23–40. (In English)
18. Hodkinson S. (2012). The New Urban Enclosures. City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action, 16(5), 500–518. <https://doi.org/10.1080/13604813.2012.709403> (In English)

19. Kitchin R. (2014). The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences. Los Angeles; London: SAGE Publications. (In English)
20. Lefebvre H. (1991). Critique of Everyday Life. Vol. 1. London: Verso. (In English)
21. Leszczynski A. (2020). Digital Methods for Urban Research. Urban Geography, 41(8), 1030–1045. <https://doi.org/10.1080/02723638.2019.1677995> (In English)
22. Massey D. (2005). For Space. London: SAGE. (In English)
23. Mattern S. (2021). A City Is Not a Computer: Other Urban Intelligences. Princeton; Oxford: Princeton University Press. (In English)
24. Mauss M., & Durkheim, É. (2017). De quelques formes primitives de classification. Contribution à l'étude des représentations collectives. Paris: Presses Universitaires de France. <https://doi.org/10.3917/puf.mauss.2017.01> (In French)
25. Norberg-Schulz C. (1980). Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. London: Academy Editions. (In English)
26. Proshansky H.M., Fabian A.K., & Kaminoff R. (1983). Place-identity: Physical World Socialization of the Self. Journal of Environmental Psychology, 3(1), 57–83. [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(83\)80021-8](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(83)80021-8) (In English)
27. Shelton T., Zook M., & Wiig A. (2015). The 'Actually Existing Smart City'. Cambridge Journal of Regions, Economy and Society, 8(1), 13–25. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsu026> (In English)
28. Vanolo A. (2014). Smartmentality: The Smart City as Disciplinary Strategy. Urban Studies, 51(5), 883–898. <https://doi.org/10.1177/0042098013494427> (In English)
29. Wacquant L. (2023). Bourdieu in the City: Challenging Urban Theory. Cambridge: Polity Press. (In English)
30. Wacquant L. (2001). Durkheim and Bourdieu: The Common Plinth and Its Cracks. The Sociological Review, 49(1), 105–119. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.00246> (In English)

Поступила в редакцию 22.05.2025 г.

URBAN IDENTITY IN SOCIAL SPACE

D.R. Maistepanova, A.V. Gordeeva

The article deals with the analysis of the phenomenon of urban identity as a complex multi-layered process involving cognitive, affective, and behavioral components. The authors focus on the fact that the urban environment is not a neutral background, but acts as an active social agent of identity formation. The paper uses the concepts of social space by E. Durkheim, P. Bourdieu, as well as the theories of A. Lefebvre, D. Harvey, and modern representatives of the relational approach. The material is based on modern sociological and psychological studies of urban processes. The main results show that urban identity is formed at the intersection of local practices and global processes, including the digitalization of the urban environment. The article highlights the need to revise classical approaches, taking into account the influence of mediatization and algorithmic management on the identification structures of individuals and groups.

Keywords: urban identity, social space, urbanism, relational approach, digitalization, mediatization, globalization, identification, right to the city, cognitive maps, symbolic capital, algorithmic management.

Майстепанова Дарья Романовна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Аспирант кафедры общей психологии.
ORCID 0009-0002-9550-211X.
E-mail: khudokormovadaria@yandex.ru.

Гордеева Алла Валериановна.

Кандидат психологических наук, доцент.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Заведующий кафедрой общей психологии.
ORCID 0000-0003-1720-0466.
E-mail: a.valer@mail.ru.

Maistepanova Darya Romanovna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.
Postgraduate student at Department of General
Psychology.
ORCID 0009-0002-9550-211X.
E-mail: khudokormovadaria@yandex.ru.

Gordeeva Alla Valerianovna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.
Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.
Head of General Psychology Department.
ORCID 0000-0003-1720-0466.
E-mail: a.valer@mail.ru.

Обзорная статья

УДК 316.62

DOI: 10.5281/zenodo.15814492

БУЛЛИНГ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

© 2025 И.А. Ярмыш

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID 0009-0005-3679-6025

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье рассматривается проблема буллинга как социально-психологического феномена, которая в последние десятилетия приобрела особую актуальность. Приводятся ключевые определения буллинга, которые акцентируют внимание на его повторяющемся характере, умышленном причинении вреда и дисбалансе сил между участниками. Анализируются стадии развития буллинга и ролевые диспозиции, которые варьируются от агрессора и жертвы до наблюдателей и потенциальных посредников. Рассматривается феномен кибербуллинга как качественно новое явление, возникшее в результате развития цифровых технологий и социальных сетей. Подчеркивается, что буллинг оказывает негативное влияние на психологическое здоровье детей и взрослых, вызывая широкий спектр психоэмоциональных проблем. Исследования феномена буллинга демонстрируют его сложный характер, что требует комплексного подхода к решению проблемы и разработки эффективных стратегий превенции и интервенции.

Ключевые слова: буллинг, моббинг, кибербуллинг, буллинг-структура, агрессор, жертва, наблюдатель, превенция, интервенция.

Для цитирования: Ярмыш И.А. Буллинг как социально-психологический феномен / И.А. Ярмыш // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 229–238. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15814492>.

Введение. В последние десятилетия проблема буллинга в России приобрела особую значимость в связи с тем, что данное деструктивное социальное явление охватывает широкий спектр возрастных групп. Согласно актуальным исследованиям, около трети школьников сталкиваются с различными формами травли, что ставит Россию в один ряд с такими странами, как США и Великобритания, где также наблюдается распространенность буллинга, особенно в форме кибернасилия. Буллинг представляет собой серьезную социально-психологическую проблему, оказывающую негативное влияние на эмоциональное и психологическое здоровье детей и взрослых, что делает ее предметом пристального внимания не только в России, но и на глобальном уровне.

Исследования феномена буллинга (травли) демонстрируют его сложный и многогранный характер, требующий комплексного подхода к его изучению и предотвращению. Для эффективного противодействия травле необходимо учитывать не только правовые аспекты, но и социально-психологические механизмы, которые лежат в основе данного явления. Недостаток знаний и неопределенность в понимании природы, структуры и содержания феномена буллинга часто приводят к бездействию, что усугубляет ситуацию, с одной стороны, и требует разработки более эффективных стратегий, с другой.

Основная часть. Теоретический анализ проблемы буллинга свидетельствует о высоком интересе к ней среди исследователей в разных областях знаний, включая психологию, педагогику, философию, социологию, конфликтологию.

Буллинг (от английского *bullying* ‘запугивание’, ‘издевательство’, ‘травля’) – это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы. Основная цель буллинга заключается в том, чтобы вызвать у объекта травли страх, подчинить его себе. Существуют разновидности буллинга: моббинг, хейзинг. Для разработки эффективных стратегий профилактики необходимо провести их дифференциацию. Моббинг (англ. *mob* ‘толпа’) – это форма психологического насилия в виде массовой травли человека в коллективе. Хейзинг (англ. *hazing* – ‘злое подшучивание, дедовщина’) – неформальные ритуальные насильственные обряды, исполняемые при вступлении в определенную группу для дальнейшего поддержания иерархии в этой группе. В большей степени хейзинг характерен для закрытых (военизированных, спортивных, интернатных и др.) учреждений. Однако он также может наблюдаться в обычных образовательных организациях. Примерами хейзинга являются публичное унижение, выполнение унизительных заданий. Эти действия направлены на установление доминирования одной группы над другой и поддержание социальной иерархии.

Нельзя не согласиться с Е.Н. Ожиевой, что буллинг – довольно новое понятие в жизни современного человека. Из рабочего определения это слово преобразовалось в международный научный термин и содержит в себе ряд проблем: социальных, психологических, юридических и педагогических [7].

Особо следует выделить обзор современных исследований буллинга, проведенных Е.К. Лафицкой, в котором представлено несколько ключевых определений данного понятия, предложенных зарубежными учеными. В частности, Сьюзан П. Лимбер, Робин М. Ковальски определяют буллинг как акт умышленного причинения вреда другим через словесные оскорбления, физическое нападение или социальную изоляцию, повторяющиеся с течением времени. Кен Ригби акцентирует внимание на буллинге как неоднократном и систематическом злоупотреблении властью, направленном на причинение вреда или унижение жертвы. П.К. Смит рассматривает буллинг как форму преднамеренного агрессивного поведения, предполагающего дисбаланс сил и многократное повторение [7].

Важно отметить вклад и отечественных ученых в анализ содержания категории «буллинг». Так, А.И. Аверьянов трактует буллинг как особый вид насилия, в рамках которого один человек (или группа) систематически применяет физическое или моральное давление на более слабого, неспособного к эффективной защите [1].

О.Л. Глазман рассматривает буллинг как устойчивый стереотип взаимодействия в группе, при котором человек на протяжении длительного времени сталкивается с намеренным причинением ему вреда, дискомфорта со стороны другого человека или группы людей, обладающих большей властью (силой) [3].

С.В. Кривцова определяет буллинг как агрессию одних детей против других, характеризующуюся неравенством сил агрессора и жертвы и тенденцией к повторению [5].

Таким образом, анализ существующих дефиниций буллинга позволяет сделать вывод о многогранности и сложности данного феномена. При этом все исследования подчёркивают повторяющийся, преднамеренный и неуравновешенный характер действий одного человека или группы людей, а также способность причинять вред или страдания (физические, психологические) жертве такими действиями.

Психологи справедливо отмечают, что существует тонкая грань между ситуацией конфликта и травли. С.В. Кривцова указывает на два ключевых признака буллинга: неравенство сил между агрессором и жертвой, а также повторяющийся характер агрессии [5].

Д.Н. Соловьёв в своих исследованиях подчеркивает, что буллинг имеет структуру, схожую с конфликтом, но обладает специфическими чертами, которые отличают его от других форм конфликтного взаимодействия [11].

И.А. Панкратова отмечает, что природа буллинга отличается от природы обычного конфликта. В буллинге, на ее взгляд, речь идёт не о ситуативном противоречии, а об осознанном создании долговременного статуса «жертвы» и стремлении сохранить этот статус неизменным [10].

На основе вышеизложенного анализа, по нашему мнению, можно выделить ряд признаков, позволяющих дифференцировать конфликтные ситуации и буллинг, а именно:

- причина – в конфликте всегда есть предмет (причина) конфликта (это интересы, ценности, предметы и прочее); в случае буллинга «причиной» становится сам человек или его качества;
- субъектность сторон – в конфликте стороны сохраняют субъектность, тогда как в травле «жертва» объективизируется и со временем «овеществляется», что позволяет применять к ней действия, которые были бы недопустимы в отношении других лиц;
- решение участвовать в конфликте/травле – в конфликте стороны принимают решение сами (и могут не соглашаться на него); решение участвовать в травле принимает только обидчик (агрессор);
- баланс сил – в травле наблюдается явное неравенство сил/ресурсов сторон (социальных, физических, материальных и пр.); в конфликте силы относительно равны;
- роли – в травле есть три неравнозначные роли: «жертвы», «обидчика» и «наблюдателей»; в конфликте стороны равны, каждая отстаивает свою точку зрения, и их требования обычно равнозначны и понятны;
- продолжительность и повторяемость действия – конфликт длится недолго, это одномоментное действие, где стороны стараются урегулировать ситуацию как можно быстрее, в то время как буллинг характеризуется регулярным повторением;
- возможность разрешения – конфликт можно разрешить самостоятельно силами сторон; буллинг требует внешнего вмешательства для его прекращения.

Следует заметить, что существующие современные классификации буллинга (травли) базируются на многоаспектном подходе [2; 8]. В первую очередь, травля классифицируется по типу нападающих, что позволяет выделить несколько ключевых моделей. *Вертикальная модель* (боссинг) характеризуется агрессией, направленной «сверху вниз», и может исходить от взрослых или представителей администрации. Вертикальная модель «снизу вверх» предполагает, что жертвой становится руководитель, преподаватель или администратор, а агрессором выступает коллектив. *Горизонтальная модель* характеризуется тем, что агрессор и жертва находятся на одном уровне иерархии, будь то одноклассники или коллеги. *Сочетанная модель* представляет собой комбинацию агрессии со всех сторон, что значительно усложняет ситуацию и требует комплексного подхода к ее разрешению. Особое внимание заслуживает «*родительская модель*» буллинга (в школьной среде), где агрессия исходит либо от семьи в направлении школы, либо наоборот.

Во-вторых, буллинг можно классифицировать по причинам, побуждающим к агрессивному поведению. *Инаковость* является одной из наиболее распространённых причин, когда жертва подвергается травле из-за своих физических или

интеллектуальных особенностей (толстая или худая; умная или глупая; сильная или слабая; честная или подлая). *Садизм* представляет собой наиболее жестокую и опасную форму буллинга, при которой агрессор получает удовольствие от страданий своей жертвы. *Некомпетентность* или незнание могут привести к тому, что в коллективе не знают, что жертва сильно страдает, думают, что насилие в коллективе – это всем полезная норма. Буллинг, мотивируемый *стремлением к справедливости*, может быть использован как для маскировки истинных причин агрессии, так и для реализации заказа: показывают мишень, убеждают, что её важно наказать; насилие запущено и оплачивается деньгами или иными формами поощрения.

В-третьих, классификация буллинга по способу травли жертвы включает несколько типов, каждый из которых имеет свои уникальные характеристики и последствия. *Физический буллинг*, включающий толчки, удары, побои, порчу личных вещей жертвы; является наиболее очевидным и легко распознаваемым видом агрессии и одним из самых травматичных для жертвы. *Вербальный буллинг*, проявляющийся в насмешках, оскорблениях, угрозах, унижительных кличках, направлен на разрушение самооценки жертвы и ее социального статуса. *Социальный (или реляционный) буллинг* характеризуется изоляцией, намеренным игнорированием, распространением слухов, что приводит к нарушению социальных связей жертвы и формированию у неё чувства ненужности. *Кибербуллинг*, использующий современные цифровые технологии (социальные сети, мессенджеры, электронные письма и другие онлайн-платформы), может быть особенно жестоким, так как преследования происходят даже за пределами конфликтной среды, где жертва кибербуллинга может столкнуться с травлей в любое время и в любом месте при наличии доступа к интернету. *Сексуальный буллинг* – это комплекс поведенческих актов, направленных на нарушение личных границ без согласия субъекта, в форме унижения сексуального характера. *Материальный буллинг*, выраженный в вымогательстве, краже денег или ценных вещей, также представляет собой серьезную угрозу для благополучия жертвы. Этот вид агрессии, часто игнорируемый в исследованиях и практике, оказывает значительное негативное влияние на психоэмоциональное состояние индивида, его социальное функционирование и экономическое положение.

При этом добавим, что А.Н. Дахин дополнительно выделил пять основных разновидностей буллинга по разным критериям. По степени активности: пассивный и агрессивный. По возможным последствиям: виктимный и компенсаторный. По временным рамкам: постоянный и ситуативный. По сфере распространения: досуговый, аудиторный и информационно-коммуникативный (кибербуллинг). По адресной направленности: агрессия, направленная на детей из малообеспеченных семей, приезжих, новеньких, детей с ограниченными возможностями и способностями, одарённых детей [4].

В работах О.Л. Глазмана [3], А.А. Бочавер [2] виды буллинга представлены по критерию направленности: прямой вид буллинга – в виде активной агрессии, которая характеризуется активным физическим, психологическим или сексуальным воздействием на жертву; косвенный вид буллинга – выражается в пассивных формах воздействия, таких, как бойкот, игнорирование, намеренное распространение сплетен, клевета.

Важно отметить, что буллинг представляет собой не только многоаспектное, но и динамическое социальное явление, характеризующееся стадийностью развития. Он проходит через несколько этапов, каждый из которых обладает специфическими характеристиками и детерминантами.

Психологи выделяют в буллинге несколько стадий развития [12]. Первая стадия буллинга (инициация) – это зарождение группировки и кристаллизация лидерских структур. Наблюдается появление инициатора (лидера), стремящегося к утверждению своего доминирующего положения посредством применения физической силы и психологического давления на потенциальных жертв. Вокруг лидера формируется группа сверстников, мотивируемых стремлением к власти, социальной защите или идентификации с агрессором. Отсутствие своевременного эффективного вмешательства со стороны способствует укреплению этой группы и формированию у ее членов ощущения безнаказанности. Вторая стадия (эскалация) характеризуется усилением буллинга. Важную роль в этом процессе играет пассивная позиция окружения, а также равнодушное, индифферентное отношение со стороны сверстников жертвы. Насилие приобретает разнообразные психологические и физические формы воздействия, что приводит к подавлению сопротивления жертвы и состоянию ее психологического истощения. Третья стадия буллинга (дезадаптация) представляет собой этап полной дезадаптации жертвы. Окружение, привыкшее к буллингу, со временем начинает воспринимать жертву как источник проблем, что приводит к ее обвинению и стигматизации. В результате жертва на самом деле начинает верить в то, что виновата. Это усугубляет ее психическое состояние и снижает шансы на самостоятельную реинтеграцию в социальную среду. Четвертая стадия (кульминация) характеризуется процессом социальной изоляции и отчуждения жертвы. В условиях крайнего эмоционального истощения и страха перед повторной травлей жертва стремится минимизировать контакты, старается изолироваться от окружающих. Данный этап представляет собой кульминацию деструктивного воздействия буллинга на личность и требует незамедлительного вмешательства со стороны специалистов.

По мнению психологов, возраст, с которого начинают проявляться случаи буллинга в детских коллективах, может варьироваться, но обычно первые проявления можно наблюдать уже в начальной школе (возраст около 7–8 лет) и далее в подростковом возрасте. По данным исследований, вероятность буллинга обычно возрастает во время перехода от начальной школы к средней (11–14 лет). В этом возрасте дети сталкиваются с новыми социальными группами, иерархиями и изменениями в социальной динамике, что может создавать больше возможностей для конфликтов и негативного воздействия со стороны сверстников [9; 10].

Существенно то, что буллинг сам по себе не возникает в результате наличия потенциального агрессора или жертвы в коллективе. Буллинг является процессом, обусловленным средой. Как отмечает О.Л. Глазман, для того, чтобы лучше понять индивидуально психологические особенности участников буллинга, необходимо изучить, какие позиции они занимают в социальной среде и какие роли играют, то есть определить «буллинг-структуру» [2, с. 161].

«Буллинг-структуру» как социальную систему, предложенную Е. Роландом, расширил Д. Лэйн, подтвердив, что субъектами буллинга являются агрессор (преследователь), жертва (мишень), наблюдатели (свидетели) и дал углубленные личностные характеристики участников буллинг-структуры [6].

Каждая из этих ролевых позиций характеризуется особенностями, что позволяет идентифицировать их при комплексном анализе феномена буллинга. Участники данного деструктивного взаимодействия демонстрируют личностные и поведенческие паттерны, а также подвержены множеству сопряженных социальных рисков.

Остановимся более подробно на описании ролевых позиций субъектов буллинга. *Преследователи (буллер, обидчик, агрессор)* демонстрируют готовность к применению

насилия как средства самоутверждения и характеризуются высокой степенью импульсивности. Они склонны к фрустрации, с трудом подчиняются социальным нормам, проявляют грубость и отсутствие сострадания к жертвам, агрессивны по отношению к взрослым. Основными мотивами буллинга служат потребность во власти, удовлетворение от причинения вреда другим и вознаграждение – материальное (деньги, сигареты, другие вещи, отбираемые у жертвы) или психологическое (престиж, социальный статус и т.п.). Вероятные сопряженные риски: низкая академическая успеваемость и прогулы, драки, отчуждение, наличие внешнего локуса контроля; для них характерны позитивное отношение к себе и готовность к проявлению агрессии.

Типология агрессоров включает несколько категорий. *Нигилист* – это преимущественно мужской тип личности с логическим типом мышления. Его отличительная черта – патологическая безэмоциональность. Он склонен слышать только себя и считаться только с собственным мнением. Часто использует язвительные и унижительные прозвища в адрес других. *Компенсатор* – тип личности, компенсирующий недостаток знаний и академических способностей через проявление власти, грубости, использование лжи. Любит измываться над слабыми и беззащитными. Обладает долговременной памятью на обиды, всегда пытается взять реванш. Эффективная стратегия противодействия такому буллеру – завоевание поддержки коллектива, что снижает уровень агрессии. *Комбинатор* – жестокий тип личности с высоким уровнем интеллекта, который получает удовольствие от манипулирования другими. Цинично провоцирует конфликты одноклассников, сотрудников между собой, оставаясь при этом в нейтральной позиции.

В рамках данного анализа рассмотрим ключевые признаки, которые могут привести к повышенной уязвимости личности к буллингу и повлиять на формирование статуса *жертвы*. К ним относят: социальную замкнутость и низкую самооценку, эмоциональную гиперреактивность, социальную изоляцию, отсутствие социальной поддержки в целом и поддержки со стороны взрослых у детей. Вероятные сопряженные риски: ухудшение психического здоровья, тревожные расстройства, социальные неврозы, трудности в построении отношений, формирование неуверенности в себе, повышение риска вовлеченности в девиантное поведение (например, употребление психоактивных веществ), формирование моделей агрессивного защитного поведения в межличностных отношениях во взрослой жизни.

Наблюдатели (свидетели) представляют собой сложную многослойную группу участников, действия которых оказывают значительное влияние на динамику социального насилия. Проанализируем некоторые типы наблюдателей и мотивы их поведения. *Подстрекатели* – всегда находятся в непосредственной близости от агрессора, служат катализатором для эскалации агрессии, стремятся быть в центре внимания, используя травлю как средство демонстрации своей силы и влияния. *Одобрители* – не принимают непосредственного участия в агрессивных действиях, но выражают свое согласие с ними через смех, аплодисменты или кивки. Их мотивация заключается в стремлении сохранить свое положение в группе и избежать риска стать следующей мишенью. Одобрение со стороны группы является для них важным фактором социальной адаптации. *Пассивные наблюдатели* – занимают позицию невмешательства, не выражая ни поддержки, ни осуждения травли. Их поведение характеризуется избеганием прямого участия в конфликте, стремлением сохранить нейтралитет и избежать возможных негативных последствий для себя. Пассивные наблюдатели часто испытывают страх перед возможным вовлечением в травлю, что приводит их к уклонению от участия в ситуации. *Защитники* – представляют собой

группу лиц, активно стремящихся прекратить травлю и поддержать жертву. Их действия могут включать словесную поддержку, обращение к взрослым или прямое вмешательство в конфликт. Защитники руководствуются принципами справедливости и стремятся предотвратить дальнейшее насилие. Однако их поведение также может быть обусловлено страхом перед возможными негативными последствиями для себя, что ограничивает их способность эффективно противостоять травле. *Сторонники жертвы* – выражают свою поддержку жертве через сочувствие и понимание. Они готовы выслушать жертву, оказать ей моральную поддержку и помочь справиться с последствиями травли. Однако сторонники жертвы не склонны к открытому противостоянию агрессору, опасаясь быть отвергнутыми группой или стать объектами агрессии. Их поведение свидетельствует о наличии эмпатии и готовности поддержать жертву, но они ограничены в возможностях активного противодействия травле. *Меняющиеся роли* – представляют собой группу лиц, поведение которых характеризуется непостоянством и зависимостью от текущей ситуации. Их действия направлены на сохранение собственной безопасности и поиск выгодного положения в группе. Эти лица демонстрируют гибкость и адаптивность, однако их поведение не способствует устойчивому прекращению травли.

Вероятные сопряженные риски, обусловленные ролью наблюдателя: эмоциональное выгорание и стресс, чувство беспомощности и вины, снижение качества жизни, сложности в межличностных отношениях, снижение продуктивности и мотивации, психологические проблемы.

Обратим внимание, что одной из ключевых особенностей современного феномена буллинга является его трансформация в кибербуллинг, который представляет собой качественно новое явление, обусловленное развитием цифровых технологий и социальных сетей. Кибербуллинг – это систематическое и целенаправленное негативное воздействие на личность в цифровой среде, результатом которого является причинение психологического вреда, введение в состояние депрессии и социальной изоляции.

Кибербуллинг характеризуется рядом специфических признаков, отличающих его от традиционных форм травли. Во-первых, он обладает высокой степенью анонимности агрессора, что позволяет ему безнаказанно осуществлять негативные действия, не опасаясь идентификации. Во-вторых, кибербуллинг обладает широким охватом потенциальных жертв, так как он распространяется в виртуальном пространстве, доступном для миллионов пользователей.

В то же время и сам кибербуллинг обладает рядом специфических характеристик. Во-первых, действия агрессора являются преднамеренными и регулярными, что усиливает их негативное воздействие на жертву. Во-вторых, существует значительное неравенство сил в пользу агрессора, обусловленное анонимностью и технологическими возможностями. В-третьих, процесс кибербуллинга часто носит групповой характер, где четко распределены роли: агрессор, жертва, хамелеоны (лица, поддерживающие агрессора), наблюдатели и пассивные участники. Кроме того, кибербуллинг не прекращается сам по себе и требует вмешательства со стороны третьих лиц или институций.

Особенностью также является то, что онлайн-пространство предоставляет агрессорам широкий спектр инструментов для осуществления травли. Согласно проведенным исследованиям, данный вид агрессии включает в себя различные формы деструктивного поведения. Так, к наиболее распространенным формам кибербуллинга относят *изоляция* жертвы путем удаления ее из друзей и исключения из групповых чатов и сообществ, а также распространение оскорбительной информации среди близких и

знакомых. Практикуется создание фейковых аккаунтов жертвы, похищение паролей и публикация негативной информации от ее имени.

Одной из эмоционально насыщенных форм кибербуллинга является *флейминг* (англ. flaming – воспламенение), который начинается с оскорблений и перерастает в быстрый обмен эмоционально окрашенными репликами, как правило, в публичной форме. Однонаправленная форма флейминга – *харассмент* (англ. harassment – притеснение), представляющий собой повторяющиеся действия или сообщения, адресованные конкретному человеку, которые вызывают у жертвы чувство тревоги, стресса и морального угнетения. Киберхарассмент часто сопровождается страхом идентификации агрессора и невозможностью ответить на оскорбления. Специфическую форму харассмента осуществляют так называемые *гриферы* – недобросовестные игроки в многопользовательских онлайн-играх, целенаправленно преследующие других участников с целью разрушения их игрового опыта. Гриферы используют брань, блокировку игровых зон и мошеннические действия, что напоминает поведение детей, разрушающих песочные куличики младших.

Еще одной формой кибербуллинга является *троллинг*, как социальная провокация в виде публикации негативной информации с ироничными комментариями на веб-сайтах и страницах социальных сетей с целью обострения негативной эмоциональной реакции, конфликтов. *Киберсталкинг* – близкая по смыслу, но более агрессивная форма преследования, осуществляемая с помощью электронных коммуникаций. Жертва подвергается повторяющимся оскорблениям и сообщениям, содержащим угрозы как для нее самой, так и для членов семьи.

Секстинг (sexting от англ. *sex* – ‘секс’ и *text* – ‘текст’) также представляет собой форму кибербуллинга, включающую в себя процесс рассылки или публикации личных фото- и видеоматериалов интимного содержания.

Последствия кибербуллинга для жертвы могут быть крайне серьезными и многогранными, включая депрессию, тревожные расстройства, низкую самооценку, нарушение пищевого поведения, химические и нехимические зависимости, импульсивность, агрессивность, социальную изоляцию, отказ от посещения образовательных учреждений, самоповреждение и суицидальные мысли, вплоть до реализации суицидальных намерений.

Заключение. Таким образом, в связи с широким распространением буллинга возникает необходимость углубленного осмысления данного явления, поиска способов коррекции и, главное, – его профилактики. Феномен буллинга представляет собой сложное социально-психологическое явление, требующее комплексного междисциплинарного подхода к его изучению и анализу. Проблема буллинга осложняется тем, что данный феномен зачастую носит латентный характер и характеризуется систематической повторяемостью, что существенно осложняет работу специалистов и предъявляет повышенные требования к их квалификации и профессиональной подготовке. Анализ стадий развития буллинга позволил выделить несколько ключевых этапов: инициация, эскалация, кульминация. На каждом из этих этапов участники процесса занимают определенные ролевые диспозиции – агрессора, жертвы, наблюдателя. Детальный анализ признаков, характерных для агрессоров, жертв буллинга, а также ролей, выполняемых наблюдателями, позволяет глубже понять механизмы формирования и поддержки травли. В рамках данного подхода необходимо учитывать как индивидуальные, так и социальные контексты, в которых данное явление проявляется. Учет этих факторов является важным шагом на пути к разработке эффективных стратегий профилактики и интервенции. Комплексный анализ феномена

буллинга и разработка многоуровневых стратегий профилактики и коррекции представляет собой приоритетные задачи современной психологии. Интеграция научных знаний и практического опыта может обеспечить эффективное противодействие данному деструктивному социально-психологическому явлению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов А.И. Буллинг как вызов современной школе / А.И. Аверьянов // Педагогика, психология и социология. – 2013. – № 18. – С. 45–50.
2. Бочавер А.А. Буллинг как объект исследований и культурный феномен / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Психология. – 2013. – № 3. – С. 149–159.
3. Глазман О.Л. Психологические особенности участников буллинга / О.Л. Глазман // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – 2009. – №105. – С. 159–165.
4. Дахин А.Н. Буллинг в школе и не только/ А.Н. Дахин // Сибирский педагогический журнал. – 2015. – № 6. – С. 208–214.
5. Кривцова С.В. Буллинг в школе VS сплоченность равнодушных / С.В. Кривцова. – М.: ФИРО. – 2011. – 94 с.
6. Лэйн Д.А. Детская и подростковая психотерапия / Школьная травля (буллинг) / Д.А. Лэйн – СПб.: Питер – 2001. – 448 с.
7. Лафитская Е.К. Обзор современных отечественных и зарубежных исследований буллинга в подростковой среде (за последние 10 лет) [Электронный ресурс] / Е.К. Лафитская // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2023 – Выпуск 6 – Режим доступа: <https://herzenpsyconf.ru/wp-content/uploads/2023/12/36-lafitskaya.pdf> (дата обращения: 08.05.2025).
8. Мерцалова Т.А. Насилие в школе: что противопоставить жестокости и агрессии? / Т.А. Мерцалова // Директор школы – 2000. – №3. – С. 25–32.
9. Методические рекомендации по предотвращению буллинга в школьных коллективах (для классных руководителей) / авт.-сост. О.А. Драганова, Я.В. Пономарева, Т.Н. Давыдова. – Липецк: Г(О)БУ Центр «Семья», 2022. – 40 с.
10. Панкратова И.А. Проблема буллинга и конфликтного поведения в подростковом возрасте [Электронный ресурс] / И.А. Панкратова // Наука и школа. – 2021. – № 4. – С. 232–242.
11. Соловьёв Д.Н. Модель профилактики буллинга среди школьников подросткового возраста/Д.Н. Соловьёв // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2014. – № 3 (22). – 121PVN3141.
12. Tattum D.P., Lane D.A. Bullying in Schools/ D.P. Tattum, D.A. Lane – Stoke-on-Trent: Trentham Books association with the Professional Development Foundation, 1988 – 177 p.

REFERENCES

1. Averyanov, A.I. (2013). Bullying as a challenge to the modern school. Pedagogy, psychology and sociology, (18), 45–50. (In Russian)
2. Bochaver, A.A., & Khlomov, K.D. (2013). Bullying as an object of research and a cultural phenomenon [Electronic resource]. Psychology, (3), 149–159. (In Russian)
3. Glazman, O.L. (2009). Psychological characteristics of bullying participants. Bulletin of the A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia, (105), 159–165. (In Russian)
4. Dakhin, A.N. (2015). Bullying at school and beyond. Siberian pedagogical journal, (6), 208–214. (In Russian)
5. Krivtsova, S.V. (2011). Bullying at school vs. the cohesion of caring people. Moscow: FIRO. (In Russian)
6. Lane, D.A. (2001). Child and adolescent psychotherapy / School bullying. [Translated from English]. Saint Petersburg: Piter
7. Lafitskaya, E.K. (2023). Review of modern domestic and foreign studies of bullying among adolescents (over the past 10 years) [Electronic resource]. Herzen Readings: Psychological Research in Education, (6). <https://herzenpsyconf.ru/wp-content/uploads/2023/12/36-lafitskaya.pdf> (In Russian)
8. Mertsalova, T.A. (2000). Violence at school: what to oppose to cruelty and aggression? School Director, (3), 25–32. (In Russian)
9. Draganova, O.A., Ponomareva, Ya.V., & Davydova, T.N. (2022). Guidelines for the Prevention of Bullying in School Groups (for class teachers). Lipetsk: State (O) Budgetary Institution Center "SemYa". (In Russian)
10. Pankratova, I.A. (2021). The Problem of Bullying and Conflict Behavior in Adolescence [Electronic Resource]. Science and School, (4), 232–242. (In Russian)

11. Soloviev, D.N. (2014). A Model for the Prevention of Bullying Among Adolescent Schoolchildren. Internet Journal "Science Studies", (3[22]), 121PVN3141. (In Russian)
12. Tattum, D.P., & Lane, D.A. (1988). Bullying in Schools. Stoke-on-Trent: Trentham Books in Association with the Professional Development Foundation. (In English)

Поступила в редакцию 14.05.2025 г.

BULLYING AS SOCIO-PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

Yarmys I.A.

The article deals with the problem of bullying as a socio-psychological phenomenon that has become particularly relevant in recent decades. Key definitions of bullying are provided, with the focus being made on its repetitive nature, intentional harm, and power imbalance between participants. The stages of bullying development and role dispositions, which vary from aggressor and victim to observers and potential mediators, are analyzed. The phenomenon of cyberbullying is considered as a qualitatively new phenomenon that has arisen as a result of the development of digital technologies and social networks. It is emphasized that bullying has a negative impact on the psychological health of children and adults, causing a wide range of psychoemotional problems. The insight into the phenomenon of bullying demonstrates its complex nature, which requires an integrated approach to solving the problem and developing effective prevention and intervention strategies.

Key words: bullying, mobbing, cyberbullying, bullying structure, aggressor, victim, observer, prevention, intervention.

Ярмыш Ирина Александровна.

Кандидат психологических наук, доцент.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Доцент кафедры общей психологии.

ORCID 0009-0005-3679-6025.

E-mail: yarmyshia@mail.ru.

Yarmys Irina Alexandrovna.

Candidate of Psychology, Associate Professor.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Associate Professor at Department of General
Psychology.

ORCID 0009-0005-3679-6025.

E-mail: yarmyshia@mail.ru.

Обзорная статья

УДК 159.9

DOI: 10.5281/zenodo.15814649

ПСИХОЛОГИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2025 Е.В. Чуканов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»

ORCID: 0009-0003-0237-767X

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Современный мир характеризуется постоянными изменениями, ускорением ритма жизни и увеличением объемов информации, что создает условия глобальной неопределенности. Это явление оказывает значительное влияние на сознание и поведение, формируя различные подходы к восприятию неопределенности – от принятия до активного сопротивления. Исторически философия обращается к данной проблематике начиная с античности, исследуя её в контексте поиска первоначала. В работах философов средневековья неопределенность является субъективной чертой. В течение двадцатого века неопределенность начинает изучаться не только в философии и религии, но и в естественных науках. Параллельно развивается теоретико-информационная концепция, предлагающая методы количественной оценки неопределенности. Психология второй половины XX века акцентирует внимание на восприятии неопределенности человеком, выделяя ее роль в формировании самооценки, мотивации и принятии решений. Современные исследователи рассматривают неопределенность как фактор, влияющий на здоровье и благополучие личности. Признается важность культурных норм и социальных структур в снижении тревоги, связанной с неопределенностью.

Ключевые слова: неопределенность, принятие решений, тревожность, социальная неопределенность, социальные трансформации, транзитивность, социальное познание, саморегуляция, эвристики.

Для цитирования: Чуканов Е.В. Психология неопределенности: истоки и современность / Е.В. Чуканов // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2025. – № 4. – С. 239–249. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.15814649>.

Постоянные изменения в различных областях жизни, ускорение ритма жизни и увеличение объема информации создают глобальную неопределенность, к которой формируется определенное отношение. Одни принимают ее, другие видят в ней угрозу. Отношение к неопределенности регулирует поведение человека в подобных ситуациях. Новизна и постоянные перемены требуют от человека наличия качеств и свойств, позволяющих совладать с трудностями, связанными с неопределенностью. Понимание ключевых аспектов проблемы неопределенности помогает определить базовые направления работы, способных эффективно действовать в современных условиях, в которых усложняется психологическая составляющая жизни человека.

Целью статьи является анализ феномена неопределенности в психологии. Предпринята попытка определить основные характеристики неопределенности, выявить условия и последствия её проявления, а также представить возможные пути снижения негативного воздействия неопределенности на деятельность и психологическое благополучие человека.

В античной философии проблема неопределенности рассматривается с позиций поиска первоначала (Анаксимандр, Аристотель, Платон). Анаксимандр утверждал, что первоначалом не является ни одна известная стихия, соответственно необходимо

сфокусировать внимание на поиске общего первоначала. По его словам, первоначалом не может быть конкретная сущность, а нечто неопределенное и бесконечное обозначенное им как апейрон. Апейрон характеризуется качественной неопределенностью, отсутствием конкретных свойств применительно к конкретным состояниям [2]. Неопределенность апейрона подчеркивает сложность и многогранность реальности, а также необходимость принятия неопределенности как важной части человеческого опыта и познания.

Дихотомическое взаимодействие определенности и неопределенности можно проследить в работах Платона. По его мнению, идеальный мир является миром определенности, а материальный – неопределенности. Материальный мир изменчив, однако эта изменчивость не является данностью, а результат идеального существования вещей. Неопределенность в философии Платона связана с различием изменчивого чувственного мира и неизменного мира идей [19].

Аристотель категорию неопределенности рассматривает в контексте категорий возможности и действительности. Неопределенность потенциального бытия заключается в возникновении широкого спектра возможностей, любая из которых может преобразоваться. Неопределенность связана с ограничениями человеческого познания, изменчивостью акциденций и динамикой потенциального и актуального [1].

В работах философов средневековья неопределенность является субъективной чертой, благодаря которой возможно признание наличия внутренних, экзистенциальных мотивов поведения [21].

До начала XX века прикладная научная мысль стремилась игнорировать любые аспекты неопределенности, исключая их из поля научных исследований. Неопределенность рассматривалась либо в контексте божественного, либо как нечто еще непонятное и неизученное. В течение двадцатого века неопределенность начинает изучаться не только в философии и религии, но и в естественных науках. В 1927 году В. Гейзенберг формулирует принцип неопределенности в квантовой физике, а в 1930 – К. Гёдель формулирует теорему, согласно которой неопределенность существует в математике [5; 18].

Способы количественной оценки неопределенности раскрыты в теории информации, что позволяет изучать ее точными математическими методами, а не на основе интуитивных представлений. Философский анализ неопределенности позволяет ее рассмотреть в рамках нескольких подходов. Теоретико-информационный подход рассматривает неопределенность как количественную характеристику, которая присуща любой системе. Методологический подход при анализе неопределенности опирается не только на количественные показатели, но и на качественные. Эпистемологический подход выделяет неопределенность как свойство объекта познания и знания.

Л.Н. Курчиков выделяет три этапа в разработке проблемы неопределенности. На первом этапе неопределенность рассматривается как негативное явление, которое необходимо ликвидировать. Негативизм вызван направленностью на жесткую детерминацию объекта познания. На втором этапе происходит переход от абстрактного познания объекта к конкретному. Объект познания рассматривается как сложная и открытая система, для которой характерно наличие множества внутренних и внешних связей. Распространенность кибернетических методов позволяет выделить третий этап. Бытие характеризуется множеством вероятностей, каждая из которых может превратиться в актуальное бытие [11].

В контексте принятия решений в условиях неопределенности следует обратиться к работам Д. Канемана и А. Тверски. В основе их концепции лежит понятие эвристик. Эвристики – стратегии оценки условий в ситуации неопределенности. Выделяется

несколько типов эвристик: репрезентативная, доступная, корректирующая. В условиях неопределенности человек опирается на эвристики, которые могут приводить к положительному либо ложному результату. Выделяется несколько типов неопределенности: внутренняя и внешняя. Внутренняя неопределенность носит интроспективный характер, суждения выносятся с опорой на предыдущий опыт или в процессе внутреннего диалога. При оценке неопределенности наблюдается временная зависимость, так, события прошлого ассоциируются с собственной неосведомленностью, а будущего – со сложностью и непредсказуемостью системы [7].

Развитие экзистенциальной философии, социальные трансформации и конфликты XX века способствовали развитию экзистенциальной психологии, в которой неопределенность становится одной из центральных категорий. В экзистенциальной психологии неопределенность воспринимается как важный элемент человеческого существования и психического благополучия. Так, неопределенность рассматривается как неотъемлемая характеристика человеческого бытия (Э. Фромм), свободы человека (В. Франкл, А. Лэнгле), жизненных сфер личности (И. Ялом), атрибут тревожности (Р. Мэй).

Согласно психологам экзистенциального направления, любой жизненный опыт отражает присутствие неопределённости как неизбежной составляющей человеческого существования. Э. Фромм рассматривает человека не просто с точки зрения биологического или социального существования, а как результат творческого акта, который способствует выходу за пределы природных ограничений. Ежедневно человек осуществляет выбор между регрессом и прогрессом собственного развития. Жизненная задача личности – сознательно выстраивать собственный жизненный путь и направленность движения [24].

В. Франкл связывает неопределённость с фундаментальным качеством человека – свободой, предоставляющей ему возможность выбора позиции в отношении любых обстоятельств. Человек способен не только выбирать свою идентичность, но и превосходить себя, осознавая риск спонтанных действий и столкновений с неопределенностью будущих последствий собственных действий [22].

Экзистенциальная неопределенность – центральная тема экзистенциальной психотерапии И. Ялома, которая фокусирует свое внимание на том, как человек противостоит сферам жизни, которые вызывают тревогу: смерть, бессмысленность и изоляция. На основе исследований, проведенных с терминальными пациентами в условиях хосписа, было отмечено, что экзистенциальная неопределенность в отношении смерти неоднозначна: печаль по поводу ухода из жизни, избегание мыслей о смерти, реконструкция представлений о загробной жизни, сосредоточение на жизни в настоящем моменте. И. Ялом рассматривает неопределенность в определенных сферах жизни: одиночество, свобода и ответственность, отсутствие заранее заданного смысла жизни и боязнь смерти. Отдельно стоит страх смерти, представляющий собой точку, предсказуемую по сути, но неопределённую по времени и обстоятельствам: никто не знает, когда именно наступит конец [27].

Как указывает Д.А. Леонтьев, потребность человека в определенности преобладает над потребностью в истине. Таким образом, неопределенность становится неотъемлемым и доминирующим атрибутом в жизни человека. Несмотря на активное изучение неопределенности, до сих пор существует проблема терминологической неоднозначности [14].

Т.В. Корнилова в своих исследованиях разрабатывает принцип неопределенности, как того, на основе чего формируется понимание человеком своего места в мире. Сущность бытия человека заключается в постоянном преодолении неопределенности, поиске вариативных реакций в неповторимых условиях. Принцип неопределенности

лежит в основе понимания объективности психологического знания. Процессы саморегуляции связаны с принятием неопределенности. Принятие решений в условиях неопределенности является произвольным выбором, осуществляемым с учетом существующих множественных выборов и критериев оценки. Акцентируется внимание на неопределенности саморегуляции интеллектуальных стратегий в реализации познавательной деятельности. Неопределенность определяется как расхождение и противоречие актуальных психических образований субъекта [9; 10].

Е.П. Белинская под неопределенностью подразумевает сочетание объективных особенностей социальной динамики и ее субъективное переживание. Потеря субъектности в ситуациях социальных трансформаций актуализирует проблему личностного выбора, поиска вектора оптимального функционирования. Среди признаков, которые присущи неопределенности, выделяются следующие: дефицитарность информации, невозможность субъективного контроля, новизна, а также сложность поступающей информации. Переживание неопределенности происходит на трех уровнях. На когнитивном уровне осуществляется уточнение признаков неопределенности. На эмоциональном уровне возникают полярные эмоциональные переживания интереса и страха. На поведенческом уровне личность проявляет активность, направленную на преодоление трудностей, либо реагирует пассивно [3]. Т.В. Черноусова дополнительно выделяет мотивационный компонент, который представлен системой побудительных тенденций [26].

В современных зарубежных исследованиях акцентируется внимание на отражении объективной неопределенности в субъективном плане. Согласно исследованиям, неопределенность порождается рядом факторов: прогнозированием вероятности возникновения события, ожиданием события, дефицитом информации [28; 29].

С точки зрения современных исследований в области нейробиологии, неопределенность и предвосхищение являются ведущими факторами в переживании тревоги.

Ожидание наступления негативных событий – когда неясно, произойдет ли, когда и как произойдет – способствует возникновению тревожного состояния и задействует определенные нейронные связи. Ожидание как определенных, так и неопределенных угроз активирует перекрывающиеся нейронные сети, включая лобно-кортикальные области, расширенную миндалину и периаквадуктальное серое вещество. Стоит отметить, что лобно-кортикальные области более активны во время ожидания неопределенной угрозы, в то время как расширенная миндалина более чувствительна к угрозам, которые идентифицируются. Ядро ложа терминальной полоски и дорсальная поверхность амигдалоидной области одинаково реагируют на оба типа ожидания угрозы. Правый островок последовательно активируется в условиях различных типов неопределенности (риск, неопределенность, ожидание угрозы), служа точкой интеграции информации, при анализе состояний неопределенности.

Выявлено, что повышенный уровень тревожности связан с активацией таламуса, средней височной извилины и дорсомедиальной префронтальной коры, а также с измененной связью между такими областями, как миндалевидное тело, префронтальная кора и островковой доли, в ситуации ожидания неопределенной угрозы

Люди с более высоким уровнем толерантности к неопределенности демонстрируют более выраженную физиологическую реакцию на неопределенность, однако, не все показатели тревожности коррелируют с физиологическими реакциями.

Опираясь на модель тревожности, основанной на неопределенности и ожиданиях (UAMA), исследователи полагают, что неопределенность отражается в изменениях определенных процессов:

- 1) изменения в представлениях об ожидаемой ценности, сложности в прогнозировании вероятности возникновения ошибок;
- 2) возникновение сверхбдительности, внимание концентрируется на вероятных угрозах;
- 3) изменения в представлениях о безопасности, снижение навыков саморегуляции в условиях безопасной среды;
- 4) избегание травмирующих ситуаций на когнитивном, а также поведенческом уровнях;
- 5) повышение физиологической и поведенческой реактивности в условиях неопределенности [28].

Концепция энтропии, которая широко используется в термодинамике и теории информации взята за основу в энтропийной модели неопределенности, которая стремится обосновать каким образом происходит переживание неопределенности, а также выделить механизмы совладания с ней. В данной модели психические процессы рассматриваются в контексте самоорганизующихся систем и управления информацией.

Неопределенность рассматривается как фундаментальный вызов для человека, побуждающий поддерживать ее на приемлемом уровне для эффективного функционирования. Источником неопределенности является конфликт между восприятием и поведением, которые находятся в конкурирующих отношениях, что в дальнейшем приводит к дезорганизации психической деятельности или «энтропии».

Согласно энтропийной модели неопределенности (EMU), неопределенность возникает в ситуациях нарушения жизненных планов, при несформированности когнитивных и поведенческих реакций. Таким образом, неопределенность понимается как фактор интенсивного эмоционального воздействия, связанный с удовлетворением базовых потребностей. Отсутствие альтернативных вариантов достижения целей приводит к росту энтропии. В связи с тем, что восприятие окружающей среды опосредовано субъективным опытом – внезапные изменения в окружающей среде нарушают привычные паттерны поведения. Снижению ощущения неопределенности способствует сформированная система убеждений личности, а также конкретность и определенность целей [29].

Неопределенность может также описываться как негативное чувство, возникающее в ситуации неуверенности личности в своих взглядах на жизнь и на самого себя. Неопределенность препятствует процессу «осмысления жизни», вызывая при этом отрицательные эмоции, которые побуждают к совладанию с ней. В качестве агентов, способствующих совладанию, могут выступать культурные нормы и ценности [32].

Т.А. Хагуров рассматривает взаимодействие личностной и ситуативной неопределенности. Внутренняя неуверенность и высокий уровень тревожности, характерные для личностной неопределенности, проявляются в сложности выбора поведенческих стратегий в ситуации неопределенности. В связи с этим, человек прибегает к деструктивному подражанию [25].

Чувство неуверенности в себе побуждает человека отождествлять себя с социальными группами, которые позволяют сформировать четкую идентичность.

Социальные, политические или личностные трансформации, могут приводить к кризису идентичности, при которых человек переживает неуверенность в том, кто он. С целью минимизации негативных переживаний, индивид направлен на поиск группы,

которая обеспечит ему чувство принадлежности. Этот процесс доминирует в группах с высокой степенью самоорганизации, которые сплочены и имеют четко определенные границы и нормы, что делает их особенно привлекательными в условиях неопределенности. Неуверенность в себе усиливает групповую идентификацию, особенно, когда групповая идентичность отличается от других типов идентичности.

Неопределенность может способствовать включению человека в экстремистские или радикальные группы, поскольку они обеспечивают становление идентичности, иногда способствуя фанатизму, экстремизму.

Переживая неопределенность, субъект может испытывать неуверенность в собственных представлениях, установках, ценностях, чувствах. Отмечается двойственность влияния неопределенности на деятельность, которое может носить стенический и астенический характер. Снижению переживания неопределенности способствует социальная категоризация, в основе которой лежит механизм прототипизации. Ингрупповые и межгрупповые прототипы позволяют прогнозировать поведение других, что снижает переживание неопределенности за счет согласованности поведения и субъективного восприятия. Длительный характер неопределенности усиливает мотивацию к ее снижению путем присоединения к группам с высокой степенью самостоятельности и четкой системой прототипов [30].

Как указывает Ю.А. Клейберг, неопределенность является предпосылкой девиантного поведения. Происходит изменение образа жизни представителей групп социального риска, для которых характерно наличие определенных законов и традиций. Однако неопределенность может потенцировать конструктивную активность, которая способствует повышению адаптации человека. Ценностно-нормативная система в процессе онтогенеза индивидуализируется, при этом соотносясь с ценностно-нормативными системами других. Динамичность процесса развития личности актуализирует самопознание и самореализацию, что позволяет преодолевать ситуации неопределенности на уровне нравственных и ценностных ориентиров [8].

Согласно результатам проведенного метаанализа на основании 3931 статьи, А. Массатца установил, что в 79 % исследований была выявлена взаимосвязь между неопределенностью и ухудшением состояния здоровья. В 15 % исследований выводы носят неоднозначный характер и лишь в 6 % – неопределенность положительно взаимосвязана со здоровьем. Была выявлена положительная взаимосвязь между неопределенностью и факторами, приводящими к нарушению психологического благополучия (стресс, тревожность, депрессия) в различных социальных группах. В большинстве исследований указывается, что высокий уровень неопределенности взаимосвязан с ухудшением психологического благополучия. Толерантность к неопределенности является предиктором психологического стресса, особенно в кризисные периоды, например пандемия COVID-19. В определенных возрастных группах (пожилые люди с запущенными формами рака, молодые люди, сталкивающиеся с социальными потрясениями) переживание неопределенности связано с тревожностью, депрессией и снижением качества жизни. Переживание неопределенности в раннем возрасте повышает риск нарушения психического здоровья в подростковом и взрослом возрасте [31].

В исследовании Т.П. Бутенко выделяется ряд источников субъективной неопределенности жизненных ситуаций. К ним относятся: обстоятельства, которые рассматриваются как независимые от личности; обстоятельства, связанные с действиями других людей, которые помогают либо мешают действиям субъекта; внутренние субъективные факторы [4].

В работах Т.П. Кандыбович и Т.В. Разиной неопределенность разделяется по средовому признаку: физическому и социально-психологическому. Неопределенность физической среды негативно воздействует на сенсорную и когнитивную систему. Влияя на каналы восприятия информации, она вызывает трудности когнитивной переработки. Возникновение когнитивного диссонанса является следствием воздействия неопределенности в информации, при котором затруднено решение задач. В условиях неопределенности социально-психологической среды субъект не может относиться к ней как к объекту изучения, так как становится сам субъектом неопределенности. Социально-психологическая неопределенность возникает в ситуациях несбалансированного взаимодействия членов социальных институтов и вызывается факторами комплексного характера, в основе которых лежат социально-психологические механизмы. Отмечается закономерность: толерантность к неопределенности физической среды не предполагает таковую к социально-психологической неопределенности и наоборот [6]. В ситуациях неопределенности индивид может прибегать к следующим поведенческим стратегиям: снижение неопределенности путем поиска дополнительной информации; игнорирование неопределенности; минимизация последствий неопределенности за счет проявления активности.

Отражение действительности в ситуациях неопределенности происходит на смысловом уровне. В ситуациях смысловой незаданности происходит поиск соответствия внешнего объекта и внутренней реальности субъекта. Среди стратегий смыслового отражения выделяются следующие: эмоционально-оценочная, образно-метафорическая, ассоциативно-логическая и когнитивно-смысловая. На основе социального опыта формируются личностные диспозиции, которые влияют на выбор стратегии отражения [13].

«Образ мира» может выступать регулятором в ситуациях неопределенности. Контроль неопределенности со стороны «образа мира» снижает ощущение хаоса для личности, а сама личность становится актором действий [20].

Происходящие социальные изменения, вариативность социальных представлений, неопределенность норм и ценностей позволяют охарактеризовать современную эпоху как эпоху транзитивности. Социальный мир может существовать одновременно в нескольких вариантах, которые изменяются в непредвиденном направлении и с неизвестным содержанием. Расширение пространства социализации может приводить к изменчивости и неопределенности микро- и макросоциальных пространств. Неопределенность социального пространства необходимо раскрывать в объективном и субъективном ракурсах. В объективном плане можно рассматривать транзитивность как сложный и неопределенный процесс. Субъективный – раскрывается через систему отношений личности. Индивидуальное переживание неопределенности связано с тревогой, которая вызвана неспособностью сформировать адекватный ситуации образ будущего. Исходя из этого, человек может занимать агрессивно-оборонительную позицию по отношению к новому и неизвестному [16].

Можно выделить два вида транзитивности – жесткая и текучая. Жесткая, кризисная транзитивность вызывается шоковой ситуацией, которая переживается как временная. С течением времени эмоциональный дискомфорт минимизируется, возникает надежда, что со временем ситуация изменится в благоприятную сторону, хаос сменится стабильностью. Текучая транзитивность возникает при длительных социокультурных изменениях. Субъективно изменения воспринимаются как неотвратимые. Обостряется

стремление к поиску стабильности, которое обретается в повседневности, семье, референтной группе [15].

Под социальной неопределенностью понимается состояние членов социальной группы, которые препятствуют поиску рациональных альтернатив в повседневной деятельности, направленной на выбор определенного объекта либо способа действий. Неопределенность влияет на коммуникативные процессы в группе, что осложняет эффективность соответствия ролевым ожиданиям, затрудняется процесс социального взаимодействия.

Субъективная значимость состояния неопределенности придает направленность активности по ее снижению. Анализ ситуации с позиций веры, знаний, агрессии позволяет снизить неопределенность. Однако, неопределенность перманентно сохраняется в связи с тем, что полное ее снятие противоречит потребностям ролевого взаимодействия.

В сфере межличностных отношений можно выделить несколько форм неопределенности.

1. Культурная неопределенность проявляется в противоречивости, несовместимости ценностей и норм больших социальных групп. Культура является линией разграничения между участниками культурного взаимодействия. Для больших социальных групп характерно формирование уникальной системы ценностей и норм, на основе которых выстраивается коммуникативный процесс между ними.

2. Ролевая неопределенность возникает при несоответствии реального поведения членов группы и ролевых ожиданий.

3. Политическая неопределенность формируется в условиях политической неоднозначности, в контексте обозначения позиций в системе «зависимость – власть» в межличностных отношениях.

4. Институциональная неопределенность вызывается противоречивостью в деятельности социальных институтов.

5. Социально-психологическая неопределенность раскрывается путем психологического анализа больших социальных групп [23].

На основе теоретического анализа можно утверждать, что неопределенность представляет собой сложное многоаспектное явление, оказывающее влияние на личность. Она выступает неотъемлемой частью человеческого существования, формируя личное отношение к миру и регулируя поведение в условиях постоянных изменений и новизны. Позиция, которую занимает человек перед лицом неопределенности, варьируется от позитивного принятия и стремления адаптироваться до выраженного неприятия и попыток избежать дискомфорта путём упрощённых эвристических стратегий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Политика / Аристотель [пер. с древнегреческого С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова]. – М. : АСТ : Астрель, 2012. – 393 с.
2. Асмус В.Ф. Античная философия / В.Ф. Асмус. – 3-е изд. – М. : Высшая школа, 2003. – 400 с.
3. Белинская Е.П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности / Е.П. Белинская // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 36. – С. 3.
4. Бутенко Т. П. Субъективная неопределенность жизненных ситуаций: когнитивно-эмоциональные оценки и стратегии поведения: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: спец. 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» / Т.П. Бутенко. – М., 2009. – 27 с.
5. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое / В. Гейзенберг. – М. : Наука, 1990. – 399 с.
6. Кандыбович С.Л. Стратегии психологической безопасности человека в условиях неопределенности / С.Л. Кандыбович // Человеческий капитал. – 2018. – № 8 (116). – С. 63–75.

7. Канеман Д. Принятие решений в неопределенности правила и предубеждения, перевод с английского / Д. Канеман, А. Тверски; под ред. засл. работника высш. шк. Рос. Федерации, д.психол.н., проф. Г.В. Суходольского. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2005. – 629 с.
8. Клейберг Ю.А. Девиантное поведение как реакция на личностную неопределенность / Ю.А. Клейберг // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2015. – № 4 – 5. – С. 8–17.
9. Корнилова Т.В. Неопределенность, выбор и интеллектуально-личностный потенциал человека (в развитие смысловой теории мышления) / Т.В. Корнилова // Методология и история психологии. – 2009. – № 4. – С. 47–59.
10. Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов / Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34. № 3 – С. 89–100.
11. Курчиков Л.Н. Категория неопределенности в философии и ее методологическое значение для современного естествознания: диссертация ... доктора философских наук : 09.00.00 «Философские науки» / Л.Н. Курчикова. – СПб., 1970. – 355 с.
12. Лаврик А.В. Особенности стратегии отражения действительности в ситуации неопределенности жителями городской и сельской местности: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» / А.В. Лаврик. – М., 2014. – 21 с.
13. Ленгле А. Экзистенциальный анализ. Экзистенциальные подходы в психотерапии / А. Ленгле. – М.: Когито Центр, 2020. – 392 с.
14. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности / Д.А. Леонтьев // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, № 40. – С. 2.
15. Марцинковская Т.Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития / Т.Д. Марцинковская // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27. № 3. – С. 77–96. – <http://doi: 10.17759/cpp.2019270306>
16. Марцинковская Т.Д. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение / Т.Д. Марцинковская, Н.С. Полева // Мир психологии. – 2017. – № 1 (89). – С. 24–37.
17. Мэй Р. Смысл тревоги / Р. Мэй; пер. с англ. М.И. Завалова и А.Ю. Сибуриной. – М.: Класс, 2001. – 379 с.
18. Ниязимбетов М.К. Философия неопределенности в контексте сложности / М.К. Ниязимбетов, М.Н. Абдуллаева // *Paradigmata Poznani*. – 2018. – № 3. – С. 19–24.
19. Платон. Диалоги / Платон. – М.: АСТ, 2017. – 317 с.
20. Смирнов С.Д. Образ мира в динамическом контроле неопределенности / С.Д. Смирнов, М.А. Чумакова, Т.В. Корнилова // Вопросы психологии. – 2016. – № 4. – С. 3–13.
21. Соколова О.И. Понятие неопределенности в неклассической науке и философии : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.01 «Онтология и теория познания» / О.И. Соколова – Нижний Новгород, 2021. – 161 с.
22. Франкл В.Э. Доктор и душа / В.Э. Франкл; пер. с англ. [и авт. предисл.] А.А. Борева. – СПб.: Ювента, 1997. – 285 с.
23. Фролов С.С. Фактор неопределенности в оценке состояния социальных отношений / С.С. Фролов // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2019. – № 5(76). – С. 78–86.
24. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм; пер. с англ. А. Александровой. – М.: АСТ, 2018. – 286 с.
25. Хагуров Т.А. Введение в современную девиантологию / Т.А. Хагуров – Ростов/н-Д., 2003. – 343 с.
26. Черноусова Т.В. Стратегии проживания ситуации неопределенности как предмет социально-психологического анализа / Т.В. Черноусова // Психология человека в образовании. – 2022. – №4 (4) – С. 421–434.
27. Ялом И.Д. Экзистенциальная психотерапия / И.Д. Ялом; пер. с англ. Т.С. Дабкина. – М.: Независимая фирма «Класс», 2014. – 574 с.
28. Grupe D.W., Nitschke J.B. (2013). Uncertainty and anticipation in anxiety: an integrated neurobiological and psychological perspective. *Nat. Rev. Neurosci.* 14, 488–501. <http://doi: 10.1038/nrn3524>
29. Hirsh J.B., Mar R.A., Peterson J.B. (2012). Psychological entropy: A framework for understanding uncertainty-related anxiety. *Psychological Review*, 119 (2), 304–320. <http://doi:10.1037/a0026767>.
30. Hogg M.A. (2007). Uncertainty–Identity Theory. *Advances in Experimental Social Psychology* Volume 39, 69–126. [http://doi:10.1016/s0065-2601\(06\)39002-8](http://doi:10.1016/s0065-2601(06)39002-8).
31. Massazza A., Kienzler H., Al-Mitwalli S., Tamimi N., Giacaman R. (2022). The association between uncertainty and mental health: a scoping review of the quantitative literature. *Journal of Mental Health*, 32 (2), 480–491. <https://doi.org/10.1080/09638237.2021.2022620>.

32. Van den Bos K. (2009). Making Sense of Life: The Existential Self Trying to Deal with Personal Uncertainty. *Psychological Inquiry*, 20 (4), 197–217. doi:10.1080/10478400903333411.

REFERENCES

1. Aristotel'. (2012). *Politika* [Politics]. Moscow : AST : Astrel' (in Russian).
2. Asmus V.F. (2003). *Antichnaya filosofiya* [Ancient philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).
3. Belinskaya E.P. (2014). Neopredelennost' kak kategoriya sovremennoj social'noj psixologii lichnosti [Uncertainty as a category of modern social psychology of personality] in *Psixologicheskie issledovaniya* [Psychological research]. Vol. 7, № 36, pp. 3 (in Russian).
4. Butenko T.P. (2009). *Sub'ektivnaya neopredelennost' zhiznenny'x situacij: kognitivno-e'mocional'ny'e ocenki i strategii povedeniya* [Subjective uncertainty of life situations: cognitive-emotional assessments and behavior strategies] (PhD thesis). Higher School of Economics, Moscow (in Russian).
5. Gejzenberg V. (1990) *Fizika i filosofiya. Chast' i celoe* [Physics and Philosophy. Part and whole]. Moscow: Nauka (in Russian).
6. Kandy'bovich S.L. (2018). *Strategii psixologicheskoy bezopasnosti cheloveka v usloviyax neopredelennosti* [Strategies of psychological human security in conditions of uncertainty] in *Chelovecheskij kapital* [Human capital]. Vol. 116, № 8, pp. 63–75 (in Russian).
7. Kaneman D. (2005) *Prinyatie reshenij v neopredelennosti pravila i predubezhdeniya*, [Decision-making in uncertainty, rules and biases] Kharkov : Gumanitarnyj Centr (in Russian).
8. Klejberg Yu.A. (2015) *Deviantnoe povedenie kak reakciya na lichnostnyu neopredelennost'* [Deviant behavior as a reaction to personal uncertainty] in *Psixologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and modern research]. № 4–5, pp. 8–17 (in Russian).
9. Kornilova T.V. (2009). *Neopredelennost', vy'bor i intellektual'no-lichnostny'j potencial cheloveka (v razvitie smy'slovoj teorii my'shleniya)* [Uncertainty, choice and intellectual and personal potential of a person (in the development of the semantic theory of thinking)] in *Metodologiya i istoriya psixologii* [Methodology and history of psychology]. № 4, pp. 47–59. (in Russian)
10. Kornilova T.V. (2013). *Psixologiya neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoj regulyacii reshenij i vy'borov* [Psychology of uncertainty: the unity of intellectual and personal regulation of decisions and elections] in *Psixologicheskij zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 34. № 3, pp. 89–100 (in Russian).
11. Kurchikov L.N. (1970). *Kategoriya neopredelennosti v filosofii i ee metodologicheskoe znachenie dlya sovremennogo estestvoznaniya* [The category of uncertainty in philosophy and its methodological significance for modern natural science] (Doctoral dissertation). Saint Petersburg State University. Saint Petersburg (in Russian).
12. Lavrik A.V. (2014). *Osobennosti strategii otrazheniya dejstvitel'nosti v situacii neopredelennosti zhitel'nykh gorodskoj i sel'skoj mestnosti* [Features of the strategy of reflecting reality in a situation of uncertainty by residents of urban and rural areas] (PhD thesis). University of the Russian Academy of Education. Moscow (in Russian).
13. Lenge A. (2020). *E'kzistencial'ny'j analiz. E'kzistencial'ny'e podxody v psixoterapii* [Existential analysis. Existential approaches in psychotherapy]. Moscow: Kogito Centr (in Russian).
14. Leont'ev D.A. (2015). *Vy'zov neopredelennosti kak central'naya problema psixologii lichnosti* [The challenge of uncertainty as a central problem of personality psychology] in *Psixologicheskie issledovaniya* [Psychological research]. Vol. 8, № 40, pp. 2 (in Russian).
15. Marcinkovskaya T.D. (2019). *Informacionnoe prostranstvo tranzitivnogo obshchestva: problemy i perspektivy razvitiya* [Information space of a transitive society: problems and prospects of development] in *Konsul'tativnaya psixologiya i psixoterapiya* [Consultative psychology and psychotherapy]. Vol. 27. № 3, pp. 77–96. <http://doi: 10.17759/cpp.2019270306> (in Russian)
16. Marcinkovskaya T.D. (2017). *Pokoleniya e'poxi tranzitivnosti: cennosti, identichnost', obshhenie* [Generations of the era of transitivity: values, identity, communication] in *Mir psixologii* [The world of psychology]. Vol. 89, № 1, pp. 24–37 (in Russian).
17. Me'j R. (2001). *Smy'sl trevogi* [The meaning of anxiety]. Moscow: Klass (in Russian).
18. Niyazimbetov M.K. (2018). *Filosofiya neopredelennosti v kontekste slozhnosti* [Philosophy of uncertainty in the context of complexity] in *Paradigmata Poznani*. № 3, pp. 19–24 (in Russian).
19. Platon (2017). *Dialogi* [Dialogues]. Moscow: AST (in Russian).
20. Smirnov S.D. (2016). *Obraz mira v dinamicheskom kontrole neopredelennosti* [The image of the world in the dynamic control of uncertainty] in *Voprosy psixologii* [Questions of psychology]. № 4, pp. 3–13 (in Russian).
21. Sokolova O.I. (2021). *Ponyatie neopredelennosti v neklassicheskoy nauke i filosofii* [The concept of uncertainty in nonclassical science and philosophy] (PhD dissertation). Lobachevsky State University. Nizhny Novgorod (in Russian).

22. Frankl V.E'. (1997). Doktor i dusha [The Doctor and the soul]. St. Petersburg: Yuventa (in Russian).
23. Frolov C.S. (2019). Faktor neopredelennosti v ochenke sostoyaniya social'ny'x otnoshenij [The uncertainty factor in assessing the state of social relations] in POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskustvo. Sociologiya. Kul'tura [SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture]. Vol.75, № 5 (76), pp. 78–86 (in Russian).
24. Fromm E'. (2018). Begstvo ot svobody' [Escape from freedom]. Moscow: AST (in Russian).
25. Xagurov T.A. (2003). Vvedenie v sovremennuyu deviantologiyu [Introduction to modern deviantology]. Rostov-on-Don (in Russian).
26. Chernousova T.V. (2022). Strategii prozhivaniya situatsii neopredelennosti kak predmet social'no-psixologicheskogo analiza [Strategies for living in situations of uncertainty as a subject of socio-psychological analysis] in Psixologiya cheloveka v obrazovanii [Human psychology in education]. Vol. 4. №4, pp. 421–434 (in Russian).
27. Yalom I.D. (2014). E'kzistencial'naya psixoterapiya [Existential psychotherapy]. Moscow: independent firm «Klass» (in Russian).
28. Grupe D.W., Nitschke J.B. (2013). Uncertainty and anticipation in anxiety: an integrated neurobiological and psychological perspective. Nat. Rev. Neurosci. 14, 488–501. <http://doi: 10.1038/nrn3524> (in English).
29. Hirsh J.B., Mar R.A., Peterson J.B. (2012). Psychological entropy: A framework for understanding uncertainty-related anxiety. Psychological Review, 119 (2), 304–320. <http://doi:10.1037/a0026767> (in English).
30. Hogg M.A. (2007). Uncertainty–Identity Theory. Advances in Experimental Social Psychology Volume 39, 69–126. [http://doi:10.1016/s0065-2601\(06\)39002-8](http://doi:10.1016/s0065-2601(06)39002-8) (in English).
31. Massazza A., Kienzler H., Al-Mitwalli S., Tamimi N., Giacaman R. (2022). The association between uncertainty and mental health: a scoping review of the quantitative literature. Journal of Mental Health, 32 (2), 480–491. <https://doi.org/10.1080/09638237.2021.2022620> (in English).
32. Van den Bos K. (2009). Making Sense of Life: The Existential Self Trying to Deal with Personal Uncertainty. Psychological Inquiry, 20 (4), 197–217. doi:10.1080/10478400903333411 (in English).

Поступила в редакцию 27.05.2025 г.

PSYCHOLOGY OF UNCERTAINTY: ORIGIN AND MODERNITY

E.V. Chukanov

The modern world is characterized by constant changes, the pace of life acceleration and an increase in the volume of information, which causes global uncertainty. This phenomenon has a significant impact on consciousness and behaviour, forming various approaches to the perception of uncertainty, from acceptance to active resistance. Historically, philosophy has been addressing this issue since antiquity, exploring it in the context of the search for the original. In the works of medieval philosophers, uncertainty is a subjective trait. During the twentieth century, uncertainty began to be studied not only in philosophy and religion, but also in the natural sciences. Alongside, an information-theoretical concept offering methods of quantifying uncertainty is being developed. Psychology of the second half of the 20th century focuses on human perception of uncertainty, highlighting its role in shaping self-esteem, motivation, and decision-making. Modern researchers consider uncertainty as a factor affecting an individual's health and well-being. The importance of cultural norms and social structures in reducing anxiety associated with uncertainty is brought into the open.

Keywords: uncertainty, decision-making, anxiety, social uncertainty, social transformations, transitivity, social cognition, reflection.

Чуканов Евгений Валериевич.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Старший преподаватель кафедры общей
психологии.

ORCID 0009-0003-0237-767X.

E-mail: e.v.chukanov@mail.ru.

Chukanov Evgeniy Valerievich.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Senior Lecturer of General Psychology Department.

ORCID 0009-0003-0237-767X.

E-mail: e.v.chukanov@mail.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящихся к следующим отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.3. Теория литературы;

5.9.5. Русский язык. Языки народов России;

5.9.6. Языки народов зарубежных стран;

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;

5.9.9. Медиакommunikации и журналистика.

5.3. Психология:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии;

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

2. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, а также статьи, не соответствующие редакционным требованиям или тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В журнале публикуются исключительно актуальные, написанные в год подачи в редколлегию материалы.

3. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных статей, за исключением случаев явного недоразумения. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов. Корректур статей авторам не высылаются.

4. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

5. На адрес редколлегии (vi.terkulov@mail.ru) во вложениях к письму присылаются следующие документы:

5.1. **Электронный текст статьи** (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf), не превышающий диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков). Список литературы, список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Дьякова_статья».

5.2. **Текст для оглавления.** В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются курсивом через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт). Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Дьякова_для_оглавления»).

Образец

Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского

Diakova T.A. Historicisms as Linguistic Realias with Sociocultural Component in Works by Mikhail Matusovsky

5.3. **Согласие на обработку данных** (высылается автору после приема статьи к публикации).

6. **ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:**

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчеркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, можно, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «..."..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделенное пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

7. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Перед УДК отдельной строкой слева указывают тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– Текст DOI: (индекс DOI присваивается редколлегией).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); в случае, если необходимо привести благодарность или указание на источник финансирования статьи, это делается в пристраничной сноске к названию.

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии)

– На следующей строке: полное официальное название организации (курсив).

– На следующей строке ORCID автора.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования. Ключевые слова:** (это словосочетание – полужирным курсивом) (8–15 слов).

– Через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»).

Образец оформления начала статьи:

Научная статья

УДК 81:112

DOI:

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2024 Т.А. Дьякова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

ORCID 0000-0002-8440-7806

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда

и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для цитирования: Дьякова Т.А. Историзмы как лингвистические реалии с социокультурным компонентом в текстовом пространстве Михаила Матусовского / Т.А. Дьякова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 202X. – № X. – С. XX-XX. – <https://doi.org/>

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников – список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т.д.). Список источников приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т.п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала – работы на русском языке, затем – на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Ссылка на источник дается в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева М. Г. О тождестве слова / М. Г. Арсеньева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович // Научные доклады высшей школы: филологические науки. – 1965. – № 2. – С. 59-68.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
3. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
4. Богданова Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 Русский язык / Богданова Елена Александровна ; ВГУ. – Воронеж, 2019. – 324 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml (дата обращения: 25.10.2024).
6. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
7. Николаева Т.А. Социокультурный аспект гендерной маркированности якутских фразеологизмов / Т.А. Николаева, Л.М. Готовцева // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2024. – Вып. 1 (43). – С. 20-31. – <http://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-1-20-31>.
8. Теркулов В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. – 2023. – Т. 21. № 1. – С. 79–96. – <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-79-96>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

9. Ипатова О. Золотая жрица Ашвинов О. Ипатова / О. Ипатова // Ольгердово копьё: романы. – Минск: Беллитфонд, 2002. – С. 3–299.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепеничь / Гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, Ленинградское отд., 1972. – 370 с.

После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) дается список **References**, в котором используется формат АРА с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате АРА. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после нее. Примеры оформления:

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznanii. Drevneiranskii iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka. (In Russian)
 2. Berezovich, E. L. (2007). Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik. (In Russian)
 3. Blasco Ferrer, E. (1993). Tracce indeuropee nella Sardegna nuragica? [Indo-European Traces in Nuragic Sardinia?]. *Indogermanische Forschungen*, 98, 177–185. <http://doi.org/10.1515/9783110243390.177> (In Italian)
- Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>. (In German).

4. Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: The Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
5. Harvalík, M. (2004). Synchronní a diachronní aspekty české onymie [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia. (In Czech).
6. Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When A Proper Name Takes An Article: The Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205. (In French).
7. Koznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint. (In Russian)
8. Lysova, E. V. (2002). *Ornitoniimiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg. (In Russian)
9. Pharies, D. (2002). The Origin and Development of the Spanish Suffix -azo. *Romance Philology*, 56 (1), 41–50. <http://doi.org/10.1484/J.RPH.2.304495> (In English).
10. Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.
11. Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). *Berestiane gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g.* [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 4, 3–11. (In Russian)

– После курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию* xx.xx.20xx г.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по левому краю, без абзаца),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words:** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине, с абзацем 1 см.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание левой стороне, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (**без всяческих ФГБОУ ВО** и без выделения).
- Должность (без выделения).
- ORCID
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна.
Кандидат филологических наук, доцент.

Diakova Tatiana Alekseevna.
Candidate of Philology, Associate Professor.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, Российская Федерация, г. Луганск.

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky, The Russian Federation, Lugansk.

Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines.

ORCID 0000-0002-8440-7806.

E-mail: diako122@rambler.ru

8. Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных и других сведений.

10. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, заведующий кафедрой клинической психологии Донецкого государственного университета (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2025. – № 4

На русском и английском языках

Технический редактор: Д.И. Борозенец